

А.П. Клемешев

ЭКСКЛАВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Избранные публикации

Издательство
Российского государственного университета им. Иммануила Канта
2007

УДК 327
ББК 66.4
К48

Клемешев, А.П.
К48 Эксклавность в условиях глобализации : избранные публикации. — Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. — 354 с.
ISBN 978-5-88874-780-3

Книга «Эксклавность в условиях глобализации» — избранные публикации доктора политических наук, профессора А.П. Клемешева, посвященные методологическим, теоретическим и прикладным аспектам развития эксклавных территорий в условиях глобализации и регионализации. Анализируются и противоречия этих территорий, в частности потенциальная конфликтогенность эксклавов и способы ее преодоления. Большое внимание уделено выработке региональной стратегии российского эксклава на Балтике — Калининградской области, возможностям ее развития как региона сотрудничества Российской Федерации и Европейского союза, а также вопросам формирования калининградского социума в условиях эксклавности.

Предназначена для специалистов в сфере общественных наук, прежде всего политологов и социологов, занимающихся проблемами региональной политики.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-88874-780-3 © РГУ им. И. Канта, 2007

О КНИГЕ

Вниманию читателей предлагаются избранные публикации профессора А. П. Клемешева, который разрабатывает важную для политологии тематику – соотношение глобализации и регионализации на материалах эксклавных территорий, особенно Калининградской области.

Для материалов книги характерно удачное соединение теории и практики. Глобализация, регионализация и эксклавы как территории, где взаимодействие этих процессов проявляется особенно отчетливо, – ее теоретическая ось. Россия, Европейский союз и Калининградская область как своеобразный мост между ними – прикладной аспект.

Первый раздел книги посвящен анализу особенностей развития эксклавов в условиях глобализации. Эксклавы – территории, отделенные от материнской страны зарубежными государствами, – представляют собой инородные включения в политическое пространство окружающих их стран. Управление эксклавами затруднено из-за их пространственной отделенности от основной территории. В отношении эксклава не всегда можно принять управленческие решения, применимые к внутренним регионам.

Эксклавы являются очень интересным объектом теоретического анализа, поскольку в них особенно ярко проявляются многочисленные противоречия современного мира. С одной стороны, это противоречия между Центром и регионами, которые в эксклавах приобретают дополнительную остроту. Здесь нередко возникают сепаратистские движения. С другой стороны, речь идет о конфликтных ситуациях в международных отношениях, когда ограничения доступа в эксклав нередко провоцируют даже вооруженные действия. В то же время специфика географического положения эксклавов является предпосылкой расширения трансграничной кооперации, углубления сотрудничества между странами.

Автором раскрыты важнейшие противоречия в развитии эксклавов: конфликтогенность вследствие противоречия интересов взаимодействующих по их поводу акторов, характерный для региональных социумов синдром эксклава, угрозы автаркии и сепаратизма.

Во втором разделе рассматриваются принципы и особенности формирования региональной стратегии развития российского эксклава на Балтике – Калининградской области. Как показывает А. П. Клемешев, стратегия развития эксклавных территорий не может не отличаться от стратегий, характерных для регионов, расположенных в основной части страны. Она должна в большей мере учитывать меж-

дународные отношения, возможности трансграничного сотрудничества и в то же время обеспечивать экономическую безопасность эксклава.

Спецификой Калининградской области является то, что на ее территории действует закон «Об Особой экономической зоне», представляющий собой своеобразный механизм компенсации эксклавности региона. Но наличие зонального механизма само по себе не гарантирует решения региональных социально-экономических проблем. Обеспечение устойчивого и динамичного развития региона возможно лишь в том случае, если оно будет отвечать общероссийским интересам. Кроме того, должны быть учтены и интересы зарубежных партнеров, прежде всего ближайших соседей области.

Третий раздел включает материалы, связанные с формированием регионального социума в условиях эксклавности. Одна из угроз стабильности социума состоит в том, что эксклавный российский регион находится не просто в окружении зарубежных стран, а на границе российской и западной цивилизаций.

Наиболее интересны здесь анализ результатов социологических исследований, касающихся самоидентификации жителей Калининградской области, и оценка предпосылок возникновения регионального сепаратизма. Показывая возможные угрозы распространения сепаратистских настроений при гипотетическом ухудшении социальной обстановки, автор констатирует отсутствие заметных оснований для сепаратизма в настоящее время.

В четвертом разделе речь идет об определении места Калининградской области в отношениях России и ЕС, о возникающих трудностях обеспечения ее жизнедеятельности в окружении ЕС и НАТО и о возможностях развития области как региона сотрудничества РФ и ЕС.

А. П. Клемешев доказывает необходимость комплексного подхода к региону с учетом всех переплетающихся здесь интересов, что означает разработку перспективной модели устойчивого развития региона в общероссийском политическом, экономическом и культурном пространстве, с учетом зарубежного окружения области. Такой подход предполагает подготовку документов, создающих институциональную основу преодоления конфликтогенности российского эксклава и обеспечения его устойчивого развития.

Уверен, что книга А. П. Клемешева вызовет большой интерес у представителей общественных наук, особенно у политологов и социологов, занимающихся проблемами региональной политики.

А. Ю. МЕЛЬВИЛЬ, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки, проректор по научной работе МГИМО(У)

Предлагаемая читателям книга издается в связи с юбилеем ректора Российского государственного университета имени Иммануила Канта (до 2005 г. – Калининградский государственный университет), доктора политических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации Андрея Павловича Клемешева. Здесь помещены наиболее важные научные статьи и выдержки из опубликованных им монографий, посвященные изучению проблемы эксклавности в условиях глобализации. Благодаря трудам А. П. Клемешева и создано это междисциплинарное научное направление, в котором на основе теоретического анализа протекающих в мире социальных, экономических и политических процессов объясняются особенности функционирования эксклавов – территорий, отделенных от материнского государства зарубежными странами. Особое внимание уделяется российскому эксклаву на Балтике – Калининградской области, где родился, живет и работает юбиляр.

Калининград – родной город А. П. Клемешева. Здесь он родился 18 июля 1957 г., учился в школе №1 и поступил на исторический факультет Калининградского государственного университета, с которого был направлен для завершения обучения на исторический факультет Ленинградского государственного университета. Закончив его в 1979 г. с отличием, он поступил в аспирантуру ЛГУ. После ее окончания в 1982 г. А. П. Клемешев вернулся в Калининград, на преподавательскую работу в КГУ. Диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук он защищал в 1983 г. в Ленинградском госуниверситете.

Характерный для А. П. Клемешева комплексный подход к исследованию регионов, лежащий в основе изучения и такого их специфического типа, как эксклавы, был заложен уже во время его работы заместителем директора НИИ Комплексного исследования регионов при Калининградском госуниверситете (НИИКИР). Этот институт был создан в 1992 г. в связи с необходимостью всестороннего изучения меняющихся условий развития Калининградской области, и в нем работали представители различных наук.

В НИИКИРе сложился сильный исследовательский коллектив, включавший многих известных в регионе и за его пределами специалистов. Директором института был В. С. Бильчак, защитивший докторскую диссертацию по экономическим наукам, занимавший должность декана экономического факультета, а в настоящее время – заведующего кафедрой управления народным хозяйством. Заместителем директора по научной работе был кандидат экономических наук В. П. Никитин, известный в регионе политик, избиравшийся впоследствии депутатом Государственной думы РФ в 1995, 1999 и 2003 гг. Экономико-географические исследования возглавлял заведующий кафедрой социально-экономической географии и геополитики доктор географических наук Г. М. Федоров, который в 1994–1998 гг. был ректором университета, а в 1990–1994 гг. и с 2003 г. – проректором по научной работе. А. П. Клемешев возглавлял в институте лабораторию социологических исследований и организовывал первые в регионе глубокие исследования калининградского социума.

Главные достижения НИИКИРа – разработка концепции экономической самостоятельности Калининградской области (1991), региональной стратегии развития системы образования (1992, 1997), стратегии развития курортно-рекреационного комплекса области (1993). Постепенно стало складываться понимание специфики эксклавности не просто как удаленности от метрополии, а как усложнения доступности региона в связи с необходимостью транзита через территории зарубежных государств при осуществлении коммуникаций с основной частью страны.

С середины 1990-х гг. стали выполняться важные для региона международные проекты. В 1996–1998 гг. А. П. Клемешев активно участвовал в разработке проекта PROMETEE-2 (Глобальный план развития Калининградской области) в рамках международной программы Tacis. В состав исследовательской группы КГУ входили В. С. Бильчак, Г. М. Федоров, Л. И. Сергеев, В. В. Ивченко, В. Н. Брюшинкин, И. С. Кузнецова, В. С. Корнеевец, А. М. Чуйкин, Ю. М. Зверев, Е. Г. Кропинова и др. Главными партнерами были Институт экономики переходного периода (в том числе такие известные специалисты, как В. А. Мау, ставший затем ректором Академии народного хозяйства, А. В. Улюкаев, И. В. Колосницин, А. Д. Радыгин, Е. В. Серова, С. Г. Синельников-Мурылев,

С. В. Шишкин и др.) и Гренобльский университет им. Пьера Мендеса Франса (руководитель проекта Иван Самсон, Жак Фонтанель, Лилиан Бенсаэль, Эрик Брюна, Клод Курле и др.). В проекте участвовали и такие известные специалисты по проблемам регионального развития, как Ф. Хансон из Бирмингема (Великобритания), У. Кивикари из Хельсинки (Финляндия), Э. Кнаппе из Лейпцига (Германия). Полученные результаты внесли значительный вклад в разработку стратегии социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества России и ЕС. При выполнении проекта А. П. Клемешев, руководивший социальным блоком, обратил внимание на необходимость социальной ориентации стратегии регионального развития и важность понимания специфики социума при проведении культурной политики в регионе.

Став в 1998 г. ректором университета, А. П. Клемешев продолжил формирование исследовательского коллектива, нацеленного на комплексные региональные исследования и определение места и роли Калининградской области в Балтийском регионе. В 2001 г. при университете был создан Балтийский межрегиональный институт общественных наук (БалтМИОН). Он входит в сеть из девяти таких институтов при университетах в Великом Новгороде, Воронеже, Владивостоке, Екатеринбурге, Иркутске, Калининраде, Ростове-на-Дону, Саратове и Томске. В Москве и Санкт-Петербурге находятся ресурсные центры – МГИМО(У) и СПбГУ. Работу координирует ИНО-Центр (ИНО означает: Инновации. Наука. Образование) под председательством известного московского политолога А. В. Кортунова. В наблюдательный совет программы МИОНов входят ректоры университетов, при которых образованы институты.

Научная тематика БалтМИОНа – «Россия и Европа: прошлое настоящее, будущее». А. П. Клемешев является научным руководителем института. Три научных направления – философское, социально-экономическое и педагогическое – возглавляют, соответственно, профессора В. Н. Брюшинкин и Г. М. Федоров, доцент И. Ю. Кукса. Исполнительный директор БалтМИОНа – доцент В. С. Корнеевец. В работе института активно участвуют известные ученые различных специальностей, возглавляя конкретные про-

екты. Среди них доктор философских наук Л. А. Калинников, доктор экономических наук В. С. Бильчак, доктор исторических наук Г. В. Кретинин, доктор социологических наук В. В. Кривошеев, доктор психологических наук И. Н. Симаева и др. Научные исследования по актуальной проблематике взаимодействия России и Евросоюза способствуют повышению вклада университета в укрепление российской государственности и культуры в эксклавном регионе РФ, окруженном странами ЕС.

Проблемы эксклавности изучаются также кафедрой политологии и социологии, которой А. П. Клемешев заведует с 2003 г., и другими кафедрами РГУ им. И. Канта (философии и логики, философии и культурологии, социально-экономической географии и геополитики, управления народным хозяйством, экономики народного хозяйства). Специальные обследования осуществляют социологическая лаборатория, Центр европейской документации и Центр мониторинга рынка труда. На межкафедральной основе в 2007 г. выполняются 8 международных проектов по исследованию проблем развития российского эксклава в условиях интенсификации транснациональной кооперации в Балтийском регионе.

Исследования Балтийского региона выполняются в тесном контакте с такими известными российскими учеными, как А. Ю. Мельвиль и О. В. Буторина (МГИМО), В. Г. Барановский и А. П. Гутник (ИМЭМО) и др., в кооперации с исследовательскими группами из Польши, Литвы, Германии, Швеции, Финляндии, Дании.

Выполнение сетевых проектов с участием ученых из других межрегиональных институтов, из Москвы и Санкт-Петербурга, в контакте с зарубежными учеными, способствовало выявлению А. П. Клемешевым проблем эксклавности в международном аспекте, в связи с развитием процессов глобализации и регионализации. В результате им было создано новое научное направление, в рамках которого работают и публикуют статьи и книги политологи, социологи, философы, историки, географы, филологи, экономисты не только РГУ им. И. Канта, но и других российских научных центров. Из 117 опубликованных А. П. Клемешевым научных работ (включая 18 монографий) свыше 50 посвящены этой проблематике. Его монография «Российский экс-

клав в условиях глобализации» получила третью премию Российской ассоциации политических наук на Всероссийском конкурсе научных работ в 2006 г.

В 2006 г. А. П. Клемешев защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора политических наук на тему «Проблема эксклавности в условиях глобализации (на примере Калининградской области)» по специальности «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (политические науки)». А в начале 2007 г. ему присвоено ученое звание профессора по кафедре политологии и социологии.

Успешной разработке возглавляемой А. П. Клемешевым научной проблематики способствуют активные партнерские связи университета с ведущими российскими и европейскими вузами. А. П. Клемешев представляет РГУ им. И. Канта в Совете ректоров Европы, Ассоциации европейских университетов, региональной сети вузов Балтийского моря, российском Союзе ректоров, Совете ректоров вузов Северо-Запада, Ассоциации классических университетов России. Он также является членом межведомственного Совета по образованию под председательством министра образования и науки России А. А. Фурсенко и членом Президиума Российской ассоциации международных исследований, а в 2004–2005 гг. был членом Совета по науке, технологиям и образованию при Президенте Российской Федерации. А. П. Клемешев – председатель Совета ректоров вузов Калининградской области.

А. П. Клемешев возглавляет редакционный совет журнала «Вестник РГУ им. И. Канта» и входит в состав редколлегий журналов «Новый часовой» (Санкт-Петербург») и «Космополис» (Москва).

«Россиеведение и европеистика» – один из пяти кластеров инновационно-образовательных технологий, вошедших в состав заявки РГУ им. И. Канта на участие в конкурсе 2007 г. в рамках национального проекта «Образование» по отбору учреждений высшего профессионального образования, активно внедряющих инновационные образовательные программы. Университет, возглавляемый А. П. Клемешевым, вошел в число победителей конкурса, и часть средств, получаемых его по результатам из феде-

рального бюджета, направляется на развитие данного кластера. Это будет способствовать дальнейшему расширению исследований по актуальным научным направлениям, включая изучение проблем эксклавности в условиях глобализации.

Научные исследования являются немаловажной частью заслуг А. П. Клемешева, за которые ему в 2004 г. присвоен нагрудный знак «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», а в 2006 г. – почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

В. С. Корнеевец, И. Ю. Кукса,
Г. М. Федоров, В. Н. Худенко

ЭКСКЛАВ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

1. АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭКСКЛАВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Проблемам соотношения глобализации и регионализации уделяется все большее внимание в политологических исследованиях пространственной организации мира. Но сравнительно недавнее появление самого термина «глобализация», отражающее новизну процесса, объясняет его недостаточную изученность. Еще в большей степени это относится к регионализации, к которой как феномену глобализации исследователи обратились еще позднее. Поэтому теоретические положения глобализации и регионализации пока недостаточно обоснованы, и многие актуальные проблемы еще предстоит разрешить.

К их числу относится проблема эксклавности, в которой в концентрированном виде сфокусированы многие противоречия современного мирового развития. Хотя эксклавность все более активно изучается специалистами различных отраслей знаний – политологии, социологии, географии, истории – научное обоснование развития эксклавов и прогнозирование их будущего только складывается в теорию эксклавности. Причина заключается в том, что эксклавы как особый вид регионов являются узлами концентрации интересов многочисленных акторов. И изучение эксклавов, в силу высокой степени концентрации процессов политических взаимодействий на небольшой замкнутой территории, позволяет лучше понять тенденции таких мировых процессов, как глобализация и регионализация, проследить изменения в характере международных отношений.

---

* *Клемешев А. П.* Глобализация, регионализация и проблемы эксклавов: Учебное пособие. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005.

2. ЭКСКЛАВЫ И СОВРЕМЕННАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ СИСТЕМА*

Под *эксклавом* понимается часть государства, отделенная от него территориями зарубежных стран и не имеющая с ним сухопутного сообщения без пересечения межгосударственных границ. При такой трактовке *эксклавность*ъ становится одной из разновидностей *территориальности* – пространственного проявления политической организации вообще и современной государственности в особенности. Соответственно, исходной категорией анализа выступает нация-государство как основной актор современной международной системы. Данная категория нередко интерпретируется в логике государствоцентричной, *Вестфальской,* модели (системы) мира. Принято считать, что в рамках Вестфальской системы государство обладает всей полнотой власти на своей территории (суверенитет), само определяет внутреннюю и внешнюю политику, руководствуется принципом невмешательства во внутренние дела других государств и взаимодействует с ними по принципу «бильярдных шаров»[1]. Очевидно, что подобное государство является не более чем теоретической конструкцией. Подавляющая часть стран мира с трудом подверстываются под этот «идеальный тип», а некоторые политические системы – так называемые «несостоявшиеся государства» – отличаются от него кардинально. Тем не менее такого рода представления, сложившиеся еще в первой половине прошлого века и отражавшие недолгую гегемонию государств, стремившихся к крупной и ясной территориальной нарезке (что выразилось в «рационализа-

---

* *Клемешев А.П.* Трансформация эксклавности в условиях политической глобализации // Полис. 2005. №4. С. 143–158.

[1] *Walters A.* Discord and Collaboration. Baltimore, 1962.

ции» границ от Версаля через Мюнхен к Потсдаму), все еще господствуют и в политической науке, и в политической практике.

На деле международные системы далеки от схематизма государствоцентричной модели[1], и принципы построения оформившегося в результате Вестфальского мира 1648 г. порядка гораздо сложнее. Мало того, нынешняя конфигурация международной системы напоминает скорее конфигурацию середины XVII столетия, чем середины XX[2]. Современную политическую территориальность уже нельзя интерпретировать в духе целостных «лоскутов», скрепленных однородным режимом. Она предполагает более глубокое понимание, учитывающее неоднородность политической организации отдельных стран и регионов мира. Уже в 60-е гг. прошлого века в политике отчетливо обозначился регионалистический поворот, который был зафиксирован рядом политологов[3]. Достижения политической науки последних десятилетий позволяют обратиться к изучению «прерывистой» политической территориальности, в частности эксклавов и анклавов. В условиях существенного усложнения политических процессов на различных уровнях и появления феномена мировой политики[4] актуальность данной проблематики не вызывает сомнений.

---

[1] *Spruyt H.* The Sovereign State and Its Competitors. An Analysis of Systems, 1994.

[2] *Holsti K.J.* International Politics. A Framework for Analysis. New Jersey, 1995.

[3] См.: *Роккан С., Урвин Д.* Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // Логос. 2003. №6.

[4] См.: *Богатуров А.Д.* Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. №1; *Ильин М.В.* Слуга двух господ (о пересечении компетенций политической науки и международных исследований) // Полис. 2004. №5; *Лебедева М.М.* Проблемы развития мировой политики // Там же; *Мельвиль А.Ю.* Еще раз о сравнительной политологии и мировой политике // Там же.

3. РОЛЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ ЭКСКЛАВОВ*

Все социально-экономические процессы в современном мире развиваются под определяющим влиянием глобализации, представляющей собой «расширение, углубление и ускорение общемировых связей»[1]. Эти связи – экономические, политические, социальные – приобретают все большее, определяющее значение в мировом развитии. Они воздействует и на развитие эксклавов, включая Калининградскую область.

Экономическая глобализация основывается на интеграции национальных рынков капиталов, товаров, услуг и финансовых инструментов, которые ускоряются под воздействием конкуренции на уровне инновационных технологий. Глобальная экономика – **«это экономика, способная работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты»**[2].

Экономическая глобализация является фактором политической и социальной глобализации.

Политическая глобализация означает, как полагают многие исследователи, размывание или даже, как утверждают некоторые, начало конца так называемой Вестфальской модели мира – системы, в которой ведущими акторами являются национальные государства. Глобализационные процессы изменили мировую систему. Государственный суверенитет, ранее бывший незыблемым, подвергся ограничениям как «сверху» (со стороны международных организаций и институтов, включая транснациональные корпорации), так и «снизу» (со стороны активно выходящих на международную арену внутригосударственных регионов). По мнению так называемых *гиперглобалистов*, глобализация означает начало новой эпохи человеческой истории, когда «традиционные национальные государства становятся неестественными и даже невозможными коммерческими единицами мировой экономики», и

---

* *Клемешев А.П.* Калининградская область в российско-европейском диалоге // Космополис. 2005. №3 (13). С. 57–72.

[1] *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Д.* Глобальные трансформации: политика, экономика, культура. М., 2004.

[2] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, власть и общество. М., 2000.

«…власть все больше переходит к другим институтам и объединениям, к местным и региональным органам»[1].

В новых условиях существуют предпосылки к трансформации прежних национальных государств в государства нового типа, включающих в себя макрорегиональные геоэкономические пространства. Этому способствует процесс *социальной* глобализации, следствием которого является консолидация государств не только на геоэкономической, но и на цивилизационной основе.

Что касается западной цивилизации, то различия Старого и Нового света достаточно серьезны для того, чтобы задуматься об их не только количественном, но и качественном характере, и это подтверждает формирование и развитие Европейского союза. Если процессы обособления Европы продолжатся, а Россия (что становится все более явным) не сможет войти на полноправной основе в процессы европейской интеграции, то эксклавная Калининградская область, находящаяся на границе двух больших экономических, цивилизационных и политических пространств, может оказаться в крайне сложном положении.

Применительно к калининградскому эксклаву имеются две возможности преодоления трудностей социально-экономического развития региона, снижения потенциала его конфликтогенности. Первый из них связан с более активным социально-экономическим и политическим взаимодействием России и ЕС. Этому способствует взаимодополняемость экономик двух больших экономических пространств наряду с наличием общих черт цивилизационного характера и общих политических интересов обеспечения военной безопасности.

Эксклавность, понимаемая как отделенность территории от «материнского» экономического, политического и социокультурного пространства политическими границами, создает немало проблем для соответствующих регионов и сама по себе является фактором, тормозящим региональное развитие. В этой связи, казалось бы, следует приветствовать вовлечение эксклавов в процесс глобализации с уменьшением на мировой арене роли государств с их границами. То есть, поскольку глобализация предполагает если и не полное исчезновение, то значительное «размыва-

[1] *Кастельс М.* Указ. соч.

ние» национальных границ, это облегчает коммуникации в мировом пространстве.

Однако глобализация порождает регионализацию, причем на двух уровнях: когда в макрорегионы объединяются государства и когда внутри государств выделяются микрорегионы, превращающиеся в самостоятельные субъекты с их собственными отношениями между собой, с соответствующими государствами и другими акторами, действующими в глобальном пространстве. Между макрорегионами формируются новые границы, ограждающие интегрированные в экономические и политические союзы страны. Эти границы иногда оказываются очень прочными (применительно к ЕС даже употребляется термин «крепость Европа»). А если будут и впредь упрочиваться связи внутри цивилизационных пространств, которые смогут превратиться в надгосударственные образования, положение калининградского эксклава на разломе двух цивилизаций может вызывать серьезную обеспокоенность.

Ключевым для определения перспектив развития Калининградской области является ответ на вопрос: что окажется сильнее – цивилизационные различия или интеграция на региональном уровне?

Одним из цивилизационных пространств, по сути, становится Европейский союз, продолжающий расширять свои границы, постепенно включая в свой состав все большее количество стран. Неудобства от расширения Евросоюза уже испытывают его «ближайшие соседи», включая Россию.

Калининградская область уже испытала негативное воздействие расширения ЕС на восток, когда вошедшие в него страны установили на границе более жесткий режим – как для передвижения граждан, так и для перемещения товаров. Ухудшились возможности приграничной торговли, введен визовый режим посещения российскими гражданами вошедших в ЕС стран. И пока неясно, как будут дальше строиться отношения между Россией и ЕС, а потому не определена и роль Калининградской области в развитии этих отношений.

Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Россией и ЕС (1994 г.) как будто определило пути интеграции двух экономических пространств. Но, как отмечают специалисты, СПС не выполняется обеими сторонами. ЕС не упраздняет антидемпинговый режим, облегчить доступ ряда видов российских товаров на свой рынок (химические продукты, рыбопродукция,

пушнина и др.). РФ не меняет предусмотренный СПС торговый и таможенный режим, не создает условий для учреждения и деятельности компаний, движения капитала и текущих платежей. А главное, даже не начались консультации по созданию зоны свободной торговли[1].

В настоящее время широко распространено мнение, что «…за 10 лет Россия и Евросоюз накопили значительный опыт взаимодействия, однако не добились изначально поставленных целей, а именно сблизить на основе европейских стандартов политико-экономические системы. Сегодня следует констатировать: векторы развития России и ЕС не совпадают»[2].

Существует и иная точка зрения, исходящая из того, что «Россия и ЕС настолько прочно связаны друг с другом, что обречены на активное взаимодействие»[3].

Имеются и другие далеко идущие мнения о связях Россия – ЕС и роли Калининградской области в их упрочении: «Миссия Калининградской области состоит в том, чтобы не только стать органичной частью Европы по уровню и качеству жизни, но и помочь реализовать национальный интерес России – окончательно вернуться в Европу»[4].

Мы согласны с точкой зрения, что «Россия уже обладает большей частью специфически европейских черт (правда, развитых пока слабо) и стремится усилить это сходство». Главное, чего не хватает российской хозяйственной системе для того, чтобы она стала рыночной, сопоставимой с европейской, – «прежде всего предпринимательский дух широких кругов населения и культура хозяйственного поведения, основывающаяся на договорном праве»[5].

Калининградская область продвинулась в решении этой проблемы, возможно, несколько дальше по сравнению с большинст-

---

[1] *Гутник В.* От партнерства к ассоциации? // Европейский союз в российской политике. Pro et contra. Зима 2003. Т. 8. №1. С. 16.

[2] *Лукьянов Ф.* В обзоре: «Россия и Европа: вместе или рядом» // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. №5. С. 215.

[3] *Рар А.* Почему Шредеру нравится Россия // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. №4. С. 80.

[4] *Гинзбург С.* Калининградские интересы в зеркале российско-европейского партнерства // Россия и Европейский союз. М., 2004. С. 231.

[5] *Гутник В.* Указ. соч. С. 8.

вом российских регионов, особенно если говорить о предпринимательском духе, нашедшем отражении в активном развитии на территории области малого бизнеса. Область относится к числу регионов-лидеров и в своем политическом развитии: «… с началом политических реформ и возвращением России в лоно реального времени скорость продвижения в рамках демократических процессов в Калининградской области превышала скорость аналогичных процессов в большинстве регионов России»[1]. Хуже обстоит дело с культурой хозяйственного поведения, воспитание которого затруднено мощными административными барьерами и коррупцией в среде местной бюрократии.

Но, возможно, наиболее принципиальным отличием российской цивилизации, затрудняющим ее сближение с западной цивилизацией, является социальная структура населения: немногочисленность среднего класса (определяющего социально-культурные особенности основной массы населения на Западе) и высокий удельный вес живущих за чертой бедности. В этом отношении российское общество похоже на латиноамериканское (которое, несмотря на общие цивилизационные корни с западной цивилизацией, тем не менее качественно отличается от нее). Глубокое и усиливающееся социальное расслоение населения делает различия между слоями внутри каждого социума часто более существенными, чем различия соответствующих друг другу слоев, относящихся к разным социумам.

Пока калининградский социум по своей социальной структуре сравнительно близок к литовскому и польскому социумам (15 лет назад эти различия были еще меньше). Но сейчас различия возрастают. Для Калининградской области характерно преобладание бедного населения и недостаточно высокий уровень жизни среднего класса, тогда как соседи относятся преимущественно к сравнительно обеспеченному среднему классу, ориентирующемуся на образ жизни населения западных стран. Слои обеспеченных и богатых людей в России, включая Калининградскую область, ориентируются на западный образ и качество жизни, но они слишком немногочисленны для того, чтобы определять поведение всего социума. Рост уровня жизни населения, снижение социаль-

[1] *Сунгуров А.* Хронотоп Калининградской области и сособенности развития политических процессов в регионе // Россия и Европейский союз. М., 2004. С. 247.

ной дифференциации и превращение среднего класса в определяющий слой население – необходимые предпосылки сближения российской и западной цивилизаций.

Уменьшение различий между уровнем и качеством жизни, социальной дифференциацией населения Калининградской области и соседних регионов Польши и Литвы является условием того, что российский эксклав станет не изолированным островом среди моря чуждой ему европейской культуры, а центром взаимодействия и сближения культур. Но для этого область должна получить долговременные стимулы экономического развития, что возможно только в том случае, если будут использованы конкурентные преимущества российского эксклава и определена его важная роль в территориальном разделении труда как внутри России, так и в Балтийском регионе.

Благодаря своему географическому положению, область имеет хорошие возможности для повышения своей роли в определении более благоприятного места России в процессе глобализации. Однако для их реализации необходимо сделать еще очень многое. И главное, следует перестать рассматривать область только как изолированный эксклав, которому требуется федеральная (и, как считает ряд экспертов, в еще большей мере, международная) поддержка. Нужно определить роль области в российской экономике и также в экономических, культурных и политических отношениях России и ЕС, и особенно в Балтийском регионе.

Вовлечение эксклавов в глобальные процессы скорее всего приведет к развитию их связей (прежде всего экономических) с теми пространствами, внутри которых они находятся (хотя бы в силу того, что зарубежные соседи ближе географически). В случае с Калининградской областью речь с очевидностью идет о пространствах Евросоюза и региона Балтийского моря. Тем самым калининградский эксклав получает возможность, если так можно сказать, преодолеть эксклавность. Но, с другой стороны, режим Особой экономической зоны, создавший условия для развития в регионе импортозамещения (с переработкой импортного сырья и полуфабрикатов для поставок на основную территорию страны), способствует не только активизации внешних связей области, но и повышению ее роли в экономике России. То есть развитие внешних связей имеет следствием и упрочение связей области с основной частью России.

4. ТИПОЛОГИЯ ЭКСКЛАВОВ*

Анализ современного состояния и трансформаций эксклавности во многом осложнен слабой разработанностью типологии эксклавов. Правда, в последнее время в этой сфере наметились некоторые сдвиги. Одна из первых в отечественной политологии попыток классификации анклавов и эксклавов была предпринята Ю.Д. Рожковым-Юрьевским. Проанализировав практику употребления понятий «анклав» и «эксклав» в различных науках, он классифицировал Калининградскую область как российский эксклав и анклав внутри зарубежного европейского окружения[1]. Несколькими годами позже к данной проблематике обратился Е.Ю. Винокуров. Он определил *анклав* как государство или часть государства, полностью окруженного сухопутной территорией другого государства. При наличии выхода к морю их следует характеризовать как *полуанклавы.* Изолированная часть территории страны, которая окружена территорией другого государства или государств, есть *эксклав.* По отношению к стране, внутри которой находится, эксклав выступает в качестве анклава[2].

На наш взгляд, считать одну и ту же территорию одновременно и анклавом, и эксклавом нецелесообразно. Логичнее понимать под анклавами только отдельные *государства,* а под эксклавами – *части суверенных государств.* По этому критерию мы и предлагаем их разграничить, отнеся те и другие к *анклавным территориям.*

Целостная классификация анклавных территорий на основе анализа их границ была предложена Ю.М. Зверевым[3] (табл. 1).

Из известных нам зарубежных классификаций анклавов и эксклавов наиболее интересна, которую разработал Я. Крот при участии П. Смаардейка [http://home. no. net/ enklaver/ exclaves. htm] (табл. 2).

---

* *Клемешев А.П.* Трансформация эксклавности в условиях политической глобализации // Полис. 2005. №4. С. 143–158.

[1] См.: *Рожков-Юрьевский Ю.Д.* О применимости понятий «анклав» и «эксклав» к характеристике Калининградской области // Калининградская область: географические проблемы регионального развития. Калининград, 1996.

[2] *Винокуров Е.* Анклавы в мировой экономике и политике: Опыт последних десятилетий // МЭиМО, 2002. №9; *Vinokurov E.* s.a. Toward the Theory of Enclaves: Aspects of Analysis, Classification and Common Features. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://rationaIity. albertina. ru/arcs. phtml?arc=14.

[3] См.: *Зверев Ю.М.* Калининградская область в классификации анклавных (эксклавных) территорий мира. Калининград, 2003.

Таблица 1

Класс	Юридический статус	Подклассы	Примеры
I. Анклавное государство	Суверенное государство	IA. Изолированное анклавное государство (нет выхода к морю)	Сан-Марино, Ватикан, Лесото
		IB. Полуанклавное государство (есть выход к морю)	Монако, Бруней, Гамбия
II. Эксклавный фрагмент (крупная часть государства – не менее 15% территории)	Единица административно-территориального деления первого порядка (штат США)	Нет	Аляска (США)
II. Анклавная (эксклавная) провинция	Единица административно-территориального деления первого порядка	IIA. Изолированная эксклавная провинция	Нахичевань (Азербайджан)
		IIB. Полуанклавная (полуэксклавная) провинция	Калининградская область (РФ), Кабинда (Ангола), Дубровник (Хорватия), Мусандам (Оман)
III. Анклавная (эксклавная) территория	Единица административно-территориального деления второго или более низкого порядка либо часть территории любой единицы административно-территориального деления (вплоть до деревень и небольших участков земли)	IIIA. Анклавные (эксклавные) территории, соединенные со своей страной только в одном пункте	Юнгхольц (Австрия), Дахаграм-Ангарпота (Бангладеш)
		IIIB. Остальные анклавные (эксклавные) территории	Бюзинген-ам-Хохрейн (Германия), Сох (Узбекистан)

Таблица 2

Категория	Пример и описание
A	Ливия (Llivia) Анклав и эксклав Часть страны, которая отделена от основной части и окружена иностранной территорией. (Одна и та же территория выступает анклавом по отношению к окружающей стране и эксклавом по отношению к стране, с которой она политически связана.)
B	Юнгхольц Территория, связанная с отечеством в единственном географическом пункте.
C	Нахичевань Эксклав, но не анклав, поскольку не окружен территорией одной страны.
D	Окуси-Амбено Как «A», но имеет выход к морю и потому является не анклавом или эксклавом, а фрагментом страны
E	Калининградская область Как «C», но имеет доступ к морю, т. е. является фрагментом страны.
F	Лесото Анклавное государство Замкнутая сушей независимая страна, полностью окруженная другим государством.
G	Гамбия Как «F», но имеет доступ к морю и, таким образом, не может считаться анклавным государством.
H	Шмалкальден/Зуль Возник вскоре после Первой мировой войны и не был 100-процентным анклавом из-за многоуровневости. Внутри Тюрингии этот эксклав был разделен между двумя прусскими провинциями Саксония и Гессен-Нассау. Две территориальных общности вместе образовывали анклав внутри Тюрингии и эксклав Пруссии, а каждая по отдельности была эксклавом соответствующей провинции.
I	Лихтенбуш
J	Между Гибралтаром и Испанией Нейтральная территория, которая не принадлежит ни одному государству; «ничейная земля»
K	Кондоминимум

Оригинальный подход к типологии анклавных территорий представлен в работе С. Нис[1]. Его можно назвать генетическим, так как в основу классификации положено происхождение анклавов:

– *анклавы – природные районы* (например, Оз де Цивис или Валь д»Аран в Пиренеях);

– *довестфальские анклавы* (Мюльхаузен, Франш-Конте, Баарле, Кам-пионе д»Италиа и др.);

– *анклавы транснациональных предприятий* (Голландская Ост-Индская компания – анклавы Батавия и невольничий рынок в Луанде в XVIII в.);

– *анклавы как продукты распада империй* (анклавы на Кавказе и в Ферганской долине, Калининград);

– *анклавы международных организаций* (Восточный Тимор до получения независимости, Северный Ирак до 2003 г., районы Бихач, Сребреница, Тузла, Жепа, а также Косово в бывшей Югославии).

В качестве особых случаев С. Нис выделила *папские анклавы* Авиньон и Конта-Венессен (упразднены Французской революцией), *Западный Берлин* эпохи билатерализма и *Палестинскую администрацию* как парагосударственное образование из трех анклавов.

Е. Ю. Винокуров классифицирует анклавы / эксклавы по *национальному составу, религиозной принадлежности* и *этнодемографическим связям*[2]. С точки зрения национального состава анклав/эксклав может: а) совпадать с метрополией (Аляска, оманский эксклав на Мусандамском полуострове, Калининградская область РФ); б) совпадать со страной, по отношению к которой он является анклавом (Аомынь и Гонконг имеют преимущественно китайское население; Мелилья и Сеута – арабское); в) быть аутентичным (например, Бруней и Гамбия, а также в значительной степени Лесото). Аналогичное деление проводится и по религиозной принадлежности. Что касается этнодемографических характеристик, то здесь в качестве критериев классификации используются семейные связи жителей анклава/эксклава с гражданами окружающего государства и метрополии, а также качественные и количественные показатели миграции.

Отталкиваясь от приведенных выше классификаций, можно предложить следующую интегральную типологию анклавных территорий (рис. 1).

---

[1] *Нис С.* Калининград – не единственный анклав // Pro et contra. № 1. 2003.
[2] *Винокуров Е. Ю.* Указ. соч.

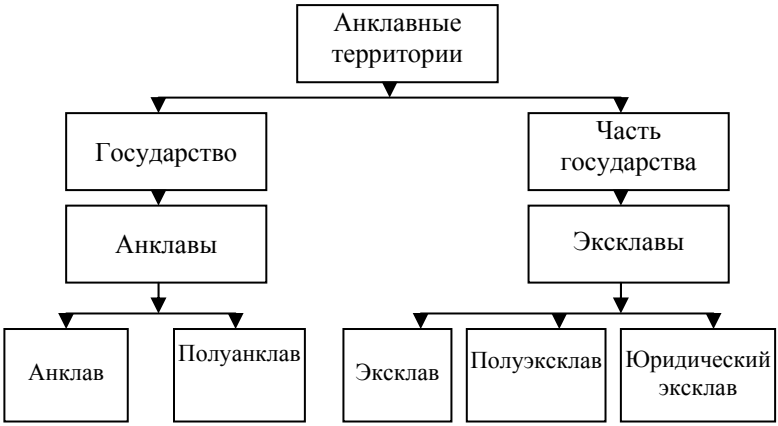

Рис. 1. Классификация анклавных территорий

Анклавы:

– Королевство Лесото (включено в ЮАР);

– Республика Сан-Марино (включена в Италию);

– Ватикан (включен в Италию).

Полуанклавы:

– Бруней (по отношению к Малайзии);

– Монако (по отношению к Франции);

– Гамбия (по отношению к Сенегалу).

Эксклавы:

– палестинские территории в Израиле (классификация осложнена неясностью юридического статуса и военными операциями);

– Нагорно-Карабахская АО (необходим дальнейший анализ юридического статуса);

– два небольших анклава Азербайджана, окруженные Арменией;

– Бюзинген-ам-Хохрейн (Германия) в Швейцарии;

– 38 анклавов (Бельгия) в Баарле, Нидерланды (включая Баарле-Хертог и Баарле-Нассау);

– Кампионе (Италия) в Швейцарии;

– эксклавы Нидерландов в Бельгии, департамент Антверпен;

– испанская Ливия, окруженная Францией;

– эксклавы Таджикистана в Узбекистане (к северо-западу от города Ашт);

– эксклавы Таджикистана в Киргизии (город Ворух);

– эксклавы Узбекистана в Киргизии (город Йордан);

– эксклавы Узбекистана в Киргизии (на реке Сох);

– эксклавы Казахстана в Узбекистане (города Ильич и Джеты-Сай);

– Нахичеванская автономная республика Азербайджана.

Полуэксклавы:

– Калининградская область (Россия) – сухопутная граница с Польшей и Литвой;

– Гибралтар (Великобритания) – сухопутная граница с Испанией;

– Северная Ирландия (Великобритания) – сухопутная граница с Ирландией;

– территория, управляемая турками-киприотами, – сухопутная граница с Кипром;

– Бруней (его восточная часть по отношению к западной) – сухопутная граница с Малайзией (Бруней в целом является полуанклавом);

– Кабинда (Ангола) – между Демократической Республикой Конго и Конго;

– Аляска (США) – сухопутная граница с Канадой;

– Мелилья (Испания) – сухопутная граница с Марокко;

– Сеута (Испания) – сухопутная граница с Марокко;

– полуостров Мусандам (Оман) – сухопутная граница с ОАЭ.

Юридические эксклавы: военно-морские и военно-воздушные базы, территории посольств.

Для уточнения данной типологии добавим, что островные территории можно считать эксклавами только тогда, когда они окружены чужими территориальными водами, как, например, уругвайские острова в аргентинских территориальных водах на реке Уругвай. Вместе с тем к эксклавам нельзя отнести заморские территории Великобритании, Франции и рада других стран. В качестве таковых в принципе могли бы рассматриваться французская Гвиана и британский Гибралтар, однако в этом случае, как и во всех случаях с заморскими территориями, речь идет о бывших колониях, «повышенных» в статусе, а не об интегральных частях страны, получивших особые права из-за своего изолированного положе-

ния. С нашей точки зрения, ни Гвиана, ни Гибралтар не являются эксклавами, хотя и входят в число анклавных территорий.

Неоднозначной выглядит ситуация с Северной Ирландией и Восточной Малайзией (север острова Борнео). Северную Ирландию едва ли можно назвать эксклавом, поскольку она связана с «материнской» страной ее территориальными водами. Что касается Малайзии, то она скорее представляет собой *фрагментированное государство,* состоящее из двух примерно равных по площади частей. В качестве фрагмента целесообразно квалифицировать и Аляску, на которую приходится почти 1/6 всей территории Соединенных Штатов. Но ее все же можно трактовать как эксклав США (но не полуанклав по отношению к Канаде).

Наконец следует отметить, что в нашей классификации учитываются именно юридические эксклавы. За ее пределами остается, например, самопровозглашенная Нагорно-Карабахская Республика, но при этом включены три азербайджанских анклава в Армении, ныне контролируемые армянской стороной, а также анклав Армении в Азербайджане (Арцвашен), находящийся под азербайджанским контролем.

Согласно приведенной классификации, в настоящее время в мире есть три анклавных и три полуанклавных государства, а также 273 эксклава. При этом подавляющая часть последних сосредоточена в приграничье Индии и Бангладеш. Ян Крог выделяет 106 индийских эксклавов в Бангладеш и 92 эксклава Бангладеш в Индии (почти все они расположены в районе Куч Бехар). По своим размерам и индийские, и бангладешские эксклавы невелики (одна или несколько деревень), а 24 из них – эксклавы внутри эксклавов. Один из индийских эксклавов – Дахала Хаграбари – окружен бангладешским эксклавом, который находится внутри еще одного индийского эксклава в Бангладеш. Это единственный в мире «эксклав внутри эксклава внутри эксклава», т. е. эксклав третьего порядка[1].

На сегодняшний день у Российской Федерации имеются два внешних эксклава. Старейший из них – эксклавная территория, включающая деревни *Саньково* и *Медвежье* в Гомельской области Белоруссии. С учетом волеизъявления местного населения они

[1] http://home. no. net/enklaver/exclaves. htm

были оставлены в составе России при проведении в 1926 г. административной границы между РСФСР и БССР. После аварии 1986 г. на Чернобыльской АЭС население покинуло эти деревни, и теперь они заброшены.

С 6 сентября 1991 г. эксклавом (сначала СССР, а после его распада – РФ) стала *Калининградская область*. Это одна из наиболее крупных территорий данного класса (15,1 тыс. км^2). Для сравнения отметим, что площадь Нахичевани около 5,5 тыс. км^2, а ангольской провинции Кабинда – 73 тыс. км^2. Калининградскую область превосходит только Аляска, причем более чем в сто раз. Но основная часть ее территории – это арктическая и субарктическая пустыня и высокогорные районы, где нет постоянного населения. Абсолютное же большинство анклавов и эксклавов мира имеют небольшие размеры – в лучшем случае несколько сотен, а то и десятки квадратных километров.

Калининградская область РФ – самый населенный эксклав в мире (955 тыс. чел. по данным переписи 2002 г.). Сравним: в Нахичевани (по переписи 1989 г.) проживает около 294 тыс. чел., в Кабинде – менее 200 тыс., на Аляске – около 650 тыс. Выделяется она и по уровню диверсификации экономики. Другие, даже относительно крупные, эксклавы более узко специализированы. Так, основу экономики Кабинды составляет добыча нефти на континентальном шельфе. Дубровник является центром международного туризма. Нахичевань специализируется на сельском хозяйстве и пищевой промышленности. Экономика Аляски ориентирована на добычу и первичную переработку сырья (в первую очередь нефти) и обслуживание американских военных баз.

Однако главное отличие Калининградской области заключается в ее геополитическом положении. С 1 мая 2004 г. она стала анклавом расширившегося Евросоюза. В этом смысле ситуация, в которой оказался российский эксклав на Балтике, уникальна. Конечно, внутри ЕС есть изолированные анклавные и полуанклавные государства – Андорра, Сан-Марино, Ватикан, Монако. Не входит в него и Швейцария. Но все это суверенные государства, самостоятельно выстраивающие свои отношения с ЕС. Калининградская же область – субъект федеративного государства, что изначально предопределяет иной характер стоящих перед территорией проблем и другие механизмы их решений.

5. РОССИЙСКИЙ ЭКСКЛАВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

В эксклавах (анклавах), отделенных от основной части страны территориями зарубежных государств, в концентрированном виде проявляются противоречия политического, экономического и социального развития в мире. Особое место среди эксклавов в мире занимает Калининградская область. Это самый населенный в мире эксклав – 950 тыс. человек. Главное отличие области от других анклавных территорий заключается в ее геополитическом положении. Калининградская область с 1 мая 2004 г. стала анклавом расширившегося Европейского союза. Своеобразие заключается и в том, что после принятия 29 марта 2004 г. в НАТО Литвы она стала российским эксклавом внутри этого военно-политического блока.

Эксклавный российский регион в центре Европы служит своего рода индикатором отношений России и Запада. На него то возлагаются надежды как на «пилотный» регион сотрудничества, то подчеркивается его кажущаяся депрессивность и потенциальная конфликтогенность. Предлагаются различные варианты стратегий, которые должны способствовать его устойчивому развитию. Однако они охватывают обычно лишь отдельные аспекты проблемы, не уделяя надлежащего внимания эксклавности как сложному политическому и социально-экономическому феномену, определяющему как саму проблему жизнеобеспечения и развития Калининградской области, так и пути ее решения.

Действительно, эта небольшая территория площадью 15 тыс. км^2 благодаря своему геополитическому положению может играть важную роль в налаживании международного сотрудничества. Но ее пространственный отрыв от основной части Российской Федерации обусловливает многочисленные проблемы – политические, экономические, социальные, экологические. Это своеобразный вызов отношениям между Россией и Западом, на который должен быть найден адекватный ответ.

---

* *Клемешев А.П.* Российский эксклав в условиях глобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 7. 2005. Вып. 3. С.142–145.

Как показывает мировой опыт, эсклавность объективно усиливает зависимость территорий от соседей (их доброй или недоброй воли) и иностранных законов, правил и регламентов, касающихся транзитно-визового режима. В случае обострения отношений может возникнуть соблазн «разыграть эксклавную карту», ограничив доступ метрополии в эксклав. Это уже происходит в Центральной Азии, где проблемы доступа в эксклавы являются источником трений между Таджикистаном, Киргизией и Узбекистаном.

Проблемы связей Калининградской области с основной частью России серьезно осложнили в 2002 г. отношения между Российской Федерацией и ЕС. В конечном итоге на саммите ЕС–Россия в ноябре 2002 г. в Брюсселе было найдено решение о транзите людей, заключающееся во введении упрошенного транзитного документа и упрощенного проездного документа по железной дороге. Евросоюз считает, что оно удовлетворяет обе стороны. В связи с этой уникальной договоренностью ЕС внес соответствующие дополнения в Шенгенское законодательство.

В то же время, с точки зрения России, ситуация остается сложной. Например, упрощенный режим не распространяется на поездки калининградцев в Белоруссию и Украину, с которыми многие жители области имеют родственные связи. Кроме того, с 2005 г. при транзите через Литву требуется заграничный паспорт, а с марта 2005 г. – оформление страховых документов. В связи с этим решается вопрос о срочном обеспечении загранпаспортами всех нуждающихся в нем жителей области. Но это не решает вопроса поездок в регион жителей «большой России», где обеспеченность населения загранпаспортами намного ниже, чем в приграничной Калининградской области. Вопрос же о скоростном поезде для безвизового транзита через Литву сейчас практически снят с обсуждения.

Что касается движения товаров, то в Совместном заявлении о расширении ЕС и отношениях Россия–ЕС (27 апреля 2004 г., Люксембург) стороны подтвердили, что на основе статьи 12 Соглашения о партнерстве и сотрудничестве и статьи V ГАТТ они будут применять на практике принцип свободы транзита товаров, включая энергетические, между Калининградской областью и остальной территорией России. Это, в частности, предполагает, что транзитные товары не будут подлежать излишним задержкам или

ограничениям и их освободят от таможенных пошлин, транзитных и других сборов, связанных с транзитом. Товарам, следующим транзитом в (из) область, будет предоставлен режим не менее благоприятный, чем тот, который был бы предоставлен таким товарам, если бы они перевозились без транзита через территорию ЕС. Запреты и ограничения в отношении товаров, следующих транзитом, могут вводиться только по причинам, связанным, в частности, с общественной безопасностью, или с охраной здоровья и жизни людей, или защитой интеллектуальной, промышленной либо коммерческой собственности.

Россия и Евросоюз приветствовали договоренность по таможенным вопросам от 17–18 декабря 2003 г. о применении упрощенных и необременительных таможенных процедур в отношении товаров, следующих транзитом в (из) Калининградскую область автомобильным и железнодорожным транспортом через территорию ЕС. В соответствующем заявлении отмечается, что с 1 мая 2004 г. в результате упрощения административных процедур административные расходы, связанные с таможенным транзитом, будут ниже, чем до расширения Евросоюза.

Обе стороны подтвердили обязательство по мере готовности заключить в будущем соглашение о координации режимов таможенного транзита России и ЕС, применимого также к транзиту товаров в (из) Калининградской области.

Однако из-за имеющихся разногласий России и ЕС так и не удалось достичь взаимоприемлемых договоренностей о калининградском грузовом транзите до расширения ЕС 1 мая 2004 г. В итоге процедура оформления грузов на границе стала более сложной и дорогой, а сам транзит через Литву (из-за фитосанитарного и ветеринарного контроля, а также прочих платных услуг, навязываемых литовской стороной) подорожал в 1,3–1,5 раза. Переговоры о заключении специального соглашения о калининградском транзите между Россией и ЕС ведутся, но пока они далеки от завершения.

Не простой вопрос и с доступом в эксклавы из соседних стран. С одной стороны, кажется уместным обеспечить безвизовый въезд в эксклав граждан соседних стран (или хотя бы из приграничных районов) с целью преодоления экономической изоляции и налаживания приграничного сотрудничества; с другой – «мате-

ринская» страна может опасаться, что подобный режим ограничит ее возможности по контролю доступа в эксклав и может привести к ослаблению связей с другими регионами собственной страны (особенно в случае, если жители эксклава получат в качестве ответного жеста возможность безвизового или облегченного въезда в соседние страны). Видимо, именно из этих соображений Государственная дума РФ даже не стала рассматривать разработанный в области проект о введении безвизового режима въезда в нее граждан стран-членов ЕС.

В некоторых случаях границы стран, соседствующих с эксклавами, укрепляются из-за опасений, что они могут стать «перевалочными базами» для нелегальной иммиграции и контрабанды в «материнскую» страну. Общеизвестны проблемы с контрабандой через российско-польскую и российско-литовскую границы в Калининградской области, в чем задействованы граждане всех трех сопредельных стран. Имеющиеся негативные примеры служат формальным мотивом для укрепления границы со стороны Польши и Литвы.

С точки зрения *управления* ключевым является то, что в эксклавах трудно отделить внутреннюю политику от внешней, так как многие внутренние вопросы здесь затрагивают отношения с третьими странами. Из-за этого и разделение предметов ведения и компетенции, привычное для «внутренних» регионов страны, здесь не работает или дает сбои. Логичным было бы предоставить органам власти эксклава дополнительные полномочия (особенно в отношениях с соседними государствами). Однако «материнские» страны, подспудно опасающиеся отделения эксклава или утраты контроля нал ним, как правило, на это не идут. Скорее, наоборот, Центр пытается усилить свое присутствие в эксклавном регионе. Нахождение разумного баланса между самостоятельностью и централизованным контролем является одним из важнейших вопросов, которые необходимо решать по отношению к эксклавам. Что касается Калининградской области, то, по-видимому, здесь пока целесообразно сохранить режим особой экономической зоны, содержание которого сейчас корректируется в связи с изменившимися внешними условиями.

6. ПРОБЛЕМЫ ЭКСКЛАВНОСТИ*

Важнейшая из проблем, порождаемых «прерывистой» эксклавной территориальностью, связана с двойственностью положения эксклава. Как часть государства эксклав является объектом его внутренней политики. Вместе с тем, находясь в окружении зарубежных стран, он непосредственно зависит и от внешней политики, причем ее реализация часто определяет решение внутренних социально-экономических задач. Так, обеспечение дешевого и устойчивого транзита пассажиров и грузов через территорию Литвы и Белоруссии (или Латвии) оказывается одним из условий нормальной жизнедеятельности и развития российского эксклава на Балтике – Калининградской области.

Разумеется, можно было бы предложить типологию политических противоречий (а тем самым – проблем и конфликтов), обусловленных эксклавностью, аналогичную представленной выше типологии самой эксклавности. Ограничимся, однако, рассмотрением наиболее значимых в практическом отношении противоречий, сопряженных с *доступом, политическим руководством, экономикой* и *идентичностью*[1].

Доступ. Связь с «материнским» государством имеет для эксклавов жизненно важное значение. Этот вопрос может послужить (и нередко служит) источником серьезных конфликтов. Достаточно вспомнить ситуацию с так называемым «польским коридором», отделявшим Восточную Пруссию от остальной Германии, или блокаду Западного Берлина. Но и сейчас, когда под влиянием глобализации проницаемость границ качественно возросла, проблемы доступа в эксклавные территории из метрополии отнюдь не стали бесконфликтными.

Эксклавность объективно усиливает зависимость территорий от соседей, их законов, правил и регламентов, касающихся транзитно-визового режима. В случае обострения отношений может возникнуть соблазн «разыграть эксклавную карту», ограничив

---

* *Клемешев А.П.* Трансформация эксклавности в условиях политической глобализации // Полис. 2005. №4. С. 143–158.

[1] См.: *Нис С.* Калининград – не единственный анклав // Pro et contra. 2003. №1.

доступ метрополии в эксклав. Это уже происходит в Центральной Азии, где нарастают трения между Таджикистаном, Киргизией и Узбекистаном.

Не просто обстоит дело и с доступом в эксклавы из окружающих их иностранных государств. Казалось бы, для преодоления территориальной изолированности и в целях налаживания приграничного сотрудничества гражданам соседних стран (или хотя бы приграничных районов) разумно было бы предоставить право безвизового въезда в эксклав. Но подобный режим неизбежно снизит контроль «материнской» страны над доступом в эксклав, что может привести к ослаблению его связей с другими ее регионами. Возможность такого поворота событий усиливается, если аналогичным правом наделяются и жители эксклава. Расширению проницаемости границ мешает также страх перед превращением эксклавов в «перевалочные базы» для нелегальной иммиграции и контрабанды в «материнскую» страну.

Политическое руководство. В эксклавах трудно, а порой и невозможно отделить внутреннюю политику от внешней. Решение многих внутренних вопросов здесь зависит от отношений с зарубежными странами. Поэтому разделение предметов ведения и компетенции, привычное для «нормальных» регионов страны, в данном случае не работает или дает сбои. Тем не менее «материнские» страны, подспудно опасающиеся отделения эксклава или утраты контроля над ним, как правило, не идут на предоставление его органам власти дополнительных полномочий. Более того, нередко происходит прямо противоположное. Центр пытается усилить свое присутствие в эксклавном регионе, иногда перерастающее в мелочную опеку. При этом повышается вероятность дублирования функций и углубления конфликтов между региональными властями и представителями Центра.

Экономика. Эксклавные территории с их относительно небольшим населением обычно сталкиваются с проблемой недостаточной емкости внутреннего рынка, препятствующей развитию региональной промышленности. Вместе с тем вследствие высоких транспортных издержек и требующих времени таможенных процедур при пересечении границы (иногда не одной) им трудно работать и на рынки «материнской» страны. Однако логичная в такой ситуации переориентация эксклава на сопредельные иностранные государства чревата дальнейшим ослаблением его экономических связей с «материнской» страной, что в итоге может привести и к ослаблению связей политических.

Один из вариантов решения экономических проблем эксклава – придание ему статуса свободной экономической зоны или введение иных специальных режимов (оффшор). Но здесь может возникнуть новая проблема: транзит в «материнскую» страну прямого импорта под видом локализованного производства (сборки). Кроме того, неопределенность положения эксклавов и их зависимость от внешних факторов часто препятствуют долговременному экономическому планированию и инвестированию. В результате вместо крупных инвесторов эксклавы притягивают главным образом мелких торговцев, пользующихся преимуществами, которые дает экономический перепад (например, разница в ценах на некоторые товары) между эксклавом и его окружением. Очевидно, что такой бизнес не в состоянии служить надежной основой экономического развития (особенно если учесть его криминализованность и широкое использование «серых схем» для уклонения от налоговых и таможенных платежей).

Идентичность эксклава во многом определяется историческими особенностями его образования и этнодемографическими характеристиками населения. Например, население Калининградской области как своеобразного «региона переселенческого социализма»[1] сформировалось за счет организованных переселенцев из России, а также – в меньшей степени – из Белоруссии и Украины. Серьезные изменения в социокультурный облик эксклава внесли мигранты 1990-х гг., прибывшие из других республик бывшего СССР (в первую очередь из Казахстана). Такие миграции способствовали усилению экономической, культурной и психологической раздробленности калининградского социума[2]. Иное дело, когда население эксклава связано с его землей веками, как это характерно для большинства европейских эксклавов.

Пространственная удаленность ослабляет ментальные и социокультурные связи между эксклавом и «материнской» страной. Чтобы воспрепятствовать этому, некоторые государства принимают специальные программы, стимулирующие двустороннее

[1] *Федоров Г.М., Зверев Ю.М.* Калининградские альтернативы. Калининград, 1995. С. 87.

[2] См.: *Денисенков А.* Мирная оккупация. Приезжие все больше влияют на метаморфозы // Эксперт Северо-Запад. 2001. №16 (45). С. 40–43.

движение населения. Так, земли ФРГ организовывали для школьников дотируемые поездки в Западный Берлин, а в Калининградской области проводятся акции «Дети России едут в Россию». Отдаленность от «материнской» страны и местные особенности могут привести к формированию в эксклаве собственной идентичности и даже к развитию сепаратистских настроений. Известны случаи, когда территории эксклавов становились очагами вооруженного сепаратизма. Именно так произошло, в частности, в ангольском эксклаве Кабинда.

Эксклавное существование неизбежно сказывается на психологии людей. Как отмечает С. Нис, в эксклавах, как правило, «короче временной горизонт», иное «субъективное восприятие времени и свои представления об ожидаемых изменениях»[1]. Сжатая временная перспектива и зависимость от решений далекого (в прямом смысле слова) Центра создают предпосылки для неуверенности в будущем и возникновения труднопреодолимого «синдрома эксклава».

Следует отметить, что темпоральная перспектива важна и для эксклава в целом[2]. Чем более укоренен он в истории, тем надежнее его современное положение. Однако угрозу стабильности несет не только «новизна» эксклава, но также разрывы и резкие повороты в его истории. Весьма показателен в этом плане опыт Калининградской области, которая, в отличие от многих других исторических европейских эксклавов, сталкивается в настоящее время с рядом проблем развития. Истоки данных проблем в известной мере кроются в многочисленных коллизиях, которые выпали на долю региона. Начало его эксклавному статусу было положено в первой четверти XIII в., когда на землю пруссов вторгся Тевтонский орден. Затем территория Пруссии стала предметом соперничества Речи Посполитой, Швеции и России. В результате разделов Польши образовался широкий коридор между Восточной Пруссией и Бранденбургом, сначала в составе Пруссии, а потом Германской империи. На некоторый период эксклавность была преодолена. Но по итогам Первой мировой войны Восточная Пруссия опять превратилась в германский эксклав, отделенный от основной территории страны польскими землями.

[1] *Нис С.* Указ. соч.
[2] См.: *Ильин М.В.* Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. М., 1995.

В 1939 г. Польшу оккупировала нацистская Германия, и сухопутная связь между Восточной Пруссией и Германией была восстановлена. В 1945 г. с включением в состав Советского Союза территория вновь оказалась на положении эксклава – сначала РСФСР в рамках одного государства, в 1991 г., после отделения Литвы, – СССР, а после распада последнего – Российской Федерации. Сегодня довольно трудно прогнозировать, какими будут дальнейшие стадии эксклавного развития Калининградской области с точки зрения темпоральной перспективы. Тем не менее есть основания полагать, что, помимо динамики российского и общеевропейского политического процесса, на этом развитии скажется и фактор глобализации.

7. СВОБОДНЫЕ (ОСОБЫЕ) ЗОНЫ И АНКЛАВНОСТЬ ТЕРРИТОРИИ*

Различные виды свободных (особых) экономических зон (СЭЗ/ОЭЗ) выступают в экономическом пространстве как *анклавы*, своеобразные включения в единую национальную экономическую ткань, отличающиеся от нее по принципам и нормам функционирования. В наибольшей мере это характерно для экспортно-производственных или экспортно-промышленных зон. «ЭПЗ создаются как экономические анклавы и их влияние на национальную экономику ограничено»[1]. Такую трактовку СЭЗ/ОЭЗ поддерживает большинство авторов, в том числе и мы.

Являются ли зоны эксклавами? Очевидно, нет, так как отсутствуют институционализированные и четко обособленные территориально общности более высокого ранга сходного типа, к которым бы они принадлежали. Иначе говоря, зоны – экономические анклавы внутри «своих» государств, но не эксклавы чего-то большего. В этом смысле положение СЭЗ/ОЭЗ в экономическом пространстве в какой-то мере сходно с положением анклавных государств в пространстве политическом (последние являются анклавами, но не эксклавами). Вместе с тем зоны – это элементы сетевых структур, состоящих из глобальных производственных цепочек и их компонентов. Но отношения между зонами и производственными цепочками все же выходят за пределы поля, описываемого понятиями «анклавность» и «эксклавность». Скорее здесь можно говорить об отношениях «глобального» и «локального».

Об анклавности СЭЗ/ОЭЗ по отношению к экономическому пространству «своей» страны сказано в официальном определении зон в VIII дополнении к Международной конвенции по упрощению и гармонизации таможенных процедур (Киото, 18 мая 1973 г.). Согласно ему, свободная зона (или зона «порто-франко») – часть территории, на которой товары рассматриваются как объекты, на-

---

* *Клемешев А.П.* Проблема эксклавности в условиях глобализации (на примере Калининградской области): Дис. … д-ра полит. наук. М., 2005.

[1] *Никитина М.Г.* Феномен свободных экономических зон в современном мире. Симферополь, 1998. С. 8.

ходящиеся вне национальной таможенной территории и поэтому не подлежащие обычному таможенному контролю и налогообложению. Указывают на экономическую анклавность СЭЗ/ОЭЗ и эксперты ООН: «СЭЗ – ограниченные промышленные районы, представляющие собой часть территории страны с беспошлинным таможенным и торговым режимом, где иностранные фирмы, производящие продукцию главным образом на экспорт, пользуются рядом налоговых и финансовых льгот»[1].

Экономическая анклавность СЭЗ/ОЭЗ заключается в том, что это территории с особым по сравнению с остальной территорией страны хозяйственным режимом. Как правило, основные отличия СЭЗ/ОЭЗ заключаются:

1) в особом таможенно-тарифном режиме (снижение или отмена экспортно-импортных пошлин, льготное налогообложение и упрощенный порядок осуществления внешнеторговых операций);

2) в налоговых льготах и «налоговых каникулах»;

3) в финансовых льготах (субсидиях – как через бюджет и льготные государственные кредиты, так и через установление низких цен на коммунальные услуги, электроэнергию, снижение арендной платы за землю и пользование помещениями и т. п.);

4) в административных льготах (упрощение административных процедур инвестирования и создания предприятий для производственной деятельности);

5) в особом режиме использования рабочей силы и отказе от применения национального трудового законодательства (во многих случаях).

СЭЗ/ОЭЗ, будучи анклавами экономическими, в то же время зачастую выпадают и из политического и юридического пространства принимающей страны. Многие так называемые экспортно-производственные зоны (или зоны экспортного производства – ЗЭП) развивающихся стран обнесены заборами, проникнуть за которые не легче, чем перейти государственную границу. Рабочие, чтобы попасть внутрь, должны предъявлять вооруженной охране соответствующие удостоверения. Посетители допускаются в зоны редко, а на сами фабрики зачастую не пускают никого, кроме по-

[1] Создание свободных экономических зон в России. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://antitax. ru/offshorerus/info/ref03.html.

тенциальных экспортеров и импортеров. Крупнейшая зона экспортного производства Кавите на Филиппинах, например, описывается Наоми Кляйн как «миниатюрное тоталитарное государство внутри демократического»[1]. Она отмечает, что «по своему характеру современные зоны экспортного производства больше похожи на франчайзеров, получивших лицензию на организацию ресторанов быстрого питания под известной маркой, чем на долгосрочные проекты, задуманные «всерьез и надолго», – так далеки они от стран, которые ими обслуживаются. Эти **анклавы** (выделено нами. – *А.К.*) чистого производства существуют в атмосфере быстротечности…»[2]. И далее: «ЗЭП находятся как бы в «скобках» – юридических и экономических, – отделяющих их от остальной страны»[3]. В той же зоне Кавите, например, местная полиция и муниципальные власти не имеют права даже пересекать границы зоны.

«Искажение» экономического пространства в свободных (особых) экономических зонах значительно сильнее по сравнению с обычными регионами страны. Это не может не сказываться и на искажении политического пространства, которое, в свою очередь, не только определяет само возникновение зон, но и постоянно влияет на их функционирование и развитие. Любые решения в политическом пространстве могут непредсказуемым образом влиять на экономическое пространство. Учитывая вызванные эксклавным положением Калининградской области особенности, можно утверждать, что, несмотря на принадлежность Калининградской области *де-юре* к российскому экономическому пространству, *де-факто* эксклавность и режим ОЭЗ «искривляют» экономическое пространство значительно сильнее, чем во многих других даже удаленных территориях России.

ОЭЗ – экономический механизм (режим) компенсационно-равновесного характера, служащий для целенаправленного воздействия на региональное социально-экономическое пространство. Можно согласиться со следующими формализованными выкладками, имея в виду, что А(1) – Калининградская область, А(0) – РФ; Б(0) – ЕС; Г – общее российско-европейское пространство: существование ОЭЗ приводит к тяготению подпро-

[1] *Кляйн Н.* NO LOGO. Люди против брэндов. М., 2003. С. 266.
[2] Там же. С. 268.
[3] Там же. С. 269.

странства А(1), находящегося под существенным воздействием пространства Б(0)⊄А(0), к экономическому пространству А(0), на основе устранения (компенсации) дополнительных барьеров между А(1) и А(0), вызванных действием Б(0). Из данного определения следует, что по умолчанию без механизма ОЭЗ в долгосрочной перспективе А(1) стремится к Б(0), т. е. $А(1) \rightarrow Б(0)$. Очевидно, что если основные экономические пространства образуют новое единое экономическое пространство А(0)∩Б(0)=Г(0), то $А(1) \rightarrow Г(1)$, так как барьеры с обеих сторон устраняются автоматически[1].

Экономическое пространство – это, по существу, область деятельности, в которой реализуются единые экономические законы, т. е. функционируют единые экономические механизмы. Поскольку сложность пространств превращает данный анализ в абстрактный, необходимо ввести понятие **существенного** отличия законов, разделяющих пространства (т. е. создающих барьеры). Специфика эксклавной территории и ее удобство для региональных исследований заключается в том, что позволяет доказать **существенный** характер отличий в результате действия внешних пространств.

Примером несущественного отличия может быть, например, проблема внутренних географических расстояний, которая ставит различные регионы в неравное положение, но не требует введения специальных компенсационно-равновесных режимов (ОЭЗ).

[1] См.: *Гареев Т.Р., Жданов В.П., Зверев Ю.М.* и др. Становление новой экономики Калининградской области. Калининград, 2004. С. 26.

8. ЭКСКЛАВНОСТЬ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ*

Эксклавность, понимаемая как отделенность территории от «материнского» экономического, политического и социокультурного пространства чужими политическими границами, как уже указывалось выше, создает немало проблем для эксклавных (анклавных) территорий и сама по себе является фактором, тормозящим региональное развитие. В этой связи, казалось бы, следует приветствовать вовлечение эксклавов в процесс глобализации, поскольку она предполагает если и не полное исчезновение, то значительное «размывание» национальных границ, облегчение коммуникаций между акторами этого процесса и возникновение новых связей, зависимостей, взаимообусловленностей. Тем самым эксклавы получают возможность, если так можно сказать, преодолеть эксклавность. Но не все так однозначно. Вовлечение эксклавов в глобальные процессы, скорее всего, приведет к переориентации их связей (прежде всего экономических) на те пространства, внутри которых они находятся (хотя бы в силу того, что зарубежные соседи ближе географически), и ослаблению связей с «материнскими» государствами. В случае с Калининградской областью речь с очевидностью идет о пространствах Евросоюза и региона Балтийского моря. Одновременно, по мнению так называемых *гиперглобалистов*, глобализация означает начало новой эпохи человеческой истории, когда «традиционные национальные государства становятся неестественными и даже невозможными коммерческими единицами мировой экономики»[1]. Как пишет, например, британский экономист *Сьюзан Стрейндж* (S. Strange), «безликие силы мировых рынков ныне более могущественны, чем государства, которым якобы принадлежит высшая политическая власть. Уменьшение влияния государств находит отраже-

---

* *Клемешев А.П.* Российский эксклав: преодоление конфликтогенности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.

[1] *Хелд Д.*, *Макгрю Э.*, *Гольдблатт Д.*, *Перратон Д.* Отрывок из книги Глобальные трансформации. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.praxis. su/text/12/

ние в том факте, что власть все больше переходит к другим институтам и объединениям, к местным и региональным органам»[1]. В такой трактовке глобализации ослабление влияния «материнских» государств на эксклавы не выглядит чем-то угрожающим. Ведь рождается абсолютно новый мировой порядок, предвосхищающий конец национальных государств, на смену который приходят новые формы социальной организации.

В то же время такой подход к проблемам глобализации не является бесспорным и единственным. Так, *скептики* полагают, что речь идет не о глобализации, а об углублении интернационализации мировой экономики, т. е. усилении взаимодействий между национальными по преимуществу экономиками. В этой трактовке «правительства – не пассивные жертвы интернационализации, а, напротив, ее главные архитекторы»[2]. Существуют и так называемые *трансформисты*, которые полагают, что глобализация представляет собой мощную трансформирующую силу, преобразующую форму современного общества и мирового порядка. Глобализация при этом подходе рассматривается как длительный исторический процесс, отмеченный противоречиями и в значительной мере сформированный ситуативными факторами. Трансформисты указывают, что глобализация, не отменяя национальные государства[126], меняет их суть, перестраивает власть, функции и полномочия национальных правительств. Возникают новые, более сложные отношения между суверенитетом, государственной властью и территориальностью, чем в ту эпоху, когда формировалось понятие «национальное государство». В целом большинство политологов полагает, что национальное государство не собирается отмирать и уступать свои позиции глобальному мегагосударству или средневековой фрагментации. По мнению *Э. Гидденса*, глобальные общности не могут вникать в решение всех местных (локальных) проблем. Этим начинают заниматься повсеместно множащиеся государства, именно в этом заключается их новая миссия. При этом государственная власть сочетается в той или иной мере с растущей юрисдикцией институтов международного правле-

[1] *Хелд Д.*, *Макгрю Э.*, *Гольдблатт Д.*, *Перратон Д.* Указ. соч.
[2] Там же.

ния и давлением международного права. Эта точка зрения наиболее отвечает нашим представлениям о глобализационных процессах.

Возвращаясь к эксклавам, скажем, что у них, в сущности, есть два пути развития в глобализирующемся мире – (само)изоляция и интеграция, встраивание в глобальные процессы. Понятно, что изоляция – тупиковый путь, способный только усугубить тяготы эксклавного положения. Однако и интеграция не предполагает «растворения» эксклава в некоем глобальном сообществе. Речь должна идти об установлении нового баланса интересов между «материнским» государством, экславным регионом, заинтересованными государствами и новыми глобальными акторами (ТНК, межправительственными и негосударственными организациями и т. д.).

Калининградская область не является исключением из общих закономерностей развития эксклавов. Поэтому именно встраивание ее экономики и социальной сферы в характерные для Балтийского региона процессы глобализации представляется единственной возможностью обеспечить условия устойчивого и динамичного развития региона.

9. ЭКСКЛАВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Поскольку эксклав – часть территории *государства,* отделенная от него другими *государствами,* будущее эксклавности самым тесным образом связано с эволюцией государственности в условиях политической глобализации. Остается ли государство главным, хотя и не единственным субъектом мировой политики? Если да, то какие изменения его ожидают? Если нет – что придет ему на смену?

В последние годы все чаще высказывается мнение, что политическая глобализация означает размывание или даже начало конца государствоцентричной модели мира. Действительно, глобализационные процессы изменили мировую систему и место в ней национальных государств. Определяющей роли суверенных государств, еще полвека назад казавшейся незыблемой, бросается вызов как «сверху», со стороны международных организаций и институтов, включая ТНК, так и «снизу», со стороны активно выходящих на мировую арену внутригосударственных регионов. Да и сами государства меняются. Многие из них создают межгосударственные структуры и объединяют свои рынки в единое экономическое пространство, образуя региональные экономические блоки.

Наиболее яркий пример – Европейский союз. Он уже обзавелся собственной валютой, конкурирующей с долларом. В рамках Шенгенского пространства осуществляется единая визовая политика. Витают идеи о создании общих вооруженных сил. В дополнение к границам отдельных государств появились границы ЕС, что получило отражение в формуле «крепость Европа». Евросоюз уже обладает определенным суверенитетом, который ему добровольно делегировали национальные государства. Возможно, что именно в ЕС мы видим зачатки государственности нового типа.

Большинство других региональных экономических блоков современного мира (скажем, НАФТА или АСЕАН) не достигли та-

---

* *Клемешев А. П.* Трансформация эксклавности в условиях политической глобализации // Полис. 2005. №4. С. 143–158.

кой степени политической и экономической интеграции, как Евросоюз, и не предполагают – по крайней мере, на нынешнем этапе – делегирования права принятия решений наднациональным органам. Но «свобода рук» (прежде всего в экономической сфере) входящих в них государств объективно ограничена многосторонними международными соглашениями.

В 1990-е гг. США и многие страны Европы отвергли принцип невмешательства во внутренние дела других государств в пользу так называемых «гуманитарных интервенций» на основе всемирной юрисдикции, т. е. с санкции ООН. Тем самым произошло своеобразное возвращение к эпохе Священного союза, когда великие державы выполняли функции гарантов не только международного мира, но внутриполитической стабильности европейских стран.

Помимо выстраивания наднациональных структур, которым национальное государство уступает все большую часть своего суверенитета, прослеживается и другое направление отхода от государствоцентричной Вестфальской системы. По мнению А. И. Неклессы, «процесс, который происходит на планете, возможно, было бы правильнее охарактеризовать как «новый регионализм»: формирование макрорегиональных геоэкономических пространств (или «нового регионального миропорядка») на фоне социального и экономического расслоения мира». «В русле модных теперь формулировок» Неклесса предлагает назвать этот процесс «Глобализация-2»[1].

В условиях глобализации меняется само строение мировой политики. Она становится «многоярусной» и включает «следующие «этажи», или уровни: локальный... субнациональный... национальный... супранациональный... глобальный»[2]. На эксклавность, естественно, влияют все эти «этажи», однако ее трансформация и качественное развитие самым непосредственным образом связаны с выделением субнационального и супранационального уровней. Применительно к Калининградской области это выводит на пер-

[1] *Этос* глобального мира. М., 1999.

[2] *Ильин М. В.* Политическая глобализация: институциональные измерения // Горбачев М. С. и др. Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 245–246.

вый план такие аспекты глобализации, как межгосударственная интеграция (в первую очередь в рамках ЕС и СНГ), а также регионализация – собственно российская и европейская. Что касается первого аспекта, то здесь хотелось бы подчеркнуть неизбежность трансформации прежних национальных государств в государства нового типа, включающие в себя макрорегиональные геоэкономические пространства. Этому способствует процесс *социальной* глобализации, следствием которого становится консолидация государств не только на геоэкономической, но и на цивилизационной основе. Ведь выделенные еще С. Хантингтоном цивилизации в большинстве случаев охватывают как раз определенные геоэкономические пространства[1]. Кажущееся исключением разделение западной цивилизации на два геоэкономических пространства (США и ЕС) на самом деле имеет под собой серьезные цивилизационные основания. Различия между Старым и Новым светом достаточно серьезны для того, чтобы задуматься об их качественном характере. Нередко высказывается мнение, что внутри Европейского союза создается некий образ коллектива, противопоставляемого «другим», которые тоже суть собирательные образы[2]. Отмечается, что представления Европы о самой себе все в большей степени оказываются продуктом манипуляции, предполагающей конструирование образов нежелательных «других» и тем самым вызывающей к жизни дихотомию «европейского» и не являющегося таковым[3]. В итоге возникает и усиливается социальный разрыв между ЕС и «остальным миром».

В результате образования двух крупных политических пространств – России и Европы, что отвечает логике двойной цивилизационной системы[4], Калининградская область может стать, по

[1] *Huntington S.* Clash of Civilizations // Foreign Affairs, 1993. Summer.
[2] *Banus E.* Introductory Report. The European Union: a Space for Intercultur-al Dialogue // Intercultural Dialogue. Dialogue Interculturel. Brussels, 2002. P. 188.
[3] *Boyce B.* The Role of Islam in Europe's Search for a Common Cultural Identity. – Banus E., Elio B. (eds.) Actas del IV Congreso 'Cultura Europea / Pamplona. 1998. P. 305.
[4] См.: *Ильин М.В.* Геохронополитические членения (cleavages) культурно-политического пространства Европы и Евразии: сходства и различия // Ильин М.В., Бусыгина И.М. (ред.) Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999; *Цымбурский В.Л.* «Европа-Россия»: «третья осень» системы цивилизаций // Полис. 1997. №2.

меткому выражению Н. Смородинской, «двойной периферией»[1]. Само по себе такое положение отнюдь не уникально. Оно присуще – в той или иной мере – многим лимитрофным зонам[2], включая балто-черноморскую[3], однако эксклавность Калининградской области делает его особенно ощутимым и позволяет связать супранациональный уровень межцивилизационного взаимодействия с субнациональным.

В нынешних условиях все большее значение приобретают субнациональные регионы, которые, взаимодействуя между собой, могут создавать международные ассоциации и другие подобные сообщества. Прежде всего это относится к регионам стран Евросоюза. Будучи наделены значительной самостоятельностью (в рамках общих правил), они нередко проводят собственную экономическую политику и, объединяясь с соседями в *еврорегионы,* образуют подпространства внутри экономического пространства ЕС. Попытки включения в состав последних российских регионов, не имеющих серьезной финансовой и законодательной базы, пока не дают заметных результатов. Это, однако, не означает, что в подобных проектах не следует участвовать.

Эксклав с его четко очерченными границами представляет собой «чистый» субнациональный регион, в котором как бы накладываются и совпадают различные определения *региона* как социально-территориального феномена. В ситуации, когда для региона становится значимым комплекс проблем глобального развития, а сами регионы (особенно *регионы-субъекты)* выступают как проявление глобализации, начинает формироваться регионально-государственно-международная система жизнедеятельности человека и общества.

Разумеется, далеко не все эксклавы могут трансформироваться в регионы-субъекты. Для этого требуются и достаточно большая территория, и относительно высокая численность населения, и формирование (хотя бы в зачаточной форме) региональ-

---

[1] *Смородинская Н.* Калининград в условиях объединения Европы: вызов и ответ // Вопросы экономики. 2001. №11.

[2] См.: *Цымбурский В.Л.* Народы между цивилизациями // Pro et contra. 1976. №3.

[3] См.: *Цымбурский В.Л.* Как живут и умирают международные конфликтные системы (судьба балто-черноморской системы в XVI – XX веках) // Полис. 1998. №4.

ной идентичности, регионального самосознания. Вряд ли станут ими, например, Гибралтар или Сеута, не обладающие необходимым для саморазвития внутренним потенциалом. В то же время Аляска и Северная Ирландия уже являются регионами-субъектами. Думается, что именно превращение в регион-субъект, активно действующий в экономических пространствах как Российской Федерации, так и Балтии, способно гарантировать эффективное развитие Калининградской области. Успех подобной трансформации эксклавности во многом зависит от того, насколько рационально будет использовано осуществляющееся сегодня распределение суверенных полномочий государства. Как отмечают М. М. Лебедева и А. Ю. Мельвиль, «в современном мире государства все в большей степени вынуждены «делиться» своим суверенитетом, с одной стороны, с регионами и неправительственными организациями, а с другой – с межправительственными организациями»[1]. За последние годы и десятилетия структура суверенитета существенно обогатилась, и возникло много новых суверенных полномочий, которыми государства распоряжаются отнюдь не монопольно. По справедливому заключению датских политологов Х.-Х. Хольма и Г. Соренсена, в нынешних условиях суверенитет, точнее комплекс суверенных полномочий государства, следует рассматривать в трех измерениях – как негативный, позитивный и операционный[2]. Соответствующие комплексы суверенных полномочий – негативные, позитивные и операционные – свойственны разным типам государств – предсовременным, современным и постсовременным. На наш взгляд, практическое решение вопроса о будущем эксклавов должно предусматривать:

– признание правительством страны специфики положения региона и отражение ее в законодательстве при отказе регионального сообщества от выдвижения требований автономистского и сепаратистского плана;

– внимание и реальная поддержка со стороны «своего» государства, четкое разделение функций между центральным прави-

[1] *Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю.* Сравнительная политология, мировая политика, международные отношения: развитие предметных областей // Полис. 1999. №4.

[2] *Holm H.-H., Sorensen G.* (eds.) Whose World Order? Uneven Globalization and the End of the Cold Wax. Boulder, 1995.

тельством и региональной властью, обеспечивающее баланс региональных и общегосударственных интересов;

– более высокую степень самостоятельности местных властей в принятии оперативных управленческих решений в социально-экономической сфере и в сфере внутреннего самоуправления территории;

– корректные отношения с сопредельными государствами, прочные экономические, культурные и гуманитарные связи с их населением;

– открытость экономики и активное участие в международном разделении труда;

– развитие приграничной межрегиональной кооперации и культурного сотрудничества.

Реализация этих требований, как нам кажется, и будет залогом успешной адаптации эксклавов к условиям глобализации.

10. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ*

Для понимания современной проблематики Калининградской области необходимо рассмотреть соотношения понятий «глобализация» и «регионализация», поскольку оба этих процесса более сильно по сравнению с другими регионами страны, возможно, определяющим образом воздействуют на жизнедеятельность и развитие российского эксклава. Мы не будем рассматривать все сложные, неоднозначно трактуемые проблемы определения этих понятий и соотношения между ними, остановимся на тех принципиальных положениях, которые потребуются для анализа конкретной ситуации применительно к Калининградской области.

Глобализация, по Р. Робертсону, процесс всевозрастающего воздействия на социальную действительность отдельных стран различных факторов международного значения: экономических и политических связей, культурного и информационного обмена и т. п.[1]

На философском уровне глобализация воспринимается как наука нового времени – глобалистика, в которой изменяются «субъект-объектные отношения», объект теснее смыкается с субъектом. «Глобализация как процесс и структура объективно данного порядка немыслима вне носителя представлений о ней, безотносительно всей совокупности знаний о глобализации – как научных, так и не- и вненаучных»[2].

На прагматическом уровне голландские исследователи отмечают, что глобализация – абстрактный процесс снижения значимости географических расстояний из-за высокой интенсивности экономических, политических и социо-культурных взаимодействий[3]. Таким

---

* *Клемешев А.П.* Российский эксклав в условиях глобализации: Монография. Калининград: Изд-во КГУ, 2004.

[1] www. glossary. ru.

[2] *Чешков М.* Взгляд на глобализацию через призму глобалистики // Материалы международного семинара по проблемам глобалистики. М., 2001.

[3] *Lubbers R., Koorevaar I.* Primary Globalisation, Secondary Globalisation, and the Sustainable development paradigm – Opposing forces in the 21st Century. Expo 2000. OECD Forum for the future. 1999.

образом, подчеркивается важная характеристика процесса глобализации – интенсивность взаимодействий (interactions intensity).

Результатом глобализации выступает **глобальное пространство**, т. е. некоторая область действительности для объектов, в которой действуют установленные законы (или закономерности) и стандарты, определяющие относительные положения этих объектов. Объекты единого пространства подчиняются действию единых законов, но при этом не являются одинаковыми, имеют разную динамику и расположение в пространстве.

В узком смысле под глобализацией и понимается феномен объединения и искривления экономических, политических, социокультурных пространств и в конечном счете их взаимопроникновения под воздействием технологических изменений и экологических ограничений. Признавая абстрактность данного подхода, его можно наполнить конкретным содержанием, понимая под *пространством* область действия единых законов, правил и закономерностей. Причем важно подчеркнуть, что законы, определяющие *социально-экономическое пространство*, это в первую очередь *законы стоимости* (и инвестиций) и *стандарты потребления*, а не юридические нормы, которые скорее определяют политическое *пространство*. Соответственно, можно выделить экономическую, социальную и политическую (а, возможно, также и экологическую) ***гиперглобализации***.

В данном контексте мы разделяем экономику и политику, хотя существует довольно большой соблазн согласиться с мнением В. Ленина о том, что *политика – это концентрированное выражение экономики*. Не случайно есть мыслители, возвращающиеся к социалистическим теориям при объяснении глобализации, а движение *антиглобалистов* тесно ассоциируется с социалистическим или националистическими политическими течениями. Избегая идеологических споров, выразим только мысль, что экономика (в лице предпринимателей) и политика (в лице государств) выступают главными заказчиками (покупателями), а следовательно, и распространителями (проводниками) глобализации.

От экономических и политических аспектов глобализации необходимо обособить социальные интересы, отражающие, возможно, наиболее противоречивые, цивилизационные аспекты этого процесса. Относительная самостоятельность социума по сравне-

нию с экономикой и политикой объясняется различиями проводников глобализации, в качестве которых здесь выступают не ТНК и государство, а социально-территориальные общности людей, развитие которых подчиняется собственным законам.

Экономическая глобализация – тенденция к образованию всемирной инвестиционной среды и интеграция национальных рынков капиталов[1]. Иначе говоря, это совокупность процессов пространственного слияния рынков капиталов, товаров, услуг и финансовых инструментов, которые ускоряются под воздействием конкуренции на уровне инновационных технологий. «В практическом плане глобализация означает, прежде всего, уменьшение барьеров между различными экономиками, что способствует торговому взаимообмену»[2].

«Глобальная экономика представляет собой исторически новую реальность, отличную от мировой экономики. Согласно Фернану Броделю и Иммануэлю Уоллерстайну, под мировой экономикой понимается такая система, где процесс накопления капитала происходит по всему миру, и она существует на Западе по крайней мере с XVI в. **Глобальная экономика представляет собой нечто другое: это экономика, способная работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты»**[3].

Глобальная экономика не означает однородности мирового экономического пространства. Информационные технологии, ставшие необходимым условием глобализации, подвержены **поляризации** в еще более очевидной форме, чем даже материальное производство[4]. Причем именно промышленные районы часто являются основой для узлового развития инфраструктуры новой информационной экономики[5], так что степень прежней поляризации стран и районов усиливается.

Природа процессов развития неодинакова в различных пространствах уже потому, что в них действуют разные законы. Рыночные, смешанные, плановые и переходные экономические сис-

[1] www. glossary. ru.
[2] См.: *Уткин А.И.* Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001. С. 35.
[3] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, власть и общество. М., 2000.
[4] *Ding L., Lui X.* Growth Pole Theory and its Implications on the Evolution of Internet and Internet Industry in the United States, 2001.
[5] См.: *Кастельс М.* Указ. соч.

темы, а также развитые, развивающиеся и менее развитые страны представляют собой *разные* экономические пространства[1].

Неоднородность экономических пространств определяет то, что «архитектура глобальной экономики отображает асимметрично взаимозависимый мир, организованный вокруг трех главных экономических регионов и все более поляризующийся по оси противостояния между продуктивными, процветающими, богатыми информацией областями и областями обездоленными, экономически и социально обесцененными»[2].

Относительную однородность мирового экономического пространства задают наиболее мощные в экономическом отношении *государства*, инициировавшие создание ВТО и определяющие ее правила, использующие преимущества использования в мировом масштабе своей валюты. Многие государства объединяют свои рынки в единое экономическое пространство, образуя региональные экономические блоки, и ЕС уже создал собственную валюту, конкурирующую с долларом. С другой стороны, одной из важнейших составляющих понятия **суверенитет** государства были и пока остаются государственные границы, которые служат серьезным *барьером* для материализованных потоков. Так что роль государства в экономической глобализации неоспорима.

Но среди экспертов нет единства в ответе на вопрос: кто является главным агентом экономической глобализации – государство или транснациональные корпорации? Многие исследователи, особенно из развивающихся стран, склонны противопоставлять деятельность национальных государств и транснациональных корпораций. Такая точка зрения кажется правильной, если рассматривать не особенности формирования мирового *экономического пространства*, а интенсивность *связей*, его объединяющих.

Поскольку экономические, финансовые, коммуникационные *связи* между различными частями мира устанавливают ТНК, то логично предположить, что именно они главные агенты экономической глобализации. К сожалению, достаточно четко проследить

[1] *Гареев Т. Р.* Организационно-экономические аспекты формирования полюсов развития в регионе (на примере производственно-коммерческой зоны в Калининградской области). Дис. … канд. экон. наук. Калининград, 2004.
[2] Там же.

все механизмы деятельности ТНК невозможно, так как теория ТНК находится в самом зачаточном состоянии[1].

Совместные действия государства и ТНК на основе общей выгоды обосновывает Дж. Сорос, который утверждает: «Чтобы понять, почему рыночный фундаментализм и американская гегемония тесно связаны друг с другом, важно осознать, что глобальные финансовые рынки приносят выгоду странам, находящимся в центре международной рыночной системы, в особенности США. Финансовые рынки «всасывают» большую часть сбережений и прибыли, создаваемых во всем мире, перекачивают их в центр, откуда они затем вновь отправляются на периферию либо непосредственно через финансовые инструменты вроде акций и облигаций, либо опосредованно через транснациональные корпорации. Центр является поставщиком финансовых и всех прочих услуг, начиная от информации и высшего образования и заканчивая развлечениями, и одновременно «базой» для большинства транснациональных корпораций. Поэтому он получает львиную долю всех доходов»[2].

Экономическая глобализация в процессе развития во все большей мере приобретает следующие основные черты.

1. Формирование мирового экономического пространства, все более подчиняющегося общим правилам (закрепленными участием государств международных организациях, включающих большинство стран мира).

2. Повышение роли *связей* внутри экономического пространства, находящее отражение в изменении акцентов системного подхода при экономическом анализе: изучение *формирования сетей* в противовес прежнему доминированию исследований *комплексов* (ядер).

3. Активная роль в процессах глобализации ведущих в экономическом отношении стран.

4. Возрастание роли ТНК, которые становятся важнейшими агентами (проводниками) глобализации.

5. Качественные изменения в скорости и объемах коммуникаций (вещественных и информационных).

---

[1] См.: *Кругман П.Р., Обстфельд М.* Международная экономика: теория и политика. 5-е изд. СПб., 2004.

[2] *Сорос Дж.* Джорж Сорос: 47 тезисов о глобализации // Вестник Европы. 2001. №2. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. archipelag. ru/

6. Быстрый рост объемов мировой торговли, изменение ее структуры в пользу наукоемких товаров и услуг.

7. Активная интеграция финансовых рынков.

8. Появление и расширение сферы деятельности всемирного права.

9. Все более важная политическая роль международных институтов, в том числе ТНК; ограничение реальной власти национальных правительств в решении экономических вопросов.

10. Воздействие *экономической* глобализации на социум: культуру, мораль, жизненные ценности населения.

11. Фрагментация глобального пространства вследствие разного и с неодинаковой интенсивностью участия отдельных его подпространств в мирохозяйственных взаимодействиях.

12. *Регионализация* экономической деятельности вследствие ее дальнейшей поляризации.

Этот последний (по порядку, но не по значению) пункт, касающийся регионализации в период глобализации, для нашего исследования особенно важен, и ниже мы остановимся на нем подробнее.

Крайне противоречива и ***социальная глобализация.***

Казалось бы, новейшие средства коммуникаций способствуют интеграции культур, растущая доля массовой культуры обусловливает все новые черты сходства людей. Современный мир в силу усилившихся интеграционных процессов становится во многих отношениях все более похожим, «глобальным». Возникли такие понятия, как «глобальное мышление», «глобальная ответственность». Но параллельно развиваются не менее значимые процессы социально-экономического, культурного, языкового расслоения общества, в том числе в территориальном разрезе. Различия цивилизаций под воздействием глобализации не уменьшаются (о чем свидетельствует хотя бы само возникновение гипотезы «столкновения цивилизаций» Хантингтона, идеи смены «железного занавеса» между Россией и Западом бархатным и пр.), хотя у них появляются и некоторые общие черты, вызванные все возрастающим распространением новых средств коммуникаций.

В докладе Группы высокого уровня ЕС (High-Level Advisory Group), инициированном Президентом Еврокомиссии Романо Проди и опубликованном в материалах Европейской комиссии в 2004 г., указывается, что процесс глобализации неоднозначен. Он направлен как на развитие, так и трансформацию составляющих территории общностей. Речь идет о том, что процесс распростра-

нения идентичности сопровождается процессом маргинализации. Сегодня говорят о новом этапе глобализации, усиливающей как никогда региональный компонент и требующей разработки новых парадигм[1]. Как шаг в этом направлении ЕС разработана программа «Европа-2010», в которой глобализация рассматривается в различных аспектах – территориальном, духовном, демографическом и др., и во многих случаях отмечаются ее негативные аспекты.

Нестабильность существующих систем и слабость социальных общностей определяет то, что глобализация, способствуя развитию экономических, социальных, финансовых структур социальных общностей, раскрывает и усиливает как их преимущества, так и недостатки. С одной стороны, глобализация стимулирует процесс внутреннего изменения существующих структур, обеспечивает этим структурам поиск саморазвития. В то же время в своих уродливых формах она ведет к трансформации менее устойчивых культур и образованию некоего искусственного и нежизнеспособного конгломерата цивилизаций.

Как пишет И. С. Семененко, «вывод об однозначном доминировании в глобализирующемся мире тенденции к росту культурного единства вряд ли правомерен. Формирование единого информационного пространства и универсализация потребительских стандартов не снимают проблемы поддержания “разнообразия” (как характеристики идентичности), а кажущаяся безвариантность глобализации по неолиберальному сценарию стимулирует поиск альтернатив» [2].

В пользу тезиса о том, что тенденции к глобальному культурному единству пока не являются доминирующими, И. С. Семененко приводит данные европейского обследования ценностей, согласно которым с миром в целом или с континентом отождествляют себя лишь 11 % жителей планеты» (тогда как со страной – 29 %, а с городом или провинцией – 57 %)[3].

---

[1] Report by the High-Level Advisory Group established at the initiative of the President of the European Commission. Dialog between peoples and cultures in the Euro-Mediterranean area. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2004.

[2] *Семененко И. С.* Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Полис. Политические исследования. 2003. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www. politstudies. ru /fulltext/ 2003/1/2.htm

[3] См.: *Семененко И. С.* Указ. соч. Правда, можно сказать и так: «***Уже 11%*** жителей планеты отождествляют себя с миром в целом или с континентом».

Противоречивость процесса социальной глобализации четко отражают результаты исследований процессов европейской интеграции, которая создает широкую платформу для усиления социальных контактов между населением разных стран. Исследователи отмечают, что интенсификация миграционных процессов в ЕС даже ведет к формированию в ряде регионов биполярной идентичности[1].

Вместе с тем все более широко распространяется мнение, что внутри Европейского союза создается некий образ коллектива, который противопоставляется «другим», которые также являются некими собирательными образами[2].

Отмечается, что представления Европы о самой себе все более становятся результатом манипуляции, включающей конструирование образов нежелательных «других», создающих дихотомию того, что можно считать европейским и того, что не является таковым[3]. В результате возникает и усиливается новая социальная дифференциация между Европейским союзом и «остальным миром».

Политическая глобализация означает, как полагают многие исследователи, конец *Вестфальской, или государственно-центрической, модели (системы) мира*, которая берет начало в Вестфальском мирном договоре 1648 г., положившем конец кровавой Тридцатилетней войне, опустошившей центр Европы. В основу этой системы положена идея национального государства (*nation-state*). Согласно Вестфальскому миру государство обладает суверенитетом (т. е. всей полнотой власти на своей территории), само определяет внутреннюю и внешнюю политику. Был закреплен и принцип невмешательства государств во внутренние дела друг друга. В дальнейшем эти принципы были распространены и на другие континенты. Так постепенно возникла система уважающих суверенитет друг друга и согласно международному праву равных

[1] *Intercultural dialogue. Dialogue interculturel.* Brussels, 20 and 21 March 2002. European Commission. DG for Education and Culture. P. 189.

[2] *Banus E.* Introductory report. The European Union: a space for intercultural dialogue' // Intercultural dialogue. Dialogue interculturel'. Brussels, 20 and 21 March 2002. European Commission. DG for Education and Culture. P. 188.

[3] *Boyce B.* The role of Islam in Europe's search for a common cultural identity // Banus E. And Elio, B. (eds), *Actas del IV Congreso 'Cultura Europea'*, Pamplona 1998. P. 305 – 311.

между собой государств, самостоятельно определяющих свою внутреннюю политику и свободных в своих внешних действиях.

Однако во второй половине XX в. происходит то, что дает основание говорить о размывании или даже, как утверждают некоторые исследователи, о начале конца Вестфальской модели мира. Глобализационные процессы изменили мировую систему и место в ней национальных государств. Государственный суверенитет, ранее бывший незыблемым, подвергся ограничениям как «сверху» (со стороны международных организаций и институтов, включая ТНК), так и «снизу» (со стороны активно выходящих на международную арену внутригосударственных регионов[1]).

Кроме того, в 1990-е гг. США и многие европейские государства отвергли принцип невмешательства во внутренние дела других стран в пользу так называемых «гуманитарных интервенций» или вмешательства на основе всемирной юрисдикции (с санкции ООН). В 2002 г. США официально приняли «Стратегию национальной безопасности»[2], которая также отвергает Вестфальские принципы государственного суверенитета и равенства государств. В этом документе сказано, что если правительство США в одностороннем порядке определит, что какое-то государство может в будущем представлять угрозу Америке или что оно укрывает на своей территории группу, которая считается потенциальной угрозой, то Соединенные Штаты осуществят упреждающую акцию в этом государстве с целью устранения угрозы, если необходимо, путем «смены правящего режима» (что и произошло в 2003 г. в Ираке).

Результатом возникновения и расширения транснациональных сетей производства, торговли и финансов становится «денационализация» экономики. Государства постепенно утрачивают контроль за экономическими процессами. Правительства трансформируются из главных институтов мирового порядка в институты посреднические, чья роль заключается, прежде всего, в обеспечении связей между все более укрепляющимися локальными, региональными и глобальными механизмами управления. По мнению

[1] Так называемый «регионализм» или, как иногда пишут, даже «революция регионов».

[2] The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. whitehouse. gov/ nsc/nss. pdf

гиперглобалистов[1], в результате глобальных процессов (прежде всего экономической глобализации) национальные государства как первичные экономические и политические образования мирового сообщества будут постепенно вытеснены новыми формами социальной организации.

Эти представления тесно смыкаются с геополитическими идеями так называемых *«мондиалистов» (mondialism)*, оперирующих такими понятиями как, *конец истории, единый мир (One World)* и *новый мировой порядок (the New World Order)*. Мондиалистские доктрины предусматривают переход от множественности наций, государств и культур к униморфному миру, основанному на принципах либеральной демократии и рынка (вплоть до создания «мирового государства» и «мирового правительства»)[2].

В то же время существуют и другие взгляды на судьбу национальных государств. Так, например, *Э. Гидденс* (*A. Giddens*) полагает, что и в условиях глобализации национальное государство не исчезает[3]. Он считает, что в обозримом будущем оно сохранит значительную часть своих административных, экономических и культурных функций как внутри страны, так и на внешней арене. Но в то же время будет увеличиваться вклад в государственное управление различных неправительственных объединений, деловых корпораций и других групп.

А вот «власть» ТНК и их наднациональный характер, наоборот, преувеличиваются. При всей мощи корпораций у государств, особенно действующих сообща, гораздо больше власти, и так будет продолжаться еще очень долго[4]. В конце концов, именно государства контролируют территории, пишут законы и добиваются их выполнения (в том числе и от ТНК), могут в случае необходимости легально использовать насилие внутри страны и за рубежом. Всего этого транснациональные фирмы делать не могут.

К тому же ТНК глобальны по размаху деятельности, но не по капиталу. В абсолютном большинстве случаев ядро собственно-

---

[1] *К. Омае (Ohmae)*, *С. Стрейндж (Strange)*, *Е. Луард (Luard)*, *М. Элбро (Albrow)* и др.
[2] *Ф. Фукуяма (Fukuyama), Ж. Аттали (Attali)* и др.
[3] *Giddens A*. The Third Way. The Renewal of Social Democracy. Cambridge, 1998. P. 32.
[4] *Giddens A*. Runaway world. How Globalization is Reshaping our Lives. Second Edition. N.Y., Routledge, 2003. P. XXV.

сти ТНК базируется на капитале одной, а не нескольких стран. Практически для любой ТНК всегда можно определить ее «национальную принадлежность» – по месту нахождения штаб-квартиры, гражданству владельцев, месту уплаты основной части налогов, наличии поддержки со стороны правительственных структур того или иного государства и связям с этими структурами и т. д. Поэтому и представление об антагонизме между миром ТНК и миром национальных государств преувеличено. Речь идет, скорее, о симбиозе, когда национальные государства продвигают на зарубежные рынки «свои» ТНК, а ТНК, в свою очередь, выступают как инструменты распространения экономического, политического и социокультурного влияния «своих» стран. Все это, разумеется, не исключает и периодически возникающих конфликтов между ТНК и «материнскими» национальными государствами. Но вряд ли стоит утверждать, что ТНК «похоронят» государства и приведут к формированию некоего «безгосударственного мира». Глобализация не лишает национальные государства власти, а ведет к новому партнерству между сферами экономики и политики[1]. Государства, несмотря на определенную трансформацию функций, будут еще долго оставаться важными мировыми акторами.

После окончания холодной войны закончилась и эпоха *биполярного* мира, когда в мире доминировали две сверхдержавы – США и СССР. Но что пришло ему на смену? Стал ли мир *монополярным* (*однополярным/однополюсным, униполярным*) или в нем все же выделяется несколько центров силы (*многополярный/многополюсный мир*)?

Монополярная модель мира характеризуется гегемонией первой и единственной мировой державы, Соединенных Штатов Америки (такой однополюсный мир во главе с США иногда называют Pax Americana). Как указывают американские исследователи *С. Брукс* и *В. Вольфорф*, «сегодня… Соединенные Штаты не имеют соперников в любом критическом измерении мощи. Никогда не существовало такой системы суверенных государств, кото-

[1] *Шремпп Ю.* 10 тезисов к вопросу о глобализации. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. voy. com/6788/305.html

рая имела бы в своем составе одно государство с такой степенью доминирования»[1].

Америка пожинает плоды своего военного, экономического, технологического и культурного[2] доминирования. В мире широко распространено мнение о том, что США уже превратились или превращаются в «империю», чьи претензии и интересы охватывают весь мир[3]. Но это империя «нового типа». «В отличие от прежних империй, эта обширная и сложная глобальная система не является иерархической пирамидой. Напротив, Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит в конце концов из единого источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия»[4]. Глобализационные процессы в этой модели мира тоже рассматриваются как процессы распространения на мир американского политического, экономического и социокультурного влияния – «мир не глобализируется, он американизируется»[5]. Или, глобализация – «это глобализация американской культуры и символов. Это глобализация всего лучшего и худшего в Америке»[6].

В то же время некоторые исследователи справедливо считают, что, несмотря на доминирование в некоторых сферах (особенно в военной), Америка отнюдь не обладает мировой политической властью. Так, по мнению *Джозефа С. Ная (Nye)* мир напоминает

---

[1] *Brooks S., Wohlforth W.* American Primacy in Perspective // Foreign Affairs. July / August 2002. P. 26.

[2] Говоря об американской культуре, даже такой апологет США, как Збигнев Бжезинский, вынужден сделать примечательную оговорку – «несмотря на ее некоторую примитивность» (*Бжезинский З.* Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 1998. С. 36).

[3] С 1 октября 2002 г. впервые в истории в мире нет ни одной пяди земли, которая бы не находилась в зоне ответственности одного из региональных военных командований США (включая Антарктику). Не является исключением и Россия, впервые оказавшаяся в зоне ответственности американского военного командования – Главного командования в Европе (EUCOM).

[4] *Бжезинский З.* Указ. соч. С. 40 – 41.

[5] *Sorrel M.* Naming a New Era: Branding the New Era // Foreign Policy. Summer 2000. P. 61.

[6] *Фридмен Т.* LEXUS И ОЛИВА. Понимая глобализацию / Пер. с англ. СПб., 2003. С. 358.

трехмерную игру в шахматы, будучи однополярным лишь в военном измерении. Но и здесь США не могут обойтись без поддержки других государств, о чем свидетельствуют и Балканы, и Афганистан, и Ирак.

На экономическом же уровне мир многополярен. Здесь США ведут острую конкурентную борьбу с ЕС, Японией и все более – с КНР. При этом положение Америки в мировой экономике в последние годы по ряду позиций далеко не блестяще. Она теряет превосходство даже в тех высокотехнологичных секторах промышленности, где ее компании традиционно лидировали. К примеру, в 2003 г. западноевропейский консорциум Airbus впервые поставил заказчикам больше пассажирских авиалайнеров, чем американский Boeing. Ухудшаются внешнеэкономические позиции страны. Так, в 2003 г. США уступили первое место в мире по экспорту товаров Германии, а дефицит их внешнеторгового баланса составил более 580 млрд дол[1]. Резко снизилась привлекательность США для иностранных инвесторов: объем прямых иностранных инвестиций, привлеченных страной за 2000–2003 гг., сократился более чем в 10,5 раз (с 314 до 29,8 млрд дол.) – до самого низкого уровня за последние 12 лет. По этому показателю страна опустилась с первого на четвертое место в мире. Из 25 крупнейших нефинансовых ТНК мира по размерам заграничных активов сейчас только 5 американских[2].

Третьим мировым измерением являются глобальные трансакции (от электронных финансовых переводов до трафика оружия террористическими организациями и наркотрафика), имеющие особое значение для США как для бесспорного лидера глобализации. Но здесь никто, в том числе и Америка, не обладает полным контролем[3].

Даже если принять за данность (что, как мы видели, далеко не факт) модель многополярного мира с безусловной гегемонией США, то она имеет свои временны́е пределы. Как показывает исторический опыт, одна страна, сколь бы сильна она ни была, не

[1] *World Trade Organization.* PRESS/373. 5 April 2004 (02 – 0000) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. wto. org/english/ news_e/ pres04_e/pr373_e. pdf

[2] *UNCTAD* World Investments Report 2004. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. unctad. org/en/ docs//wir2004_en. pdf.

[3] *Nye J.* Paradox of American Power. N.Y., 2002.

в состоянии контролировать или вести за собой мир бесконечно долго. Истощаются ресурсы, снижаются возможности, ослабевает национальная воля. Одновременно растут и набирают силы соперники. Поэтому единоличному лидерству США рано или поздно придет конец. Вряд ли США сможет заменить в этой роли какая-то другая страна или интеграционная группировка (например, КНР или ЕС). Как представляется, маловероятно и возвращение к *биполярному* миру с соперничеством двух сверхдержав.

Неизбежность «конца американской эры» осознают и некоторые американские политологи. Так, например, профессор Джорджтаунского университета, директор Европейского отдела в Совете по международным отношениям *Чарльз Капхен* (*Kupchan*) полагает, что «надежда на долговечность американского величия не только ошибочна, но и опасна»[1]. Поэтому «Америка должна разработать стратегию перехода к мультиполярному миру сейчас, пока есть прекрасная возможность сделать это. Таков главный вызов э*похи заката американского величия*»[2]. Будущий многополярный мир будет состоять из конкурирующих между собой многочисленных центров силы, хотя это не будет возвратом к равновесию силовых систем, подобно сложившемуся в Европе перед Первой мировой войной. По мнению Ч. Капхена, это будут следующие силовые центры:

1) Северная Америка;

2) Европейский союз[3];

3) Восточная Азия, где главную роль будет играть Китай.

Для регулирования взаимоотношений этих силовых центров предлагается учредить своеобразный директорат крупнейших мировых держав. Его членами-основателями должны стать США, Европейский союз, Россия, Китай и Япония. В нем также должны быть представлены главные страны других регионов – Индонезия, Индия, Египет, Бразилия, Нигерия.

---

[1] *Капхен Ч.* Закат Америки; Уже скоро-The End of American Era / Пер. с англ. М., 2004. С. 25.

[2] Там же. С. 29.

[3] Причем Ч. Капхен считает, что для реализации европейского проекта к ЕС должна присоединиться Россия. Но это произойдет не сразу. Первым же шагом к включению России в новую Европу должно стать ее присоединение к НАТО (в качестве ориентировочной даты предлагается 2010 г.).

В работах других авторов называются в общем-то схожие конфигурации будущего многополярного мира. Так, канцлер ФРГ Гельмут Коль в 1996 г. говорил о мире трех примерно равных по силе блоков – США, ЕС, Восточная Азия. Массачусетский технологический институт также предсказывает формирование трехполюсного мира, основанием которого станут США, Европейский союз и Япония. По мнению другой группы аналитиков, возникнут региональные блоки Азии, Европы и обеих Америк во главе соответственно с Японией, Германией и США[1]. Таким образом, можно согласиться с мнением заведующего кафедрой международного права МГИМО МИД РФ профессора *Юрия Колосова*, который полагает, что «однополюсность нам точно не грозит»[2].

Подводя итог краткому анализу различных аспектов глобализации, можно констатировать, что, возможно, единственным общим признаком глобализации является необычайное усложнение мира – как с точки зрения его функциональной структуры, так и в пространственном аспекте. По мнению И. А. Неклессы, с котором, на наш взгляд, можно согласиться, «процесс, который происходит на планете, возможно, было бы правильнее охарактеризовать как «новый регионализм»: формирование макрорегиональных геоэкономических пространств (или «нового регионального миропорядка») на фоне социального и экономического расслоения мира». Он предлагает назвать ее «в русле модных теперь формулировок – “Глобализация-2”»[3]. Происходит лишь унификация определенных правил игры, повсеместная информатизация, обеспечение прозрачности экономического пространства, установление мировой коммуникационной сети, развитие систем управления. А социально-экономической конвергенции с политическим и социальным единением глобального сообщества, действительно, не наблюдается.

[1] См.: *Уткин А.И.* Мировой порядок XXI века. М., 2002. С. 321.
[2] «Однополюсность нам точно не грозит». Газета. Ru. 17.02.2003. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. gazeta. ru/2003/02/17/odnopolusnos. shtml
[3] Этос глобального мира. М.: Горбачев-фонд, Восточная литература РАН, 1999 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: / www. archipelag. ru/ text/019.htm

11. ПОНЯТИЕ РЕГИОНА*

Для определения и конкретизации научной парадигмы региональных исследований большое значение имеет дефиниция ключевого понятия «регион». Но в определении понятия «регион» не только нет единообразия – подходы часто различаются кардинальным образом. Регион стал понятием, конструируемым в зависимости от конкретных целей географов, экономистов, социологов, политологов, экологов, представителей разных наук, изучающих этот пространственный феномен. Разные исследователи, ставящие перед собой неодинаковые цели и изучающие разные процессы, не могут трактовать это понятие одинаково. Поэтому вряд ли возможно дать определение региона, которое устроило бы абсолютно всех: «Расплывчатость термина означает, что он лавирует между несколькими школами, не интегрируя их. Как элемент государственного администрирования регион является предметом изучения национальной истории; как "город-регион" он входит в городскую историю; как "национальная культура" он включен в политическую историю народов, добивающихся создания собственного государства; как "промышленный регион" он – часть экономической истории»[1].

Неодинаковы и критерии выделения регионов. Принципиально различаются регионы, выделяемые на основе признаков гомогенности (однородности), с одной стороны, и когерентности (внутреннего единства, системности) – с другой.

Регионы, выделяемые на основе гомогенности, представляют собой любую однородную в каком-либо отношении территорию. Физико-географические характеристики служат основанием для выделения природных регионов. Если для исследователя ключевым является «человеческое измерение», то для выделения регионов используются экономические, социальные, демографические, политические характеристики. Это формальные регионы с наиболее «рыхлой» конструкцией. Характерным признаком гомогенного ре-

---

* *Клемешев А.П.* Российский эксклав в условиях глобализации: Монография. Калининград: Изд-во КГУ, 2004.

[1] *Harvie C.* The Rise of Regional Europe. London and New York: Routledge, 1994. P. 5.

гиона является одинаковая реакция всех его частей на внешние изменения[1].

Когерентные (функциональные) регионы определяются на основе системообразующих связей, объединяющих регион в единое целое. Такой регион состоит из территорий, которые в большей степени взаимодействуют друг с другом, чем с внешними территориями. Критерием для выделения функционального региона является степень экономической, социальной, политической взаимозависимости составляющих его элементов. Как правило, такие регионы имеют ядра (предприятия и организации, города, агломерации), вокруг которых и формируются регионы[2].

В отечественной литературе на основе однородности выделяются *зоны (зонирование),* на основе комплексности – *комплексы,* на основе сочетания этих двух признаков, однородности и комплексности, – *районы*[3]. Все эти три понятия подпадают под определение *региона.*

Территориально-производственный комплекс (ТПК) с жесткими производственными связями между его элементами как разновидность когерентных регионов, выделенных на основе функциональных признаков, наиболее ярко отражает традиции советской региональной школы. Социально-экономический район как более широкое понятие отличается от ТПК только количеством учитываемых связей – добавляются социальные, демографические, отчасти политические связи; сам же характер этих связей остается, по сути, функциональным.

С точки зрения западных экономистов, важный атрибут региона – это общее осознание общественных региональных интересов, что в свою очередь позволяет осуществлять некие рациональные коллективные меры, направленные на повышение благосостояния региона. Общность этих интересов может выражаться в

---

[1] *Hoover E.M., Giarratani F.* An Introduction to Regional Economics. The Web book of regional science, Regional research Institute, West Virginia University. http://www. rri. wvu. edu/WebBook/Giarratani/ chapternine. htm#9.1

[2] *Van der Velde B., Martin R.* So many regions, so many borders. A behavioural approach in the analysis of border effects. Paper prepared for the 37th European Congress of the European Regional Science Association, Rome, Italy, August 26 – 29, 1997.

[3] См.: *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М., 1983. С.66 – 67.

различных формах, однако существенным фактором является взаимосвязь между экономическим опытом территорий, входящих в состав региона, и группами, выражающими те или иные интересы. Регион рассматривается как некая единица, которая определенным образом реагирует на изменяющиеся условия, воздействующие на экономический рост и благосостояние[1].

Границы регионов, выделяемых по тем или иным признакам, могут совпадать, но чаще не совпадают с административными границами (то есть с границами регионов, выделяемых по политическому признаку). Это следует учитывать в практике территориального управления, когда регионы рассматриваются как административно-территориальные единицы.

В документах Евросоюза, который проводит политику «Европа регионов», под термином «регион» понимается культурный, экономический, социальный, административный регион[2]. В рамках региональной, структурной политики и политики конвергенции ЕС под регионом чаще всего понимается административный регион, т. е. область, объединенная по управленческому принципу и обладающая едиными полномочиями. Первостепенное значение при этом имеет первый административный уровень по отношению к государственному уровню. Например, в Германии это федеральные земли, в Польше – воеводства.

Среди многих российских ученых, занимающихся региональной проблематикой, регион расматривается как субъект Российской Федерации. Так, В.Г. Игнатов и В.И. Бутов дают следующую трактовку понятия:

«Регион – территория в административных границах Российской Федерации, характеризующаяся следующими основополагающими чертами: комплексностью, целостностью, специализацией и управляемостью, т. е. наличием политико-административных органов управления»[3]. В конце концов оказывается, что регион – это просто субъект Российской Федерации. Соответственно *регионоведение* – наука, их изучающая.

---

[1] *Hoover E.M., Giarratani F.* Op cit.

[2] См.: *Вайденфельд В., Вессельс В.*. Европа от А до Я: Справочник европейской интеграции. Рига, 2000.

[3] *Игнатов В.Г., Бутов В.И.* Регионоведение: Учеб. пособие. Ростов н/Д, 1998. С. 18.

Кроме того, термин *регион* используется для обозначения территории, охватывающей несколько государств или административно-территориальных единиц соседних государств. Это *интер-,* или *мультинациональный,* регион, например регион Балтийского моря (Baltic Sea Region)[1].

Итак, можно согласиться, что «иерархию регионов определяет только научная проблема... Регион детерминирован тем вопросом, изучением которого мы занимаемся»[2]. Но исследователь, принимая в качестве исходной собственную трактовку этого понятия, должен быть знаком с его различными определениями. Иначе могут возникнуть недоразумения, вызванные различиями используемого терминологического аппарата от понятий, используемых другими научными школами.

Объективное и субъективное в определении региона

Можно выделить два главных вопроса, на которые при разном понимании региона даются принципиально различные ответы. Во-первых, существуют ли регионы объективно, или это только методологический прием в интересах конкретного исследования? Во-вторых, является ли первичным, регионообразующим фактором территория, или она лишь фон (пространство), на котором в ходе взаимодействия экономических, социальных, политических и иных факторов формируется регион?

В отечественной географической литературе под регионом долгое время понимался определенный таксономический уровень *районов* – макроуровень: как о регионе речь могла идти о европейской части страны, Сибири, Дальнем Востоке. Основополагающим считался термин «район», с которым и ассоциировалось употреблявшееся в зарубежной литературе понятие «region». Поскольку в таких науках, как экономика, политология, социология, региональные направления были неразвиты, и они обходились без понятия «регион». И лишь в 1970-е гг., с возникновением сначала

[1] *Ryden L.* The Baltic Sea Region and the relevance of regional approaches // The Baltic Sea Region. Culture, Politics, Societies, Ed. Witold Maciejewski. Uppsala 2002. P. 7.

[2] *Isseman A.M.* Lost in Space? On the History, Status, and Future of Regional Science // The Review of Regional Studies. Vol. 23. Summer 1993. P.5–6.

региональной экономики, а затем и региональных направлений в других общественных науках, в отечественную научную практику стало проникать это понятие, появившееся затем в новом смысле и в экономгеографии. Но до сих пор в отечественной литературе даже в каждой отдельной отрасли научных знаний, не говоря уже обо всей системе региональных наук, нет однозначного определения региона. Нет его, впрочем, и за рубежом.

Советские исследователи в силу монополизации понятия «район» для целей планирования вынуждены были довольствоваться его жестким определением как наиболее комплексной социально-экономической общности, при всех модификациях восходящих к Н. Н. Баранскому[1].

Более широким является подход к регионам Ю. Н. Гладкого и А. И. Чистобаева – как к разнообразным, относительно целостным территориальным образованиям, а к регионоведению – как синтезу научных знаний о регионах. То есть речь идет об изучении структуры различных пространств (географического, экономического и т. д.) с помощью регионального анализа[2].

Но А. Ю. Скопин, проведший сопоставление традиционного для российской региональной науки понятия «район» и западной традиции понимания *региона,* на наш взгляд, заблуждается, пытаясь провести линию раздела между «объективно существующим» районом и субъективно «выделенным для исследований или конкретных социально-экономических задач» регионом[3].

Казалось бы, действительно, У. Изард утверждает, что регион как понятие возникает лишь с конкретизацией задачи[4]. А. Иссерман считает, что «регион детерминирован тем вопросом, изучением которого мы занимаемся»[5]. В самом деле, если регион представляет собой *территорию*, обладающую определенными характеристиками, то эти характеристики могут различаться в зависимости от критериев, используемых исследователями. В то же

---

[1] См.: *Баранский Н. Н.* Избранные труды. Научные принципы географии. М., 1980.
[2] См.: *Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И.* Регионоведение: Учебник. М., 2002. С. 5, 31.
[3] См.: *Скопин А. Ю.* Введение в экономическую географию. М., 2001.
[4] См.: *Изард У.* Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М., 1966.
[5] *Isserman A. W.* Lost in Space? On the History, Status and Future of Regional Science// The Review of Regional Studies. Vol 23, № 1. Summer 1993.

время буквально все советские исследователи утверждали о наличии объективно существующих районов. Такая точка зрения господствовала не только в советское время, беря методологические истоки в марксистской материалистической теории, вульгарном экономизме. Нельзя не согласиться с Ю. Н. Гладким, А. И. Чистобаевым, утверждающими, что она превалирует и сейчас[1].

Развитие *регионализма* в Европейском союзе, усиление внимания к местному самоуправлению и поддержке регионов в рамках общеевропейской политики, привело к появлению на Западе такого понимания термина *«регион»,* которое *по форме* приближается к характерному для российской региональной науки. Регион все чаще рассматривается как всеобъемлющий *территориальный* комплекс, субъект и объект управления[2].

Практические задачи территориального управления, стоящие перед канадской федерацией, отражает мнение канадца Р. Боне о том, что фундаментальной задачей региональной науки является разделение сложного мира на небольшие по размеру и более управляемые пространственные единицы, называемые регионами[3].

Подчеркивая роль понятия «регион» в управлении, некоторые исследователи даже происхождение термина «регион» начинают объяснять не только в традиционном ключе, от латинского *regio* (направление, граница), но и от *regere* (вести, направлять, управлять). Тем самым подчеркивается, что семантика данного понятия имеет две взаимосвязанные составляющие: основную – пространственную и метафорическую, подразумевающую чувство власти[4].

Анализ основных положений теории экономического районирования Н. Н. Баранского, выполненный Э. Брюна[5], показывает,

---

[1] См.: *Гладкий Ю. Н., Чистобаев А.* Указ. соч.

[2] См. например: *Regional* and Local Powers in Europe. Employment, Social Policy, Environment, Transport and Vocational Training. Brussels: Commitee of the Regions, 2002.

[3] *Bone R. M.* The Regional Geography of Canada. Toronto: Oxford University Press. Second edition, 2001.

[4] *Maciejewski W.* On the emergence of the Baltic Sea region and the reading of the book // Maciejewski, Witold (Ed.) The Baltic Sea Region. Cultures, Politics, Societies. The Baltic University Press, Uppsala, 2002.

[5] *Brunat E.* Regional science and the concept of the region: introductory elements / Russia and Regional Development. Western theories and Russian Problematics //

что различия советского и западного подхода заключаются скорее в характере выполняемых исследователями задач, вытекающих из принципиальных различий, с одной стороны, административно-командной, с другой – рыночной экономики. А «объективно существующий природно-социально-хозяйственный комплекс – район», использовавшийся советской наукой для конкретных целей административно-командного управления территорией, есть частный случай всего многообразия регионов. Поэтому, на наш взгляд, не в соотношении объективного и субъективно кроются главные различия в подходах к понятию «регион».

И «объективно существующий» район выделяется исследователем, то есть имеет субъективный характер. И в свою очередь, «субъективно выделяемый» регион является отражением реально существующих социально-экономических особенностей территории.

Принципиальные различия заключаются в разных подходах к определению соотношения понятий «регион» и «территория». Эти различия сформировались исторически и обусловлены особенностями процессов регионообразования в Западной Европе и России. Как отмечает И. Бусыгина, оформившиеся еще в Средние века территориальные сообщества (региональные и местные) не только не растворились в нации-государстве, но сохранились и ныне выходят из его тени»[1]. Отражением этого процесса является получившее распространение понятие «Европа регионов».

Социально-территориальные общности в России, формировавшиеся на основе древнерусских княжеств, подверглись сильному разрушению в ходе сложного процесса государственного строительства в России. Особенно сильное доминирование центральной власти в противовес ослабленному местному самоуправлению (ставшему, по сути, частью государственного механизма), частые административно-территориальные преобразования в XX веке и произвольное установление границ регионов не способствовали столь же успешному формированию относительно самостоятельных территориальных сообществ, как на западе континента. По-

E. Brunat, I. Samson ed. Les Cahiers de l'Espace Europe n°6, Université Pierre Mendes France, Grenoble, 1994. P. 17–28.

[1] *Бусыгина И.* Территориальный фактор в европейском сознании // Космополис. 2002/2003. №2. С. 61.

этому само понятие социально-территориальной общности в отечественной науке появляется в связи с изучением не исторических территориальных общностей населения, а городов, которые оказываются в центре внимания в связи с концентрацией социальных связей[1].

А. Маркузен определяет регион как синтетическое понятие, «исторически эволюционирующее компактное территориальное сообщество, которое содержит в себе физическое содержание, социоэкономическую, политическую и культурную среду, а также пространственную структуру, отличную от других регионов и территориальных единиц, таких как город или нация»[2].

При таком подходе именно региональные идентичности рассматривается как своеобразный ключ к конструированию региона как политического, социального и институционального пространства[3]. Территория выступает условием, но не причиной формирования региона.

Можно назвать и концепции, в которых роль территории в развитии социальных связей недооценивается и даже игнорируется. Так, по мнению Э. Дюркгейма, «народ тем дальше продвинулся вперед, чем более поверхностный характер в нем имеют территориальные разделения»[4]. Однако сейчас преобладает иная точка зрения. Это объясняется дальнейшей поляризацией экономического и социального пространства, подтверждаемой эмпирически, с одной стороны, и усилением региональной политики на государственном и межгосударственном (Европейский союз) уровне – с другой. Речь идет о рассмотрении региона как определенного единства, обусловленного его структурой, внутренними связями.

С позиций социальных связей, в качестве существенного связующего звена между людьми и регионом рассматривается *чувство места*. На основе сочетания физических и социальных ха-

[1] См.: *Межевич М. Н.* Социальное развитие и город. Л., 1979.
[2] *Markusen A.* Regions: Economics and Politics of Territory. Rowman and Littlefield Publishers, 1987.
[3] *Keating M.* The new regionalism in Western Europe. Cheltenham, UK, 1998. P. 85.
[4] *Дюркгейм А.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 179.

рактеристик региона, его истории формируются психологические узы, определяющие *идентичность* населения конкретной территории. Концепция чувства места предполагает, что люди, населяющие регион, пережили определенный коллективный опыт, на основе которого формируются общие устремления, интересы, цели и ценности. Со временем такой опыт трансформируется в некое общественное единение людей, живущих в пределах данной единицы пространства[1]. На основе данного подхода формируется трактовка региона Ф. Броделя, которую А. Макарычев назвал философской: регион является аналогом особого «мира» с присущим только ему менталитетом, образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением[2].

[1] *Bone R. M.* Op. cit.

[2] Материалы круглого стола «Влияние зарубежных концепций на развитие российского регионализма: возможности и пределы заимствования», Московский Центр Карнеги [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www. kennan. yar. ru/materials/prefi2/part1/sect

12. РЕГИОНАЛИЗМ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ*

Соответственно различному пониманию региона по-разному трактуется и регионализм: «Есть важное различие между регионализмом как политическим курсом или совокупностью политических курсов, регионализмом как идеологией государственного вмешательства и регионализмом как организационной основой для защиты периферийных территорий»[1].

Во-первых, регионализм – это естественный, органический принцип территориальной организации социальных, политических, экономических и культурных аспектов жизнедеятельности человеческих сообществ, «факт существования в стране районов со значительными природными, хозяйственными, социальными и этнокультурными различиями»[2]. В этом смысле регионализм находит отражение в таких категориях, как социальная сплоченность этнических, расовых и языковых групп, проживающих совместно; экономическая взаимодополняемость тех хозяйственных и промышленных единиц, которые работают в рамках данной территории; совместимость общих ценностей, связанных с культурой, религией, историческими традициями; политическая солидарность[3].

Регионализм нацелен на практическое использование тех возможностей, которые вытекают из естественного территориального деления современных обществ, а значит, создает условия для рационального распределения компетенции власти и производственных ресурсов среди различных групп населения.

Регионализм в глобальной экономике – это прежде всего дифференцированное размещение различных типов труда, а именно: высокопроизводительного информационного труда; высокоэкстенсивного низкооплачиваемого труда; сырьевого труда и

---

* *Клемешев А.П.* Российский эксклав в условиях глобализации: Монография. Калининград: Изд-во КГУ, 2004.

[1] *Territorial* Politics in Industrial Nations / Ed. by Sidney Tarrow, Peter J. Katzenstein, Luigi Graziano. New York, London: Praeger Publishers, 1978. P.98.

[2] *Машбиц Я.Г.* Основы страноведения. М., 1995.

[3] *Hurrell A.* Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of International Studies. Vol. 21. №4. October 1995. P. 333.

обесцененного труда. Поэтому можно сказать, что регионализм внутренне присущ всем типам современных обществ, независимо от их размеров, уровня развития, особенностей политических структур и т. д.[1] Согласно М. Кастельсу, «критически важная проблема состоит в том, что наличие этих разных типов труда не совпадает с делением по странам»[2]. Поэтому *глобальная экономика является все более регионализированной*.

Регионализм в политике – это проблема распределения властных полномочий между общегосударственным и региональным уровнями управления. С точки зрения А. Макарычева, важность регионализма особенно остро чувствуется и в теории, и на практике теми странами, которые пытаются создать сбалансированные федеративные отношения и обеспечить демократизм в условиях децентрализации властных полномочий[3].

Регионализм в данном контексте может выражаться двояко. С одной стороны, это отстаивание интересов региона в его отношениях с вышестоящими органами управления, то есть чаще всего с государством. Такого рода регионализм определяется общей идентичностью, культурой, историей, географией. С другой стороны, часто имеет место целенаправленная и активная деятельность государства и наднациональных институтов (СНГ, ЕС и т. д.) по регулированию регионального развития. Такого рода регионализм отражает государственные (или надгосударственные) интересы на конкретной территории.

Во-вторых, регионализм может рассматриваться как общее наименование различных концепций и стратегий, направленных на рациональное использование пространственных различий, существующих внутри государств, и повышение роли региона в территориальном разделении труда либо на компенсацию неблагоприятных условий его жизнедеятельности. То есть в таком понимании регионализм трактуется «как подход к рассмотрению и решению экономических, социальных, политических и других

[1] *Lerner D.* Some Comments on Center – Periphery Relations // Comparing Nations. The Use of Quantative Data in Cross – National Research / Ed. by Richard L. Merritt and Stein Rokkan. New Haven and London, Yale University Press, 1966.
[2] *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, власть и общество. М., 2000.
[3] См.: Материалы круглого стола…

проблем под углом зрения интересов и потребностей того или иного региона»[1].

Для правильного понимания регионализма отечественной региональной науке следует преодолеть те недостатки, которые были характерны для административно-командной системы. Рыночная экономика имеет дело с функциями, тогда как административно-командная – с объектами. В настоящее время нужно не только привнести функциональный элемент в определение региона, но и исходить из него в понимании регионализма. В противном случае управление региональным развитием будет вновь пытаться основываться на директивных предписаниях хозяйствующим субъектам, а не на рыночном регулировании условий хозяйствования, на попытках управлять социальным развитием бюрократическими предписаниями, а не путем расширения самоуправления граждан.

Усиление регионализма, *регионализация,* может быть активной и пассивной[2]. Первая из них – целенаправленная деятельность по формированию региональных политических институтов. Вторая представляет собой процесс формирования региональной идентичности под воздействием общей географии, истории, культуры региона. С течением времени, при определенных условиях (ослабление связей с Центром, экономический и социальный кризис, межэтнические противоречия и др.), пассивная регионализация может перерастать в активную (это происходило, например, в Российской Федерации в первой половине 1990-х гг.).

Регионализация имеет существенный конфликтогенный потенциал, поскольку она сама порождена противоречиями между Центром и регионами. Активная регионализация нередко находит свое выражение в сепаратизме. Таким образом, регионализация может вызывать определенные опасения на общегосударственном уровне управления (что можно видеть в современной российской практике, имея в виду попытку упрочения «вертикали власти»). Однако без достаточной степени регионализации эффективно управлять территорией невозможно. Таким образом, ключевым становится вопрос распределения функций и полномочий между различными территориальными уровнями управления.

---

[1] *Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И.* Регионоведение: Учебник. М., 2002. С. 27.
[2] См. там же. С. 28.

13. РЕГИОН В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

Говоря о регионализации глобальной экономики, М. Кастельс идет в своем теоретизировании дальше: «Сеть коммуникаций является фундаментальной пространственной конфигурацией, места не исчезают, но их логика и значение абсорбированы в сети».

Сеть – понятие, ставшее символом глобализации, по существу это форма представления (формализации, визуализации) сложных систем. Вероятно, ее и нужно воспринимать с данных позиций. Теоретики глобализации и информационного общества склонны утверждать, что важность сетевого подхода в отличие от ранее существующих моделей заключается в том, что стали существенными **связи**. Другим словами, если раньше основными элементами анализа выступали узлы и ядра (элементы системы), то сегодня становится наиболее важным взаимосвязанность элементов с элементами других уровней. Как пишет Т. Фридмен, основной вопрос «в эпоху глобализации: в какой степени ты связан со всеми?»[1]

Следовательно, регион как экономический или институализированный район теряет свой смысл в информационной экономике, так как является пространственным образованием индустриального общества[2]. Действительно, неважно, где находится индивид физически, если в информационном поле он закреплен за своими информационными идентификаторами (номер сотового телефона, электронный адрес, электронный счет, домен и т. д.).

По сути, наблюдается картина, когда глобальная **сеть** как бы «натягивается» на существующую (сложившуюся к концу XX века) систему мегаполисов. В этом смысле понятие «регион» не исчезает, а приводит к появлению *регионально-сетевой структуры* пространства, сгустки которого известны под названием

---

* *Клемешев А. П.* Российский эксклав в условиях глобализации: Монография. Калининград: Изд-во КГУ, 2004.

[1] *Фридмен Т.* Lexus и олива: понимая глобализацию / Пер. с англ. СПб., 2003. С. 30.

[2] См.: *Каганский В.* Регионализм, регионализация, пострегионализация / Русский Архипелаг, 2002 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.archipelag. ru/text/493.htm

кластер[1]. Примеры кластеров, начиная с Силиконовой долины, широко известны. Кластерами являются распространенные в Западной Европе индустриальные дистрикты. В Балтийском регионе характерным кластером является возникшая сравнительно недавно Фармацевтическая долина («Medicon valley» – район Копенгагена – юг Швеции)[2]. Развитие кластеров, как правило, определяет концентрация конкурирующих производителей вокруг вузов, развивающих профильные направления и питающих кадрами специализированные под кластер услуги.

Глобализация пока подтверждает экономическую *теорию неравновесного развития*, которая признает существование множества точек равновесия. Источником неравновесного развития, как отмечалось, представляются базисные инновации («творческие разрушения»). Можно предположить, что методологически спор о равновесной или неравновесной ***природе развития*** решается следующим образом. Равновесие в открытой системе всегда нарушает или поддерживает система более высокого уровня. Превратившись в закрытую, *но, продолжая развиваться*, система будет накапливать внутренние неравновесия (поляризоваться), которые заставят ее превратиться в открытую. Глобализацию можно рассматривать как постепенное превращение мирового порядка в очень сложную, но *закрытую* глобальную систему – закрытую в том смысле, что она не найдет систему более высокого уровня.

Для региона системой более высокого уровня было и есть суверенное государство, для нескольких государств – коалиция (союз) государств. Для глобального мира системы более высокого уровня не просматривается. Значит, можно предположить, что внутри глобального и при этом развивающегося мира будет нарастать внутренняя поляризация.

Показателен в этом плане пример Советского Союза, который, по сути, представлял собой сложную закрытую систему (ведь

[1] См.: *Портер М.* Международная конкуренция / Пер. с англ.; Под ред. В. Д. Щетинина. М., 1993.

[2] www. mediconvalley. com. «Фармацевтическая долина» характеризуется следующими параметрами: 5 научных парков с более чем 200 био- и фармацевтических фирм; более чем 40 тыс. занятых в связанных инновационных отраслях; 12 университетов и около 150 тыс. студентов; ее деятельность обеспечивает более 20% консолидированного ВВП Дании и Швеции.

«мировая система социализма» в действительности так и не сложилась – слишком разнородными были составлявшие ее элементы и чересчур однонаправленными, не взаимными, связи между ними). Внутренние противоречия и неудачные попытки «выравнивания» различий между регионами привели СССР к распаду и в конечном счете включению в другую систему, рыночную (которая в результате стала из «мировой» – «всемирной»).

Другим примером является Европейский союз. Сходство экономических пространств различных входящих в него стран позволяет им образовывать е*диное экономическое пространство,* под которым понимается согласованная экономическая политика государств, основанная на многосторонних договорных отношениях и распространяющаяся на территории этих государств[1]. (В этом же направлении сейчас пытается двигаться СНГ и внутри него – страны Таможенного союза).

Регионализация может рассматриваться, с одной стороны, как объективный процесс функционирования экономической системы более высокого ранга, с другой стороны, это – попытка разрешения противоречия внутри процесса глобализации. Закрытая, внутренне поляризующаяся глобальная система ищет выход из внутренних неравновесий, перенося их решение в системы более низкого уровня. Не случайно в Европейском союзе популярен лозунг «Европа регионов» – его реализация может смягчить противоречия, накапливающиеся внутри экономического пространства ЕС, не вынося их на более высокий, глобальный уровень.

Изучение одновременно протекающих процессов глобализации, с одной стороны, и регионализации (с ее крайним проявлением в виде локализации, то есть иерархизации регионов до локального, местного уровня) привели к попытке сконструировать термин «глокализация». Это «рост в обоих направлениях, “макро” и “микро”», глобализации и локализации; установление и развитие связей между глобальным и локальным»[2].

Самостоятельной и активно обсуждаемой темой является многообразие воздействия ТНК на регионы и страны. С экономиче-

[1] www. glossary. ru

[2] Дар слова#19. Проективный лексикон Михаила Эпштейна. 15 января 2001. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://veer. info/07/ dar19.html

ской точки зрения характер воздействия ТНК на экономику конкретного региона зависит в первую очередь от того, какие элементы в цепочке ценности (*сети*) и в какой комбинации размещены на данной территории. Еще в 1960-е гг. Мюрдаль (Myrdal) отмечал, что бизнес-единицы ТНК могут функционировать в качестве *анклавных* единиц, не оказывая существенного воздействия на процессы реального развития соответствующей территории. Тем не менее ТНК также усложняются и эволюционируют, демонстрируют озабоченность проблемами социальной ответственности, экологии и локального развития.

14. КОНФЛИКТ И КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ*

По мнению Ральфа Дарендорфа[1], предложившего конфликтную теорию общества, общество имеет две грани – конфликта и согласия. Чем-то удивительным и ненормальным является не конфликт, а его отсутствие. Конфликт и согласие – это предпосылками друг друга, поэтому общество не может существовать ни без одного, ни без другого. С одной стороны, для конфликта необходимо некоторое предшествующее согласие (хотя бы простой контакт между сторонами), с другой – конфликт может затем привести к согласию[2].

Конфликты – перманентное состояние социального организма. Но конфликты можно и нужно регулировать. Для того чтобы регулирование было успешным, необходимы: 1) признание различных точек зрения; 2) высокая организованность конфликтующих сторон; 3) правила игры.

Рэндалл Коллинз в работе «Социология конфликта»[3] добавил в макротеории конфликта микроуровень (исследование конфликтов в пределах системы социальной стратификации).

Согласно Кеннету Боулдингу, «все конфликты имеют общие элементы и общие образцы развития, и именно изучение этих общих элементов может представить феномен конфликта в любом его специфическом проявлении»[4]. Но, несмотря на то, что проблемы конфликтов интенсивно исследуются (особенно со второй половины XX века, когда появилась теория конфликта и конфликтология), даже общепринятого научного определения самого́ по-

---

* *Клемешев А.П.* Российский эксклав: преодоление конфликтогенности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.

[1] *Dahrendorf R.* Out of Utopia: Toward a Reorientation of Sociological Analysis // American Journal of Sociology. 1958. №64. P. 115–127; *Dahrendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1959 и др.

[2] В качестве примера можно привести нынешние отношения между Германией и Францией, предшествующие конфликты между которыми стали одними из важнейших причин двух мировых войн.

[3] *Collins R.* Conflict Sociology: Toward an Explanatory Science. New York: Academic Pres, 1975.

[4] Цит. по: *Дмитриев А.В.* Конфликтология. М., 2003. С. 29.

нятия «конфликт» все еще не существует. Есть множество дефиниций, каждый автор фактически вкладывает в это слово свой смысл. Конфликты по-разному трактуются представителями различных наук. Так, экономисты часто отождествляют конфликт с конкуренцией, психологи – с «трудностями», «напряженностями», социологи заменяют им понятия дебатов, оппозиции и т. д. Это затрудняет классификацию конфликтов, анализ конфликтных ситуаций и обоснование рекомендаций по их разрешению.

Американские социологи Р. Макк и Р. Снайдер, более двух десятилетий назад пытавшиеся навести порядок в использовании термина «конфликт» и его синонимов, в итоге были вынуждены констатировать: «Очевидно, "конфликт" представляет собой большей частью резиноподобное понятие, которое можно растягивать и полученное использовать в своих целях»[1]. Сходного мнения придерживался и известный отечественный психолог Ф. Е. Василюк, который писал, что «если задаться целью найти дефиницию, которая не противоречила бы ни одному из имеющихся взглядов на конфликт, она звучала бы абсолютно бессодержательно: конфликт – это столкновение чего-то с чем-то»[2].

Можно констатировать, что с тех пор ситуация принципиально не изменилась. Ни одно из имеющихся определений конфликта не может считаться универсальным (либо из-за ограниченности охватываемых им явлений конфликтной феноменологии, либо из-за многозначности применяемых формулировок). Большинство ученых (особенно на Западе) сейчас воспринимают как данность отсутствие точных дефиниций, понимая под конфликтом достаточно широкий спектр явлений.

Общими составляющими для большинства современных определений конфликта являются:

1) два или более противоречащих друг другу начала;

2) активность, борьба, конкуренция, направленные на преодоление существующего противоречия;

3) субъект или субъекты как носители конфликта.

Поэтому в первоначальном рассмотрении конфликт – это противостояние двух и более начал, которое проявляется в ак-

[1] Цит. по: *Нечипоренко Л. А.* Буржуазная социология конфликта. М., 1982. С. 38–39.

[2] *Василюк Ф. Е.* Психология переживания. М., 1984. С. 42.

тивности сторон, направленной на преодоление противоречия, при этом стороны конфликта представлены активным субъектом (субъектами)[1]. Дальнейшее развитие и применение понятия «конфликт» определяется тем, в каких сферах бытия и познания развертывается противоречие, каковы противостоящие друг другу стороны, как они взаимодействуют и т. д. Важное значение имеет и «угол зрения исследователя»[2]. В зависимости от него формируются трактовка содержания конфликта и рекомендации относительно поведения в конфликте и его урегулирования.

Нас более всего интересуют социальные конфликты, т. е. конфликты, возникающие в социальных системах разного уровня, с участием социальных групп, и в первую очередь такая их разновидность, как международные конфликты.

Мы исходим из того, что ***конфликт – это крайняя (предельная) форма обострения противоречий между группами разнонаправленных интересов.***

В социологии под *интересом* обычно понимается реальная причина деятельности социальных субъектов:

– направленная на удовлетворение определенных потребностей;

– лежащая в основе непосредственных побуждений, мотивов, идей и т. п.;

– определяемая положением и ролью этих субъектов в системе общественных отношений[3].

Иначе говоря, под *интересом* следует понимать *стимул деятельности, детерминирующий поведение актора в политическом пространстве, являющийся причиной конкретных действий.* Каждый актор, взаимодействующий в конкретном политическом пространстве, имеет собственную иерархию задач и целей, что в комплексе составляет его *политические интересы.*

Международное политическое пространство – будь то глобальная перспектива («великая шахматная доска», по З. Бжезинскому), региональная перспектива («регион Балтийского моря»)

---

[1] См.: *Гришина Н. В.* Психология конфликта. СПб., 2000.

[2] *Лебедева М. М.* Политическое урегулирование конфликтов: подходы, технологии, решения. М., 1997. С. 19.

[3] *Глоссарий*. ru http://glossary. ru/

или даже взаимодействие релевантных политических игроков вокруг анклавной (эксклавной) территории – может быть описано в категориях *взаимодействия интересов.* Взаимодействие политических акторов представляет собой прежде всего взаимодействие их интересов, реализация которых ведет к появлению конфликта и – после его преодоления – к развитию; именно оно и составляет смысл существования современной цивилизации.

В рамках *классической либеральной традиции* в современном глобализирующемся мировом политическом пространстве нет места частным интересам отдельных акторов (интересам отдельных государств) – есть общие универсальные интересы развития, которые должны разделять все участники международного политического процесса. Однако не учитывать действия конкретных государств, транснациональных корпораций и других акторов, в особенности на региональном уровне, вряд ли возможно. Поэтому мы более склонны согласиться со сторонниками современных *прагматических (реалистских) подходов* (к ним относятся так называемые постморгентаисты), которые считают, что, несмотря на объективные процессы глобализации, стирание грани между внутренней и внешней политикой, национальные интересы государства (равно как и частные интересы отдельных акторов) являются главным детерминирующим фактором международного политического процесса.

Конфликтная ситуация содержит субъекты возможного конфликта, его предмет и объект. Предмет конфликта – объективно существующая или воображаемая проблема, служащая причиной раздора между сторонами. Каждая из сторон стремится разрешить эту проблему в свою пользу[1]. Предмет конфликта – это то основное противоречие, из-за которого и ради разрешения которого субъекты вступают в противоборство.

Объект конфликта – это конкретная материальная или духовная ценность, к обладанию или пользованию которой стремятся обе стороны конфликта, некий дефицитный ресурс[2]. Объектом конфликта, по сути дела, может стать практически любой элемент материального мира и социальной реальности, способный быть предметом личных, групповых, общественных, государст-

[1] См.: *Дмитриев А. В.* Указ. соч. С. 71.
[2] Там же.

венных интересов. Чтобы стать объектом конфликта, этот элемент должен находиться на пересечении интересов различных социальных субъектов, стремящихся к единоличному контролю над ним.

Признаки конфликта:

1) наличие конфликтной ситуации (по восприятию участников);

2) неделимость объекта конфликта;

3) желание участников продолжить конфликтное взаимодействие для достижения своих целей.

Конфликт в своем развитии проходит несколько стадий:

1) ***предконфликтная ситуация*** (*потенциальный* или *латентный* (скрытый) конфликт);

2) ***инцидент***[1] (завязка, последняя капля, первая стычка, искра конфликта);

3) ***эскалация***[2] (дальнейшие действия / противодействия сторон);

4) ***кульминация*** (вершина эскалации, взрыв);

5) ***завершение конфликта;***

6) ***постконфликтная ситуация.***

Стадии 3–5 – это *открытый* конфликт (конфликт в узком смысле), стадии 1–6 – конфликт в широком смысле.

Поскольку нет единой дефиниции конфликта, то нет и единой типологии конфликтов. Это вообще типично для социальных наук, имеющих дело с множеством разнородных объектов.

В самом общем виде конфликты принято классифицировать по следующим основаниям:

- *по сферам проявления* (экономический, политический, межкультурный, идеологический, юридический и др.);
- *по характеру субъектности* (внутриличностный, межличностный, между личностью и группой, межгрупповой, межнациональный, межгосударственный конфликты);
- *по типам обществ, которые генерируют конфликты* (конфликты демократического, тоталитарного, авторитарного или переходного общества);

---

[1] Одна из сторон начинает действовать, ущемляя интересы другой стороны. Если противоположная сторона отвечает тем же, конфликт из потенциального переходит в *открытый*.

[2] Виды эскалации: непрерывная (прямая), вялая (логарифм), крутая (экспонента), волнообразная (синусоида вверх).

• *по тому, сколько сторон участвует в конфликте, каковы его прямые и косвенные участники* (внутренние, межгосударственные, региональные конфликты, мировые войны; если участников конфликта более двух, то они являются многосторонними);

• *по соотношению интересов сторон* (конфликты с нулевой суммой[1], конфликты с ненулевой суммой[2], конфликты с отрицательной суммой[3]);

• *по публичности конкуренции* (открытые, скрытые и потенциальные);

• *по направленности воздействия* (вертикальные[4] и горизонтальные[5]);

• *по временным характеристикам* (кратковременные и долговременные);

• *по внутреннему содержанию* (рациональные и эмоциональные).

• *по степени напряженности* (слабый, средний, сильный);

• *по способу поведения участников или характеру протекания* (пассивный, активный);

• *по степени конструктивности* (конструктивный стабилизирующий или неконструктивный);

• *по степени применения насилия* (насильственные и ненасильственные);

• *по характеру нормативного регулирования* (институционализированные[6] и неинституционализированные[7]);

• *по способам разрешения* (антагонистические и компромиссные) и т. д.

---

[1] «Выигрыш» одной стороны точно равен «проигрышу» другой – в итоге сумма «выигрышей» оказывается нулевой (например, гражданские войны).

[2] Цели и интересы сторон противоречивы, но не являются абсолютно противоположными. Поэтому при их реализации итоговая сумма не будет равна нулю.

[3] Ни победителя, ни побежденного (гипотетический глобальный ядерный конфликт).

[4] Например, по линии «общество – власть».

[5] В случае политических конфликтов, например, это могут быть конфликты между различными политико-государственными институтами, между разными сегментами правящей элиты, противоречия внутри самих политических институтов.

[6] Нормативно регулируются, протекают открыто и в мирных формах.

[7] Тяготеют к стихийности.

Уже из этого длинного (и далеко не исчерпывающего) перечня оснований типологий конфликтов видно, что сами типологии конфликтов столь же многообразны, сколь многообразны и их определения. Нет единого мнения и о субъектах, которые могут разрешать конфликты. Р. Дарендорф в качестве методов эффективного регулирования конфликтов называет переговоры, посредничество и арбитраж, то есть признает возможность разрешения конфликта как самими участниками, так и третьей стороной[1]. А. Кольтюков полагает, что предотвратить конфликт может только «третья сила, незаинтересованная в эскалации конфликта»[2]. Но, пожалуй, можно согласиться с тем, что «субъект конфликта может стать субъектом предотвращения. Третья же сторона включается в процесс предотвращения в том случае, если ни одна из начинающих конфликтовать сторон не предпринимает подобных действий, либо как содействующая в этом сторона»[3].

Конфликты, как уже указывалось выше, происходят на разных уровнях. Отдельным и весьма важным направлением конфликтологии является изучение международных конфликтов. Если ранее такие конфликты рассматривались в рамках исторической науки, то после появления работ Л. Козера и К. Боулдинга они стали изучаться уже как часть более широкого класса социальных конфликтов.

Сложилось три основных направления исследования международных конфликтов:

1) стратегические исследования (решение практических задач, связанных с обеспечением национальных интересов и безопасности государства);

2) исследования конфликтов (выяснение происхождения и выделение разновидностей международных конфликтов);

3) исследования мира (широкий комплекс вопросов, связанных с поисками путей урегулирования международных конфликтов).

---

[1] *Dahrendorf R.* Out of Utopia … P. 115–127

[2] *Кольтюков А.А.* О некоторых аспектах предотвращения войн в формирующейся системе международных отношений // Новый мировой порядок – будущие войны и пути их предотвращения. М.; Уфа, 1999. С. 68.

[3] *Коваленко Б.В., Пирогов А.И., Рыжов О.А.* Политическая конфликтология. М., 2002. С. 209.

Типичными предметами международных конфликтов являются: территориальные претензии, негативное отношение к режиму, наличие или отсутствие каких-либо прав или привилегий, национализм, имперские амбиции, экономические проблемы, к которым относятся, например, проблемы рыболовства, коммерческого судоходства, налогов, тарифов и т. п.[1]

Объектами международных конфликтов становятся прежде всего территории, в которых переплетаются конфликтующие интересы нескольких акторов (международных или внутренних). Особое место среди них занимают анклавы (эксклавы). Само расположение этих территорий вне «своих» государств, в полном и частичном окружении государств иностранных уже обусловливает их повышенную потенциальную конфликтогенность. Столкновение интересов может произойти и из-за доступа в эксклав, и из-за его государственной принадлежности, и по многим другим причинам.

[1] По данным автора многих работ в области изучения конфликтов *О. Холсти,* проанализировавшего 77 международных конфликтов за период с 1919 по 1965 г.

15. КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ АНКЛАВОВ (ЭКСКЛАВОВ)*

Все эксклавы (анклавы), в силу их оторванности от основной территории соответствующей страны и соседства с зарубежными государствами, в той или иной степени относятся к конфликтогенным территориям[1].

При анализе целесообразно воспользоваться опытом исследования М.М. Лебедевой, которая выполнила сравнительный анализ конфликтов и конфликтных ситуаций, разворачивавшихся примерно в одно и то же время (вторая половина XIX века) в разных местах[2].

Анализ предполагает выявление специфики структурных и процедурных факторов (независимых и зависимых переменных), определяющих возможность воздействия на развитие конфликта. Эти факторы изучаются: на уровне индивида, отдельного государства, на глобальном уровне[3].

Применительно к проблемным ситуациям, связанным с эксклавами, определяющую роль играют структурные факторы.

На глобальном уровне речь может идти об аспектах международного права, касающихся эксклавов (в частности, гарантирующих обеспечение третьими странами их коммуникаций с основной частью страны).

На уровне государства – о международных договорах и соглашениях, касающихся обеспечения жизнедеятельности эксклавной территории; о государственной поддержке ее развитию.

---

* *Клемешев А.П.* Проблема эксклавности в контексте глобализации: Монография. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.

[1] См.: *Зверев Ю.М.* Калининградская область в классификации анклавных (эксклавных) территорий мира. Калининград, 2003; *Зверев Ю.М., Клемешев А.П.* Об использовании зарубежного опыта в решении проблем развития калининградского эксклава // Регион сотрудничества. Вып. 3 (21). Калининград, 2003. С. 23–35; *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* От изолированного эксклава – к «коридору развития». Альтернативы российского эксклава на Балтике. Калининград, 2003.

[2] См.: *Лебедева М.М.* Межэтнические конфликты на рубеже веков: методологический аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2000. №5.

[3] См.: *Лебедева М.М.* «Воронка причинности» при исследовании мировых политических процессов // Полис. Политические исследования. 2002. №5.

На уровне индивида – о соблюдении прав человека на свободу передвижения, о компенсации расходов на преодоление эксклавных затрат.

Вместе с тем нельзя не учитывать и процедурные факторы.

На глобальном уровне существенную роль может играть общая политическая обстановка в мире (например, положение дел с терроризмом).

На уровне государства большое значение имеет политика, проводимая как страной, к которой принадлежит эксклав, так и соседними и третьими странами.

На уровне индивида немаловажно то, какими личными качествами обладают политические деятели, от которых зависит решение соответствующих вопросов, насколько активно защищает свои интересы население эксклава.

Кроме того, на наш взгляд (по крайней мере, при изучении эксклавов), необходимо дополнительно введение нового, регионального уровня анализа. Это вполне соответствует взглядам о формировании новой политической структуры мира, характеризующейся: 1) развитием вширь и вглубь процесса глобализации и 2) увеличением количества и изменением качества акторов на мировой арене.

К структурным факторам регионального уровня относятся, в частности, межрегиональные структуры (например, широко распространенные в Европе еврорегионы). Это также законодательно закрепляемые взаимоотношения с общегосударственными органами власти.

Процедурные факторы – это, например, степень участия эксклава в межрегиональном сотрудничестве. А во взаимоотношениях с органами государственной власти более высокого уровня – конкретные права, закрепляемые согласно законодательно определяемым взаимоотношениям.

Несмотря на высокий уровень обобщения в ходе последующего изложения материала, для описания даже в наиболее общем виде конфликтов, связанных с рассматриваемой нами территорией, недостаточно анализа структурных факторов. Более того, с течением времени роль процедурных факторов, как показывает наш анализ ситуации применительно к рассматриваемому региону, возрастает (поскольку структурные факторы становятся более стабильными и прогнозируемыми).

16. АНКЛАВНЫЕ ТЕРРИТОРИИ КАК ОБЪЕКТЫ КОНФЛИКТОВ*

Сюзане Нис[1] полагает (и с ней можно согласиться), что всем анклавам свойственны четыре группы проблем, связанных с:

1) доступом;

2) политическим руководством;

3) экономикой;

4) особенностями идентичности (по сравнению с «материнской» страной).

Все эти проблемы могут превратить анклавные территории в объекты конфликтов[2].

Доступ в анклавы (эксклавы), их связь с «материнским» государством имеет для таких территорий жизненно важное значение. Этот вопрос может послужить (и нередко служит) источником серьезных конфликтов. Достаточно вспомнить ситуацию с так называемым «польским коридором», отделявшим перед Второй мировой войной Восточную Пруссию от остальной части Германии, или блокаду Западного Берлина и проблемы доступа в него из ФРГ[3].

> В соответствии с Версальским договором, подписанным 28 июня 1919 г., Восточная Пруссия оказалась отрезана от основной части Германии так называемым Польским (Данцигским) коридором. Возникла проблема транзита через Польшу, которая была решена в 1921 г., когда германский рейхсминистр Герхард фон Мутиус и директор департамента польского МИДа Казимир Ольцовский подписали в Париже специальное «Соглашение о сквозном проезде между Восточной Пруссией и остальной Германией». На его основе парламенты двух стран приняли соответствующие законы.

---

* *Клемешев А.П.* Российский эксклав: преодоление конфликтогенности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.

[1] *Нис С.* Калининград – не единственный анклав //Pro et Contra. 2003. Т. 8. №1. С. 90 – 109.

[2] Напомним, что в конфликтологии объект конфликта обычно трактуется как причина или повод к конфликту.

[3] Западный Берлин, де-юре не бывший частью ФРГ, де-факто являлся западногерманским эксклавом внутри ГДР.

Германия, несмотря на то, что она являлась побежденной страной, получила весьма либеральные для тех времен условия транзита. Польша обязалась предоставить Германии свободу транзитного проезда для людей, морских и речных судов, автотранспорта, железнодорожных вагонов, почтово-телеграфно-телефонной службы, провоза товаров через ту часть территории, что перешла к ней от Германии по Версальскому договору. Причем Польша имела право на ограничение транзитного сообщения только в исключительных случаях, которые были детально расписаны в соглашении.

Польским властям вменялось в обязанность обращаться с немецкими пассажирами и их багажом, следовавшими через Польский коридор в районе «свободного города Данцига», точно так же, как с «лицами польской или данцигской национальностей». В случае с польскими пассажирами, следовавшими до Данцига и обратно частично через территорию Германии на правобережье Вислы, аналогичные обязанности возлагались на немецкие пограничные и таможенные службы.

Пассажиры транзитных поездов и их багаж были полностью освобождены от любого вида паспортных или таможенных формальностей. Польские чиновники имели право задерживать или просто проверять документы у пассажиров-немцев, только если те совершали правонарушения. Пассажирам запрещалось выходить из вагонов[1] (которые на время следования через Польский коридор опломбировывались), принимать или передавать предметы любого рода. И даже занавески на окнах вагонов во время таких поездок чаще всего были задернуты.

О транзите грузов в ст. 7 соглашения говорилось достаточно лаконично: «Запреты на ввоз и вывоз в стране транзита не могут применяться на сквозное сообщение». Таким образом, все те товары, перевозка которых допускалась внутри каждой из стран, могли точно так же беспрепятственно следовать транзитным путем. Ни для ввоза, ни для вывоза не требовалось никаких специальных разрешений. Эти товары также не могли быть «конфискованы административным путем».

Детально был расписан в соглашении транзит военного персонала и грузов. Так, для проезда военнослужащих, направлявшихся из Восточной Пруссии в основную часть Германии в отпуск, как правило, выделялись специальные и дополнительные отпускные («рождественские», «пасхальные» и т. п.) поезда, в ко-

[1] Кроме исключительных случаев, которые оговаривались отдельно.

торых военные могли ездить как в униформе, так и в гражданской одежде.

Кроме того, раз в неделю из Кенигсберга и обратно ходил специальный «военный поезд». Офицерам, ехавшим на нем, разрешалось провозить с собой личное холодное оружие, оформленные пистолеты, ружья и револьверы с соответствующим набором боеприпасов. Правда, на время поездки по территории «сопредельной страны» все это оружие предписывалось сдавать в специально оборудованный для этой цели вагон. К нему приставлялись два охранника, выделяемых страной транзита.

Товарные составы с военной техникой по территории Польши имели право сопровождать немецкие военнослужащие – «по двое в вагонах для перевозки лошадей и по одному в вагонах с техникой». Польские таможенники имели право осматривать эти поезда. Причем немецкими в этих поездах были лишь вагоны, а паровозы и персонал для перевозки грузов германской армии по своей территории через Польский коридор предоставляла польская сторона[1].

Из этого краткого описания транзитного режима по железной дороге через Польский коридор видно, что особых проблем здесь не было. То же можно сказать и об автомобильном транзите.

Поэтому требования нацистской Германии разрешить построить через Польский коридор две экстерриториальные магистрали (автомобильную и железнодорожную)[2], были лишь *поводом* для развития кризиса, в итоге приведшего ко Второй мировой войне, начавшейся 1 сентября 1939 г. Но сам по себе транзит не был *причиной* этого.

Тридцать первого марта 1948 г. СССР объявил, что весь наземный транспорт, следующий в Западный Берлин, будет подвергаться обязательному досмотру. Официально это было сделано в ответ на готовящуюся денежную реформу в западной оккупационной зоне Германии. Реально же преследовалась цель вынудить западных союзников вывести свои войска из Западного Берлина.

В ответ на введение 20 июня западными союзниками в своих зонах оккупации новой купюры – западной марки – Советский Со-

[1] По материалам статьи: *Заметки* из истории. Что такое Данцигский коридор? // Польско-российский портал экономического сотрудничества PL-RU. 11.11.2002. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. ewm1.pl/newru/tresc. php?id=6&baza=opinie&c=b&rodzaj=6

[2] Впервые высказаны министром иностранных дел Германии Иоахимом Риббентропом на обеде в честь посла Польши в Германии Юзефа Липского 24 октября 1938 г.

юз 24 июня 1948 г. прекратил подачу электроэнергии в западные секторы Берлина, перекрыл автомобильные и железные дороги, водные пути, идущие в Берлин через советскую оккупационную зону. Прекратились поставки в Западный Берлин горючего и продовольствия из восточной зоны.

В ответ западные союзники организовали воздушный мост для снабжения Западного Берлина всем необходимым. Самолеты предоставили США, Великобритания и Франция, среди членов экипажей были также представители Австралии, Канады, ЮАР и Новой Зеландии. Уже в июле 1948 г. в Берлин ежедневно доставлялось по воздуху 2000 т различных грузов, а к октябрю эта цифра возросла до 4600 т. В пасхальное воскресенье 1949 г. был поставлен своеобразный рекорд: было осуществлено 13098 рейсов и доставлена 12941 т грузов[1].

Хотя советская 16-я воздушная армия в Восточной Германии насчитывала 3000 боевых самолетов, СССР не решился на пресечение воздушного моста, понимая, что это приведет к третьей мировой войне. К тому же США обладали тогда ядерным оружием, а Советский Союз еще нет. Видя, что блокада неэффективна, СССР за одну минуту до полуночи 12 мая 1949 г. снял ее. Но воздушный мост продолжал функционировать вплоть до сентября 1949 г. с тем, чтобы создать неприкосновенный запас топлива и продовольствия на случай новой блокады. Всего за время действия «воздушного моста» (324 дня) было совершено около 278 тыс. самолето-вылетов[2]. Западный Берлин получил по воздуху более 2,3 млн т грузов[3].

Но и сейчас, когда границы в условиях глобализации постепенно утрачивают свои барьерные функции, проблемы доступа в анклавные (эксклавные) территории из метрополии далеко не стали бесконфликтными и легко решаемыми.

Проблемы связей Калининградского эксклава с основной частью России и режима поездок в соседние страны серьезно осложнили в 2002 г. отношения между Российской Федерацией и ЕС. В

[1] *Бейли Дж., Кондрашев С., Мерфи Д.* Поле битвы Берлин / Пер. с англ. М.: ЭКСМО, 2002. С. 79.

[2] *Berlin* Blockade [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. asinah. net/ articles/ content/b/be/berlin_blockade. html

[3] *Воздушные* войны XX века (1945–2000) / Под общ. ред. К. Бишопа; Пер. с англ. Смоленск: Русич, 2003. С. 9.

конечном итоге на саммите ЕС – Россия в ноябре 2002 г. в Брюсселе было найдено решение о транзите людей, заключающееся во введении упрощенного транзитного документа (УТД) и упрощенного проездного документа по железной дороге (УПД-ЖД).

Евросоюз рассматривает это решение как удовлетворяющие обе стороны. Особо отмечается, что в связи с этой уникальной договоренностью ЕС внес соответствующие дополнения в шенгенское законодательство.

В то же время с точки зрения России не все обстоит так радужно. Например, упрощенный режим не распространяется на поездки калининградцев в Белоруссию и Украину, с которыми многие жители области имеют родственные связи. Кроме того, с 2005 г. при транзите через Литву для требуется заграничный паспорт. В связи с этим решается вопрос о срочном обеспечении этим документом до сих пор не имеющих его жителей области. Но это не решает вопроса поездок в регион жителей «большой России», где обеспеченность населения загранпаспортами намного ниже, чем в приграничной Калининградской области. Вопрос же о скоростном поезде для безвизового транзита через Литву находится только на уровне обсуждений, и перспективы его введения достаточно призрачны.

Что касается движения товаров, то в Совместном заявлении о расширении ЕС и отношениях Россия – ЕС (27 апреля 2004 г., Люксембург) стороны подтвердили, что на основе статьи 12 СПС и статьи V ГАТТ они будут применять на практике принцип свободы транзита товаров, включая энергетические, между Калининградской областью и остальной территорией России. Это, в частности, предполагает, что транзитные товары не будут подлежать излишним задержкам или ограничениям и их освободят от таможенных пошлин, транзитных и других сборов, связанных с транзитом[1]. Товарам, следующим транзитом в (из) Калининградскую область, будет предоставлен режим не менее благоприятный, чем тот, который был бы предоставлен таким товарам, если бы они перевозились без транзита через территорию ЕС. Запреты и ограничения в отношении товаров, следующих транзитом, могут вводиться только по причинам, связанным, в частности, с общественной безопасностью, или охраной здоровья и жизни людей, или защитой интеллектуальной, промышленной либо коммерческой собственности.

[1] За исключением сборов за транспортировку или таких сборов, которые покрывают административные расходы, связанные с транзитом либо со стоимостью предоставленных услуг.

Россия и ЕС приветствовали договоренность по таможенным вопросам от 17–18 декабря 2003 г. о применении упрощенных и необременительных таможенных процедур в отношении товаров, следующих транзитом в (из) Калининградскую область автомобильным и железнодорожным транспортом через территорию ЕС. В соответствующем заявлении отмечается, что с 1 мая 2004 г. в результате упрощения административных процедур административные расходы, связанные с таможенным транзитом, будут ниже, чем до расширения ЕС.

Обе стороны подтвердили обязательство по мере готовности заключить в будущем соглашение о координации режимов таможенного транзита России и ЕС, применимого также к транзиту товаров в (из) Калининграда.

Однако из-за имеющихся разногласий России и ЕС так и не удалось достичь взаимоприемлемых договоренностей о калининградском грузовом транзите до расширения Евросоюза 1 мая 2004 г. В итоге процедура оформления грузов на границе стала более сложной и дорогой, а сам транзит через Литву (из-за фитосанитарного и ветеринарного контроля, а также прочих платных услуг, навязываемых литовской стороной, подорожал в 1,3–1,5 раза. Переговоры о заключении специального соглашения о калининградском транзите между Россией и ЕС ведутся, но пока они далеки от завершения.

Таким образом, эксклавность объективно усиливает зависимость территорий от соседей (их доброй или недоброй воли) и иностранных законов, правил и регламентов, касающихся транзитно-визового режима. В случае обострения отношений может возникнуть соблазн «разыграть эксклавную карту», ограничив доступ метрополии в эксклав. Это уже происходит в Центральной Азии, где проблемы доступа в эксклавы являются источником трений между Таджикистаном, Киргизией и Узбекистаном.

Около трех десятков киргизских аилов, расположенных в Узбекистане, практически лишены возможности поддерживать связь с остальной частью своей страны из-за жестких ограничений, введенных узбекскими властями.

При вывозе на базар в Киргизию продукции полей и ферм надо получать специальное разрешение от узбекских властей. В большинстве сел есть только начальные школы и, окончив их, дети перестают учиться, поскольку не имеют возможности ежедневно проходить через узбекские пограничные заставы. Газеты в анклавные поселения не доходят, киргизские телепередачи не транслируются.

Повседневные новости о жизни в Киргизии в анклавах узнают или от военных, или из передач радио Би-Би-Си, «Свобода»[1].

Эта ситуация не является исключением. Так, население таджикских эксклавов Ворух и Западная Калача в Киргизии, в свою очередь, давно жалуется на свою изоляцию от Таджикистана, и в особенности на неудобства, вызываемые многочисленными таможенными постами[2]. Чтобы попасть из Узбекистана в эксклав Шахимардан, расположенный в Киргизии, нужно дважды пересечь государственную границу и еще преодолеть около 5 постов ГАИ на киргизском отрезке[3]. Жителям приграничных районов Ферганской области для поездки в анклав требуется разовое разрешение от РОВД, а прочим гражданам Узбекистана – выездная виза, въездная разовая виза от посольства Киргизии стоимостью 20 долларов США и командировочное удостоверение[4].

Не просто обстоит вопрос и с доступом в анклавы (эксклавы) из соседних стран. С одной стороны, кажется уместным обеспечить безвизовый въезд в эксклав граждан соседних стран (или хотя бы их приграничных районов) с целью преодоления экономической изоляции и налаживания приграничного сотрудничества. С другой – «материнская» страна может опасаться, что подобный режим ограничит ее возможности по контролю доступа в эксклав и может привести к ослаблению связей с другими регионами собственной страны (особенно в случае, если жители эксклава получат в качестве ответного жеста возможность безвизового или облегченного въезда в соседние страны). Очевидно, именно из этих соображений Государственная дума РФ даже не ста-

---

[1] *Села* Киргизии стали заложниками советской системы. 27 июня 2001. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://infoart. vrn. ru/news/ misc/ newssng/01/06/27_028.htm

[2] *Хамидов А*. Беспорядки на кыргызско-таджикской границе свидетельствуют о росте межэтнической напряженности в Средней Азии // Eurasianet. 09.01.2003. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. eurasianet. org/ russian/departments/insight/articles/eav010903ru. shtml

[3] При этом водитель каждой автомашины должен давать мзду людям с жезлом в руке (*Шахназаров Б*. Проблемы узбекского анклава Шахимардан // Фергана. ру. 21.11.2002 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://fergana. ru/detail. php?id= 560661202270.09,998,57413

[4] *Кудряшов А*. Русская женщина из анклава Шахимардан не желает быть занесенной в Красную книгу // Фергана. ру. 25.05.2004 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://fergana. ru/ detail. php?id=384430139731.42,700,6636177

ла рассматривать разработанный в Калининградской области проект о введении в Калининградской области безвизового режима въезда для граждан стран-членов ЕС.

В некоторых случаях границы эксклавов с соседними странами укрепляются из-за опасений, что эксклавы могут стать «перевалочными базой» для нелегальной иммиграции и контрабанды в «материнскую» страну.

> Испанский эксклав Сеута отделен от Марокко так называемым «разделительным барьером» (separation barrier) из колючей проволоки стоимостью 200 млн евро. Его строительство финансировалось из бюджета Европейского союза. Барьер, который критически настроенные испанцы называют «новой Берлинской стеной», предназначен для предотвращения нелегальной иммиграции и контрабанды в ЕС через Гибралтарский пролив[1]. Он усилен тепловыми датчиками, инфракрасными камерами и турелями. Тем не менее каждую ночь мигранты из Африки «атакуют» его – пытаются преодолеть заграждения. Чаще всего их ловят и выдворяют обратно, иногда основательно избитых или надышавшихся слезоточивого газа. Те, у кого есть деньги, могут воспользоваться услугами марокканских контрабандистов. Проплыть в Сеуту на надувном плоту стоит 800 евро, туннель под стенами обойдется в 600 евро, а прорезание дыры в проволоке – в 500[2].
>
> Другой испанский эксклав – Мелилья – также обнесен трехметровой двойной стеной из колючей проволоки со сторожевыми вышками[3] и сталкивается с теми же проблемами.

С точки зрения *управления* ключевым является то, что в анклавах (эксклавах) трудно отделить внутреннюю политику от внешней, так как многие внутренние вопросы здесь затрагивают отношения с третьими странами. Из-за этого и разделение предметов ве́дения и компетенции, привычное для «внутренних» регионов страны, здесь не работает или дает сбои. Логичным было бы предоставление органам власти эксклава дополнительных полномочий (особенно в отношениях с соседними государствами). Однако «материнские» стра-

---

[1] *Ceuta Barrier* http://www. factagent. com/?req=ceuta_barrier *Dirsk, Jeroen.* Ceuta: Gateway to Europe // Radio Netherlands. 1 September 2000 http://www2.rnw. nl/rnw/ en/ features/ cultureandhistory/ceuta000901.html

[2] *Attacking* Europe's border fences // BBC News. Tuesday, 18 May, 2004 http://news. bbc. co. uk/1/hi/world/africa/3604519.stm

[3] *Melilla* http://www. factagent. com/?req=melilla

ны, подспудно опасающиеся отделения эксклава или утраты контроля над ним, как правило, на это не идут. Скорее дело обстоит наоборот. Центр пытается усилить свое присутствие в эксклавном регионе. Это, в общем-то понятное стремление контролировать ситуацию в максимально возможной степени, имеет, однако, большие шансы перерасти в мелочную опеку и бюрократизм, в то, что политические аспекты управления начнут доминировать над социально-экономическими. Если при этом здесь сохраняются региональные органы власти, то будет происходить дублирование функций и перманентные конфликты между ними и представителями Центра в эксклаве. Если же Центр полностью берет на себя управление эксклавом, то далекой «материнской» стране, которая часто не слишком хорошо разбирается в повседневных проблемах анклава, придется брать на себя функции, которыми в обычных условиях занимаются администрации регионов или мэрии. При этом ключевые вопросы все равно придется решать в Центре, что, в конечном итоге из-за чрезмерной бюрократизации и усложненности процедур может отпугнуть от эксклава потенциальных инвесторов.

Так или иначе, нахождение разумного баланса между самостоятельностью и централизованным контролем является одним из важнейших вопросов, которые необходимо решать по отношению к анклавам (эксклавам). Очевидно, универсального решения, пригодного для любой ситуации и на все времена, предложить нельзя.

Прогнозы развития для эксклавов еще более сложны, чем для «обычных» регионов. Так, попытка спрогнозировать *жизненный цикл эксклава*, основываясь на мировом опыте, на наш взгляд, не имеет шансов. Неустойчивость внешних условий развития анклавных территорий, которым всегда приходится оказывать государственную поддержку, определяет их недолговечность по сравнению с суверенными государствами. Стадии их развития также деформированы[1], поскольку как зарождение и возникновение, так и исчезновение эксклавов обычно не зависят от объективного раз-

[1] Имеются различные периодизации этапов жизни объекта. А.Ю. Скопин, например, выделяет следующие стадии развития любых объектов: «Предбытие (возникновение идеи об объекте и условий ее реализации); собственно Бытие: зарождение и возникновение, рост, развитие, стабилизация, деградация, уменьшение, исчезновение; Послебытие (память об объекте)» (*Скопин А.Ю.* Введение в экономическую географию. М., 2001. С. 33).

вития самого государства и часто являются следствием волевых политических решений. Применительно к территории, которой сейчас является Калининградская область, именно политические решения были определяющими каждый раз, когда она становилась эксклавом.

Таким решением был приход на землю пруссов Немецкого (Тевтонского) ордена в первой четверти XIII века, и эта территория надолго стала германизируемым эксклавом в польско-литовском окружении. Затем, после разделов Польши, образовался широкий коридор между Восточной Пруссией и Бранденбургом, сначала в составе Пруссии, а затем Германской империи, и эксклавность на некоторый период была преодолена. Но после окончания Первой мировой войны Восточная Пруссия вновь стала германским эксклавом, отделенным от основной территории страны польскими землями. В 1939 г. Польша была оккупирована нацистской Германией, и до 1945 г. была восстановлена сухопутная связь Восточной Пруссии с остальной Германией. Вхождение этой территории в 1945 г. в состав Советского Союза положило начало ее новой эксклавности – сначала как эксклава РСФСР в составе одного государства, а в 1991 г. – как советского эксклава, отделенного Литвой после ее выхода из СССР от остальной части страны, а затем, после распада СССР, как эксклава Российской Федерации.

Сложно прогнозировать для эксклава и все остальные стадии: роста, развития, стабилизации и т. д., вплоть до его исчезновения. Поэтому сейчас применительно к Калининградской области даже трудно сказать, на какой из стадий эксклавного развития (скорее, речь идет о стадиях роста или развития).

Проблемы управляемости эксклавов тесно связаны с проблемами безопасности. Эксклавы могут стать базами для нападения на соседние государства (как это произошло с Данцигом[1] при нападении на Польшу в 1939 г.) или базами для вооруженной оппозиции, действующей против «материнского» государства (так, экстремисты-боевики из Исламского движения Узбекистана пытались прорваться к узбекским и таджикским анклавам, расположенным в глубине киргизской территории).

[1] Фактический (но не юридический) эксклав Германии в то время.

В 2000 г. в материале[1], подготовленном специально для Центрально-Азиатского агентства политических исследований, отмечалось: «Военные специалисты Кыргызстана в последнее время отмечают определенную закономерность в действиях боевиков. Все чаще экстремисты-боевики очень мелкими группами (3–5 чел.) пытаются прорваться к узбекским и таджикским анклавам, расположенным в глубине кыргызской территории. Позднее эта долго витавшая в воздухе версия анклавного вектора удара боевиков по Узбекистану, многократно отмечаемая различными силовыми ведомствами Кыргызстана, подтвердилась признаниями пленных-боевиков. Теперь Кыргызстан вполне обоснованно может заявить о том, что на территории анклавов Узбекистана и Таджикистана ИДУ (Исламское движение Узбекистана) имеет поддержку в лице своих отдельных приверженцев, что, безусловно, еще более подтачивает политическую безопасность Кыргызстана».

Испанские анклавы в Марокко и Пиренеях использовались для подготовки мятежа 18 июля 1936 г., положившего начало гражданской войне в Испании[2].

Семнадцатого июля 1936 г. в Испании начался военный мятеж против республиканского правительства. Однако уже через несколько дней мятеж на полуострове был подавлен, а 45-тысячная армия мятежников оказалась запертой в Испанском Марокко. Две трети испанского флота поддержали республику, сорвав намерения мятежников перебросить войска по морю. Двадцать второго июля 1936 г. генерал Франко, принявший на себя командование Африканской армией, направил в Берлин и Рим группы офицеров с просьбой о содействии; 25–26 июля 1936 г. Муссолини и Гитлер приняли решение о помощи мятежникам. Уже 27 июля 20 немецких военно-транспортных самолетов Ju-52/3m прибыли в Марокко и начали переброску войск и снаряжения мятежников на юг Пиренейского полуострова. За месяц они перевезли 7350 солдат и офицеров, а также боеприпасы, пулеметы и орудия[3]. Это был первый крупный «воздушный мост» в истории войн, позволивший франкистам перебросить ядро Африканской армии на юг

[1] *Акимов Т.* Анклавный вектор войны. 2000 – 09 – 27 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. bishkekchamber. kg/BC_news/ Kyrg/ B_o_2.htm

[2] Войска генерала Франко были переброшены в Испанию немецкой военно-транспортной авиацией из испанских анклавов в Марокко.

[3] *Воздушные* войны XX века (1911–1945). С. 45.

Испании[1]. В 1942 г. в связи с этим Гитлер заметил: «Франко должен был бы воздвигнуть памятник в честь "Юнкерса-52"»[2].

В случае военных действий межу государствами эксклавы захватываются в первую очередь, как это произошло во время армяно-азербайджанского конфликта из-за Нагорного Карабаха. Сейчас армянский эксклав Арцвашен и три азербайджанских эксклава в Армении существуют только на картах. На деле они уже давно оккупированы, соответственно, азербайджанскими и армянскими войсками.

В эксклавах, трансформирующихся из военных в экономические, требуются специальные меры по предотвращению попадания оружия (особенно массового уничтожения, если таковое имеется) в руки террористов и сепаратистов. В конце концов, остро встает проблема утилизации или вывоза ставших излишними оружия и особенно боеприпасов. Она может стать источником международных противоречий.

В начале 1990-х гг. в Калининградскую область было вывезено около 1200 т компонентов отработанного ракетного топлива (горючего и окислителя), оставшихся после утилизации баллистических ракет Р-21 подводных лодок, базировавшихся в Лиепае[3].

Топливо содержится в громадных металлических емкостях, причем его компоненты воздействуют на стенки цистерны, разъедая их. По расчетам эти специфические жидкости могут храниться герметически закрытыми еще лет пять-семь[4]. Утилизация их возможна только на специальных заводах, которых в Калининградской области нет. Поэтому было решено отправить топливо в Центральную Россию на переработку через Литву в специальных железнодорожных цистернах (этот вариант был признан наиболее безопасным).

---

[1] Всего в июле и августе 1936 г. из Африки в Испанию было переброшено более 20 тыс. чел. Затем необходимость в воздушном мосте отпала, поскольку Франко полностью овладел ситуацией на море (*Томас Х.* Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2003. С. 231).

[2] Там же. С. 227.

[3] *Литовкин В.* Цистерны в тупике // Балтийские берега. 2003. №4. http://berega. vivaxmedia. lv/?id=89. В некоторых источниках назывались еще бóльшие цифры – до 2000 т (см., например: *Пукас В.* «Ракетные» проблемы Калининграда и Литвы // Калининградская правда. 2003. 9 сент.).

[4] *Маурин Ф.* Дорога для ракетного топлива // Время новостей. 2002. №136. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. newstime. ru/2002/136/3/25547.html

Были начаты соответствующие переговоры с Литвой, которые, однако, так ни к чему и не привели. Технические вопросы, правда, в основном удалось согласовать, но так и остался открытым вопрос о страховании перевозимых компонентов топлива на случай аварии. В конечном итоге летом 2004 г. топливо было вывезено морем[1], хотя это сложнее и опаснее.

Риски безопасности могут также возникнуть из-за нелегальной миграции и преступности, поощряемых экономическими особенностями и особым регулированием или географическим положением.

Испанское правительство обвиняет правительство Гибралтара в том, что оно закрывает глаза на деятельность контрабандистов наркотиков (главным образом гашиша) и сигарет[2], которые пересекают Гибралтарский пролив между Марокко и Испанией на скоростных катерах, используя Гибралтар как базу[3]. А перевалочными пунктами для контрабанды в Испанию через пролив служат испанские анклавы в Марокко Сеута и Мелилья.

Происходящее здесь, в частности, послужило основой сюжета скандально известного романа классика современной испанской литературы Артуро Переса-Реверте «Королева Юга» (La Reina del Sur), вышедшего в 2002 г.[4]

Общеизвестны проблемы с контрабандой через российско-польскую и российско-литовскую границы в Калининградской области РФ, в чем задействованы граждане всех трех сопредельных стран[5].

---

[1] *Балтийцы* провели уникальную операцию // Северная неделя. 2004. 16 июня. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. vdvsn. ru/papers/ks/2004/06/16/26223/

[2] Известных как «Уинстон бойз» (Winston boys).

[3] *Gibraltar*, the United Kingdom and Spain // RESEARCH PAPER 98/50. 22 APRIL 1998. P. 9 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. parliament. uk/commons/lib/ research/ rp98/rp98 – 050.pdf.

По нашей классификации, Гибралтар не является эксклавом Великобритании, поскольку он, в отличие от Сеуты и Мелильи, не входит в состав этого государства. Но с учетом его почти 300-летних связей с этой страной и того, что при вступлении Великобритании в ЕС в 1973 г. Гибралтар получил особый статус территории, «внешние сношения с которой регулируются государством-членом ЕС» (Великобританией), он может рассматриваться как *фактический* (но не юридический) эксклав.

[4] Русский перевод: *Перес-Реверте А.* Королева Юга: Роман / Пер. с исп. М.: ЭКСМО, 2004.

[5] См, например: *Верлин Е.* Янтарная дыра // Эксперт. 2002. №5. С. 62–67.

Для *экономики* анклавных (эксклавных) территорий в силу их небольшого населения характерен недостаточно емкий внутренний рынок, ограничивающий развитие региональной промышленности. Работа же на рынки «материнской» страны осложнена высокими транспортными издержками и таможенными и пограничными процедурами при пересечении границы (иногда не одной), носящими бюрократический характер и требующими времени. А переориентация внешних связей анклава (эксклава) на сопредельные иностранные государства, помимо объективных трудностей, грозит дальнейшим ослаблением экономических связей с «материнским» государством, что в итоге может ослабить и связи политические.

Вариантом решения экономических проблем эксклава может быть придание ему статуса свободной (особой) экономической зоны или введение иных специальных режимов (оффшор). При этом, однако, государство должно контролировать подобные зоны с тем, чтобы они, в частности, не были использованы для транзита в «материнскую» страну прямого импорта под видом локализованного производства (сборки). Кроме того, очень часто внешняя неопределенность, складывающаяся вокруг эксклавов, их зависимость от внешних факторов препятствуют долговременному экономическому планированию и инвестированию. В результате вместо крупных инвесторов анклавы (эксклавы) притягивают так называемых «муравьев» (или «челноков»), по терминологии С. Нис. Это преимущественно мелкие торговцы, пользующиеся торговыми преимуществами, возникающими из-за экономического перепада (например, разницы цен на некоторые товары) между анклавом и его окружением. Но перепады не могут быть бесконечными, и такой бизнес, разумеется, не может служить сколько-нибудь долговременной основой экономического развития (не говоря уже о его криминализованности и широком использовании «серых схем» для уклонения от налоговых и таможенных платежей). В то же время в случае дружественных отношений между «материнским» государством и странами, окружающими эксклав, может быть создана зона свободной торговли или применены иные механизмы, облегчающие сотрудничество (еврорегионы, пилотный регион, регион сотрудничества и др.).

Эксклавность, несомненно, влияет на *культуру и идентичность* местного населения. Они, в свою очередь, во многом опре-

деляются его *этнодемографическими* характеристиками и особенностями его формирования. Например, население Калининградской области как своеобразного «региона переселенческого социализма»[1] сформировалось за счет организованного переселения, прежде всего из других регионов России (в меньшей степени из Белоруссии и Украины). Существенные изменения в социокультурный климат эксклава внесли мигранты 1990-х гг., прибывшие из других республик бывшего СССР (в первую очередь из Казахстана). По мнению некоторых аналитиков, эти миграции в значительной степени деформировали облик калининградского социума, привели к усилению его экономической, культурной и психологической раздробленности[2]. Иное дело, когда население эксклава связано с этой землей веками истории, как это характерно, к примеру, для большинства эксклавов в зарубежной Европе.

С другой стороны, по своему национальному составу население Калининградской области не сильно отличается от среднего по России. Это определяет социальные и этнодемографические связи жителей за пределами эксклава, ориентированные на «большую» Россию. Хотя миграции 1990-х гг. несколько переориентировали эти контакты в направлении стран, из которых приехали «новые мигранты» (Казахстан, Узбекистан, Азербайджан и т. д.). Бывают, однако, и иные ситуации. Так, узбекский эксклав Сох в Киргизии населен почти исключительно этническими таджиками (99% населения). Понятно, что в этом случае ситуация с идентичностью и социокультурными и этнодемографическими связями населения представляется весьма запутанной.

Что касается социальных контактов эксклавов с окружающими территориями, то тут возможен широкий спектр ситуаций.

> Муниципалитеты Баарле-Нассау (Нидерланды) и Баарле-Хертог (Бельгия) представляют собой сложную смесь бельгийских и голландских экславов. Большая часть поселка Баарле-Хертог принадлежит Бельгии, но он полностью окружен голландской территорией, т. е. является бельгийским эксклавом и анклавом Нидерлан-

[1] *Федоров Г.М., Зверев Ю.М.* Калининградские альтернативы / Калинингр. ун-т. Калининград, 1995. С. 87.

[2] См.: *Денисенков А.* Мирная оккупация. Приезжие все больше влияют на метаморфозы // Эксперт Северо-Запад. 2001. №16(45). С. 40–43.

дов. Но на самом деле это не один анклав, а серия небольших анклавов. Земля между ними, а иногда и внутри них, принадлежит Нидерландам – это Баарле-Нассау. Всего насчитывается 22 относительно крупных бельгийских эксклава в Нидерландах и 8 голландских эксклавов в Бельгии[1]. Два правительства не могли определить границы. В 1843 г. они заключили соглашение, в котором выделили 5732 участка и стали выяснять, какой стране каждый из них принадлежит. Сделать это удалось только к 1974 г. (!)[2] Но и после этого граница продолжает уточняться, а маленькие участки, о которых забыли, до сих пор не принадлежат никому.

За время двадцатиминутной прогулки по Баарле-Хертогу (или Баарле-Нассау) человек пересекает государственную границу более 50 раз. Даже просто переходя улицу можно совершить «путешествие за границу». Разные дома находятся в разных странах. Чтобы не запутаться, на табличке с номером дома помещают еще и государственный флаг. Дом относится к той стране (и платит ей налоги), на территорию которой выходит дверь. В 1995 г., когда было завершено переизмерение всех границ эксклавов, один дом формально переместился из Бельгии в Нидерланды. Его жильцы не хотели этого и нашли простое решение проблемы: переместили входную дверь. Нередко государственная граница проходит через дома, фасады которых разделены полосами цвета государственных флагов: голубой, белой и красной – голландского и черной, желтой и красной – бельгийского. Предметом местной гордости является биллиардный стол в местном Community Center, по середине которого проходит госграница[3].

В прошлом Баарле был центром контрабанды, но сейчас, с открытием границ внутри ЕС, можно свободно покупать товары (но только для личного пользования) в другой стране и брать их домой в другую страну.

Жители бельгийских и нидерландских эксклавов поддерживают хорошие отношения друг с другом и с окружающими их государствами. Это объясняется прежде всего тем, что Бельгия и Нидерланды – союзные страны, входящие в ЕС, НАТО и Шен-

[1] Иногда называют и другие цифры. Если же смотреть на микроуровень (отдельные участки), то здесь насчитывается около 3000 анклавов (Baarle-Hertog Municipality, Province of Antwerp, Belgium) http://flagspot. net/flags/be-vanbg. html

[2] *The Baarle* Enclaves http://home. wanadoo. nl/~eefberns/ baarle-nassau-in-english. html

[3] *History* http://www. amaliavansolms. org/en/history. html; *Baarle-Nassau/ Baarle-Hertog* http://ontology. buffalo. edu/smith/baarle. htm

генское соглашение. Кроме того, оба Баарле вплоть до 1860 г. входили в один католический приход, а также совместно использовали вересковые пустоши (heathlands). По мнению из некоторых источников, именно это сделало население эксклавов единой общностью (community)[1].

Совершенно иная картина складывается вокруг эксклавов в Центральной Азии. Достаточно типичными примерами являются узбекские эксклавы Сох и Шахимардан.

Узбекская армия, опасающаяся прорыва сюда боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ), в 1999 г. заминировала некоторые территории Кыргызской Республики вокруг узбекских эксклавов Сох и Шахимардан (на глубину от 100 до 250 м от линии границы). Это создало серьезную опасность для местных жителей – произошел ряд инцидентов, в том числе были убиты; погибло также много домашнего скота местных киргизов. В июне 2004 г. представители официального Ташкента на специальном заседании Постоянного совета ОБСЕ в Вене заявили о намерении разминировать узбекско-киргизскую границу. Минные поля в районе Шахимардана были разминированы к сентябрю 2004 г., обезвреживание территории вокруг другого узбекского анклава Сох продолжается[2].

По всему периметру Соха тесно установлены узбекские пограничные, милицейские и таможенные посты. На них вооруженные автоматами солдаты с пристрастием досматривают легковые и грузовые автомашины и проверяют документы граждан, пересекающих границу. При установлении кого-либо непорядка (пусть даже мелочи) это может затянуться на бесконечно долгое время[3].

---

[1] *Baarle-Nassau/Baarle-Hertog* http://ontology. buffalo. edu/smith/baarle. htm

[2] *Узбекистан* завершил разминирование участков границы анклава Шахимардан // Фергана. ру 01.09.2004 http://fergana. ru/detail. php?id= 541470291136.52,802,5534473; *Территориальные* и минные проблемы в Ферганской долине остаются нерешенными // Фергана. ру 15.09.2004 http://fergana. ru/detail. php?id=842742666855.65,1798,3297374

[3] *Панфилова В.* Проверено – мины есть // Независимая газета. 2002. 18 янв.; *Рыскулов К.* «Ключевую воду не замутишь» (узбекская поговорка) // Слово Кыргызстана. 2003. 14 февр. http://www. kabar. kg/ 03/Feb/14/46.htm; *Жумагулов С.* Кыргызско-узбекские анклавные проблемы // Этнический мир: Информационно-аналитический бюллетень http://www. assamblea. kg/em11 – 1_4.htm

> В результате отношения между двумя ближайшими соседями, ранее имевшими тесные личные и хозяйственные связи, стали более прохладными, а общение – более редким. Дело доходит и до конфликтов. Так, в верхнюю часть Соха часто не поступает вода, перекрываемая киргизами. Аналогичным образом ведут себя жители расположенного ниже Соха в отношении киргизских соседей[1].

Эксклавы могут быть привлекательны для мигрантов, о чем, в частности, свидетельствует опыт Калининградского эксклава. Очевидно, что существенную роль здесь сыграла близость региона к зарубежной Европе, расширяющемуся Евросоюзу. Но кроме того, очевидно, сказалась и присущая всем эксклавным территориям привлекательность для торговцев, контрабандистов или других групп населения, умеющих пользоваться особыми правовыми нормами[2]. С другой стороны, неуверенность в будущем способна сократить приток населения и, наоборот, усилить миграцию жителей (особенно в трудоспособном возрасте) из эксклава. Так, в 1960-е годы Западный Берлин считался «городом пенсионеров и вдов»[3].

Пространственная удаленность может ослабить ментальные и социокультурные связи между эксклавом и «материнской» страной. Ряд государств пытался воспрепятствовать этому при помощи специальных программ, стимулирующих двустороннее движение населения. Например, земли ФРГ включили в школьные программы дотируемые поездки в Западный Берлин, а боннское правительство финансировало строительство дорог туда. В калининградской области были проведены акции «Дети России едут в Россию», но они не имели системного характера. В связи с этим представляется целесообразным разработать, принять и ввести в действие специальную федеральную программу развития и укрепления экономических, социальных и культурных связей между Калининградской областью и другими российскими регионами.

Удаленность эксклава от «материнской» страны и местные особенности со временем могут привести к формированию собст-

---

[1] *Панфилова А.* Центральная Азия: территориальные мины замедленного действия // Газета СНГ. 2003. 16 мая. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. muslimuzbekistan. com/rus/rusnews/2003/05/ pressa13052003.html

[2] *Нис С.* Указ. соч. С. 97.

[3] Там же.

венной идентичности. Это, в свою очередь, может при определенных обстоятельствах привести к разногласиям с метрополией и даже к развитию сепаратистских настроений.

Есть случаи, когда территории эксклавов становились очагами вооруженного сепаратизма. Примером этого является ангольский эксклав Кабинда.

Территория Кабинды стала португальской колонией в 1885 г. Но только в 1930-е гг. португальцы установили единое управление Кабиндой и другой своей колонией – Анголой. В 1963 г. был создан Фронт освобождения Кабинды (ФЛЕК), поставивший целью создание независимого государства. В том же году Организация африканского единства (ОАЭ) назвала Кабинду государством, которое должно быть деколонизировано (отдельно от Анголы). Упоминалась Кабинда в числе стран, борющихся против колониализма, и Генеральной Ассамблеей ООН. Многие жители эксклава полагают, что по своей идентичности и культуре они отличаются от ангольцев.

В январе 1975 г. три ангольских освободительных движения (МПЛА, ФНЛА и УНИТА) подписали соглашение, которым провозглашалось, что Кабинда является «интегральной и неотъемлемой частью Анголы». ФЛЕК в свою очередь потребовал отделения Кабинды от Анголы и признания права народа Кабинды на самоопределение. Первого августа 1975 г. была провозглашена независимость Кабинды. После провозглашения независимости Анголы (ноябрь 1975 г.) силы МПЛА с кубинской помощью к январю 1976 г. заняли территорию Кабинды. Силы ФЛЕК[1] ушли в джунгли и начали партизанскую войну, унесшую к настоящему времени около 30 тыс. жизней.

В Кабинде добывается 60% ангольской нефти[2]. И главный аргумент ФЛЕК для местных жителей в пользу отделения от Анголы звучит так: с нефтедолларами мы быстро станем богатым и процветающим государством.

Некоторые западные государства сначала поддержали ФЛЕК, уповая на возникновение нового, полностью зависимого от них источника нефти. Но затем западные нефтяные компании («Сонангол», «Шеврон» и др.) нашли общий язык с центральной властью

[1] Впоследствии раскололся на несколько группировок (фракций).

[2] Angola (Cabinda) http://www. cred. be/cedat/database/country_profiles/ angola/ conflict2.htm

Анголы. Неспокойная ситуация в эксклаве не сказывается на нефтедобыче – она ведется на шельфе Атлантического океана, буровые платформы недоступны для партизан. Сотрудники «Шеврона» перемещаются по Кабинде на вертолетах, никогда не бывают в административном центре эксклава и даже продукты питания получают из Техаса.

После прекращения в 2002 г. гражданской войны в основной части Анголы ангольское правительство перебросило в Кабинду 30 тыс. военнослужащих. К концу года главные базы ФЛЕК были уничтожены. Сохранились лишь отдельные очаги сопротивления отрядов ФЛЕК, состоящие из мелких групп партизан.

Переговоры между правительством Анголы и различными фракциями ФЛЕК были ограниченными, тайными и безрезультатными. В августе 2004 г. был создан «Forum Cabindes para o Dialogo», объединивший представителей ФЛЕК и местного гражданского общества. Его цель – начать диалог о разрешении конфликта и будущем политическом статусе Кабинды с правительством Анголы.

С другой стороны, осознание людей эксклава себя как территориальной общности, ощущение ее «как малой Родины» может стать дополнительным фактором ускорения социально-экономического развития и благоустройства эксклавной территории.

Эксклавное существование сказывается, как считают некоторые авторы, и на психологии жителей эксклавов (анклавов). По мнению С. Нис, «у анклава, как правило, короче временной горизонт, субъективное восприятие времени и свои представления об ожидаемых изменениях. Краткая временна́я перспектива и зависимость от решений удаленного на значительное расстояние Центра создают благоприятные предпосылки для возникновения и распространения слухов и мифов о судьбе анклава. Им благоприятствуют представления жителей анклава о том, что их положение и судьба коренным образом отличаются от положения и судьбы других граждан, что ситуация может быстро и непредвиденно измениться, а повлиять на ход событий практически невозможно»[1].

[1] *Нис С.* Указ. соч. С. 98.

17. ОСОБАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В КАТЕГОРИЯХ КОНФЛИКТОЛОГИИ*

Конфликтная ситуация в случае территории Калининградской области в силу ее исторической эксклавности существует уже с XIII в., то обостряясь, что приводило к военным действиям, то временно ослабевая. Если говорить о периоде с 1945 г., то конфликтная ситуация выражена особенно заметно с момента превращения региона в эксклав РФ. Предметом конфликта является контроль над территорией Калининградской области (не только политический, но и экономический, и цивилизационный). Выгодное географическое положение Калининградской области, а с 2004 г. и то, что она является анклавом внутри ЕС и НАТО, особенно актуализирует объект конфликта. То, что конфликт существует, выражается в том особом внимании, которое проявляется к региону в течение всего периода с начала 1990-х гг. как со стороны официальных политиков (не только европейских, но и американских), так и в научной среде и среди широкой общественности. Все акторы, обеспокоенные положением в области и вокруг нее, тем самым признают наличие конфликтной ситуации, а широкое обсуждение проблематики свидетельствует о желании участников продолжить конфликтное взаимодействие для достижения своих целей.

Объект конфликта – территория Калининградской области, находящаяся на пересечении интересов стран Балтийского региона (прежде всего России, с одной стороны, по отдельности – Германии, Польши, Литвы). Собственные интересы имеют ЕС и СНГ (в особенности Союзное государство России и Белоруссии). Интересы ТНК пока не слишком выявлены, но активными акторами, действующими в своих интересах, уже являются ЛУКойл, РАО ЕЭС, Российские железные дороги. Определенные противоречия существуют между интересами Федерации и региона, что проявляется, прежде всего, в обсуждении закона об ОЭЗ в Калининградской области и попыток корректировки федеральной целевой программы «Развитие Калининградской области на период до 2010 года».

---

* *Клемешев А.П.* Российский эксклав: преодоление конфликтогенности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.

Говоря о стадиях развития конфликта, связанного с эксклавностью Калининградской области, нужно иметь в виду, что весь нынешний конфликт есть только часть длящегося уже столетиями, с момента превращения данной территории в эксклав, конфликта. Что касается периода, начавшегося в 1945 г., то сама передача территории от одного государства другому, причем без заключения мирного договора, вызвала новый *потенциальный* конфликт. Завязкой конфликта послужило начало холодной войны, а урегулирование этой стадии конфликта завершилось признанием нерушимости границ в Европе путем подписания международных договоров с участием заинтересованных сторон в начале 1970-х гг. Тем не менее остались акторы, не удовлетворенные достигнутыми договоренностями, и в скрытом виде данный конфликт остался все равно. Кроме того, фактором, обусловившим сохранение конфликта в скрытой форме, было то, что Калининградская область с момента ее образования являлась эксклавом Российской Федерации, отделенным от нее союзными республиками Прибалтики.

Вторая стадия обострения конфликта связана уже с рубежом 1990-х гг., когда началась суверенизация Прибалтийских республик. Попытка политического противодействия эскалации этого процесса со стороны СССР не увенчалась успехом. Кульминацией эскалации конфликта стал выход Литвы, Латвии и Эстонии из состава СССР, а потом и распад последнего. Но завершение данного конфликта было отложено на достаточно длительный период, до подписания и ратификации договора между Российской Федерацией и Литвой с взаимным признанием границ.

Казалось бы, наступила постконфликтная ситуация и есть время подумать, как не допустить новой эскалации конфликта, все равно оставшегося, хотя и в латентном состоянии. Но с созданием на территории области свободной (Особой) экономической зоны (в качестве попытки преодоления сначала конфликта с декларированным развитием в стране рыночных отношений и отсутствием источников этого развития, а также в связи с возникновением противоречий между центром и регионами) возникла еще одна предконфликтная ситуация. Мы ее рассмотрели выше, анализируя историю развития механизма СЭЗ – ОЭЗ и его воздействие на экономику региона, взаимоотношения региона с Федерацией и зарубежными странами. Кульминация этого конфликта – начало рассмотрения нового варианта закона об ОЭЗ в 2004 г.

Более того, с расширением ЕС и НАТО на восток вновь усилилась эксклавность региона. Кульминацией стало вступление Литвы в НАТО и ЕС. И этот конфликт еще не исчерпан.

Таким образом, в настоящее время, на начало 2005 г., совпали кульминации сразу двух конфликтов, «эксклавного» и «зонального», но оба они составляют один более общий, связанный с Калининградской областью. Возникший конфликт отличается высокой степенью открытости, поскольку его обсуждение ведется на самых разных уровнях – от бытового обсуждения до международных переговоров, причем все аспекты находят широкое отражение в средствах массовой информации.

По сфере проявления это конфликт комплексный – экономический, политический, межкультурный и даже экологический. Это многосторонний конфликт, прежде всего (по характеру субъектности) межгосударственный, но также и конфликт между Федерацией и регионом, между регионами и межгрупповой конфликт (между различными бизнес-группами, слоями населения).

Своеобразие калининградского конфликта, на наш взгляд, заключается, помимо прочего, и в том, что, в силу многообразия участвующих в нем сторон и различий реализуемых ими стратегий, он может оказаться конфликтом и с нулевой суммой, и с ненулевой суммой, и даже с отрицательной суммой (если он превратится в насильственный конфликт).

«Зональная» составляющая связанного с Калининградской областью конфликта в значительной мере институционализирована, и его разрешение ожидается на пути совершенствования российского законодательства. В то же время ставится задача повысить степень определенности ситуации вокруг области путем утверждения федеральной политики по отношению к региону.

Эксклавный компонент конфликта, который должен быть урегулирован на международном уровне, пока не нашел полного институционального отражения. Это обусловливает спонтанность принятия решения по вновь и вновь возникающим проблемам (визовым, транзитным и пр.). Поэтому столь важно заключение специального договора (соглашения) между Россией и ЕС о жизнеобеспечении и развитии Калининградской области. Институциализация конфликта будет способствовать компромиссному пути его разрешения, что представляется единственной возмож-

ностью предупредить возникновения трудноразрешимых антагонизмов (которые можно легко найти в истории региона).

Вместе с тем нужно продолжать и поиск решения «зональных» проблем, определяющих возможность устойчивого и динамичного развития региона. Благодаря предпринятым на федеральном уровне мерам, экономика области успешно, хотя и не без проблем, развивается. Однако быстрый рост поставок из Калининградской области в другие регионы РФ товаров, произведенных из импортного сырья с использованием механизма ОЭЗ, вызвал обеспокоенность товаропроизводителей на основной территории страны. Это касается прежде всего поставок телевизоров, ковров, мебели, мясопродуктов. В результате были инициированы предложения об отмене режима свободной таможенной зоны в Калининградской области и установлении льготного налогообложения предприятий, осуществляющих инвестиционные проекты.

Итак, возникло весьма сложное противостояние интересов, требующее скорейшего разрешения. Каковы возможные пути обеспечения устойчивого и динамичного развития региона (что декларировано в официальной стратегии «региона сотрудничества»), отвечающие общероссийским интересам и в минимальной степени затрагивающие интересы других регионов страны? Кроме того, должны быть учтены и интересы зарубежных партнеров, прежде всего ближайших соседей области, Польши и Литвы, а также других стран Балтийского бассейна. Может ли надлежащим образом модифицирован нынешний хозяйственный режим в регионе, основывающийся на режиме ОЭЗ (по сути, свободной таможенной зоны), или нужны иные решения?

Пока в России фактически работает только одна ОЭЗ – в Калининградской области, и потому внутри страны ее сравнивать не с чем. Подобные зоны импортозамещающего типа существуют за рубежом, хотя и менее распространены, чем экспортные зоны. В качестве примеров можно назвать свободный порт Гамбург, внешнеторговые зоны (ВТЗ) США, бразильскую свободную зону Манаус (СЗМ), аргентинскую зону свободной торговли «Tierra del Fuego free trade zone» на Огненной Земле. В этих зонах развиваются импортозамещающие производства с использованием импортного сырья, комплектующих, технологий, работающие на внутренний рынок. В дальнейшем наращиваются и объемы экспорта, и зоны постепенно становятся из импортозамещающих смешанными (экспортно-

импортными) или даже экспортно-ориентированными. Подобным образом, на наш взгляд, должна развиваться и ОЭЗ в Калининградской области.

Для Калининградской области, как и для всех других СЭЗ/ОЭЗ, характерны определенные противоречия (конфликты) как внешнего[1], так и внутреннего характера (частично о них уже говорилось выше). В обобщенном виде они представлены в таблице 1.

Таблица 1

Основные внешние противоречия (конфликты), связанные с ОЭЗ в Калининградской области

Внешние по отношению к ОЭЗ акторы	Внутренние акторы в ОЭЗ	Основные предметы противоречий (конфликтов)
Федеральный центр	Администрация области Бизнес, работающий в ОЭЗ (как местный, так и внешние инвесторы)	Нужна ли ОЭЗ вообще? ОЭЗ – территория или режим? Механизм управления ОЭЗ Характер и стабильность зональных льгот
Производители конкурирующих товаров из других российских регионов	Производители импортозамещающих товаров в ОЭЗ	Льготный режим ОЭЗ, создающий, по мнению производителей из других регионов, неравные условия для конкуренции на общероссийском рынке
Крупные инвесторы из других регионов (прежде всего из Москвы)	Калининградский бизнес	Новый федеральный закон об ОЭЗ: минимальный объем инвестиций в проект, дающий право на получение налоговых льгот
Иностранные инвесторы	Администрация области	Режим для иностранных инвестиций
Иностранные производители товаров и услуг, реализуемых в Калининградской области	Местные производители, работающие на областной рынок	Льготный таможенный режим ОЭЗ, который, по мнению местных производителей, делает импортные товары более конкурентоспособными на внутреннем рынке области

[1] Во внешних по отношению к ОЭЗ противоречиях особо следует выделить международные противоречия, в которых участвуют три стороны: федеральный Центр, акторы в самой ОЭЗ и зарубежные партнеры.

Окончание табл. 1

Внешние по отношению к ОЭЗ акторы	Внутренние акторы в ОЭЗ	Основные предметы противоречий (конфликтов)
Органы управления ЕС, структуры управления Литовской Республики	Федеральный центр* Администрация области Бизнес (как региональный, так и бизнес других регионов, инвестировавший в предприятия ОЭЗ)	Режим транзита грузов через Литву (прежде всего вывоза импортозамещающей продукции в другие регионы России)

* В данном случае выступает как внутренний актор, защищающий интересы Калининградской области и ОЭЗ.

Федеральный центр действительно недополучает немалые средства из-за предоставленных хозяйствующим субъектам налоговых и таможенных льгот. Причем это потери не «виртуальные», как в случае с ОЭЗ развивающихся стран (где зоны чаще всего создавались на пустырях), а вполне реальные (зоны в России создавались в городах и регионах с уже имевшимися плательщиками налогов и таможенных сборов). Поэтому одной из основных причин того, что закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» так до сих пор и не принят, стала жесткая позиция Министерства финансов, которое полагает, что для привлечения инвестиций важнее улучшить общий инвестиционный климат в стране, а не создавать эксклюзивные условия для отдельных территорий. Министерство опасается (и не без оснований), что ОЭЗ будут использоваться для реализации всевозможных схем по минимизации налогов[1].

Поэтому последняя концепция проекта федерального закона (по состоянию на начало 2005 г.) предусматривает, что на момент принятия решения Правительством Российской Федерации о создании ОЭЗ на территории будущей ОЭЗ не могут находиться объекты, принадлежащие юридическим и физическим лицам[2]. То есть

[1] Как это уже происходило с так называемыми «внутренними оффшорами».

[2] Это исключает предоставление льгот уже существующим коммерческим предприятиям и фирмам.

исключение составляют только объекты государственной и муниципальной собственности.

Еще одно противоречие, которое особенно ярко проявилось в отношении ОЭЗ в Калининградской области как единственной в стране зоне импортозамещающего производства, – это наличие у зональных предприятий льгот, которых не имеют конкурирующие предприятия, расположенные в других российских регионах. Противники ОЭЗ полагают, что это позволяет говорить о недобросовестной конкуренции. При этом, однако, не учитывается то обстоятельство, что калининградские товары конкурируют на общероссийском рынке, прежде всего, не с товарами российских производителей, а с прямым импортом. Кроме того, льготы в какой-то мере компенсируют те издержки, которые несет регион из-за своего эксклавного положения по отношению к основной части Российской Федерации.

Для России принципиально важно разрешить противоречие между конкурентными преимуществами страны (научно-технический потенциал, кадры ученых, инженеров и квалифицированных рабочих, капиталоемкие и наукоемкие производства и т. д.) и преобладающей в мире моделью СЭЗ, ориентированной на эксплуатацию дешевого (преимущественно женского труда). Очевидно, что ОЭЗ в России должны ориентироваться на развитие наукоемких разработок и производств. Наша страна могла бы вписаться в глобальную экономику как один из центров исследований и разработок, а в ряде случаев и производства уникальной наукоемкой продукции. Движение в этом направлении уже началось – все больше ведущих зарубежных ТНК открывают свои исследовательские центры в России. Среди них можно упомянуть американские фирмы «Боинг», «Интел», крупнейшую европейскую аэрокосмическую компанию EADS и др.

Нужно отметить, что существенными являются не только внешние для области противоречия, вызванные механизмом ОЭЗ, но и внутри самого региона имеются серьезные акторы, интересы которых далеко не всегда совпадают. При этом во взаимоотношениях сторон всегда имеются взаимные претензии. Так, говоря об отношениях бизнеса и власти, с одной стороны, речь идет о затрудняющих развитие предпринимательства бюрократических барьерах, с другой стороны, – об уклонении хозяйствующих субъектов от уплаты налогов и стремлении получить дополнительные льготы (табл. 2).

Таблица 2

Основные внутрирегиональные противоречия (конфликты), связанные с ОЭЗ в Калининградской области

Внутренние акторы		Основные предметы противоречий (конфликтов)
I	II	
Бизнес	Администрация области	Административные барьеры на пути инвестиций (процедуры землеотвода, получение разрешения на строительство, таможенные барьеры, коррупция и др.)
Крупный бизнес	Малый и средний бизнес	Доступ к ресурсам (трудовым, финансовым, земельным, административным и др.)
Импортеры	Экспортеры	Характер зональных льгот
Предприятия, работающие на импортном сырье	Местные производители сырья и его переработчики	Льготный таможенный режим ОЭЗ делает импортное сырье и комплектующие более конкурентоспособными и лишает местных производителей аналогичной продукции рынков сбыта

Одно из противоречий, которое порождают СЭЗ/ОЭЗ, – противоречие между искусственным (базирующимся на льготах) и естественным характером экономического развития региона, в котором они созданы. Значительная часть внутренних противоречий (появляющихся внутри региона) возникает между предприятиями, использующими местные ресурсы (с поставками продукции преимущественно на региональный рынок), и их конкурентами, базирующимися на импортном сырье. Как показано выше, многие калининградские предприятия (особенно производившие и использовавшие местное сельскохозяйственное сырье) в первой половине 1990-х гг. не выдержали такой конкуренции.

Зависимость от льгот является своего рода «родовым признаком» любой свободной экономической зоны в мире. И ликвидация льгот приведет к немедленному уходу инвесторов и закрытию производств. Поэтому надо говорить о системе оптимальных льгот и стимулов, которые, с одной стороны, привлекали бы инвесторов, а с другой – приводили бы к тому, что реальный эффект от ОЭЗ перекрывал бы реальные (а не «виртуальные») потери от ее существования.

Оценивая задачи калининградской ОЭЗ, уместно сравнить условия развития Калининградской области с соседними республиками Прибалтики, имеющими сходное географическое положение на побережье Балтийского моря, находящимися на коммуникациях России с Западом. Прибалтийские страны имеют более емкий внутренний рынок, и в этом их преимущество. Они использовали выгоды своего географического положения, находясь в составе СССР, когда им удалось достичь более высокого уровня социально-экономического развития по сравнению со средним по стране. Но выход из состава СССР и из прежнего единого экономического пространства лишил их прямого доступа на емкий российский рынок, какой по-прежнему имеет Калининградская область. Прибалтийские страны видят выход в интеграции с ЕС, но, находясь на его периферии, они могут связывать перспективы более успешного развития лишь при достаточно тесных связях с Россией. Калининградская область, оставаясь в общероссийском экономическом пространстве, но имея в нем периферийное (и территориально изолированное) положение, в свою очередь может рассчитывать на ускоренное развитие при тесных связях со странами Балтийского региона и Евросоюза. Этому должен способствовать и «зональный» механизм, компенсирующий расходы на транзит грузов через территории зарубежных стран при перевозках грузов и пассажиров между областью и основной территорией страны.

18. МИРОВОЙ ОПЫТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКСКЛАВОВ*

Мировой опыт показывает, что основания для предоставления отдельным административно-территориальным образованиям полномочий, отличающихся от стандартной сферы компетенции региональных органов власти в данном государстве, и установление особой формы управления ими определяются следующими факторами.

Во-первых, это удаленное географическое положение, затрудняющее оперативное руководство отдаленной провинцией из Центра даже в условиях унитарного государства. Чаще всего это относится к островным территориям. Однако в некоторых случаях дополнительные права и полномочия предоставляются также сухопутным эксклавам и фрагментам территории (Бюзинген-ам-Хохрейн, Кампионе д»Италиа, Аляска и др.).

Во-вторых, это особенности исторических связей территорий с материнским государством. Статус заморских территорий или подобный ему получили в основном бывшие колонии, которые не захотели разрывать связей с метрополией и, более того, стремились к интеграции с ней. Ряд таких территорий (например, Мартиника, Гваделупа, Реюньон, Французская Гвиана, Сеута, Мелилья, Азорские острова, Мадейра и др.) стали интегральными частями «своих» стран. Другие продолжают жить по схеме: метрополия отвечает за оборону и внешние связи при внутренней автономии заморской территории.

В-третьих, это этнический фактор, то есть создание особых административно-территориальных образований может происходить и на этнической основе, хотя в международной практике это встречается редко. Дело в том, что возникновение национальных квазигосударственных образований, как правило, не способствует

* *Клемешев А.П.* Проблема эксклавности в условиях глобализации (на примере Калининградской области): Дис. … д-ра полит. наук. М., 2005.

снижению влияния сепаратистских сил (об этом убедительно свидетельствует опыт бывших СССР, Югославии и Чехословакии, а также ряда других государств). Более того, такие образования могут служить институциональными базами для сторонников полного отделения, позволяющими им при ослаблении центральной власти активизировать борьбу за достижение полного суверенитета. Классический пример – Социалистическая Федеративная Республика Югославия. В этой стране субъекты федерации имели не только широкие полномочия в административной сфере, но даже и эрзацы собственных армий (территориальные подразделения самообороны). В начале 1990-х гг. именно эти части вступили в вооруженную борьбу с Югославской народной армией, оставшейся в подчинении федерального правительства.

В настоящее время этнический фактор служит основанием для существования союзных территорий в Индии[1] и национальных провинций в Испании (региональные правительства формируются местными законодательными кортесами). Однако в испанском варианте термин «национальный» имеет иное содержание, нежели подразумеваемое обычно. Речь здесь идет не столько об этнических, сколько об исторически сложившихся региональных сообществах (Галисия, Астурия, Андалусия). Местные социумы отличаются спецификой культурного развития и не воспринимаются как этнические группы. Впрочем, статус национальных провинций получили и области проживания этнических меньшинств (басков и каталонцев).

[1] К числу союзных территорий в Индии относятся: Андаманские и Никобарские острова, Дадра и Нагархавели, Даман и Диу, Лакшадвип, Пондичерри, Чандигарх.

Союзные территории имеют отличный от штатов статус в структуре Индийского союза, обладают меньшей автономией. Во главе этих образований – назначенные из центра чиновники (министры), лейтенант-губернаторы, утверждаемые президентом. Схема управления территориями напоминает скорее унитарную модель; бóльшая часть управленческих решений принимается в Центре и доводится до территорий в виде директив. Однако уровень внутренней автономности этих территорий высок за счет предоставления крупным сегментам (племенам, этнолингвистическим группам, конфессиям и другим социальным группам) значительной самостоятельности в определении собственного уклада жизни при минимальном внешнем воздействии.

Если говорить о заморских и подобных им территориях, то этнический фактор, несомненно, сыграл важную роль в предоставлении автономии Аландским и Фарерским островам. Население Аландских островов (принадлежат Финляндии) говорит по-шведски и по своей культуре, несмотря на местные особенности, ближе к шведам. Фарерцы – народ, говорящий на языке, близком к норвежскому и отличающийся, по мнению экспертов, от датчан примерно так же, как болгары от русских[1].

Опыт зарубежных эксклавов и заморских территорий, при всем его разнообразии, позволяет выделить и некоторые общие элементы.

1. Гибкость применяемых схем. Так, во Франции существуют четыре типа заморских департаментов и территорий, варьирующихся от заморских департаментов, являющихся частью Франции, до Новой Каледонии, которая пользуется весьма существенной внутренней автономией и будет в 2014 г. проводить референдум о возможном предоставлении ей независимости. В Британии существуют территории, зависимые от Короны, и заморские территории.

2. Государственный контроль за заморскими территориями. Так, практически на всех подобных территориях глава исполнительной власти назначается метрополией.

3. Разделение функций между Центром и заморскими территориями. Центр отвечает прежде всего за оборону и внешние связи заморских территорий, в то время как они пользуются расширенной внутренней автономией. Это относится даже к таким территориям, которые являются полноправными частями своей страны, как Корсика, французские заморские департаменты[2], в какой-то мере Аляска.

4. Налоговые льготы и изъятия. Так, для Мартиники, Гваделупы и Реюньона установлены специальные ставки НДС, а во Французской Гвиане НДС нет вообще (напомним, что все эти заморские де-

[1] Фарерские острова в Атлантическом океане принадлежат Дании.

[2] Каждый из них имеет одновременно и статус региона, который в континентальной Франции предоставляется только группе департаментов.

партаменты входят в состав Франции). Предприятия и физические лица в DOM-TOM (заморских департаментах и территориях Франции) освобождены от многих обязательных выплат.

5. Существенная государственная финансовая помощь со стороны метрополий и из фондов Европейского союза. Эта помощь, в частности, является компенсацией за удаленное положение и средством выравнивания бюджетной обеспеченности.

6. Создание в заморских и подобных им территориях оффшорных зон (Гибралтар, остров Мэн и острова Канала, Британские Виргинские острова, Каймановы острова, Бермуды, Аруба и др.) или различных разновидностей СЭЗ (например, Мадейра, Гонконг, Макао, Пуэрто-Рико).

7. Укрепление связей заморских территорий, которые ранее не входили в состав материнских государств, с материнскими странами путем предоставления их жителям гражданства метрополии. Так, все жители британских заморских территорий (за исключением районов военных баз на Кипре) и французских заморских департаментов и территорий имеют соответственно британское подданство и французское гражданство. Жители Пуэрто-Рико получили гражданство США еще в 1917 г. Студенты из французских DOM-TOM, обучающиеся в метрополии, получают специальные «мобильные паспорта», дающие возможность летать через полсвета практически бесплатно. Кроме того, уроженцы заморских территорий обладают преимуществами при устройстве на госслужбу в метрополии. Это политически привязывает бывшие колонии к метрополии. Заморские госслужащие – опора государства, доверившего им административные рычаги. Эти люди зачастую большие патриоты Франции, чем нормандцы или эльзасцы. Политика «пряника», а не «кнута», проводимая в отношении заморских территорий, дает свои результаты. Так, жители Пуэрто-Рико на референдумах трижды (в 1967, 1993 и 1998 гг.) отвергали идею независимости острова. Выступили на референдумах против расширения автономии (в значительной степени из-за опасения ослабления связей с Францией) жители Корсики, Мартиники и Гваделупы. За сохранение статуса заморской территории Великобритании и против передачи Испании неоднократно голосовало абсолютное большинство

населения Гибралтара. В то же время те территории, которые стремятся к независимости, могут ее получить. Но, по мнению экспертов, даже Новая Каледония, часть населения которой в 1990-м гг. вела вооруженную борьбу за независимость, в 2014 г. вряд ли проголосует за разрыв с Францией и тем самым с Европейским союзом.

19. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗМ КАК ФАКТОРЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ ЭКСКЛАВОВ*

Со становлением национальных государств, эксклавы, отделенные от «материнских» стран зарубежными территориями, стали объектами межгосударственных отношений (и соответственно возникающих в ходе этих отношений международных конфликтов).

Эксклавность означает конфликтогенность. В мире насчитываются многие десятки эксклавов, которые могут стать источниками конфликтов, и потому целесообразно оценить, имеются ли предпосылки радикального предотвращения угроз политической стабильности, проистекающих от эксклавных территорий. Для этого требуется рассмотреть, как меняется в условиях глобализации мировое политическое пространство, какие процессы его определяют сейчас и что можно ожидать в будущем.

Многоаспектность глобализации, неоднородность глобального пространства и разнообразие действующих в нем акторов затрудняет как оценку ситуации в мире, так и прогноз развития событий. Тем не менее некоторые общие тенденции проявляются все более четко, что позволяет приблизиться и к прогнозу относительно конфликтогенности эксклавов. Поскольку эксклав – часть территории *государства*, отделенная от него другими *государствами*, нас интересует прежде всего ответ на вопрос: каковы перспективы *политической* глобализации? То есть остается ли государство главным (уже понятно, что не единственным) субъектом политического пространства. Если да – то изменится ли оно и в каком направлении, если нет – что придет ему на смену?

Большинство национальных государств в изменившихся условиях уже не могут выступать в качестве адекватных акторов в глобализованном мире. Многие государства объединяют свои рынки

---

* *Клемешев А.П.* Проблема эксклавности в контексте глобализации. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.

в единое экономическое пространство, образуя региональные экономические блоки.

Так, ЕС – это наднациональный регион, уже обладающий определенным суверенитетом, который ему добровольно делегировали национальные государства; и этот суверенитет с течением времени возрастает. Возможно, как в свое время в Европе была создана Вестфальская система национальных государств, так и сейчас именно Европейский союз показывает пример строительства государства нового типа.

Проблемы согласования интересов РФ и ЕС активно обсуждаются на экспертном уровне. Меньше внимания уделяется другому немаловажному направлению, связанному с развитием приграничного сотрудничества на региональном уровне (в частности, в бассейне Балтийского моря). В то же время, помимо регионов наднационального уровня, все большее значение приобретают субнациональные регионы, которые, взаимодействуя между собой, могут создавать международные ассоциации и тому подобные сообщества (примером этого могут служить уже упоминавшиеся *еврорегионы*, создаваемые с участием регионов стран Европейского союза).

Повышение роли регионов субнационального уровня означает превращение их из объектов анализа и управления в регионы-субъекты, способные к самоорганизации и саморазвитию. Соответственно меняется понимание *регионализма* – от простого учета в рациональной территориальной организации труда местных условий, факта «существования в стране районов со значительными природными, хозяйственными, социальными и этнокультурными различиями»[1], через региональную политику центральных органов власти государства до целенаправленной политики, осуществляемой самими регионами.

Далеко не все эксклавы имеет предпосылки для превращения их в регионы-субъекты. Для этого требуется и определенная площадь территории, и численность населения, и складывание (хотя бы в начальной стадии) региональной идентичности, регионального самосознания. Например, вряд ли могут стать такими регионами Гибралтар или Сеута с их недостаточным для саморазвития

[1] *Машбиц Я.Г.* Основы страноведения. М., 1995.

внутренним потенциалом, находящимися в условиях возможного поглощения окружением. В то же время Аляска или Северная Ирландия регионами-субъектами уже являются.

Для Калининградской области именно превращение в регион-субъект, активно проявляющий себя в экономических пространствах как Российской Федерации, так и Балтийского региона, может стать способом преодоления конфликтогенности.

В целом мировой опыт подтверждает, что для благополучного существования и развития эксклавной территории требуются:

1) признание правительством страны специфики в положении региона, которая требует отражения в законодательстве и особого порядка управления. Со своей стороны региональное сообщество ограничивает свои претензии исключительно вопросами обеспечения оптимальных условий для хозяйственной деятельности, не выдвигая требований автономистского и сепаратистского плана;

2) благожелательное внимание и реальная поддержка со стороны «своего» государства, четкое разделение функций между центральным правительством и региональной властью, обеспечивающее баланс региональных и общегосударственных интересов;

3) более высокая степень самостоятельности местных властей в принятии оперативных управленческих решений в социально-экономической сфере и в сфере внутреннего самоуправления территории;

4) корректные отношения с сопредельными государствами, прочные экономические, культурные и гуманитарные связи с их населением;

5) открытость экономики и активное участие в международном разделении труда;

6) развитие приграничной межрегиональной кооперации и культурного сотрудничества.

Для успешного решения проблем эксклавов, возможно, еще более важно, чем для внутренних регионов страны, правильное установление соотношения между централизацией и децентрализацией управления.

Э. Хейвуд выделяет ряд положительных сторон централизации, с одной стороны, и децентрализации – с другой[1]. Примени-

[1] *Хейвуд Э.* Политология. М., 2005. С. 199–200.

тельно к централизации он положительно оценивает обеспечение ею национального единства, пространственного единообразия (законодательного, образовательного и пр.), социального равенства и экономического развития (благодаря унификации финансов, бюджета, инфраструктуры и пр.). Децентрализация, в свою очередь, может обеспечить гражданское участие, оперативность (в силу большей осведомленности властей о потребностях населения), легитимность (в силу большей понятности решений населению), свободу (уравновешивание местными органами власти центрального правительства). Однако если указанные позитивные аспекты децентрализации не реализуются (что, в частности, в значительной степени характерно для современной России), управляемость может резко снизиться, и успешное функционирование эксклава оказывается под угрозой. Верное балансирование централизации и децентрализации (в российских условиях обеспечиваемое централизованными решениями федеральных органов государственной власти) является для эксклавных регионов еще более важным условием устойчивого и динамичного развития, чем для внутренних частей страны.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ

20. О НЕОБХОДИМОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ СТРАТЕГИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ*

В связи с новой для Калининградской области геополитической ситуацией в 1990-е годы, при том, что все актуальные российские проблемы экономического, политического и социального реформирования проявляются в регионе с еще большей остротой, появились многочисленные стратегии, концепции и предложения, касающиеся перспектив развития единственной эксклавной территории России. Они разрабатываются и калининградскими, и московскими, и зарубежными специалистами. Авторами многих из них являются ученые Калининградского государственного университета, где с начала 1970-х годов проводятся комплексные социально-экономические исследования региона.

К сожалению, далеко не всегда обоснованные предложения ученых внедрялись в практику. Слишком много субъективных моментов имеется при разработке региональных программ. По-прежнему большую роль играют общие установки федерального Центра, не всегда учитывающего при принятии решений специфику регионов. В то же время в Москве продолжается лоббирование региональных интересов, и наиболее авторитетные лидеры субъектов Федерации могут рассчитывать на принятие решений с большей степенью вероятности.

Из-за недостатка статистической информации и часто ее малой достоверности (например, из-за трудностей учета теневого сектора экономики) принимаемые управленческими органами решения не всегда отражают действительные потребности социально-экономического развития регионов, городов и поселков. Появилось даже новое понятие – «экспертная оценка», которое используется всегда, когда для объективной характеристики явления отсутствуют статистические данные.

Безусловно, в безвыходной ситуации, вызванной недостатком информации для принятия управленческих решений, субъектив-

---

* *Клемешев А. П.* О необходимости теоретического обоснования стратегии регионального развития // Регион сотрудничества. Вып. 7: К разработке теории региона сотрудничества. Калининград: Изд-во КГУ, 2001. С 4–7.

ное мнение экспертов лучше, чем отсутствие какой-либо оценки ситуации специалистами. Однако такими оценками нельзя злоупотреблять, и они должны всегда подкрепляться статистикой. Если отчетность по необходимым формам не предусмотрена или вызывает сомнение, следует организовать специальные обследования в ходе самих исследований.

Большие надежды исследователями социальных и демографических процессов возлагаются на предстоящую в 2002 году Всероссийскую перепись населения. Однако ее материалы, и то еще не полностью обработанные, можно будет получить только через полтора года. К тому же еще неизвестно, насколько достоверными они окажутся, поскольку добиться полного охвата респондентов и соответствующих действительности ответов на вопросы достаточно трудно. При столь массовом обследовании, каковым является перепись, подготовить огромное число интервьюеров достаточно сложно. Поэтому для получения необходимой информации в области нужно организовать ряд обследований, затрагивающих наиболее актуальные социально-экономические проблемы региона.

Поскольку любые социологические обследования очень дорогостоящи, требуется предварительный теоретический анализ проблем регионального развития. Но прежние экономические и прочие теории, разработанные в административно-командную эпоху, сейчас неприменимы. Некоторые их них имеют рациональное зерно (например, теория комплексообразования, концепция социума и др.), но они должны быть переработаны для условий переходной экономики. По причине именно переходного характера и экономики, и российского общества западные теории тоже применимы с большими оговорками.

В масштабах государства предложения по социально-экономическому развитию страны разрабатываются Центром экономических реформ при Правительстве РФ, тесно связанным с различными исследовательскими институтами. Один из них (с которым ученые области тесно сотрудничают) как раз и называется – Институт экономики переходного периода.

И в Калининградской области подобные структуры необходимы: специальный центр при администрации области и независимый институт, разрабатывающий проблемы переходной экономики в регионе. Поскольку главным механизмом, призванным

учесть региональную специфику, является механизм особой экономической зоны, институт мог бы так и называться – Институт особой экономической зоны. На наш взгляд, наилучший вариант образования такого института было бы издание специального приказа Министерства образования и Миннауки. Однако приемлемы любые варианты, при которых обеспечивается достаточная самостоятельность ученых, чтобы они могли обосновывать действительно независимые предложения. КГУ готов принять самое активное участие в создании такого регионального НИИ.

В Калининградском госуниверситете сейчас действует несколько научных структур, занимающихся проблемами регионального развития. Среди них – НИИ комплексных исследований регионов, Балтийский центр стратегических исследований и инноваций, научно-методический центр «Регион и образование». Выпускаются межвузовские сборники научных трудов, журнал «Вестник Калининингградского государственного университета». На базе КГУ издается «Вестник Балтийского научного центра». По проблемам регионального развития готовятся аспиранты, действуют советы по защитам диссертаций. Выполняются работы по программам и грантам Минобразования и российских научных фондов – РФФИ, РГНФ и др. Университет участвует в реализации ряда международных проектов. Ученые КГУ уже вносят и могут внести больший вклад в обоснование программ регионального развития для областных органов власти.

И самое главное, только на базе вузовской науки сейчас возможно организовать теоретические разработки, поскольку именно в вузах сосредоточены основные научные силы региона. Недостаточно разрабатывать отдельно программы развития транспорта, туристического комплекса или энергетики, хотя это и очень важно, и ученые КГУ участвуют в таких разработках. Важно работать по комплексной программе регионального развития, но и это условие необходимое, но недостаточное для правильного определения перспектив экономики, экологии, социальной сферы региона. Обязательно также теоретическое обоснование самих понятий «эксклавный регион», «пилотный регион», «регион сотрудничества», «региональное развитие».

Научные подразделения и кафедры КГУ по мере возможностей занимаются теоретической проблематикой. Опубликован ряд важных работ с теоретическими и методологическими обобще-

ниями, тесно связанными с практикой регионального управления. Географическим факультетом подготовлен к изданию атлас Калининградской области (под ред. декана геогр. факультета проф. В.В. Орленка). Атлас сам по себе является важным обобщением результатов комплексных исследований региона.

Дальнейшее развитие теории регионального развития и управления мы связываем с разработкой комплексной программы регионального социально-экономического развития. Общие стратегические установки, подходы к развитию области сейчас активно обсуждаются и, вероятно, найдут отражение в конкретных решениях российского Правительства по поддержке региона. Однако речь идет о комплексной программе, учитывающей и интересы Федерации, и региональные интересы и возможности, а также и перспективы международного сотрудничества.

Конечно, нельзя слишком уповать ни на помощь Центра, ни на международные программы и проекты: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих», и еще не все внутренние ресурсы задействованы для решения социально-экономических проблем региона. Но и развиваться лишь с «опорой на собственные силы», учитывая переплетение разнообразных региональных, общероссийских и международных интересов в регионе, невозможно. Учесть весь сложный узел интересов эмпирически, методом проб и ошибок, невозможно.

Западные эксперты в своих рекомендациях опираются на разработанные теории, которые продолжают совершенствоваться. Есть ли у нас что противопоставить концепциям «прямого соседства», «еврорегионам» и «треугольникам роста»? Недавно появилось понятие «пилотный регион» применительно к Калининградской области – есть ли соответствующая теория?

Нужно прямо отметить: в теоретических исследованиях в сфере экономики, социологии, экологии применительно к изменившимся политическим и социально-экономическим условиям мы отстали от Запада. Необходимо это отставание преодолеть. Иначе по-прежнему решения о путях регионального развития будут приниматься методом «проб и ошибок», что приводит к слишком медленному решению назревших экономических и социальных вопросов.

21. ВЛИЯНИЕ ЭКСКЛАВНОГО ПОЛОЖЕНИЯ НА СТРАТЕГИЮ РАЗВИТИЯ ОБЛАСТИ*

Экономико-географическое положение всегда является важным фактором экономического развития территории. Нынешнее, весьма специфическое положение Калининградской области оценивается неоднозначно. Одни видят в отрыве от основной территории страны причину более сильного, чем даже в Российской Федерации в целом, спада производства. Другие обращают внимание прежде всего на возможности участия в интеграционных процессах в Балтийском регионе. Конечно, сказываются оба фактора. И от того, насколько успешно областным (и федеральным) властям удастся использовать положительные и нейтрализовать отрицательные воздействия особенностей экономико-географического положения региона, во многом зависит будущий уровень его социально-экономического развития.

Еще в советское время, то есть с момента своего образования в качестве субъекта РСФСР в апреле 1946 года и до ликвидации Советского Союза в 1991 году, Калининградская область была оторвана от основной части РСФСР. От российской "метрополии" ее отделяли тогдашние Литовская и Белорусская союзные республики. Но поскольку область входила не только в российское, но и в единое советское политическое пространство, то вплоть до 90-х годов не возникала и не обсуждалась в печати необходимость дать характеристику специфического политико-географического положения этого обособленного российского региона.

И лишь вследствие коренного изменения российской государственности в начале 90-х годов и приобретения независимости бывшими советскими Прибалтийскими республиками со всей очевидностью встал вопрос об особом положении Калининградской области. В 1991 году область из отдельного региона субъекта (РСФСР) государства (СССР) превратилась в оторванный от сво-

* *Клемешев А., Люейер П., Федоров Г.* Управление региональным развитием. Калининград: ГП «КГТ», 1999.

его государства (Российской Федерации) полноправный субъект. Возникли трудности в обеспечении жизнедеятельности области в условиях ограничений на транзит людей, грузов, снабжения, появления таможенных, визовых и других барьеров. К 1992 году область превратилась в уникальный в мировой практике регион государства, отделенный от основной части страны двумя и даже тремя иностранными государствами (варианты: Литва – Латвия, Литва – Белоруссия, Литва – Белоруссия – Украина, Польша – Белоруссия, Польша – Украина, Польша – Белоруссия – Украина).

В 1991–1992 годах при разработке законодательной и нормативной базы развития как области, так и свободной экономической зоны на ее территории среди экспертов широкое употребление получило понятие «анклав», а затем и «полуанклав». Понятие «эксклав» для географического и политического описания Калининградской области стало использоваться российскими специалистами несколько позже, в 1994–1995 годах.

По нашему мнению, для характеристики области как российского региона, оторванного от основной части страны, следует употреблять понятие «эксклав». Ведь область с позиции ее соседей – Польши и Литвы – не окружена ими (иначе речь должна была бы идти об анклаве).

Впервые на федеральном уровне для характеристики Калининградской области выбрано понятие “эксклав” в Договоре о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Калининградской области от 12 января 1996 года. Область названа эксклавной, а ее положение – эксклавным.

С точки зрения эксклавности Калининградская область является для России единственным феноменом. Но в мире существует ряд эксклавных территорий, в том числе шесть независимых государств (Монако, Ватикан, Сан-Марино, Бруней, Лесото, Гамбия). Эксклавами являются Аляска в США, Северная Ирландия в Великобритании, Кабинда в Анголе, Сеута в Испании, Нахичевань в Азербайджане и др. Они имеют похожие проблемы в своем социально-экономическом развитии из-за своей территориальной изолированности.

Для стратегии развития Калининградской области крайне важно изучить исторический современный опыт анклавов и эксклавов мира.

К примеру, эксклавом-предшественником нашей области в 1919–1935 годах была германская провинция *Восточная Пруссия*, которая была отрезана от своей "метрополии" на основе решений Версальского договора Данцингским (или Польским) коридором. Для того чтобы противостоять ухудшению социально-экономической ситуации в провинции, из-за потери снабжения сырьем и рынков сбыта своей продукции, усилившейся конкуренции от портов Данциг и Мемель, ее власти пошли на открытие второго в Германии международного аэропорта Девау (полеты не только в Берлин, но и на Москву, Ленинград, Хельсинки, Стокгольм), создание второго после Лейпцига Международного торгового выставочного комплекса (Восточная ярмарка), ориентированного в том числе на восточно-европейские страны. Тем не менее изолированность Восточной Пруссии все-таки привела к серьезному экономическому спаду в 30-х годах, обнищанию населения, чем не замедлили воспользоваться нацисты. Пример Восточной Пруссии достаточно поучителен.

Еще один исторический эксклав (*Уолфиш-Бей*) был у ЮАР после получения независимости Намибией. Это крупный торговый и рыболовный порт, железнодорожный узел. Существовал как южноафриканский эксклав в 1990–1994 годах, после чего его передали Намибии, которая создала там свободную торговую зону.

Не менее интересно для российского эксклава положение *Гибралтара*. Он является владением Великобритании с 1704 года. По Утрехтскому договору 1713 года Гибралтар фактически английская колония на европейском континенте. Казалось бы, ограничение со стороны Испании, удаленность от Великобритании должны были бы сказаться на жизни 30-тысячного населения, тем более что значительные средства расходуются на создание военно-морской и военно-воздушной баз. Однако свободная торговая зона Гибралтара позволяет ему неплохо выживать. Ставка на обслуживание транзитных грузов и туристов из многих стран – основные козыри экономики этого британского эксклава.

Эксклав *Сеута* (площадь 18 км^2, население более 70 тыс. человек) принадлежит Испании с 1580 года. Он расположен на Средиземноморском побережье Марокко, напротив Гибралтара, и является частью испанской провинции Кадис. Хотя здесь расположена военно-морская база, Сеута – свободный порт. Развито рыболовство, пищевая промышленность, судоремонт и туризм.

Ангольский эксклав *Кабинда* расположен между Республикой Конго и Демократической Республикой Конго (бывшей Заир). Так же как и Калининградская область, он имеет выход к морю. Кабинда была отрезана примерно на расстоянии 30 км от Анголы после того, как бывшее Бельгийское Конго (Заир) получило коридор к морю в низовье реки Конго. Выживать эксклаву помогает его главное богатство – нефть, добыча которой началась в 60-х годах. В Малинго (в 24 км к северу от города Кабинда) находится крупный терминал, через который отгружается сырая нефть.

Наконец, нельзя не упомянуть самый большой эксклав мира *Аляску*, ранее принадлежавшую Российской империи (до 1867 года), и являющуюся штатом США с 1958 года, отделенную от них территорией Канады. Проблем для американцев, едущих через канадскую территорию, практически никогда не было. С 1 января 1994 года ситуация стала еще более устойчивой. В соответствии с Североамериканским договором о свободной торговли НАФТА (куда вошли США, Канада и Мексика) предусмотрены меры по либерализации в движении товаров, услуг и капиталов через границы с постепенной ликвидацией таможенных и инвестиционных барьеров.

Как свидетельствует мировой опыт, у большинства эксклавов имеются серьезные проблемы в связи с их обособленным от основного пространства своего государства. Примеры успешного социально-политического развития этих территорий необходимо внимательно проанализировать для разработки стратегии развития Калининградской области. Главным условием является установление тесного экономического и политического сотрудничества с соседними странами в интересах Российской Федерации.

22. О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ*

В течение последних 15 лет ведется дискуссия о стратегии развития Калининградской области и необходимости изменений в управлении регионом, ставшим в 1991 г. российским эксклавом в окружении зарубежных государств. Возникшая с Калининградской областью ситуация первоначально не привлекла надлежащего внимания федеральных органов власти, поскольку в это время решались еще более сложные вопросы становления самой российской государственности. К тому же еще не было острых проблем транзита пассажиров и грузов через территории бывших союзных республик, ставших независимыми государствами де-юре, но сохранившими часть прежних, характерных для единой страны, экономических взаимоотношений де-факто.

В самой области ее эксклавность также не была осознана в должной мере и рассматривалась прежде всего как предпосылка ускоренного развития области путем вхождения региона в европейское экономическое пространство. С этой целью предполагалось использовать апробированный во многих странах механизм свободной экономической зоны, способный, как ожидалось, привлечь иностранные инвестиции и передовые технологии для модернизации региональной экономики.

Положение о свободной экономической зоне в Калининградской области (СЭЗ «Янтарь») было утверждено Постановлением Совета Министров РСФСР от 25.09.1991 г. А 22 января 1996 г. принят Федеральный закон «Об Особой экономической зоне в Калининградской области».

Режим СЭЗ – ОЭЗ предусматривал ряд мер, однако фактически был реализован лишь режим свободной таможенной зоны. В соответствии с законом об ОЭЗ, Правительство РФ установило для

---

* *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* О совершенствовании управления экономическим развитием Калининградской области // Вестник Калининградского государственного университета. Сер. Регионоведение. Калининград, 2004. Вып. 6.

области порядок происхождения товаров, беспошлинно вывозимых на основную территорию страны. Чтобы товар был признан как произведенный в Калининградской области, он должен приобрести в регионе 30% добавленной стоимости (а для сложной бытовой техники и электроники – 15%). Объем беспошлинного импорта по ряду товаров регулируется квотами, которые продаются на аукционах; превышение квот ведет к необходимости уплаты таможенных пошлин в полном объеме.

Но не были обеспечены предусмотренные законом об ОЭЗ льготное налогообложение инвестиций и гарантии иностранных инвестиций в виде залога имущества Калининградской области. Лишь непродолжительное время действовал упрощенный порядок въезда, пребывания и выезда иностранных граждан на территории области.

Область получала дополнительную финансовую поддержку. В 1994–1996 гг. ей был предоставлен налоговый кредит в размере 200 млрд неденоминированных рублей сроком на 5 лет. С 1998 г. на территории области реализуются федеральные целевые программы – сначала «Развитие ОЭЗ в Калининградской области» на 1998–2005 гг., а в 2001 г. утверждена программа «Развитие Калининградской области на период до 2010 г.». Однако первая из них практически не финансировалась; вторая также исполняется далеко не в полной мере.

Расширению экспортно-импортных перевозок через калининградские порты способствует тарифная политика российских железных дорог. Однако тарифы часто меняются и, с учетом необходимости дорогостоящего транзита грузов через территорию Литвы, ситуация для перевозчиков грузов остается нестабильной.

Но, возможно, по сравнению с неполным предоставлением региону преференций в соответствии с законом об ОЭЗ еще более важен тот факт, что предпринимавшиеся меры не были комплексными; они касались лишь экономических аспектов, игнорируя социальную, демографическую и особенно геополитическую составляющие регионального развития. Федеральная политика по отношению к Калининградской области не была сформулирована, хотя работа над соответствующим документом ведется в Москве уже длительное время. Поэтому вместо прогноза ситуации, предупреждения негативных следствий и использования позитивных возможностей прогнозируемых событий федеральные органы власти лишь запоздало реагируют

на наиболее сложные из постоянно возникающих проблем жизнеобеспечения и развития региона.

В 2004 г. со вступлением Польши и Литвы в ЕС область становится анклавом внутри Европейского союза и проблемы ее развития еще более видоизменяются. Поэтому необходимо оценить, какие меры должна предпринять Российская Федерация для жизнеобеспечения своего эксклава в новых условиях и предотвращения угрозы того, что Калининградская область станет депрессивным регионом, изолированным от основной части страны внутри развивающегося Евросоюза.

Основные направления дискуссии следующие:

1) оценка эффективности режима ОЭЗ и предложений по его видоизменению;

2) оценка реализации Федеральной целевой программы «Развитие Калининградской области на период до 2010 года»;

3) пути совершенствования управлением ОЭЗ, Федеральной программой, регионом в целом;

4) недопущение превращения области в конфликтогенный регион (вследствие гипотетического обострения социальной обстановки, проявлений сепаратизма, межнациональных конфликтов).

Предлагаемые меры во многом зависят от того, как оцениваются направления и результаты регионального развития за период с начала 1990-х годов. Оценки варьируют от утверждений о превращении области в «черную дыру», не выходящую из кризиса, в которой исчезают средства российского бюджета, до заявлений о ее более быстром и эффективном развитии по сравнению с другими регионами страны.

…

От принципиального решения калининградского вопроса зависят интересы многих акторов как внутри области, России, так и за ее пределами. **Поэтому нужна идея стратегического развития области, совместимая с федеральными интересами, учитывающая возможности и опыт региона, устраняющая недостатки эксклавного положения, а также принимающая во внимание интересы соседних зарубежных стран.**

Для кардинального решения проблем развития калининградского эксклава необходим системный, с доминированием политической составляющей, подход к региону. Речь идет, во-первых, о

разработке перспективной модели устойчивого развития региона в общероссийском политическом, экономическом и культурном пространстве, с учетом зарубежного окружения области. При этом речь теперь идет не только об отношениях между Россией и отдельными зарубежными странами, или даже о многосторонней кооперации в Балтийском регионе, а об отношениях Российской Федерацией и Европейского союза в целом.

Во-вторых, необходимо создать алгоритм планомерного, плавного перехода к этой перспективной модели, предупреждая возникновение в регионе кризисных явлений, связанных с очередной реструктуризацией экономики, дестабилизацией регионального социума, изменениями управленческих структур. В течение переходного периода могут сохраняться, постепенно отмирая, элементы нынешнего хозяйственного механизма и политического устройства региона. И одновременно станут внедряться новые политические, экономические и социальные институты, с течением времени все более приближающие область к перспективной модели.

Прежде всего, должна быть сформулирована федеральная политика по отношению к Калининградской области. Общие принципы такой политики должны базироваться на следующих положениях:

– смягчение недостатков эксклавного положения области и использование определенных выгод, связанных с близостью стран ЕС;

– в качестве альтернатив не могут рассматриваться варианты, связанные с выходом Калининградской области из единого экономического пространства РФ;

– компенсация эксклавности региона не может заключаться только в финансовых дотациях: необходимо создание устойчивого хозяйственного механизма прямого действия, минимизирующего бюрократическое вмешательство в создание и деятельность хозяйствующих субъектов;

– федеральная экономическая политика должна сочетаться с целенаправленной социальной, демографической и экологической политикой, обеспечивающей формирование устойчивой социально-территориальной общности населения региона как субъекта Российской Федерации;

– необходимо учитывать положение области как анклава внутри ЕС, согласуя положения федеральной политики со странами Европейского союза путем специального международного соглашения;

– должен соблюдаться эволюционный характер социально-экономических преобразований, исключающий возможности социальной катастрофы и возникновения сепаратизма.

Последние предложения Минэкономразвития по проекту нового закона об ОЭЗ в определенной мере отвечают этим требованиям. Они, насколько нам известно, предполагают сохранение режима свободной таможенной зоны для действующих сейчас хозяйственных субъектов на ближайшие 10 лет, а также предоставление налоговых льгот российским предприятиям, осуществляющим в сфере производства товаров инвестиционные проекты на сумму не менее 10 млн евро (но в таком случае они не могут использовать таможенные льготы). То есть в течение некоторого времени будет осуществляться поддержка всех действующих импортозамещающих предприятий и новых проектов на крупных предприятиях. Но без каких-либо льгот остаются вновь создаваемые малые и средние предприятия. Не стимулируется и привлечение иностранных инвестиций, способных привнести в регион новые технологии.

Поскольку малый и средний бизнес в нашей области составляет более значительную часть экономики по сравнению с другими регионами страны, его стимулирование не должно остаться без внимания. Перспективными здесь видятся две возможности. Во-первых, содействие кооперации, созданию среди предприятий малого бизнеса ассоциаций, объединяющихся для реализации крупных проектов (и получающих благодаря этому налоговые льготы). Подобный опыт привел к созданию в ряде стран Западной Европы крупных и быстро развивающихся индустриальных дистриктов, состоящих из тысяч малых фирм. Во-вторых, создание и государственная поддержка бизнес-инкубаторов, способствующих реализации перспективных проектов малым бизнесом. Пока, несмотря на имеющиеся попытки, создать хотя бы один такой эффективно действующий бизнес-инкубатор в области не удалось.

Что касается прямых иностранных инвестиций, то, на наш взгляд, зарубежному бизнесу, в случае организации производства товаров на экспорт, могли бы быть предоставлены те же налоговые льготы, что и российским предприятиям.

Для поддержки развития в области **экспортных производств** недостаточно стимулирования инвестиций. Главным препятствием к росту экспорта произведенных в Калининградской области товаров является не столько качество или цена производимой в области продукции, сколько запретительная таможенная политика стран – потенциальных импортеров продукции (прежде всего стран ЕС). Для ограничения ввоза продукции на территорию торговых партнеров области в качестве ограничений используются несоответствие стандартов, экологические требования к производству, квотирование импорта определенных товаров, антидемпинговые меры и прочие нетарифные ограничения.

С учетом беспошлинного доступа товаров из-за рубежа (прежде всего из стран ЕС) в Калининградскую область, следует добиваться предоставления рынка ЕС для калининградских товаров (хотя бы в размерах импорта из них на территорию области). Кроме того, с учетом эксклавного положения области и его изменений в результате расширения ЕС, согласно международному праву, страны ЕС должны возместить возможный экономический ущерб от своих действий, ухудшающих условия и стоимость транспортировки грузов и перевозок пассажиров между Калининградской областью и другими российскими регионами.

Для стабилизации внешних условий регионального развития следует добиться подписания **Договора между РФ и ЕС об условиях жизнеобеспечения и развития Калининградской области как региона взаимного сотрудничества.** Основаниями к заключению договора могли бы стать Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС, а также Стратегии сторон по отношению друг к другу (Стратегии ЕС 1999 г. и Стратегии РФ 2000 г.). Инициативу заключения такого договора поддерживает, в частности, Калининградская областная дума. Ряд предложений сформулирован в Стратегии социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества на период до 2010 года, разработанной областной администрацией с привлечением ученых КГУ, других научных центров Калининграда и Москвы. Соответствующие предложения в адрес Евросоюза выдвигались и российским Правительством, но пока положи-

тельного ответа на них не получено (представители ЕС полагают достаточным развивать отношения в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве 1994 г.).

Нельзя не учитывать также и наличие угроз, которые возникают в связи с недостаточно стабильными отношениями внутри Союзного государства России и Белоруссии. Временное прекращение поставок природного газа через территорию Белоруссии в Калининградскую области в начале 2004 г. показывает, что на этом географическом направлении тоже могут возникать неожиданные проблемы. Они также должны быть предупреждены в рамках **договорных российско-белорусских отношений**.

С целью усиления мониторинга ситуации и оперативного реагирования на возможные негативные изменения внутренних и внешних условий регионального развития, имеет смысл создание в области отдельного **федерального округа**. Это позволит усилить контроль неукоснительного исполнения российского законодательства (включая закон об ОЭЗ) и обеспечит устранение недостатков, ведущих к теневизации значительной части экономики региона. Целесообразно также назначение **министра по делам Калининградской области** и создание специальной **Межведомственной комиссии по проблемам Калининградской области** для оперативного реагирования на возникающие региональные проблемы.

Для усиления роли области как российского «пилотного» региона в отношениях России и ЕС требуется формирование здесь мощного центра образования, науки и культуры. Роль ядра такого центра благодаря реализации федеральных и международных научных и образовательных программ («Интеграция», МИОН, «Еврофакультет», ТЕМПУС, «Евразия» и др.) начинает играть Калининградский государственный университет. На основе калининградской демонстрационной площадки, предоставляющей полигон для взаимодействия ведущих отечественных и европейских университетов, возможно расширение и углубление интеграции российской и западноевропейской образовательных систем, формирование общего образовательного, культурного и научного пространства в Балтийском регионе.

В условиях стабильного законодательства и целенаправленной федеральной политики по отношению к региону решающее

значение, определяющее будущее региональной экономики, будет иметь экономическая ситуация в России в целом: с ее дальнейшим улучшением темпы развития региона станут выше средних по стране, в условиях рецессии спад производства в области будет более глубоким. Географическое положение области создает благоприятные предпосылки для обслуживания российской внешнеэкономической деятельности, развития как экспортноориентированных, так и импортозамещающих производств. Условиями успешного регионального развития являются, во-первых, обеспечение надежного и дешевого транспортного сообщения с основной территорией страны, во-вторых, сохранение и совершенствование механизма Особой экономической зоны и, в-третьих, расширение экономического сотрудничества России и ЕС.

23. ОЦЕНКА СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ РАЗЛИЧНЫМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМИ ГРУППАМИ*

Современная социально-экономическая ситуация в Калининградской области оценивается неоднозначно. Большая группа российских и зарубежных экспертов считает, что экономика области неэффективна, направления ее развития неправильны и противоречат интересам Российской Федерации. По их мнению, режим Особой экономической зоны до сих пор не стимулировал реальное экономическое развитие региона, приводил к распространению теневого сектора, а Федерация теряла большие средства вследствие неуплаты таможенных пошлин. Они утверждают, что Федеральная целевая программа «Развитие Калининградской области на период до 2010 года» не обеспечивает надлежащего развития, ресурсы у страны для подъема экономики в регионе отсутствуют. Поскольку Россия якобы не обладает ресурсами для обеспечения надлежащих условий регионального развития, предлагается вести речь об усилении помощи региону со стороны Запада (прежде всего, Европейского союза для реализации специальной программы) и предоставлении области особого политического статуса.

Этот подход характеризуется особым многообразием концепций, сформулированных по-разному, но имеющих конечной целью обособление области от России. Ряд подобных проектов, предлагавшихся в прошлом (особенно в первой половине 1990-х гг.), а отчасти сохраняющихся и сейчас, можно отнести к числу не имеющих перспектив. Приведем некоторые вытекающие из подобных исследований предложения, актуальность которых к настоящему времени снизилась:

- переселение в область российских немцев и преобразование ее в Балтийскую немецкую республику в составе России;
- передача области Польше и (или) Литве;

---

* *Гареев Т.Р., Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Российский эксклав в балтийском экономическом пространстве // Балтийский регион как полюс экономической интеграции Российской Федерации и Европейского союза / Под ред. В.П. Гутника, А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006.

• возврат области Германии;

• воссоздание Восточной Пруссии (на этот раз суверенной) на бывших прусских землях, находящихся ныне в составе России, Польши и Литвы;

• установление над областью кондоминиума – совместного управления при разных вариантах участников (среди них назывались Европейский союз, Россия, Германия, Польша, Литва, Швеция);

• превращение области в четвертое независимое Прибалтийское государство.

Сейчас предложения стали не столь одиозными. Тем не менее в подходе к области со стороны ряда авторов превалируют политические аспекты, преувеличиваются недостатки и трудности ее развития, утверждается потенциальная конфликтогенность региона. В качестве решения этих проблем предлагается более активная экономическая интеграция области в балтийское экономическое пространство, создание международной инвестиционно-финансовой корпорации под зарубежным контролем (иногда – при участии России), быстрейшая адаптация экономики региона к нормам ЕС и пр. Основание к таким предложениям могут формулироваться, например, следующим образом:

«Объективная действительность не оставляет Калининграду иного выбора, кроме *преимущественной ориентации на Европу* (альтернативный вариант – преимущественная ориентация на Россию – лежит за рамками экономической логики и требует огромных ресурсов, которые у России отсутствуют)»[1]. Содержание идеи пилотного проекта – это «путь экспортно-ориентированной интеграции в экономическое пространство ЕС»[2].

Немецкий эксперт Х. Тиммерманн пишет о том, что имеется предложение совместной программы развития, «в рамках которой предлагаемые Россией проекты совместно разрабатываются, финансируются и контролируются на предмет их эффективности»[3].

---

[1] *Смородинская Н.* Калининградский эксклав: перспектива трансформации в пилотный регион. М., 2001. С. 36.

[2] *Смородинская Н.В., Жуков С.В.* Калининградский анклав в Европе: заплыв против течения. Диагностика состояния и возможностей экономического развития. М., 2003.

[3] *Тиммерманн Х.* От идей – к действиям. Будущее европейско-российских отношений // Policy Paper. Stiftung Entwicklung und Frieden, Oktober 2004. P. 6.

«Кильская международная целевая группа экспертов по Калининграду», также отстаивающая идею пилотного региона, предлагает «создать совместную систему управления, адекватную реализации трансформации Калининградской области в пилотный регион». Для финансирования регионального развития (в дополнение к якобы неэффективно расходуемым средствам, выделяемым Калининграду из федерального бюджета) предлагается создать Калининградский фонд развития, в первую очередь странами-участниками «Северного измерения» с мобилизацией 40 млн евро ежегодно в течение 5–6 лет [1].

С тех же позиций нежизнеспособности экономики области выступает еще одна группа исследователей, разработавших концепцию *«интеграции Калининградского субъекта Российской Федерации в Европейский союз».* Авторы концепции утверждают, что Калининградская область тяжело «больна» и находится в стадии «реанимации»[2]. Регион, по их мнению, уже существует за пределами российского экономического пространства и в силу объективных обстоятельств вынужден встраиваться «маленьким островком в экономическое пространство Запада». Однако этому мешает международно-правовая изоляция области от остальной Европы.

К тому же авторы полагают, что «в правовом плане Россия Калининградской областью никогда не владела и никаких правовых полномочий на это владение никогда не получала»; «юридически Германия за все эти годы не потеряла суверенитета над Кенигсбергом (Калининградом), а СССР и Россия не приобрели его за эти годы». Авторы концепции приходят к следующему выводу: «Если Россия не справляется со своими обязательствами по отношению к жителям Калининградской области по созданию уровня жизни, сопоставимого с европейским, то найдутся другие государства и союзы государств, которые готовы выполнить эти задачи лучше и эффективнее» [3].

---

[1] См.: *В фокусе* – Калининград. Политические рекомендации с точки зрения разрешения проблем // *SCHIFF-texte* Nr 67/ russisch, 2002. С. 22.

[2] См: *Городилов А.А., Дударев М.С., Каргополов С.Г., Куликов А.В.* XXI век: интеграция Калининградского субъекта Российской Федерации в Европейский союз. Калининград, 2003.

[3] См: *Городилов А.А., Дударев М.С., Каргополов С.Г., Куликов А.В.* Указ. соч. С. 243, 305, 418.

Как же относится к подобным предложениям население области?

В целом по выборке, две трети опрошенных высказывают достаточно стандартное мнение относительно возможного статуса Калининградской области: 44,4% хотели бы видеть ее областью с правами особой экономической зоны, 19,2% – обычной областью в составе Российской Федерации.

Более пятой части респондентов демонстрируют настроения, отражающие недовольство ситуацией в регионе и неудовлетворенность недостаточной помощью области со стороны федерального Центра. Реакцией на это является то, что 10,2% жителей региона утверждают, что они хотели бы видеть область независимым государством, 8% – территорией, находящейся в совместном управлении РФ и ЕС, 3,6% – регионом в составе другого государства (как варианты респондентами были предложены Германия, Литва, Украина, Евросоюз в целом). По сравнению с обследованиями 2001 г. и 2003 г. общая доля таких ответов снизилась, но по отношению к 2004 г. несколько возросла (что можно связать с неопределенностью положения в начале декабря 2005 г. с принятием нового закона об ОЭЗ, а также с усложнениями условий транспортных связей с основной территорией страны).

Динамику распределения ответов по результатам обследований 2001–2005 гг. отражает таблица 1.

Таблица 1

Статус области в будущем, динамика мнений (2001–2005 гг.)

Желательный статус области в будущем	2001	2003	2004	2005
Независимое государство	11,1	10,8	7,2	10,2
Территория в совместном управлении РФ и ЕС	14,5	19,8	6,2	8,0
Республика в составе России	15,8	14,3	7,6	9,8
Область РФ с правами ОЭЗ	39,3	34,4	46,6	44,4
Область в составе РФ	10,3	14,1	29,8	19,2
Регион в составе другого государства	8,4	6,6	2,6	3,6
Другое; затрудняюсь ответить				4,8
Всего	100	100	100	100

Но ряд специалистов (преимущественно российских, особенно местных) считает, что область развивается динамично, в правильном направлении, с выгодой для России в целом. По их мнению, реализуемые Федерацией меры по поддержке социально-экономи-

ческого развития области (Закон «Об Особой экономической зоне в Калининградской области», Федеральная целевая программа «Развитие Калининградской области на период до 2010 г.» и др.) осуществляются в правильном направлении, но требуют корректировки в связи с меняющимися внешними условиями развития региона. В результате может быть обеспечено устойчивое и динамичное развитие области и достижение уровня, сопоставимого с соседними странами, Польшей и Литвой.

Российским государственным университетом им. И. Канта опубликован ряд работ, посвященных стратегии развития области как региона сотрудничества России и ЕС, обеспечению условий реализации этой стратегии и ее корректировке[1]. Речь идет о сочетании общероссийских и региональных интересов, с учетом интересов зарубежных партнеров, прежде всего ЕС и стран Балтийского региона. Но чтобы достичь этого, необходимо принятие и реализация соответствующих документов, касающихся области, на федеральном и международном уровнях.

Сходные подходы сочетания интересов и развития активного сотрудничества используются сейчас многими исследовательскими группами. Особое внимание обращается на то, что Россия и ЕС должны всерьез взяться за разработку совместной стратегии в отношении Калининграда[2]. Ряд экспертов рекомендует изменить современную импортозамещающую специализацию значительной части экономики области и развивать экспортные производства[3].

---

[1] *Калининградская область* России и расширение ЕС. Проблемы общеевропейской интеграции / Под ред. А.П. Клемешева. Калининград, 2003; *Калининградский социум* в европейском контексте / Под ред. А.П. Клемешева. Калининград, 2002; *Клемешев А.П., Козлов С.Д., Федоров Г.М.* Остров сотрудничества. Калининград, 2002; *Они же.* Особая территория России. Калининград, 2003; *Российская Балтика*: приграничное сотрудничество. Калининград, 2004; *Регион сотрудничества.* Вып. 1–46. Калининград, 2001–2006.

[2] См.: *Сергунин А.А.* Сотрудничество по Калининграду как фактор укрепления безопасности. Итоговый аналитический отчет по гранту БалтМИОН №КИ 098 – 2 – 02, 2004.

[3] См.: *Перспективы* внешнеторгового режима Калининградской области: Проект «Поддержка развития Калининградской области» EuropeAid/ 114287/ C/SV/ RU // Экономический бюллетень №1. Калининград, 2004; *Анализ* воздействия транспортных коридоров на социально-экономическое развитие Калининградской области (препятствия и предпосылки перехода к экспортно-ориентированной экономике Калининградской области) / Отв. исп. А.Н. Пилясов; СОПС по заданию Министерства экономического развития и торговли. М., 2003 и др.

Обоснование трансформации импортозамещения в экспортно-ориентированную экономику на основе совершенствования «зонального» механизма и расширения кооперации России и ЕС представлено в работах О. В. Кузнецовой и В. А. Мау[1]. Многие их предложения по совершенствованию зонального механизма учтены в новом законе об ОЭЗ.

Основная задача политики федеральных властей – это обеспечение высоких темпов социально-экономического развития Калининградской области как неотъемлемой части Российской Федерации[2]. При этом анклавное положение Калининградской области в соседстве со странами Европейского союза должно рассматриваться не как недостаток, а как преимущество геополитического положения области. Перспективы развития области видятся в формировании здесь, в рамках общей политики России на сближение с ЕС (в экономическом, политическом и гуманитарном аспектах), региона особо тесного сотрудничества. В экономическом плане область, используя свои сравнительные преимущества, должна ориентироваться на производство экспортной продукции (в том числе и в страны ЕС).

Закон об ОЭЗ, способствующий более эффективному решению проблем Калининградской области, рассматривается как часть более широкой федеральной социально-экономической политики России, примененной к конкретному региону. Кроме того, для улучшения предпринимательского климата и устранения административных барьеров предлагаются следующие меры:

– упрощенный порядок согласования разрешительной и проектной документации для начала реализации проекта;

– отмена или упрощение лицензирования;

– ограничение числа проверок предприятий различными органами государственного контроля (например, установление правила, что на предприятии может проводиться только одна и только комплексная проверка в год продолжительностью не более 2 недель);

---

[1] См.: *Кузнецова О. В.* Федеральная экономическая политика в отношении эксклавного региона // Вопросы экономики. 2001. №11; *Кузнецова О. В., Мау В. А.* Калининградская область: от «непотопляемого авианосца» к «непотопляемому сборочному цеху». М., 2002.

[2] См.: *Мау В. А.* Проблемы Калининградской области // Калининград: евромост или евротупик? М., 2002. С. 22–27.

– упрощенный визовый режим для иностранных инвесторов и граждан, работающих на территории области;

– разрешение создавать филиалы иностранных банков.

Федеральные административные меры поощрения инвестиций должны дополняться областными. Необходимо принятие региональных нормативных актов, касающихся:

– лицензирования, находящегося в ведении региональных органов власти;

– расширения возможностей участия в приватизации областной собственности (в том числе иностранцев);

– устранения административных барьеров в области предпринимательства;

– создание областного консультативного (наблюдательного) совета инвесторов;

– организация прозрачной системы «индивидуального сопровождения» крупных инвестиционных проектов в области (для этого, вероятно, целесообразно принятие регионального закона, регулирующего процедуры такого сопровождения).

Помимо совершенствования закона об ОЭЗ, О. В. Кузнецова и В. А. Мау поддерживают идеи о принятии специального документа, определяющего федеральную политику в отношении Калининградской области, и в рамках этой политики – о заключении соглашения между РФ и ЕС по Калининградской области (как пилотному региону сотрудничества).

24. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ*

Не только экономические факторы предопределяют специфику Калининградской области по сравнению с обычными российскими регионами. Развитие области в гораздо большей мере определяется факторами, которые являются международными по своему содержанию: условиями транзита грузов через территорию иностранных государств, визовым режимом сопредельных стран, экономической политикой и состоянием рынка товаров и услуг в Центральной Европе…

• • •

Попытка усилить самостоятельность региона была особенно характерна для конца 1980-х – начала 1990-х годов, когда большинство исследователей и региональных политиков стремились придать возможно большие полномочия областным органам власти. Тогда речь шла об особом хозяйственном, экономическом статусе Калининградской области. В августе 1993 года в Верховный Совет Российской Федерации был передан подготовленный исполнительной и законодательной властями области проект закона «Об особом статусе Калининградской области» … Особый статус область не получила, но закон об Особой экономической зоне позднее был принят.

Ряд региональных политиков на протяжении 1990-х годов выдвигали идею об изменении статуса Калининградской области путем создания на ее территории Балтийской республики в составе Российской Федерации. Смысл данной инициативы состоял в расширении полномочий местных властей, сокращении влияния федеральных ведомств на региональное развитие. Подобный проект отражал политические реалии того этапа развития российской государственности, когда в результате общего ослабления госу-

* *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Возможные пути трансформации статуса Калининградской области // Регион сотрудничества. Вып. 3 (21). Калининград: Изд-во КГУ, 2003.

дарственных институтов местные кланы в бывших автономных республиках стремились увековечить свою власть путем суверенизации. Заметных успехов в этом направлении достигли регионы, являющиеся развитыми центрами сырьевой промышленности (Татарстан, Башкортостан, Саха-Якутия). Особый статус республики означал резкое сокращение доли налогов, перечисляемых в федеральный бюджет, что было выгодно сырьевым районам.

В современных условиях, когда усиливается централизация страны и федеральный Центр стремится унифицировать права субъектов Федерации, борьба за трансформацию Калининградской области в республику теряет прежний смысл. Федеральное руководство активно наращивает давление на региональные элиты: созданы федеральные округа, преобразован Совет Федерации. Вступил в силу закон о возможности досрочного прекращения полномочий органов государственной власти субъектов РФ.

Федеральное руководство не одобряет не только автономизации, но и расширения полномочий региональных администраций, в том числе в экономической сфере, в связи с широким распространением в субъектах Федерации коррупции, тесной связи чиновников с бизнесменами и прочих характерных черт российского «дикого» капитализма. Видимо, есть мнение, что на федеральном уровне легче отследить эти процессы, чем в 89 субъектах Федерации.

Тем не менее идея повышения политического статуса области продолжает развиваться. Сейчас над ней особенно активно работает А. А. Городилов с соавторами.

«Отсутствие у области статуса государственного образования мешает использовать управленческое воздействие регионального законодательства для решения таких важных вопросов, как приграничная торговля, международный туризм, внешнеэкономическая деятельность и так далее. И в этом нам не могут помочь даже возможности Особой экономической зоны».

«Статус республики у Калининградского региона позволил бы ему стать субъектом международного права, а жителям региона иметь собственное гражданство, которое можно было бы использовать для получения шенгенской визы.

«Первым шагом нового государственного образования – Калининградского субъекта Российской Федерации (республики) – должна стать подготовка и подписание нового договора о разделении полномочий с Федерацией. В нем необходимо четко определить ответственность федерального Центра перед Калининградским регионом и региона перед Центром».

Каргополов С., Городилов А., Куликов А., Гомин А. Свободная зона и особый статус. Калининград: Янтарный сказ, 2001. С. 89, 131.

Безусловно, не имеет перспектив для реализации программа превращения Калининградской области в некий кондоминиум, объект совместного управления РФ и ЕС, с которой выступают некоторые радикальные группировки за рубежом и в России. Это политическая утопия, осуществление которой требует столь глобальных изменений в международной сфере, политическом устройстве России и Евросообщества, что они не могут быть реализованы в обозримой перспективе. А с ростом экономического и политического могущества России сама постановка подобного вопроса покажется, несомненно, абсурдной.

В то же время рядом политиков и экспертов, особенно московских, активно проводится идея усиления федерального присутствия в регионе.

В исследовании Центра анализа полюсов роста и свободных экономических зон Института экономики РАН, выполненном под руководством Н. Смородинской в 1998–1999 годах (пока она не стала обосновывать идею «пилотного региона»), сделан вывод: «На территории с особым хозяйственным режимом должен действовать и особый, отличный от других субъектов РФ, режим государственного управления с усиленными функциями федеральной власти».

«Обновленная система федеральных органов исполнительной власти на территории Калининградской области» должна предусматривать введение «в Особой экономической зоне в Калининградской области» поста полномочного представителя Правительства РФ и при нем как совещательный орган – территориальный межведомственный Совет федеральных органов власти.

Смородинская Н., Капустин А., Малыгин В. Калининградская область как свободная экономическая зона (оценка условий и результатов развития в 1994–1998 гг.) // Вопросы экономики. 1999. №9. С. 107.

. . .

В направлении централизации управления действуют и предложения к новому закону об ОЭЗ, разработанному Финансовой академией при Правительстве РФ, где функции руководства ОЭЗ передаются от администрации области российскому Правительству.

Итак, если раньше особый статус понимался как повышение прав областных органов власти, то в такой редакции – как более сильное подчинение региона Центру…

25. РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ*

В условиях административно-командной системы под региональной политикой понималась «сфера деятельности государства по управлению экономическим, социальным и политическим развитием страны в пространственном (региональном) аспекте»[1]. Главной организационной формой ее проведения служило государственное региональное планирование – «система мер и законодательных актов по управлению экономическим и социальным развитием региональных единиц в стране»[2]. Региональные планы входили в состав общегосударственных планов экономического и социального развития, закреплявшихся законодательно. Каждый план развития народного хозяйства – СССР в целом, союзных республик, автономных республик и областей, а также отраслей народного хозяйства – должен был иметь региональный разрез.

Для обоснования планов проводились предплановые исследования. На всех территориальных уровнях государственного управления были управленческие подразделения, занимавшиеся региональным планированием. При Госплане СССР действовал СОПС – Совет по развитию производительных сил. Функционировали специальные научно-исследовательские институты, проводившие предплановые исследования, в том числе ЦЭНИИ – Центральный экономический научно-исследовательский институт при Госплане Российской Федерации.

С распадом СССР и отказом от административно-командной системы управления были ликвидированы и все прежние плановые органы, и соответствующие исследовательские институты. Ведь первоначальным убеждением большинства «реформаторов» было мнение, что в формирующейся рыночной экономике не требуется никакого государственного вмешательства, что «рынок все урегулирует сам». И лишь с течением времени пришло понимание необходимости активной государственной, в том числе региональной политики, хотя и осуществляемой иными, чем прежде, методами.

---

* *Клемешев А., Люейер П., Федоров Г.* Управление региональным развитием. Калининград: ГП «КГТ», 1999.

[1] *Географический* энциклопедический словарь. М., 1988. С. 261.

[2] Там же.

В настоящее время региональная политика рассматривается как составная часть государственного регулирования экономики, осуществляемого как на федеральном уровне, так и субъектами Российской Федерации. Эта сфера деятельности охватывает политические, экономические, социальные, демографические, экологические процессы в их пространственном проявлении. Она учитывает как общегосударственные, так и региональные интересы, взаимоотношения между государством и регионами и регионов друг с другом[1].

Целью региональной политики является оптимизация регионального экономического и социального развития – полное использование местных ресурсов, выравнивание межрегиональных различий, стимулирование «полюсов роста», упрочение единого экономического пространства и др. Ее значение возрастает и будет усиливаться с преодолением экономического кризиса и расширением финансовых возможностей государства.

При обосновании и проведении региональной политики нельзя полностью отрицать прежний отечественный опыт, тем более что многие западные концепции берут начало именно от него. Так, популярная на Западе концепция промышленных дистриктов возникла под влиянием теории комплексообразования. Значительную роль сыграла и теория экономического районирования, модифицированная в соответствии с реалиями рыночной экономики. Тем более важно использовать собственный опыт в той его части, которая соответствует особенностям формирующегося нового для России хозяйственного механизма.

Большое значение имеет использование зарубежного опыта региональной политики, который стал активно изучаться российскими учеными и специалистами лишь с середины 1990-х годов. В Калининградской области изучение опыта соседей по Балтийскому региону важно и в связи с расширяющимся межрегиональным взаимодействием различных стран, с возможностями вхождения в разные международные проекты приграничного сотрудничества, формирования еврорегионов и др. Сочетание подходов, характерных для отечественной и зарубежной теории и практики управления региональным развитием, позволит создать эффективную модель, наиболее приемлемую для российских условий.

---

[1] См.: *Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И.* Основы региональной политики. СПб., 1998. С. 19.

26. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ*

Социальные аспекты региональной стратегии имеют в Калининградской области особую значимость. Возможное усиление отставания в уровне и качестве жизни от регионов соседних стран после их вхождения в Европейский союз, оказывающий серьезную финансовую поддержку отстающим регионам, является одним из факторов, актуализирующих разработку эффективной стратегии развитии Калининградской области.

При отсутствии в регионе серьезной сырьевой базы решающим фактором регионального развития могли бы стать квалифицированные трудовые ресурсы. Многие концепции и сейчас рассматривают наличие квалифицированных кадров как серьезную предпосылку развития экономики Калининградской области. К сожалению, мнение о высоком качестве трудовых ресурсов региона сейчас не всегда соответствует действительности. И по степени подготовки, и по навыкам трудовой деятельности (включая дисциплинированность) область, по-видимому, уступает уровню развитых европейских стран. И это неудивительно, поскольку экономическая система и отраслевая структура производства претерпели за 1990-е годы качественные изменения. А положение в социальной сфере, в системе образования, науке в целом ухудшилось, несоответствие запросам экономики усилилось. В этом заключается один из факторов, определяющих особую важность социального компонента региональной стратегии.

Не менее важным является вопрос ее адресности. На какие основные социальные группы рассчитана нынешняя стратегия Особой экономической зоны, предлагаемые стратегии «пилотного региона» или «региона сотрудничества»? Практически только на предпринимательские круги (и прежде всего – на представителей крупного и среднего бизнеса), которым предлагаются более благоприятные условия хозяйственной деятельности, а именно –

---

* *Клемешев А.П., Козлов С.Д., Федоров Г.М.* Остров сотрудничества: Монография. Калининград: Изд-во КГУ, 2002.

льготы федерального и регионального законодательства, федеральные инвестиции, международная помощь. Однако предприниматели (даже если к таковым относить индивидуальных «частных предпринимателей», использующих только собственный труд и капитал) отнюдь не составляют большую часть населения области. И нигде в развитых странах тоже не составляют. Основная часть работников в странах, скажем, Европейского союза – лица наемного труда. Что гарантируют наемным работникам предлагаемые региональные стратегии? Предоставляют ли возможности какого-либо выбора?

Какие перспективы у фермеров? У рыбаков, машиностроителей, швей? У учителей и медиков?

Что ожидает пенсионеров и «занятых в личном подсобном хозяйстве»? Студентов и учащихся? Безработных?

Правда, можно сказать, что решение проблем экономического роста приведет к созданию новых рабочих мест, росту заработной платы, увеличению доходов бюджета, а потому к повышению пенсий, социальных выплат и пособий. Но такой неконкретный подход вряд ли удовлетворит представителей названных категорий населения. Он и не удовлетворяет, о чем свидетельствуют крайне вялые отклики граждан на заявленные стратегии.

Конечно, можно сослаться на то, что кредит доверия исчерпан, и никакая стратегия не способна вызвать доверие населения. Но можно и попытаться найти дифференцированный подход к разным категориям людей, заинтересовав их ответом на их насущные вопросы – ведь без поддержки населения, без позитивного настроения в обществе реализовывать любую стратегию крайне сложно.

Уменьшение социального неравенства. Социальная политика (которую еще предстоит обосновать) должна решать две взаимосвязанные задачи. Первая из них – улучшение положения наименее обеспеченных слоев (дифференцированная социальная поддержка). Не менее важна и вторая задача, на которую обращается пока значительно меньше внимания, – создание возможностей перехода все большей части населения из менее обеспеченных групп в более благополучные. То есть речь идет о стимулировании людей к получению более значительных доходов с учетом возможностей, которыми располагают представители различных слоев, и их поддержки со стороны государства.

Уровень доходов населения крайне низок, особенно в сравнении с соседними странами. Многими экспертами высказывается мнение (с которым мы согласны), что поддержка прибалтийских стран со стороны ЕС позволит им ускорить социально-экономическое развитие и отставание области от соседей может возрасти. В центре процветающей Европы возникнет кризисный регион, вносящий нежелательную нестабильность. Конечно, возможное отставание в темпах развития от соседних регионов крайне нежелательно и для властей Калининградской области, и для федерального Центра. Поэтому стратегия ускоренного роста экономики области, каковой может стать стратегия «региона сотрудничества», могла бы стать выходом из сложившейся ситуации.

Если нынешние процессы усиления социального неравенства в регионе будут развиваться, то даже при росте количественных показателей производства продукции социальное положение основной части населения области будет ухудшаться. В этот процесс необходимо государственное вмешательство, направленное на повышение уровня жизни населения, улучшение ее качества и сглаживание социальных различий.

К числу наиболее важных относятся меры по поддержке семей с малолетними детьми, а также совершенствование системы социальной помощи престарелым. Специальные вопросы, особенно обострившиеся в последнее время, – создание эффективной системы воспитания и социализации детей-сирот и инвалидов.

Особую опасность представляет разрастание маргинального слоя с нищетой, преступностью, социально обусловленными болезнями. В области уже осуществляется ряд мер по борьбе со СПИДом и наркоманией, в том числе с международной помощью. Однако речь идет о более широкой социальной политике ликвидации условий маргинализации и усилении воспитательного компонента всех звеньев образования.

Итак, необходим учет фактора дифференцированности регионального социума. Более того, следует учитывать интересы и возможности различных социальных слоев (а не абстрактного социального фактора), а также существенно различающихся не только по социальным, но и другим (возрастным, половым, профессиональным, национальным) параметрам групп населения. Стратегия регионального развития должна дать ориентиры, цели и способы

их достижения для каждой группы. В идеале каждый человек должен найти свое место в данной стратегии, но, поскольку такой идеал недостижим (хотя бы из-за наличия асоциальных групп), перспективы нужно определить для всех основных групп. В противном случае, неизбежное нарастание социальных противоречий может привести к крайне негативным последствиям – взрывам недовольства, примеры которых легко найти не только в мировой, но и в отечественной истории.

Полагаем, что «стратегия сотрудничества» может быть модифицирована таким образом, чтобы привлечь интересы большинства слоев населения региона. Однако для этого необходимо провести значительную исследовательскую работу, чтобы апробировать те здравые идеи, которые сейчас можно высказать на основе теоретического анализа и некоторого опыта, например, предвыборных мероприятий, позволивших выявить интересы многих групп населения. В основе предложений должно также лежать изучение социальной стратификации территориально-социальной общности, регионального социума и тех проблем, которые характерны для различных социальных групп.

27. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ИНТЕРЕСАХ РАЗЛИЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ*

Выполненные исследования подтверждают высокую степень социальной дифференцированности калининградского социума. При этом по сравнению с большинством российских регионов, в области имеются специфические группы, отличающиеся социальным поведением. Это, например, с одной стороны, уроженцы области, с другой – мигранты разных лет. Свою специфику имеют мигранты из российских регионов и ближнего зарубежья. Имеются межнациональные различия. По многим позициям выделяются возрастные группы – это типично и для России в целом, но в нашем случае речь идет и о таких аспектах социальной среды, которые нетипичны для большинства других регионов (отношение к расширению ЕС, мотивы миграционных установок и др.). Социальная политика по отношению к каждой из групп и подгрупп должна дифференцироваться, что требует детального их изучения.

Можно согласиться с утверждением, что «политика государства должна быть направлена не только на решение неотложных социальных проблем населения с низким уровнем доходов, но и в не меньшей степени быть ориентирована на активную часть населения»[1]. Следовательно, социальная политика должна решать две взаимосвязанные задачи. Первая из них – улучшение положения наименее обеспеченных слоев (дифференцированная социальная поддержка). Не менее важна и вторая, возможно, еще более важная задача – повышение уровня доходов слоев, включающих самодеятельную часть населения.

Одновременно должны быть сформулированы цели регионального развития, которые могли бы объединить не только людей с разными доходами, но и различные группы, выделяемые по другим критериям. Должны быть учтены интересы местных уроженцев и переселенцев, прибывших из различных регионов России и ближнего зарубежья, национальных и конфессиональных

---

* *Клемешев А.П., Козлов С.Д., Федоров Г.М.* Особая территория России: Монография. Калининград: Изд-во КГУ, 2003.

[1] *Обзор* экономической политики в России за 2000 год. М., 2001. С. 28.

групп, лиц с разным уровнем образования. Необходимо учитывать мнения политических и общественных, профсоюзных организаций. То есть, речь идет о консолидации общества, которая также учтена в региональной Стратегии, но конкретные пути ее достижения, включая формулирование консолидирующих общество целей, еще предстоит разработать.

Термин «регион сотрудничества», хотя к появлению самого этого понятия мы и имеем прямое отношение, и это правильный термин, с полностью обоснованным содержанием, не вполне отвечает задаче объединения общества вокруг единой цели, поскольку не затрагивает глубинные мотивы деятельности людей. Как цель регионального развития «регион сотрудничества» можно и нужно рассматривать, но это общая и чересчур наукообразная цель, не отражающая конкретный результат (например, уровень и качество жизни), к которому можно было бы стремиться. Это, скорее, средство достижения материального благополучия, уверенности в будущем.

Более конкретно звучит «достижение уровня жизни, сопоставимого с соседями», но очень уж напоминает «догоним и перегоним Америку!», только в нашем случае цель намного более скромная. В общем, есть потребность в пиаровском лозунге, наполненном конкретным содержанием, отвечающим ожиданиям большинства калининградцев.

Каковы же стратегические задачи регионального развития применительно к различным слоям населения, различающимся по уровню и качеству жизни? Попробуем их сформулировать.

Верхний слой.

Крупные и средние предприниматели заинтересованы в том, чтобы иметь льготы и, особенно, гарантии, обеспечивающие достаточно высокую эффективность инвестиций в экономику региона. В еще большей мере, с учетом рентного характера современной российской экономики, они рассчитывают на получение бюджетных средств и еще оставшейся на территории региона в распоряжении государства собственности. Актуализируются вопросы земельной собственности, пока еще не вполне определенные законодательно.

Руководители производства и высокооплачиваемые специалисты, материальное положение которых прямо зависит от эффективности соответствующих предприятий, также заинтересованы в

стабильности и, по возможности, улучшении действующего законодательства в направлении повышения доходов и стимулирования инвестиционной деятельности.

Бюрократия рассчитывает на получение высокого уровня оплаты своей деятельности, сохранение существующих значительных привилегий и льгот, возможностей использовать свое служебное положение для получения доходов.

В настоящее время часть представителей бизнеса входит в состав бюрократии, занимая видные посты в администрации области и депутатского корпуса. Это, с одной стороны, является положительным фактором, поскольку можно ожидать управленческих действий, направленных на создание в регионе благоприятной экономической среды. От них самих зависит, насколько активно будут лоббироваться интересы региона на федеральном уровне, каким станет региональное законодательство. Однако, с другой стороны, превращение бизнесменов в бюрократов не может не вызвать обвинений со стороны остальной части предпринимателей в попытках использования служебного положения в интересах собственного бизнеса.

Причина указанной ситуации, типичной для современной России, заключается в неразвитости партий, общественных организаций и пассивности профсоюзов. Они не имеют опоры на сколь-либо значительные группы населения и не в состоянии самостоятельно формировать слой бюрократии. В период между выборами партии практически не оказывают никакого влияния на решение не только экономических, но и политических проблем в регионе. Во время самих выборов, не имея финансовых и людских ресурсов, партии и общественные организации выполняют задачи, которые ставятся перед ними крупным бизнесом, финансирующим избирательные кампании.

В ближайшие годы вряд ли возможны серьезные сдвиги в отношении политической структуризации общества. Поскольку реальными возможностями обеспечить поступательное движение региональной экономики обладают только представители верхнего слоя общества, постольку стратегия развития области должна законодательно обеспечить благоприятные условия для деятельности предприятий (сохранение режима свободной таможенной зоны, низкие ставки налогов, льготы по налогообложению для инвесторов, гарантии инвестиций). Федеральный центр должен

принять меры к обеспечению дешевого и бесперебойного транспортного сообщения как с другими регионами России, так и с зарубежными странами, энергетической безопасности области, доступа калининградских товаров на европейский рынок; реализацию инфраструктурных и других проектов согласно Федеральной программе социально-экономического развития области.

В то же время федеральные власти обязаны обеспечить контроль целевого использования выделяемых средств, способствовать легализации теневой (за исключением криминальной) экономики, принять меры к ослаблению криминального сектора, уменьшению криминализации верхнего слоя. К решению этих задач должна быть привлечена значительная часть представителей верхнего слоя, прежде всего высокопоставленные руководители силовых структур.

Средний слой.

Принадлежащие к среднему слою категории населения имеют уровень жизни, достаточный не только для удовлетворения минимальных жизненных потребностей, но и для повышения личного благосостояния, получения образования и более высокой квалификации, для отдыха. Они формируют спрос на высококачественные продовольственные товары и импортные товары длительного пользования, разнообразные услуги с качеством, приближающимся к европейским стандартам и часто не уступающим им.

В принципиальных чертах многие стратегические установки регионального развития, намеченные с учетом интересов верхнего слоя, применимы и для среднего слоя. Прежде всего, речь идет о стабильной законодательной основе предпринимательской деятельности, снижении налогового бремени и упрощении бюрократических процедур, развитии производственной и рыночной инфраструктуры. Однако представители малого бизнеса мало заинтересованы в выделении бюджетных средств, к которым они вряд ли могут получить доступ, как и в приватизации оставшейся госсобственности. В то же время для них крайне важно получить защиту от криминальных структур, а в ряде случаев и от давления со стороны крупных монополий. Они нуждаются в специальных мерах поддержки со стороны государства на стадии организации производства, в развитии кооперации, в обучении.

Для высококвалифицированных специалистов развитие крупных предприятий предпочтительнее, однако и в случае быстрого роста малого предпринимательства они имеют возможность организовать разнообразные структуры по обслуживанию рынка. Значительные возможности представляет рост международных связей. Увеличение доходов бюджета также позволяет рассчитывать на государственное финансирование научных и научно-практических разработок, переподготовки кадров. Следовательно, для этой социальной подгруппы важно ускоренное развитие экономики, а идея превращения области в «регион сотрудничества» России и ЕС представляет особый интерес.

Занятые в управленческих структурах, государственные служащие, как и военные, заинтересованы в динамичном развитии экономики и налаживании эффективного управления.

В целом средний слой, обычно играющий важнейшую роль в стабильности общества, определяющий политические предпочтения общества в целом, заслуживает особого внимания при формулировании основных принципов региональной стратегии. К сожалению, в современной России, в том числе и в Калининградской области, он недостаточно многочислен, хотя, судя по последним тенденциям, численность его в области стала возрастать.

Базовый слой.

В развитых странах выделенный для условий российской действительности «базовый» слой составляет часть среднего слоя. Однако, в отличие от него, принадлежащие к «базовому» слою российские граждане лишь борются за выживание, приспосабливаются к неблагоприятным для себя условиям социальной среды. Эта борьба отвлекает все интеллектуальные и физические силы, не позволяет им сейчас организовываться для выражений протеста против социальной действительности и тем более для попыток ее преобразования. За последние годы, по официальным данным, в Калининградской области не зарегистрировано ни одной забастовки.

Между тем, низкий уровень жизни принадлежащих к «базовому» слою категорий населения обусловлен не только реальными экономическими трудностями в стране, но и откровенным игнорированием интересов населения со стороны властных струк-

тур и работодателей (значительную часть которых и представляют собой властные структуры, определяющие уровень оплаты труда работников бюджетной сферы, размеры пенсий и пособий). Характерным примером служит установление различных тарифных сеток для государственных служащих и работников так называемой бюджетной сферы, различия в пенсионном обеспечении этих категорий граждан. Поэтому, например, в Калининградской области средняя начисленная в ноябре 2002 года зарплата (без выплат социального характера) составила в образовании 3268 рублей, в здравоохранении, физической культуре и социальном обеспечении 3169 рублей, в культуре и искусстве 2852 рубля, а в управлении 9278 рублей.

В перечисленных выше отраслях с низким уровнем оплаты труда занято большинство представителей массовой интеллигенции, полуинтеллигенции, служащих («бюджетников»). Озабоченная борьбой за выживание, российская интеллигенция в своей массе теряет накопленный ранее интеллектуальный потенциал. Образованная молодежь в значительных масштабах эмигрирует, и «утечка мозгов» из России, характерная для многих стран «третьего мира», может принять угрожающие размеры. В Калининградской области отрицательное сальдо миграции со странами дальнего зарубежья составляет в последние годы 700–1000 человек в год. Проблемы развития образования, здравоохранения, не говоря уже о положении в культуре и искусстве, год от года усложняются, и количественные изменения скоро могут перейти в совершенно неудовлетворительное качество.

Исключение составляет часть квалифицированных кадров, занятая платным, обычно более качественным обслуживанием относительно состоятельных слоев населения, относящихся к двум высшим социальным слоям. Это предопределяет значительную дифференциацию интеллигенции, часть которой можно отнести к среднему слою. В то же время большая ее часть имеет доходы ниже реального прожиточного минимума. Ожидаемые реформы бюджетной сферы вряд ли принесут улучшение материального положения основной части интеллигенции и служащих. Низкий уровень жизни работников социальной сферы не привлекает наиболее способную и активную молодежь. Неудовлетворительная оплата труда побуждает к чрезмерной занятости, что ведет к

ухудшению состояния здоровья, снижению качества подготовки работников и в конечном счете предопределяет снижение качества услуг.

Такая ситуация, обусловливающая деградацию бюджетной сферы, не может удовлетворять достаточно многочисленных работников социальных отраслей, ведет к нарастанию социальной апатии, которая, вполне вероятно, сменится активным недовольством. К сожалению, ни федеральные, ни региональные власти не предвидят подобных волнений, видимо, считая, что нынешняя социальная апатия будет продолжаться и впредь. Это крайне опасное заблуждение, которое может привести к непредсказуемым последствиям. Для предотвращения подобного хода событий требуется дать интеллигенции, служащим, студенческой молодежи реальные перспективы улучшения социального положения базового слоя, вхождения его в средний социальный слой. И первоочередной целью должно стать повышение оплаты труда, по меньшей мере, до уровня реального прожиточного минимума.

Другая подгруппа объединяет работников массовых профессий торговли и сервиса. Они относятся к рыночному сектору экономики, в котором теневая составляющая часто не позволяет оценить реальный уровень доходов, в целом не слишком высоких. Официальные данные о заработной плате за декабрь 2002 года в торговле и общественном питании – 3848 рублей при средней по всем отраслям экономики – 5539 рублей. Но это существенно выше, чем в отраслях социальной сферы.

Развитие сферы услуг следует рассматривать как один из приоритетов регионального развития. Наметившиеся качественные изменения в этой сфере экономики – улучшение технического оснащения предприятий, повышение профессионализма работников – наряду с развитием конкуренции позволяют надеяться на дальнейшие положительные сдвиги, приближающие сферу услуг к европейскому уровню.

Индустриальные рабочие в 1990-е годы оказались в критическом положении в связи с резким сокращением объемов производства и закрытием ряда предприятий. Из 132 тысяч занятых в промышленности в 1990 году к настоящему времени осталось менее 80 тысяч. Почти половина была вынуждена заняться индивидуальным предпринимательством или работать на малых

предприятиях сферы услуг. Соответственно снизились масштабы подготовки кадров рабочих в учреждениях начального профессионально-технического образования. Квалификационный потенциал во многом утерян, и для работы по ряду ранее весьма распространенных профессий (например, электро- и газосварщиков) предприятиям приходится привлекать работников даже из ближнего зарубежья.

В связи с изменившимися условиями, сейчас на большинстве предприятий вряд ли можно восстановить прежние объемы производства при традиционной специализации. К тому же до 1999 года, когда в промышленности начался рост производства и стали возрастать инвестиции, практически не происходило обновления основных промышленно-производственных фондов. Так что перспективы развития промышленности должны быть увязаны с одновременным обновлением фондов и подготовкой и переподготовкой рабочих.

Крестьяне и фермеры в настоящее время составляют социальную группу, крайне сложную по внутреннему составу. Наряду с небольшой частью фермеров, ведущих механизированное товарное хозяйство с использованием как собственного, так и наемного труда, и отдельными эффективно работающими коллективными предприятиями (например, звероводческими), другая часть ферм и предприятий натурализуется. Отсутствует финансовая система, обеспечивающая потребности аграрного сектора, не развит кредит. Современное состояние сельского хозяйства ни в коей мере нельзя признать удовлетворительным, как нельзя и отказаться от аграрных приоритетов регионального развития. Поэтому областная стратегия должна предусматривать меры по подъему отрасли и решению вопросов социального развития села.

Аграрная политика пока не разработана и в целом по стране. Не определены принципы собственности на землю, отсутствуют финансово-кредитные механизмы, не развита горизонтальная и вертикальная кооперация, общепризнанным является весьма высокая криминализация аграрного сектора экономики. В условиях области, в силу специфики ведения сельского хозяйства (высокая степень мелиорации, соседство с развитыми аграрными регионами Польши и Литвы) нужны и особые меры, направленные на подъем отрасли. Отдельные предложения в этом направлении

имеются, однако необходимо их сведение в целостную систему мер, обеспечивающих выход сельского хозяйства из кризиса.

Живущие за чертой официального уровня бедности.

Это социально незащищенный слой, не имеющий возможности повысить доходы и полностью опирающийся на поддержку государства и в некоторой мере на материальную помощь со стороны родственников и гуманитарных организаций, в том числе зарубежных. Усиление их поддержки со стороны региона зависит от размеров областного бюджета, формирование которого определяется успехами экономики, отчислениями в федеральный бюджет и обратными финансовыми потоками в виде дотаций и субвенций.

В настоящее время объемы собираемых на территории области налогов и сборов на 3,6 млрд. рублей в год больше расходов ее консолидированного бюджета (это почти вдвое превышает доходы, полученных за год 20% населения области, имеющих наименьшие доходы). Если бы удалось, с учетом специфики региона, добиться оставления в распоряжении области всех собираемых средств, то можно было бы решить вопросы социальной поддержки социально незащищенного населения, имеющего низкий уровень доходов.

Маргинальный слой.

Уровень преступности в Калининградской области выше среднероссийского уровня. Более высоки относительные показатели наркомании, алкоголизма, числа ВИЧ-инфицированных, заболеваемости венерическими и другими социально обусловленными болезнями. Высока смертность от самоубийств.

Специалистами современное состояние с преступностью в целом по стране оценивается следующими образом: «Речь идет о качественно новом криминологическом феномене, который означает необратимый социально-психологический сдвиг, включающий огромное количество населения в противоправные отношения». И далее: «Наиболее яркой тенденцией современной преступности стало стремление криминальных структур закрепиться в экономике, в политике, в системе государственной власти и управления»[1].

[1] *Криминогенная* ситуация в России на рубеже XXI века. М., 2000. С. 46, 72.

Распространяя эти выводы на другие асоциальные аспекты современной действительности, что вполне оправданно вследствие столь же неблагополучной ситуации в каждом из этих аспектов, следует сделать вывод не только о формировании устойчивого маргинального слоя и его расширении, но и процессе маргинализации всего общества, которое, к сожалению, не использует для борьбы с этим процессов всех имеющихся в его распоряжении инструментов. В том числе, например, средств массовой информации, которые скорее способствуют маргинализации, чем препятствуют ей. Аморальность, асоциальность прессы превысила все допустимые пределы, особенно разлагающе действуя на молодежь. Порнография, насилие, нецензурные выражения переполняют телевизионные программы. Пожалуй, лучше можно оценить лишь радиопрограммы, но и здесь имеется достаточно негативных примеров низкопробных песен, анекдотов, неграмотности ведущих и пр.

Борьба с преступностью определяется главным приоритетом деятельности органов власти по результатам всех социологических опросов. Приоритетом региональной стратегии должна стать, шире, борьба с маргинализацией общества.

Программа конкретных действий должна включать целый ряд аспектов, охватывая все социальные слои и сферы социальной жизни. Ключевую роль при этом, на наш взгляд, играет система образования, в которой воспитательному компоненту должно уделяться гораздо большее внимание. Государство непременно должно обеспечить контроль средств массовой информации и зрелищных учреждений. Лишь при выполнении этих условий борьба с преступностью и иными асоциальными явлениями, осуществляемая органами охраны правопорядка, принесет положительные результаты.

28. КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ – ЭКСКЛАВНЫЙ «КОРИДОР РАЗВИТИЯ»*

Традиционные положения российской региональной науки, все еще распространенные среди многих исследователей, не всегда отвечают современным требованиям рыночной экономики, а потому вытекающие из них классификации регионов мало применимы на практике. Так, известный московский профессор А. Т. Хрущев, как и десятилетия назад, продолжает относить к главным факторам размещения лишь «природные, материальные и трудовые ресурсы, а также экологические факторы»[1]. Не учитываются не только институциональные аспекты, но и функциональная структура, являющаяся, как указал У. Изард[2], основой комплексности региона, не говоря уже о диффузии нововведений, начало изучению которой положил уже полвека назад Т. Хагерстранд[3]. Устаревшие подходы, характерные для затратной экономики, ведут к неверным оценкам ситуации в регионах, их классификации и соответственно к ложному определению перспектив развития.

Не удивительно, что, исходя из указанных теоретических взглядов, А. Т. Хрущев относит Калининградскую область к типу проблемных регионов, подтипу регионов особого стратегического значения. При такой классификации не учитываются возможности, открывающиеся перед областью благодаря ее географическому положению, с одной стороны, и перспективной роли в российско-европейской интеграции – с другой.

Еще один широко используемый в классификациях регионов подход, который следует упомянуть, аналитический, то есть, по сути, статистические группировки по тем или иным признакам. Характерным примером являются группировки стран и регионов по индексу развития человеческого потенциала – искусственно

---

* *Клемешев А. П., Федоров Г. М.* От изолированного эксклава – к «коридору развития». Альтернативы российского эксклава на Балтике: Монография. Калининград: Изд-во КГУ, 2004.

[1] *Хрущев А. Т.* Хозяйство России: структурно-территориальные особенности // Экономическая и социальная география России. М., 2001.

[2] *Isard W.* Methods of regional analysis; an introduction to regional science. New York, 1966;*Isard W.* Location and Space-economy. N.Y., 1972.

[3] *Hagerstrand T.* Spatial diffusion as an Innovation Process. Lund, 1953.

сконструированному показателю, отражающему на основе балльной оценки ряд разнообразных статистических индикаторов. Количественные измерения не всегда верно отражают качественные особенности регионов, и подобные «типологии» часто отводят место России рядом с Камеруном.

Одной из попыток комплексно оценить качество жизни населения является расчет так называемого индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), который рассчитывается специалистами ООН на основе трех показателей: ВВП на душу населения, ожидаемой продолжительности жизни и уровня образования. Аналогичная оценка с использованием методологии ООН по регионам России выполнена по инициативе Правительства РФ и регионального бюро Программы развития ООН[1]. Среди 80 субъектов Федерации Калининградской области отводится 57-е место (без автономных округов в составе других субъектов). При расчетах использовались такие показатели, как валовой региональный продукт на душу населения, прожиточный минимум, ожидаемая продолжительность жизни, доля учащихся 7–24 лет, индекс доходов, индекс продолжительности жизни, индекс образования.

Оценка качества жизни с помощью указанной выше методики расчета ИРЧП не вполне адекватно отражает реальную ситуацию и недостаточно пригодна при разработке региональных аспектов стратегии социально-экономического развития страны. Попытки дать синтетическую балльную оценку качества жизни населения на основе совокупности показателей малоперспективны, поскольку объективно оценить «вес» каждого из них невозможно. Нельзя же считать достоверным, что Калининградская область по уровню социального развития, как это показывает ИРЧП, наиболее близка к таким регионам, как Якутия и Карелия, занимающим два соседних более высоких места, или Архангельская область и Дагестан (!), расположенные в ранжированном ряду вслед за Калининградской областью.

Более приемлемой представляется типология Н. В. Зубаревич, которая выполнила комплексную типологию субъектов РФ по уровню и динамике развития человеческого потенциала и его компонентов (2000 г.) *с учетом генетического фактора* (с раз-

[1] *Доклад* о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Год 1999. М., 1999.

ными генетическими особенностями развития и спецификой социальных проблем)[1].

Н. В. Зубаревич выделяет пять групп регионов: наиболее развитые, относительно развитые, средние, с относительно низким уровнем, наиболее отсталые. Внутри каждого типа выделены подтипы по соотношению компонентов ИРЧП и по генетическим основаниям. Калининградская область вошла в группу с относительно низким уровнем человеческого потенциала с отставанием по всем использованным в типологии компонентам. В один подтип с областью вошли Ленинградская, Новгородская, Брянская, Владимирская, Калужская, Костромская, Тверская, Тульская, Смоленская, Пензенская области.

Количественные признаки данного подтипа:

– душевой ВРП (4,6 тыс. долларов по паритету покупательной способности),

– продолжительность жизни – 63,5 года;

– доля учащихся среди возрастов 6–23 года – 69,6 %;

– индекс развития человеческого потенциала – 0,726 в 2000 г.;

– среднее место в РФ по ИРЧП в 2000 г. – 59 и 1997 г. – 48.

Недостатки рассмотренной типологии, как и всех классификаций, основывающихся на данных официальной статистики, состоят, во-первых, в недостатках учета, не позволяющих использовать достоверные количественные данные по большинству используемых в группировках показателей. Показатели душевого ВРП не показывают значительную часть регионального продукта, создаваемого внешнеэкономической деятельностью, малыми и индивидуальными предприятиями (и из-за распространенности теневого сектора, и просто из-за неполного учета данных). Поэтому официальные показатели Калининградской области намного хуже реальных, а занимаемое ею место в ряду субъектов РФ фактически должно быть намного более высоким.

Сильно занижены показатели области и по доле учащихся – из-за недоучета части негосударственных учебных заведений, а также военных и т. п.; прирост показателя доли учащихся в Калининградской области при полном учете, видимо, оказался бы более высоким, чем в большинстве регионов страны. Соответственно и место по уровню ИРЧП область заняла бы более высокое.

[1] *Зубаревич Н. В.* Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М., 2003. С. 77 – 79.

Во-вторых, «качество жизни» населения региона становится все более абстрактным понятием в силу продолжающейся социальной дифференциации населения, вследствие чего применение любых средних показателей для межрегиональных сравнений уровня жизни становится все более проблематичным. Для реальной оценки качества жизни требуются глубокие исследования в каждом из регионов, сопоставление которых по совокупности однородных показателей все меньше отражает актуальные направления социального регулирования.

В-третьих, нельзя не отметить, что используемые «комплексные» типологии пока недостаточно учитывают инновационные процессы, темпы развития рыночной среды. Не используются многие важные показатели, отражающие процессы развития рыночной экономики и уровня жизни населения, по которым Калининградская область занимает в РФ передовые позиции. Например, число автомобилей на 1000 жителей (234 в 2002 г.), число абонентов мобильной связи на 1000 жителей (390 в 2004 г.), число малых предприятий на тысячу жителей (третье место в России после Москвы и Санкт-Петербурга) и пр.

Для того чтобы оценить, насколько близки между собой по другим важным индикаторам регионального развития указанные области, приведем два показателя, характеризующие перечисленные области, – динамику численности населения между переписями 1989 и 2002 гг. и динамику промышленного производства в 2003 г. (табл. 1).

Таблица 1

Некоторые показатели развития отдельных областей РФ

Область	Численность населения в 2002 г. в% к 1989 г.	Рост объема промышленного производства в 2003 г.,%
Калининградская	110	114,5
Ленинградская	101	121
Новгородская	92	103
Брянская	94	104
Владимирская	92	105
Калужская	98	108
Костромская	92	107
Тверская	88	100
Тульская	90	102
Смоленская	91	104
Пензенская	97	107

Из всех рассмотренных областей по этим двум показателям только Ленинградская имеет существенное сходство с Калининградской областью.

Гораздо более предпочтительным мы считаем подход к типологии регионов, основывающийся на качественном анализе их роли в экономической системе более высокого ранга (например, национальной экономике), участии в общественном разделении труда. Хорошим примером является теоретическая типологизация регионов Дж. Фридманна[1] (рис. 1).

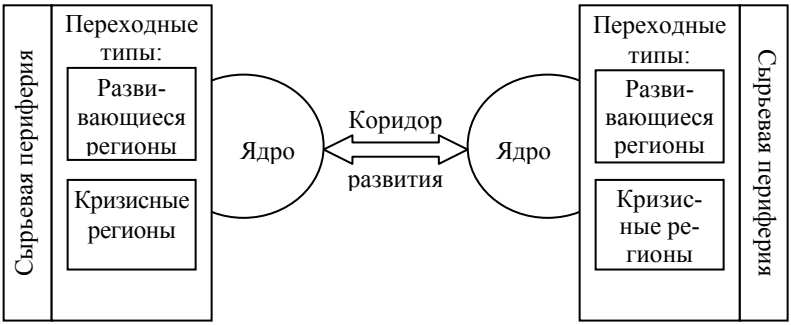

Рис. 1. Схема взаимодействия регионов

Дж. Фридманн выделяет следующие типы регионов:

– *core regions* – регионы-ядра;

– *upward-transition regions* – переходные развивающиеся регионы;

– *downward-transition regions* – переходные кризисные регионы;

– *resource-frontier regions* – периферийные ресурсные регионы;

– *development corridors* – коридоры развития[2].

Эта типология, на наш взгляд, не только применима, но и весьма актуальна для российских регионов, поскольку помогает понять возможные перспективы развития Калининградской области как *коридора развития*. Пока еще можно говорить только о предпосылках и

[1] *Friedmann J.* Regional Development Policy. Cambridge, 1968.

[2] Перевод терминов Дж. Фридманна с английского на русский язык достаточно сложен. В этом отношении не вызывает сомнения только один тип регионов – коридоры развития. Мы дали названия остальным типам (отличающиеся от традиционного их перевода на русский язык) не столько на основе буквального перевода терминов, сколько исходя из оценки их места в национальной экономике.

отдельных элементах превращения области в регион такого типа; еще совсем недавно реальные показатели социально-экономического развития могли служить основанием для ее отнесения скорее к переходным кризисным регионам (да и сейчас опасность для области остаться в составе этого типа регионов полностью не преодолена).

Спецификой области как коридора развития является эксклавность, а именно то, что область расположена не между российскими регионами, а между регионами России и ЕС. Это затрудняет распространение инноваций между российскими регионами через область. Но зато через нее могут осуществляться международные инновационные потоки, причем как со стороны российских, так и западноевропейских регионов.

Поэтому уже сейчас Калининградскую область в какой-то мере можно рассматривать не только среди субъектов Российской Федерации, но и в ряду взаимодействующих друг с другом европейских регионов. На картосхеме (рис. 2) показан состав еврорегиона «Балтика» (который, на наш взгляд, позиционирует себя, как и многие другие еврорегионы, как *коридор развития* в экономической системе всего Балтийского региона), в рамках которого реализуются проекты сотрудничества регионов Швеции, Дании, Польши, Литвы, Латвии и Калининградской области РФ.

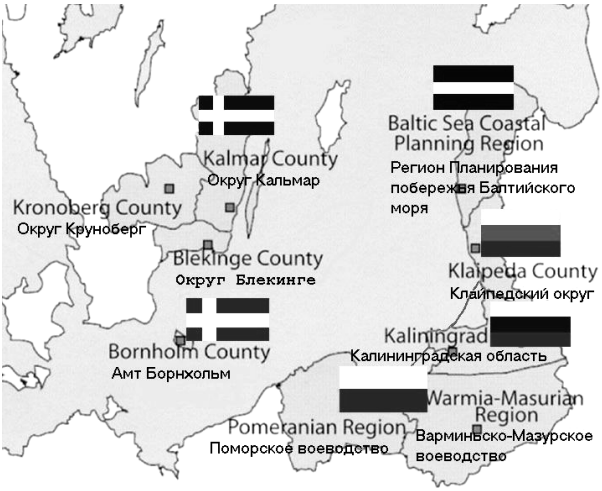

Рис. 2. Состав еврорегиона «Балтика»

Возвращаясь к сравнению Калининградской области с другими регионами России, приведем примеры типов российских регионов (табл. 2).

Таблица 2

Типологические различия некоторых российских регионов

Тип регионов	Примеры регионов
Регионы-ядра	Москва, Московская область, Санкт-Петербург
Переходные развивающиеся регионы	Республика Татарстан; Владимирская, Калужская, Костромская, Курская, Новгородская, Самарская области
Переходные кризисные регионы	Республики Дагестан, Ингушетия, Чечня, Тыва; Чукотский, Корякский автономные округа, Псковская область
Периферийные ресурсные регионы	Архангельская, Мурманская, Магаданская области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Таймырский автономные округа
Коридоры развития	Калининградская область, Ленинградская область, Приморский край

Следует отметить, что в условиях переходной российской экономики данная типология имеет определенное сходство с классификацией регионов по другому важному для нынешнего этапа экономического развития страны показателю – степени развитости рыночных отношений. Регионы-ядра наиболее развиты в рыночном отношении; вслед за ними следуют коридоры развития, далее – переходные развивающиеся и периферийные ресурсные регионы. Крайне слабо развит рынок в периферийных кризисных регионах (что, в свою очередь, усугубляет кризисное состояние их экономики).

Отнесение регионов к определенному культурно-хозяйственному типу показывает их общность в поиске функции адаптации и самовоспроизводства, необходимой для развития региона[1]. Для регионов каждого типа целесообразно разработать близкие стратегии социального развития и активно использовать взаимные сопоставления для выработки мер социально-экономической политики. Применительно к Калининградской области до сих пор такую роль играет, прежде всего, механизм Особой экономиче-

[1] *Ковалев А.* Регион как элемент геопространства: структура и эволюция // Регион. Проблемы и перспективы. 1997. №4. С. 24.

ской зоны. Определяя условия хозяйствования в области, механизм ОЭЗ уже частично способствует региону – «коридору развития» реализации его функций. В настоящее время это проявляется не только и не столько в обслуживании российских внешнеэкономических связей (хотя и эта функция существенна), сколько в развитии импортозамещения на основе заимствования передовых западных технологий для переработки импортного сырья и использования полуфабрикатов для производства готовой продукции. Кроме того, имеются и отдельные экспортные производства в машиностроении, использующие отечественное сырье и западные технологии. Но имеющиеся возможности используются не полностью, и регион имеет большие резервы как в развитии импортозамещения, так и в расширении экспортных производств.

В настоящее время в российской региональной практике обращается все большее внимание на развитие точек и полюсов роста (в противовес прежней идее выравнивания уровней экономического развития регионов)[1]. Калининградская область пока еще, к сожалению, редко рассматривается в качестве перспективного полюса роста (хотя некоторые эксперты говорят о ней как о возможном Гонконге или Люксембурге на Балтике; правда, в начале 1990-х гг. таких высказываний было больше).

В то же время и возможности расширения международного сотрудничества, и механизм Особой экономической зоны являются благоприятными предпосылками ускоренного развития региона. Так, Бюро экономического анализа утверждает, что весьма перспективным направлением развития российской экономики является «создание «точек роста» на основе формирования свободных экономических зон»[2].

Развивая эту идею, можно утверждать, что Калининградская область, используя механизм особой экономической зоны и реализуя стратегию «региона сотрудничества»[3], имеет возможность

[1] Теория полюсов роста, как известно, восходит к работам Ф. Перру (*Perroux F.* Note sur la ville considéréé comme pôle de développement et comme foyer du progrès. «Tiers monde». Paris. 1967. №32, Vol. 8 и др.); она получила значительное развитие на Западе.

[2] См.: *Обзор* экономической политики в России за 2001 год. М., 2002.

[3] Согласно реализуемой в области стратегии «региона сотрудничества», в области будут наиболее активно протекать процессы кооперации и интегра-

стать одним из полюсов роста российской экономики, «калининградским полюсом интеграции»[1]. Таким способом будет преодолена угроза того, что, как предупреждают некоторые эксперты, область может стать «двойной периферией» России и ЕС[2]. В противовес этому Калининградская область превратится в их общий «полюс интеграции».

Понятие «регион сотрудничества» в самом своем названии раскрывает путь решения той узловой народнохозяйственной проблемы, которая для любого региона играет ключевую районообразующую роль[3]. Применительно к области роль ключевой проблемы играет ее эксклавность. Понятие «регион сотрудничества» появляется с осознанием необходимости преодоления эксклавности путем формирования такой стратегии развития для Калининградской области, которая, с одной стороны, обеспечивает взаимодействие РФ и ЕС, а с другой стороны, предполагает самостоятельное сотрудничество области с соседними регионами других государств. Теоретические предположения о путях устранения угроз, вызванных эксклавностью, должны найти свое воплощение в научно обоснованной стратегии регионального развития.

ции России и ЕС; это предполагают и многие другие концепции регионального развития.

[1] См.: *Бильчак В., Самсон И., Федоров Г.* Калининградский полюс интеграции /Ун-т Пьера Мендеса Франса. Гренобль, 2000.

[2] Например, Н. Смородинская (2001).

[3] Такой подход, использовавшийся отечественными учеными, был заложен в работах В.М. Четыркина. – См.: *Четыркин В.М.* О районообразующих признаках в советском экономическом районировании // Вопросы географии: Экономическая география. М., 1957. Сб. 41; *Он же.* Проблемные вопросы экономического районирования. Ташкент, 1967.

Аналогично видят причины конкретного понимания региона в возникновении и конкретизации задачи многие зарубежные исследователи. – См., например: *Методы* регионального анализа: введение в науку о регионах. М., 1966; *Isserman A.W.* Lost in Space? On the History, Status and Future of Regional Science // The Review of Regional Studies. Vol 23. №1. Summer 1993.

29. ОЦЕНКА СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ*

Экономическое развитие Калининградской области напрямую зависит от сотрудничества с соседними странами ЕС уже только потому, что через них проходят сухопутные коммуникации с основной территорией России. А обслуживая российские внешнеэкономические связи, область сейчас играет посредническую роль в отношениях между РФ и зарубежными странами, в особенности входящими в ЕС.

Режим Особой экономической зоны (ОЭЗ) в Калининградской области, обеспечивая беспошлинный импорт сырья и полуфабрикатов для производства в регионе готовой продукции, поставляемой в другие регионы России, создал предпосылки для реструктуризации региональной экономики и развития импортозамещения. С началом в 1999 г. роста производства в Российской Федерации в Калининградской области темпы прироста валового регионального продукта (ВРП), который в 1992—1998 гг. сокращался быстрее, чем в большинстве российских регионов, превышают средние по стране, при этом в РФ они выше, чем в других странах Балтийского региона (табл.).

Однако рост ВРП в регионе является неустойчивым, поскольку определяется, помимо общей конъюнктуры внутреннего российского рынка, режимом ОЭЗ и развитием благодаря зональному механизму импортозамещающих производств (в 2004 г. в другие регионы страны поставлено товаров, произведенных в условиях режима ОЭЗ, на сумму более 2 млрд долларов), а также благоприятной тарифной политикой российских железных дорог. Негативные изменения любого из этих факторов, а также условий транзита грузов через территории Литвы и Белоруссии могут крайне отрицательно сказаться на экономическом развитии области.

---

* *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Роль Калининградской области в российско-европейском экономическом сотрудничестве на Балтике // Россия и Европейский союз: прошлое настоящее, будущее. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006.

Среднегодовые темпы прироста (снижения) валового внутреннего (регионального) продукта, %

Страна / Регион	Прирост (снижение) ВВП (ВРП)	
	1995—1998	1999—2004
ЕС-15	2,3	2,0
Эстония	6,1	5,4
Латвия	3,9	6,6
Литва	5,6	5,4
Польша	5,1	3,4
Дания	2,7	1,8
Германия	1,5	1,2
Финляндия	4,6	2,8
Норвегия	4,4	2,0
Швеция	2,8	2,9
Российская Федерация	—2,9	6,8
В том числе ВРП по Калининградской области РФ	—11,2	9,7

Источник: Главное управление экономического развития и торговли администрации Калининградской области, 2005.

Для обеспечения устойчивого развития экономика региона должна не только соответствовать потребностям народного хозяйства России, но и вписаться в экономическое пространство Балтийского региона, отвечая интересам территориального разделения труда на Балтике. Но для этого необходимо дальнейшее развитие производственной инфраструктуры (прежде всего портов, железных и автомобильных дорог, транспортных узлов, пограничных переходов). Ряд мер намечен федеральной целевой программой «Развитие Калининградской области на период до 2010 года». Недостатком является то, что реализуемые меры плохо увязаны с соответствующими программами стран ЕС (Евровизион-2010, Виа Балтика, Виа Ганзеатика, программа транспортных коридоров и др.), а также со стратегиями развития еврорегионов «Балтика», «Сауле», «Неман». Хотя российские представители формально и участвуют в деятельности этих межгосударственных и межрегиональных международных проектов, реально Россия их не финансирует. Это препятствует скоординированному развитию транспортных сетей, в которых заинтересованы как соседи Калининградской области по Балтийскому региону, так и Российская Федерация.

Одно из наиболее слабых мест рыночной инфраструктуры — банковская система области (как и России в целом), что особенно затрудняет вхождение в мировое экономическое пространство. На территории региона отсутствуют иностранные банки (за исключением представительств отдельных польских банков, которые не занимаются обслуживанием банковских операций). Недостаточно авторитетны страховые компании, которые могли бы гарантировать реализуемые инвестиционные проекты.

В области много хозяйствующих субъектов, занимающихся обслуживанием рынка (консалтинговые, проектные, юридические, охранные и пр. фирмы), однако все они невелики по размерам и не очень известны в предпринимательской среде, поэтому для оценки ситуации в регионе и разработки конкретных проектов и бизнес-планов часто привлекаются московские и санкт-петербургские агентства.

Калининградская область как особый тип регионов — «коридор развития»

Если рассматривать область как «пилотный регион» в расширении сотрудничества России и Европейского союза, чему способствует географическое положение калининградского эксклава, то необходимо не только ускоренное, но и скоординированное с соседями развитие его производственной и рыночной инфраструктуры, активное участие в разработке и реализации международных проектов. Это является одной из главных предпосылок превращения Калининградской области в один из наиболее перспективных типов российских регионов — «коридор развития».

Пока можно говорить только о предпосылках и отдельных элементах превращения области в регион такого типа; еще совсем недавно реальные показатели социально-экономического развития могли служить основанием для ее отнесения скорее к переходным кризисным регионам (да и сейчас опасность для области остаться в составе этого типа регионов полностью не преодолена).

Спецификой области как коридора развития является эксклавность, а именно то, что регион расположен не между российскими территориями, а между регионами России и регионами ЕС. Это затрудняет распространение инноваций между российскими регионами через область. Но зато через нее могут осущест-

вляться международные инновационные потоки, причем как со стороны российских, так и со стороны западноевропейских регионов.

Поэтому уже сейчас Калининградскую область в какой-то мере можно рассматривать не только как субъект Российской Федерации, но и в ряду взаимодействующих друг с другом европейских регионов.

В Балтийском регионе, который все более осознается расположенными на его берегах странами и регионами как один из регионов интеграции, Калининградской области уделяется значительное внимание со стороны соседей. В частности, Калининград назван в числе восьми приоритетов Плана действий «Северного измерения».

Еврорегион «Балтика», в рамках которого реализуются проекты сотрудничества регионов Швеции, Дании, Польши, Литвы, Латвии и Калининградской области РФ, позиционирует себя, на наш взгляд, как *коридор развития* в экономической системе Балтийского региона.

В настоящее время в российской региональной практике обращается все большее внимание на развитие точек и полюсов роста (в противовес прежней идее выравнивания уровней экономического развития регионов)[1]. Калининградская область пока еще, к сожалению, редко рассматривается в качестве перспективного полюса роста (хотя некоторые эксперты все же говорят о ней как о возможном «Гонконге» или «Люксембурге» на Балтике; правда, в начале 1990-х гг. таких высказываний было больше).

В то же время и возможности расширения международного сотрудничества, и механизм Особой экономической зоны являются благоприятными предпосылками ускоренного развития региона. Мы поддерживаем точку зрения тех, кто считает, что создание «точек роста» на основе формирования свободных экономических зон является весьма перспективным направлением развития российской экономики. Было бы чрезвычайно полезно использовать ОЭЗ в Калининградской области в качестве одной из таких «точек роста», способствующих дальнейшему продвижению страны к развитой рыночной экономике.

[1] Теория полюсов роста, как известно, восходит к работам Ф. Перру (*Perroux F.* Note sur la ville considéréé comme pôle de développement et comme foyer du progrès. Tiers monde. Paris. 1967. №32. Vol. 8 и др.); она получила значительное развитие на Западе.

То есть можно утверждать, что Калининградская область, используя механизм Особой экономической зоны и реализуя стратегию «региона сотрудничества»[1], имеет возможность стать одним из полюсов роста российской экономики, «калининградским полюсом интеграции»[2]. Для реализации этой идеи нужно отказаться от попыток придать Закону об ОЭЗ и Федеральной целевой программе «Развитие Калининградской области на период до 2010 года» только компенсационный характер, устраняющий дополнительные расходы на перевозку грузов в транспортном сообщении с другими регионами страны. Больше внимания должно быть уделено инновационному компоненту в развитии экономики — формированию технополиса и технопарков (в том числе международных), бизнес-инкубаторов, стимулированию развития передовых отраслей производства (экспортных и импортозамещающих).

Таким способом будет преодолена угроза того, что область может стать «двойной периферией» — России и ЕС. В противовес этому Калининградская область превратится в их общий «полюс интеграции», развитие которого принесет выгоду обеим сторонам.

Понятие «регион сотрудничества» в само́м своем названии раскрывает путь решения той узловой народнохозяйственной проблемы, которая для любого региона играет ключевую роль. Применительно к Калининградской области ключевой проблемой стала ее эксклавность. Понятие «регион сотрудничества» появляется с осознанием необходимости преодоления эксклавности путем формирования такой стратегии развития для Калининградской области, которая, с одной стороны, обеспечивает взаимодействие РФ и ЕС, а с другой стороны, предполагает самостоятельное сотрудничество области с соседними регионами других государств. Теоретические предложения о путях устранения угроз, вызванных эксклавностью, должны найти свое воплощение в научно обоснованной стратегии регионального развития.

---

[1] Согласно реализуемой в области стратегии «региона сотрудничества» в Калининградской области будут наиболее активно протекать процессы кооперации и интеграции России и ЕС; это предполагают и многие другие концепции регионального развития.

[2] См.: *Бильчак В., Самсон И., Федоров Г.* Калининградский полюс интеграции /Ун-т Пьера Мендеса Франса. Гренобль, 2000.

30. ЯНТАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ПЕРВИЧНЫЙ, ВТОРИЧНЫЙ ИЛИ ТРЕТИЧНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ?*

Лишь в начале 1970-х гг., в рамках организованной прибывшим из Ленинграда ректором Калининградского госуниверситета профессором А.А. Борисовым комплексной географической экспедиции по изучению природных ресурсов Калининградской области начались систематические исследования перспективных направлений регионального развития. На только что созданной тогда, в 1971 г., кафедре экономической географии Калининградского госуниверситета началась инициированная заведующим кафедрой профессором Н.Т. Агафоновым дискуссия: является ли янтарная промышленность отраслью специализации региона? Был сделан вывод, что хотя по доле занятых и объемам производства эта отрасль уступает ведущим отраслям экономики области, вследствие ее важной роли в мировой добыче янтаря и производстве из него различных видов продукции можно говорить о янтарной промышленности как одной из отраслей специализации Калининградской области.

Спустя 30 лет впору организовывать другую дискуссию: есть ли основания называть нашу область Янтарным краем? Добыча «солнечного камня» снизилась вдвое, производство малоэффективно и ограничивается почти одной добычей сырья, доходы в областную казну минимальны. Уже не только Литва, как раньше, но и Польша претендует на то, чтобы считаться на мировом рынке родиной янтаря. Не калининградский, а «польский» и «литовский» янтарь доминирует в зарубежной рекламе.

Стоимость продукции янтарного комбината (в ценах 1989 г.) приближалась к 40 млн рублей[1], а стоимость продукции в рознич-

---

* *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Янтарное производство: первичный, вторичный или третичный сектор экономики? // Регион сотрудничества. Вып. 8: Янтарь. Калининград: Изд-во КГУ, 2001.

ных ценах достигала 130 млн рублей (с учетом высокой цены драгоценных металлов, использовавшихся для производства ювелирных изделий).

И сейчас Янтарный комбинат входит в группу предприятий с годовым объемом производства от 50 до 100 млн рублей. Только рубль за прошедшие годы стал стоить намного меньше. Насколько упал курс рубля, настолько и снизилось производство.

Причины сложившейся ситуации были подробно проанализированы ранее. Показаны и некоторые возможные пути выхода янтарной отрасли из кризиса. Однако речь может идти не только о восстановлении прежних позиций и не о некотором количественном росте. В действительности вполне реальны качественные изменения роли янтаря в экономике региона, превращение янтарной отрасли в ведущую отрасль специализации народного хозяйства. Но для этого необходимы и реальные качественные, а не декларируемые виртуальные изменения в подходе ко всему региональному развитию.

В результате экономического кризиса 1990-х гг. индустриально-аграрная (вторичная) структура экономики Калининградской области претерпела серьезные изменения. Примерно с 40 до 60% возросла доля услуг в структуре производства валового регионального продукта, и, соответственно, до 40% уменьшилась доля производства товаров. По формальным признакам область приблизилась к развитым странам с третичной экономикой.

Однако это только видимость прогресса. Производство товаров снизилось почти в три раза. За счет этого и возросла доля услуг, производство которых тоже сократилось, но не в такой значительной мере. Так что никакого фактического приближения экономики области к более прогрессивной структуре не происходит. Скорее наблюдается откат к первичному сектору, производящему сырье и полуфабрикаты. Ведь именно такие отрасли промышленности увеличили долю в структуре индустриального про-

[1] См.: *Литвин В.М., Ельцина Г.Н., Дедков В.П.* Калининградская область: природные ресурсы. Калининград, 1999. С. 20.

изводства. Меньше, особенно по сравнению с обрабатывающей промышленностью, и спад в сельском хозяйстве, также, как известно, относящемся к первичному сектору.

Между тем именно янтарная промышленность может служить катализатором перехода региональной экономики к более прогрессивной структуре. В Польше и Литве, не обладающих столь большими ресурсами янтаря, как Калининградская область, не менее 16 тыс. человек занято изготовлением янтарных ювелирных изделий. Это на порядок больше, чем занято в обработке янтаря на всех примерно 200 действующих в этой сфере фирмах и индивидуальных частных предприятиях Калининградской области.

Конечно, для организации переработки янтаря в таких масштабах необходимо время, нужны традиции работы, школы ювелиров. Нужно организовать маркетинг и рекламу, реализацию ювелирных изделий за рубежом. Однако без ничего — ничего и не бывает. Если всерьез не заниматься организацией ювелирных промыслов и развитием необходимой рыночной инфраструктуры, еще долгое время область останется поставщиком дешевого сырья для иностранных переработчиков. В народном хозяйстве попрежнему будет доминировать первичный, сырьевой сектор, характерный для отсталых стран «третьего мира».

Ушли в прошлое утверждения начала 1990-х гг., когда наши «новые экономисты» считали, что «рынок урегулирует все проблемы» и никакого вмешательства государства не требуется. В результате вместо рыночной экономики в нашей стране возникла «экономика переходного периода», и многие зарубежные эксперты даже сомневаются в том, что Россия когда-нибудь придет от нынешней рентной, монополистической, олигархической экономики к развитому рынку.

Теперь многие адепты «свободной конкуренции» стали ярыми государственниками. Но меры по развитию рынка все равно не осуществляются. Ни индустриальные дистрикты, ни технопарки и бизнес-инкубаторы, ни другие формы поддержки инфраструктуры рынка в России, в отличие от развитых стран Запада (где рынок уже создан, но его развитие постоянно стимулируется), не полу-

чили распространения. Ни горизонтальная и вертикальная интеграция, ни специализация и кооперация в должной мере не развиваются. Поддержка предпринимательства существует главным образом в теории и на бумаге.

Если считать главной задачей органов власти по отношению к экономике содействие ее развитию всеми возможными способами, то именно в янтарной отрасли можно отработать многие необходимые для развития регионального рынка механизмы. Весьма перспективной представляется идея формирования индустриального дистрикта (системы взаимосвязанных, кооперирующихся между собой малых предприятий с развитой рыночной инфраструктурой, рыночного аналога территориально-производственного комплекса) на базе добычи и переработки янтаря. При этом добыча янтаря, как это и предлагается современными проектами развития отрасли, сосредотачивается на одном (государственном или контролируемом государством) предприятии. Это позволит поддерживать монопольные цены путем регулирования уровня добычи и обеспечивать гораздо более высокую, чем сейчас, рентабельность производства.

В качестве структуры, которая могла бы организовать работу по формированию индустриального дистрикта, могло бы, на наш взгляд, выступить Агентство регионального развития во взаимодействии с комитетом по развитию ОЭЗ администрации области (который является одним из учредителей Агентства). Необходимая законодательная поддержка может быть оказана Областной думой.

Использование западного опыта по развитию надлежащей рыночной инфраструктуры возможно в связи с начинающейся в 2001 г. программой Tacis, получателем которой как раз и является Агентство регионального развития. К сожалению, опыт работы подобных программ показывает, что получатели технического содействия (а именно оно является главной целью программы Tacis) часто относятся к рекомендациям зарубежных экспертов довольно скептически. В свою очередь и рекомендации не всегда учитывают российскую специфику. Поэтому

крайне важно наладить тесное взаимодействие российских и зарубежных экспертов с тем, чтобы совместно решать наиболее важные проблемы развития рыночной инфраструктуры в янтарной и связанных с ней отраслях.

Агентство экономического развития и стимулирования торговли, по мнению разработчиков программы Tacis PROMETEE II (эксперты университетов Гренобля, Бирмингема и Хельсинки, московского Института экономики переходного периода, Калининградского госуниверситета и др.), имеет весьма широкие функции. Оно должно распространять информацию и разрабатывать концепции, рекомендации и предложения с тем, чтобы стимулировать торговлю между Калининградской областью и соседними регионам, а также продвигать Калининград как главный торговый регион между Европейским союзом и Россией. Это должен быть хорошо информированный о процессах европейской интеграции и расширения ЕС активный инновационный институт, высокочувствительный и быстро реагирующий на международную экономическую ситуацию.

Функциями Агентства применительно к янтарному проекту (как и к другим отраслям) могут стать[1]:

— функция стратегического мозгового центра: проведение исследований для того, чтобы определить и реализовать стратегию развития;

— функция правового консультанта: оказание помощи местным и региональным властям в разработке новых законодательных актов и распоряжений;

— информационная функция для деловых кругов;

— торговый мониторинг и сигнальная функция.

Одновременно предлагается создание дома предпринимателей и инкубатора для малого и среднего бизнеса.

Развитие малого и среднего бизнеса, в особенности в сфере услуг, в регионе должно поддерживаться в возможно большей мере, поскольку предприятия малого и среднего бизнеса все еще неустойчивы. Они нуждаются в более благоприятной среде, и

[1] *Калининград* 2000-2010: Диагностика, концепции и предложения по будущему развитию. Гренобль, 2000. С. 17-18.

прежде всего в специальных условиях работы, позволяющих им развивать обучающие процессы, связанные с эффективным процессом выбора. Янтарный межотраслевой комплекс мог бы стать хорошим полигоном для отработки новаций в этой сфере.

Потенциал янтарных ресурсов позволяет расценивать янтарную промышленность как одну из главных возможностей развития региона. Но в настоящее время янтарная промышленность может рассматриваться как практически неиспользуемый потенциал.

Предлагаемая перестройка янтарной отрасли нацелена не только на развитие обработки и переработки янтаря (а возможно, и других сопутствующих полезных ископаемых). Одновременно получит развитие третичный сектор экономики, сфера услуг. Изготовление и реализация изделий из янтаря будут способствовать повышению туристической привлекательности области, явно испытывающей сейчас нехватку пользующихся спросом сувениров.

Если будет реализовываться новая, прогрессивная стратегия развития янтарной отрасли и всех других связанных с нею отраслей, должен претерпеть значительные изменения и научно-образовательный комплекс региона. Серьезные сдвиги потребуются и в сознании потенциальных работников по отношению к приоритетам регионального развития. Поэтому в рамках программы развития региональной системы образования необходимо предусмотреть открытие новых специальностей в высших и средних специальных учреждениях, а также в учреждениях начального профессионального образования; развитие соответствующей профориентационной работы.

Однако специфика ювелирного дела и отсутствие учреждений подготовки кадров соответствующего профиля в регионе делают задачу обучения будущих специалистов достаточно сложной. Необходимо установить партнерские отношения с учреждениями подготовки кадров Москвы, Санкт-Петербурга, Урала (Пермь, Екатеринбург). Неясно, насколько охотно могут поделиться секретами мастерства зарубежные коллеги, но здесь дополнительным условием при продаже янтаря можно было бы,

на наш взгляд, поставить подготовку кадров преподавателей и мастеров в Польше или Литве.

Сейчас часто обсуждают возможные перспективы развития Калининградской области как «пилотного региона» сотрудничества Российской Федерации и Европейского союза. В свою очередь «пилотным» в рамках данной стратегии могло бы стать развитие связанного с янтарем сектора калининградской экономики. Ведь здесь переплетаются многочисленные экономические, социальные и экологические проблемы, характерные и для других составляющих регионального народного хозяйства. И накопленный в янтарной отрасли опыт мог бы оказаться очень полезным и для других отраслей экономики.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИУМА

31. НЕКОТОРЫЕ СОЦИОПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ*

Калининградская область отличается от других регионов Российской Федерации не только своим эксклавным положением, но и спецификой формирования населения, продолжающей оказывать определенное влияние на настроение и поведение ее жителей.

В результате процессов, происходивших после Второй мировой войны, Калининградская область оказалась единственной в стране полностью переселенческой территорией. Переселенческий характер формирования населения вызвал проблемы его адаптации к новым условиям жизни и хозяйственной деятельности, более высокую по сравнению с остальными регионами страны подвижность, неукорененность жителей. В 1948—1950 гг. свое место жительства покинуло почти 40 % переселенцев, в 1970—1980-е гг. показатели миграции по Калининградской области были в три раза выше общероссийских. Вырванность переселенцев из привычных родственно-соседских связей и местных культурных традиций приводила к тому, что в регионе возникал более высокий уровень человеческого отчуждения, одиночества, что обусловливало лидерство региона среди российских областей по числу преступлений, разводов и суицидов, потреблению алкоголя.

Попав в непривычную обстановку (природно-климатические условия, материальная культура: архитектура, планировка поселений, быт, инфраструктура, система ведения хозяйства), первые поселенцы практически не смогли преодолеть комплекс «временного жильца», «чужака».

С другой стороны, выраженные черты маргинальности в 1990-е гг. способствовали большей социальной и экономической мобильности населения, способности адаптироваться к меняющимся «правилам игры». Ориентация на себя, более высокая лич-

---

* *Клемешев А., Самсон И., Слободской А.*. Калининградская область: диагностика кризиса / Под ред. И. Самсона. Калининград: Изд-во КГУ, 1998. Гл. 8. Население и социальные группы Калининградской области в условиях кризиса

ная ответственность заставляли людей самостоятельно искать выход из сложившейся ситуации, без опоры на механизмы самоорганизации, государственный или иной патернализм.

В результате в Калининградской области сформировался несколько иной по сравнению с типичным для России социокультурный тип личности, отличный как от западноевропейского, так и от центральноевропейского. Кроме более высокой личной ответственности можно отметить большую ориентацию на закон, правило, норму как регулятор отношений и поведения — в противоположность личным контактам и иерархической зависимости от вышестоящего руководителя, что в настоящее время способствует сравнительно меньшей коррупционированности в деловых отношениях и значительно большей выраженности социальных институтов гражданского общества европейского типа.

При смене поколений эффект чужеродности и неукорененности стал исчезать. В отличие от своих родителей, второе и третье поколения переселенцев не испытывают своей чужеродности в данном месте. Около 52 % калининградцев родилось и выросло здесь и считают этот край своей «малой родиной». Молодежь региона проявляет интерес к досоветской истории и культуре края, не собираясь отказываться от него из-за ярлыка «фашистского прошлого», как это было с переселенцами первой волны.

Еще одной отличительной чертой региона была высокая степень его милитаризации. По плотности размещения военных объектов, армейских и флотских соединений на компактной территории Калининградская область занимала одно из первых мест в Европе. Высокая милитаризация, с одной стороны, усиливала миграционный потенциал населения, а с другой — блокировала вестернизацию общественного сознания, оказывала сильное консервирующее воздействие на социально-политическую обстановку в регионе (так, даже в 1990—1991 гг. в области не было зафиксировано особых всплесков несанкционированной активности населения).

Социально-демографические особенности населения

Калининградская область по плотности и концентрации городского населения принадлежит к числу наиболее заселенных и

урбанизированных в стране. Первый показатель составляет 64 человека на км^2 (общероссийский показатель — 9 человек на км^2); 78 % населения области — горожане (это на 5 % выше общероссийского показателя). При этом 46 % населения сосредоточено в Калининграде, что превращает его в экономическую, социально-политическую и культурную доминанту региона.

В настоящее время можно выделить несколько групп населения по продолжительности их проживания на территории области: семьи 43,7 % респондентов, участвовавших в опросе ВЦИОМа в июне 1997 г., проживают в регионе более 30 лет, 38,8 % — от 10 до 20 лет, 8,5 % — от 5 до 10 лет, 7,2 % — менее 5 лет. При этом более или менее явное намерение уехать из области и поселиться в другом месте России выражают 12,9 % опрошенных, 8,7 % в той или иной степени намерены уехать в другую страну.

. . .

Идентичность и геополитическое поведение

В целом общественное сознание населения Калининградского региона, настроения, менталитет его жителей характеризуются некоторой мозаичностью, противоречивостью, маргинальностью. Здесь сочетаются прозападные и продержавные ориентации, прорыночные установки и ностальгия по прежнему укладу, осознание особенностей положения региона, надежды на его развитие как особой экономической зоны, позитивное отношение к широким возможностям поддержания и усиления хозяйственных связей с европейскими странами и установка на сохранение единого общероссийского социально-экономического, политического и культурного пространства, убежденность в неразрывности связей между регионом и Россией.

Проведенные в рамках программы Tacis-PROMETEE исследования общественного мнения позволяют проанализировать особенности поведения населения Калининградской области, идентификация которых возможна при сравнительном подходе. Другим методом может стать анализ социодемографических особенностей различных групп респондентов. Такой анализ выявит две

основные группы особенностей, скажем, группы А и Б. Группа А состоит из молодежи (до 29 лет), более образованных слоев населения и горожан, в особенности калининградцев. Они выросли в Калининграде и часто имеют такую собственность, как квартира, дача, автомобиль, бытовая техника и т. д. На президентских выборах 1996 г. они голосовали за Б.Н. Ельцина или вообще не голосовали. В группу Б входит более пожилое население (старше 50 лет), менее образованные слои и сельские жители (в поселках менее 5000 жителей). Они росли не в Калининграде, редко кто из них имеет значительные по стоимости предметы длительного пользования и во время выборов в 1996 г. выражали протест, голосуя за Зюганова либо против обоих кандидатов. Эти две группы респондентов не отражают деление населения на две группы, но представляют собой две крайние противоположности на шкале распределения общественного мнения всего населения области. В социологии группы А и Б довольно универсальны. Они, однако, почти полностью сочетаются с большинством типов поведения, показывая, что во время переходного периода распределение общественного мнения достаточно типизировано и противопоставляется по возрастной линии (разные поколения) и месту проживания (город/село).

В отношении геополитической идентификации России, ее в большей или меньшей степени считают частью бывшего социалистического лагеря (36 %, — те, что ближе к группе Б; большинство женщины), обладающей собственной национальной самобытностью (29 % — те, что ближе к группе А; большинство мужчины); некоторые считают, что Калининградская область не является частью Европы (16 %), Российской империей (15,5 %) или Азией (3 %). Однако при сравнении с другими регионами в Калининградской области население чаще отождествляет Россию с Европой, чем определяет ее (область) как особую национально-этническую общность. Эти респонденты также близки к группе А, но их образовательный уровень несколько ниже. Жители Калининградской области имеют тенденцию чаще соглашаться, что Россия принадлежит к западному миру, но они все еще представляют меньшинство (27 %). Это прежде всего молодежь.

Стереотипное восприятие других стран также может предоставить определенную информацию о распределении геополитических суждений населения. Результаты проведенного в Калининградской области опроса схожи с результатами, полученными в других регионах России. Все еще присутствует тенденция несколько негативного восприятия государств Прибалтики (средний бал 2,3—2,5, что в описательном выражении, соответственно, означает «довольно хорошо» и «довольно плохо»). Отношение калининградцев к Белоруссии довольно позитивное (1,8) а к Украине немного скептическое (2,0). Среди зарубежных стран, не входивших в состав бывшего СССР, наиболее позитивно воспринимаются Франция и Финляндия (средний балл 1,8). Респонденты группы А лучше всего отзываются о Франции или Швеции, а входящие в группу Б — о Белоруссии.

. . .

Экономическое поведение и распределение мнений относительно переходного периода

По сравнению с рядом российских регионов население Калининградской области более успешно адаптируется к новым социально-экономическим условиям, достаточно чутко реагирует на изменения среды (рыночной конъюнктуры, нормативной базы и др.), адекватно воспринимает активизацию экономических процессов (инвестиции, новые экономические возможности, создание новых производств), проявляет довольно высокую экономическую активность. С точки зрения политических предпочтений регион никак нельзя назвать «красным», хотя и демократические, рыночные, либеральные ценности не являются здесь преобладающими. Тем не менее область «продвинута» в плане восприятия и реализации рыночных реформ гораздо сильнее, чем многие другие российские регионы, а значит, в той или иной степени подготовлена к началу нового этапа этих реформ.

Комплексная оценка переходного периода является основным фактором, обусловливающим проявление различных типов политического и экономического поведения. Половина респондентов считает, что переходный период продлится от 5 до 20 лет, а другая половина уверена, что он будет продолжаться от 20 до 50 лет

и даже дольше. В первом случае опрошенные приближаются к группе А, а во втором (менее оптимистично настроенные респонденты) — ближе к группе Б.

Произошедшие с 1992 г. перемены в общем оцениваются довольно сдержанно: 70 % считает, что их жизнь существенно не изменилась; они ближе к группе Б, и их численность постоянно увеличивается. Меньшинство состоит из двух групп населения, придерживающихся противоположных взглядов: 11 % думает, что стали жить лучше (группа А), а 18 % — хуже (в большинстве состоит из городского населения в возрасте до 50 лет, имеющего среднее или высшее образование и являющегося обладателями предметов длительного пользования). Последние занимают среднюю позицию между группами А и Б. К ним также принадлежит часть бывшей номенклатуры. Мнения относительно собственного положения распределены более сбалансировано: 36 % опрошенных настроены скептически и не ожидают каких-либо перемен. Сюда входят представители всех социальных слоев, но большинство — старшее поколение. Две другие группы находятся в оппозиции к первой. Оптимисты входят в группу А, а пессимисты в группу Б. Женщины настроены менее оптимистично, чем мужчины. Что касается будущего России, то мнения в целом более пессимистичны. Это вполне закономерно, и здесь группы А и Б схожи во мнениях.

В историческое время глобальных перемен любопытно знать, что имеет важное значение для населения Калининградской области. Проведенное нами исследование общественного мнения предоставляет два ответа. Первый связан со степенью доверия общественным институтам (в широком смысле). Только два общественных института вызывают доверие (полное либо частичное) у большинства опрошенных: церковь (60 %) и Вооруженные силы (56 %). На региональном уровне наибольшее доверие вызывают губернатор (56 %) и мэр Калининграда (54 %). Затем следуют институты, воспринимаемые с меньшей степенью доверия. В первую группу (41—43 %) входят средства массовой информации, Областная дума и Конституционный суд. Другие политические (федеральное Правительство, Государственная дума, Президент) страны, юридические (органы внутренних дел, суды и прокуратуры), экономические (банки) и социальные (профсоюзы)

институты вызывают у населения еще большее недоверие. Таким образом, социальная организация российского общества очень слаба и неустойчива: только церковь и армия имеют авторитет в рамках всей страны, а региональные власти представлены конкретными личностями. Мнение о слабости российских политических институтов также подтверждается в Калининграде и является серьезным препятствием для выполнения ими функции выражения и отстаивания интересов общества. С другой стороны, доверие к средствам массовой информации оказалось выше ожидаемого.

Второй вопрос касается прав и преимуществ населения. Идеология государства всеобщего благоденствия продолжает занимать доминирующие позиции, когда социальному благосостоянию (субсидии на здравоохранение, культуру и жилищное строительство) придается наибольшее значение. Следующими по значению отмечаются политика по отношению к семье, право голоса и государственная собственность на землю. Социально-экономическим свободам (право на предпринимательство, на забастовку) не придается серьезного значения. Социально-политические институты, партии и профсоюзы занимают последние позиции в этом списке доверия.

Поведенческий анализ позволяет точнее идентифицировать экономическую культуру населения Калининградской области. Все опрошенные, проживающие в различных регионах России, отдают предпочтение модели, где государство играет лидирующую роль в экономическом развитии страны. Респондентов просили оценить роль государства в экономическом развитии по десятибалльной шкале, где «1» — полный экономический контроль государства, «10» — государство никогда не вмешивается в экономическую жизнь страны. Исследования показывают, что средние полученные показатели схожи в различных регионах: 3,28 в Воронежской области, 3,47 в Красноярском крае, а наиболее либеральными оказались жители Ленинградской области. Жители Калининградской области проявили меньший либерализм — средний показатель здесь составляет 3,37.

Либеральные настроения прекрасно вписываются в группу А, а противоположные — в группу Б. Несмотря на это, для обеих групп средний балл оценки экономической политики страны остается на стороне «сильного государства». Мнения жителей Кали-

нинградской области относительно целей экономической политики правительства вполне отражают их представления о сильной роли государства в экономической жизни. Выбирая из семи предложенных целей, большинство респондентов в качестве приоритетной задачи выбрали «стимулирование инвестиций частных предпринимателей», что по сравнению с другими российскими регионами происходило в два раза чаще, чем выбор «усиления социальной защиты». Как и ожидалось, входящие в группу Б чаще поддерживают идею патернализма Центра, а близкие к группе А больше заинтересованы в экономической самостоятельности области.

Эта схожесть с другими регионами и ориентация на экономическую логику подтверждается вопросом о главных задачах руководителей производств в переходный период. Треть участвовавших в опросе, проводимом в Калининградской области, ответила, что руководители промышленных предприятий должны в первую очередь решать коммерческие проблемы (снижение стоимости товара, получение прибыли и производство новых товаров для повышения конкурентоспособности). Люди осознают необходимость реструктуризации экономики: из трех вышеприведенных коммерческих задач на первое место ставится наращивание производства. Схожесть экономического поведения населения различных российских регионов, несмотря на разнообразие мнений относительно геополитической и национально-этнической принадлежности, свидетельствует о силе и эффективности процесса «советизации» Калининграда. Она также показывает, что экономическая культура в области не страдает излишней консервативностью, несмотря на бывшую милитаризацию территории. Более того, в противовес широко распространенным представлениям свободная экономическая зона в Калининградской области воспринимается скорее позитивно (53 %) или нейтрально (37 %). Только 5 % опрошенных выразили свое негативное отношение СЭЗ. Позитивное ее восприятие характерно для группы А, а все другие взгляды для -группы Б. При этом существует одно отличие: позитивное восприятие чаще отмечается в сельской местности, а нейтральное или негативное в городах, как если бы отрицательные последствия существования СЭЗ больше всего проявлялись именно в городах.

Анализ мнений относительно потенциала экономического развития

Результаты опроса позволяют проследить, как население Калининградской области идентифицирует ее в экономическом плане. На основе ответов на вопрос о приоритетных направлениях развития можно выделить три группы респондентов. Первая отдает предпочтение рыбной промышленности (82 %) и агропромышленному комплексу (65 %). Состав этой группы довольно размыт, однако здесь чаще можно встретить представителей старшего поколения и сельчан. Вторая группа близка к группе А: здесь в качестве приоритетных областей развития отмечаются связь (62 %) и туризм (44 %). В третью группу входят представители практически всех категорий; предпочтение здесь отдается в основном добыче и обработке янтаря (59 %); судостроение и высокотехнологичные отрасли производства отмечаются как наименее важные.

Другой вопрос: каковы основные резервы развития Калининградской области? Практически все респонденты, особенно из группы А, главным потенциальным резервом называют доступ к Балтийскому морю. В среднем вторым по значимости многими опрошенными (несколько чаще из группы Б) называется добыча полезных ископаемых. Третьим резервом развития, особенно по мнению группы А (для молодежи — вторым), являются «близость к ЕС» и «природная среда» — без дальнейшей конкретизации. С точки зрения общественного мнения стратегическое положение области, квалифицированность и стоимость рабочей силы не представляют большой значимости для развития региона.

Напрашивается много интересных выводов. В экономическом плане Калининградская область идентифицируется в первую очередь с морем (доступ к Балтике, рыбная промышленность, портовая инфраструктура) и во вторую — с природными ресурсами (сельское хозяйство, янтарь, полезные ископаемые и «природная среда»). Другой вывод состоит в том, что, похоже, население сходится во мнении относительно многих отраслей и потенциальных резервов развития: все отмечают добычу и обработку янтаря и природную среду, многие — рыбную отрасль, агропромышленный комплекс, доступ к морю, полезные ископаемые. Однако

помимо этого «консенсуса» входящие в группу А также указывают потенциалы развития: портовую инфраструктуру, туризм, близость к ЕС. Менее распространенное мнение высказывается некоторыми респондентами, входящими в группу Б: военно-стретегическое положение. Все это должно помочь понять суть споров относительно направления развития Калининградской области. В общем и целом, несмотря на широкий спектр мнений по поводу специфики положения региона в рамках России, взгляды населения на его экономическое развитие совпадают с мнением жителей других провинциальных областей страны. Социальные и демографические факторы, несомненно, играют важную роль, схожую в своих проявлениях с ситуацией в обществах других экономических типов.

32. СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ И ФАКТОРЫ*

Электорат как социальная общность. Динамика поведения

Для определения места Калининградской области среди регионов России по особенностям политических взглядов населения обратимся к данным таблицы:

Результаты выборов в Государственную думу (17 декабря 1995 г.), % от участвовавших в выборах

Политические блоки, партии, движения	Калининградская область	Воронежская область	Красноярский край	Ленинградская область
«Яблоко»	8,3	4,5	7,0	16,2
«Демократический выбор России»	3,3	1,9	2,9	12,5
«Наш дом — Россия»	8,7	7,0	9,3	12,9
«Конгресс русских общин»	9,4	6,0	5,6	5,2
«Коммунистическая партия РФ»	19,7	27,3	19,2	13,4
«Коммунисты — рабочая Россия»	3,4	5,8	4,5	3,8
«Держава»	1,3	3,1	5,4	1,1
«Либеральная демократическая партия»	11,6	14,7	12,8	3,5
Участники выборов (% населения, имеющего право участия в выборах)	62,6	66,9	63,6	59,8

* *Клемешев А., Самсон И., Слободской А.* Калининградская область: диагностика кризиса / Под ред. И. Самсона. Калининград: Изд-во КГУ, 1998. Гл. 8. Население и социальные группы Калининградской области в условиях.

Результаты последних выборов в Государственную думу показывают, что политические взгляды людей, живущих в Калининградской, Ленинградской и Воронежской областях, а также Красноярском крае, достаточно отличаются друг от друга. Калининградцы занимают позицию где-то между коммунистически ориентированными воронежцами и демократически настроенным жителями Ленинградской области: в Калининграде поддержка коммунистов достаточно сильная, хотя многие избиратели голосовали за «Яблоко», «Демократический выбор России»; некоторой популярностью пользовался «Конгресс русских общин». Так какова же структура электората?

Электорат как особая социальная общность с собственным поведением начал формироваться в советском обществе с момента проведения первых свободных выборов 1989—1990 гг. По состоянию на 6.10.1996 г. численность избирателей в области составляет 714960 человек. К настоящему времени электорат стал единственной социально-политической силой, способной вносить коррективы в распределение влияния внутри властной элиты

Неблагоприятные социальные и экономические условия заметно повлияли на политическую активность населения. В регионе не удалось создать сколько-нибудь крупных политических организаций: максимум численности демонстрирует областная организация КПРФ, объединяющая 2200 членов. Снизилось участие граждан в выборах: если кампании 1989 —1991 гг. проходили при явке 70—75 % избирателей (80—83 % в сельской местности), то в 1993—1995 гг. к урнам для голосования приходило около 60 % потенциальных избирателей. При этом минимальный интерес вызвали выборы в Областную думу весной 1994 г. (34 %). Весной 1993 г. 54 % не могли указать партию, которая защищает их интересы, к лету 1993 г. 65 % респондентов отмечали усталость от политики и утверждали, что деятельность любого органа власти не соответствует их интересам.

Тем не менее политические симпатии населения не претерпели значительных изменений. В 1993 г. в ходе апрельского референдума около 60 % жителей региона, принявших в нем участие, поддержали Президента Б.Н. Ельцина. При этом вновь выявилось разделение электората региона на «продемократический» запад

(Калининград и приморская зона) и «оппозиционный» восток (Советск и литовское приграничье). В то же время референдум продемонстрировал противоречивость политической платформы населения области: так, лично за Б.Н. Ельцина было отдано 60 % голосов, за проводимый им социально-экономический курс — 54 %, за проведение досрочных президентских выборов — 50 %.

На протяжении 1993—1996 гг. жители региона использовали голосование в федеральные и региональные органы власти для выражения своего отношения к происходящему в стране. На парламентских выборах в декабре 1993 г. 28 % голосов избирателей области собрала ЛДПР, причем на оппозиционном северо-востоке края этой партии отдала предпочтение почти половина избирателей. Выборы по одномандатному округу завершились победой умеренного центриста Ю. Воеводы, а в Совет Федерации калининградцы делегировали лояльных Б. Ельцину политиков — В. Шумейко и главу областной администрации Ю. Маточкина. Таким образом, многие избиратели одновременно поддерживали оппозиционные партии и реформистские силы. Подобным образом на выборах в декабре 1995 г. только половина избирателей придерживалась жесткой ориентации на конкретную партию. Именно столько голосовавших поддержали в Калининградском округе кандидата того же избирательного объединения, которому отдали свой голос по партийным спискам. Так, КПРФ собрала по области 19,65 % голосов, а два ее представителя в одномандатном округе — 11 %. КРО получил в регионе 9,35 %, в то время как выдвинутый им претендент — 3,14 %. В свою очередь Аграрная партия России, которая получила поддержку менее 3 % избирателей по партийным спискам, в лице руководителя организации Г. Ватутина заручилась 5,12 % голосов тех, кто пришел на выборы. Во втором туре президентских выборов за Б. Ельцина проголосовали 58,17 % жителей области, за Г. Зюганова — 35 %; против обоих кандидатов проголосовало 6 % избирателей.

Политический марафон, стартовавший в конце 1995 г., завершали региональные выборы в октябре 1996 г. Усталость от затянувшегося периода политической активности, а также традиционно меньшее внимание граждан к процессам на местах сказались на их явке к избирательным урнам. Так, если на выборы депутатов

Государственной думы пришло 62 % калининградских избирателей, на первый тур президентских выборов — 70 %, то в региональных выборах участвовало менее половины потенциальных избирателей: 44 % в первом туре и 42 % во втором.

Социально-экономическая и политическая ситуация (задолженности по зарплате, военные действия в Чечне, болезнь Президента и др.) создавала благоприятные возможности для претендентов от оппозиции и усложняла положение представителей партии власти, которые в глазах избирателей несли ответственность не только за результаты собственной деятельности, но и за последствия политики федерального Центра.

Во второй тур губернаторских выборов вышли Ю.С. Маточкин (31,33 %) и Л.П. Горбенко (22,29 %). За Л. Горбенко закрепился популярный в народе образ «крепкого хозяйственника», человека дела, далекого от политики. Ему удалось привлечь на свою сторону больше политических союзников. Это обеспечило ему победу с 50,43 % голосов (Ю. Маточкин получил 41,14 % голосов, против обоих кандидатов проголосовало 8,44 % избирателей).

В 1997 г., согласно данным проведенного нами исследования, в той или иной степени политикой интересуются 48,8 % респондентов. При этом 42 % респондентов чувствуют недоверие к политике, 22,5 % — интерес, 24,4 % — надежду, 18,9 % — скуку, 15,2 % — отвращение, 11,9 % — страх. Более или менее близки к какой-либо партии 12,1 % опрошенных, совершенно далеки от партий 65,2 %. По-прежнему не пользуются особым доверием калининградцев органы федеральной власти: к Государственной думе испытывают доверие в той или иной степени 26,9 % опрошенных, 72,7 % ей не доверяют; более или менее доверяют федеральному Правительству 24,4 % респондентов, не доверяют — 77,1 %; президенту Б. Ельцину полностью или отчасти доверяют 23,8 % респондентов, полностью или отчасти не доверяют — 75,5 %. Рейтинг региональных органов государственной власти и местных властных структур выше: так, губернатору области Л. Горбенко в той или иной степени доверяют 55,9 % опрошенных, Областной думе — 43,2 %, мэру Калининграда (во время опроса — И. Кожемякину) — 56,1 % респондентов.

Особо следует отметить поведение молодежной части электората. На рубеже 1994—1995 гг. только 18—22 % молодых кали-

нинградцев доверяло исполнительной власти федерального, регионального или местного уровня. Около 70 % опрошенной молодежи региона вообще не интересовались политикой, так как она, по их мнению, не связана с решением наиболее актуальных для них проблем. В результате уровень политического участия молодежи в выборах гораздо ниже, чем у представителей старшего поколения. Если среди лиц от 18 до 30 лет свои избирательные права реализуют только 25—40 %, то граждане старше 50 лет демонстрируют 75—80 %-ную явку на голосование. В итоге при средней численности второй категории 35 % от общего числа потенциальных избирателей региона составляют половину реально голосующих (на местных выборах эта цифра поднимается до 55—60 %). Молодежь обеспечивает 13—15 % голосов на выборах, хотя ее потенциал в два раза выше — 28 % граждан, обладающих правом голоса. Среди тех 30 % молодых калининградцев, которые интересуются политической жизнью, симпатии к конкретным партиям на начало 1995 г. распределились следующим образом: 50 % — «Демократический выбор России», 25 % — ЛДПР, 25 % — движение «Женщины России». При этом молодые люди, как правило, не входили в данные политические организации.

Приведенный анализ показывает, что взаимодействие властной элиты и электората трансформируется: идет корректировка и совершенствуются методы направления поведения электората. Отсутствие сколько-нибудь четкой политической и экономической программы у любого кандидата (созданное губернатором Горбенко общественно-политическое движение носит название «Возрождение, развитие, согласие во имя достойной жизни человека») компенсируется возрастающими финансовыми затратами на проведение выборов.

С другой стороны, электорат начинает все более отчетливо понимать, что ему предлагают выбор не между позициями или программами, а между личностями с примерно одинаковым жизненным опытом и моральными ценностями, способными лишь в незначительной степени изменить обстоятельства жизни среднего человека. Различие между кандидатами все более оценивается как различие их финансовых возможностей. Предпочтение начинает отдаваться тем, у кого их больше. В свою очередь обладание финансовыми возможностями означает опору на ту или иную группу

внутри правящей элиты. В этом случае, выбирая того или иного кандидата, электорат в какой-то степени может прогнозировать, какая группировка внутри властной элиты получает преимущества и какое направление в развитии экономики может оказаться перспективным.

Как мы уже отмечали, электорат оказывается единственной силой, способной оказывать влияние на расклад сил внутри властной элиты. Практически это означает прямое взаимодействие «элита — население», не опосредованное интересами каких-либо социально-экономических или политических групп и партий. Однако это верно лишь отчасти. На региональной сцене начинают действовать реальные и потенциальные (обладающие неотрефлексированными возможностями) акторы (субъекты).

33. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ДОЛГОСРОЧНОМУ РАЗВИТИЮ*

В современных условиях сохранение роста культурного и образовательного уровня населения является одной из важнейших и сложнейших задач развития Калининградской области. Эта задача определяется общенациональными условиями и особыми местными факторами, такими как анклавность региона, его историческое прошлое, общие границы с зарубежными странами, уровень развития и структура региональной экономики, общее состояние социальной сферы, культуры и образования.

Общероссийская ситуация характеризуется следующими особенностями:

— финансовые проблемы вызваны общим кризисным состоянием российской экономики, и их решения лежат исключительно в процессе стабильного экономического подъема;

— содержательные проблемы связаны с потерей идеологических целей и отсутствием их достойной замены.

Существующий вакуум нередко заполняется худшими примерами западной (американизированной) массовой культуры. Постоянно недофинансируемая система образования теряет способность надлежащим образом выполнять образовательные функции.

Региональный аспект образовательного и культурного развития также включает в себя две вышеизложенных проблемы. Растущая экономическая и социальная дифференциация на региональном уровне объясняет разницу в возможностях финансирования образования и культуры, поскольку федеральные власти не могут полностью сгладить этот процесс, используя централизованные ресурсы. В большинстве регионов бюджетные ассигнования недостаточны для сохранения культурного и образовательного потенциала, не говоря о его развитии. В то же время регионы сейчас более независимы в поиске дополнительных источников

---

* *Бенсаль Л., Клемешев А., Кузнецова И., Федоров Г., Фонтанель Ж., Шишкин И.* Калининградский регион 2010: потенциал, концепции и перспективы / Под ред. И. Самсона; Ун-т Пьера Мендеса Франса.. Гренобль, 2000. Гл. 10. Образовательные и культурные требования к долгосрочному развитию.

финансирования (региональные налоговые и таможенные льготы, участие в международных программах и т. д.).

Что касается Калининградской области, региональный аспект исключительно важен, и его как положительные, так и отрицательные стороны должны приниматься во внимание при целостном развитии культурных и образовательных программ. Поскольку поступления в местные бюджетные фонды изыскиваются на фоне более глубокого экономического спада, чем в среднем по России, объемы финансирования социальной сферы из областных источников далеки от необходимого. Отчисления из федерального бюджета также недостаточны. С другой стороны, область обладает бóльшими возможностями по сравнению с другими регионами для получения международной помощи через различные программы и фонды.

В оценке регионального образовательного и культурного компонента также не существует единого мнения. Особый характер формирования регионального социума, его недолгая история и территориальная изоляция объясняет многие сложности, специфические для области. В то же время особенность ситуации диктует необходимость проявления большей гибкости местным населением и его более быстрой адаптации к новой социально-экономической среде. Региональная образовательная и культурная политика, направленная на построение желаемой модели (которую все еще предстоит создать), может оказать позитивное воздействие на этот процесс. Объект данного исследования — изучение региональных компонентов культурной и образовательной политики, определяемых особым геополитическим и историческим потенциалом Калининградской области. Цель исследования — предоставить рекомендации по формированию культурной и образовательной политики, а также по использованию возможностей для поддержания культурного и образовательного уровня населения, предлагаемых международными программами (такие меры являются предметом обоюдного интереса российских и зарубежных партнеров).

Культурная политика

В Европе в настоящее время культура является важным фактором развития и интеграции. Формирование общеевропейской на-

циональной самобытности связано с созданием общей культуры и основано на истории и традициях. Европейский союз поддерживает взаимное распространение культур и традиций различных регионов и наций, сохранение культурного и исторического наследия, стимулирует культурные обмены, художественное и литературное творчество. Диалог и сотрудничество с культурами других стран мира всецело поощряется. Между различными регионами в этих сферах установилось сотрудничество, особенно в исторической, архитектурной, индустриальной и ремесленнической сферах (городское, археологическое, религиозное, военное и т. д.).

Культурные компоненты распределены между художественным и литературным творчеством, образованием, наукой, гражданственностью, наследием, окружающей средой, демократией и качеством жизни. Развитие компонентов гражданственности и демократии является важной частью национальной культуры. Обучение гражданственности некоторыми авторами определяется как набор методов и видов деятельности, направленных на предоставление молодежи и взрослому населению знаний и средств для активного участия в демократической общественной жизни, принимая и используя свои права обязанности в обществе. Развитие гражданственности осуществляется на основе четырех главных направлений: политического (политические права), социального (солидарность), экономического (права на трудовую деятельность и минимальный прожиточный уровень) и культурного (осознание общего культурного наследия).

Сфера культуры была хорошо развита в СССР, и сегодня сеть культурных учреждений все еще активна, несмотря на финансовые трудности. Но этот сектор должен поддерживаться для продолжения его деятельности. Развитие сферы культуры — сегодня серьезная, но сложная задача, стоящая перед Калининградской областью. Она состоит из следующих компонентов:

— на протяжении истории культура Калининградской области переживала тяжелые времена. Эта земля принадлежала многим государствам, каждое из которых привнесло сюда часть собственной культуры, что послужило причиной сильной стратификации. Сегодня жители Калининградской области должны признать это наследие и интегрировать его в свою культуру;

— в настоящее время население Калининградской области формируется из выходцев из разных регионов России, которые, храня различные национальные традиции и уклад жизни, должны жить друг с другом;

— Калининградская область — окруженный территорией европейских государств внешний российский регион, который вынужден вести диалог одновременно как с Россией, так и с Европой;

— в дополнение Калининградская область в течение долгого времени была закрытой территорией и сейчас должна развивать отношения с зарубежными странами, особенно с соседними, чтобы стать более открытой;

— данная ситуация существует сегодня в контексте переходных процессов, которые открывают новые возможности, но и одновременно создают многие сложности.

. . .

Когда будущее Калининградской области находится в центре внимания, оно обычно ассоциируется с развитием региона в качестве свободной (Особой) экономической зоны. Во главу угла должен ставиться следующий постулат: Калининградская область является неотъемлемой частью Российской Федерации. Данный принцип определяет природу структурных изменений в региональной экономике, роли, которую область играет во всероссийских экономических процессах, и политику государства в регионе. Совершенно очевидно, что все реформы, предложенные на основе принципа СЭЗ, осуществимы лишь в том случае, если население психологически и профессионально подготовлено в них участвовать, и формирование общественного сознания в большой степени зависит от существующей культурной среды. Таким образом, культурная политика в регионе должна служить интересам государства и нуждам населения. Тогда основным принципом такой политики логически должно стать сохранение и развитие российской культуры, направленное на усиление российского присутствия в регионе.

В Калининградской области само значение фразы «сохранение культуры» несколько отличается от ее значения в любом другом регионе страны. Здесь культурный уклад формировался сто-

летиями. Будучи в своей основе германским, он, несомненно, претерпевал изменения во взаимодействии с национальными культурами других жителей края: поляков, литовцев, швейцарцев, французов и австрийцев, которые иммигрировали сюда в XVIII в., а также венгров и менонитов из разных стран, которые искали в этом уголке Европы убежища от религиозных гонений. С тех времен еще сохранились религиозные и светские знания, а также сотворенный трудолюбием людей ландшафт. Сегодня область населяют представители около ста национальностей, но русские составляют большинство (78 %).

Мигрируя из различных частей Советского Союза, эти люди приносили свои традиции, обычаи, профессиональные навыки и поведенческие стереотипы. Сплав знаний и национальных традиций создал интересный культурный пласт, не только характеризующий повседневную жизнь, но и нашедший свое отражение в фольклоре.

Существует и другой важный аспект деятельности по сохранению культуры — реставрация памятников архитектуры. Среди исторических зданий большая доля приходится на церкви. Многие из них были переданы различным конфессиям, но в основном Русской православной церкви. Передача церквей от одной конфессии другой довольно обычна для Европы, где во времена Реформации многие римско-католические храмы стали протестантскими. Кенигсбергский собор изначально был католическим храмом, но после обращения всей Восточной Пруссии стал лютеранским. Внешний облик храма подвергся незначительным изменениям, а внутреннее убранство стало более аскетичным. В России подобных процессов не происходило, и православные церкви сильно отличаются от таких храмов. Таким образом, происходит не только их реставрация, но и трансформация. Реставрация подразумевает трансформацию и является одним из основных элементов модели сохранения культурного наследия.

Интерьер концертного зала Калининградской филармонии изменился, в нем создалась особая атмосфера.

Кафедральный собор все еще находится в процессе реставрации, заполняется новыми элементами, такими как православные и лютеранские часовни, музей И. Канта, созданный с участием Ка-

линингрaдского государственного университета, музей истории собора и Кнайпхоффа, концертный зал Валленродской библиотеки. С октября 1998 г. собор стал новым культурным и духовным центром, где под восстановленной кровлей организуется множество культурных мероприятий.

Культурное развитие должно рассматриваться как сложный процесс. Современный анализ культурной жизни области показывает, что административно-бюрократические структуры затрудняют, если не сводят на нет, многие стоящие начинания. Профессиональное или любительское искусство развивается по своим внутренним законам, и старые бюрократические методы управления здесь неприемлемы. Среди положительных примеров можно назвать региональный центр искусств, который в мае 1994 г. был выведен из подчинения комитета по культуре и историческому наследию. Все профессиональные организации искусств отделились и управляются советом директоров, который материализовал усилия по созданию проектов, сочетающих различные жанры и виды искусства, таким образом достигая новой ступени культурной жизни. Смена организационной формы в деятельности учреждений культуры и искусства способствует реализации принципов, связанных с сохранением и развитием российской культуры в Калининградской области.

Но для того, чтобы ОЭЗ стала реальностью, а также для того, чтобы Калининградская область превратилась в регион сотрудничества, одинаково важно как для государства, так и для граждан реализовать еще один основной принцип: обеспечить влияние российской культуры на соседние страны для создания привлекательного образа российского государства и его жителей. Активная культурная политика в странах Прибалтики имеет для российских общин первостепенное значение, поскольку поддерживает их, помогая сохранить российский культурный менталитет и связи с исторической родиной. Должным образом организованные культурные связи с соседними государствами стимулируют интерес, доверие и уважение к России. Проведение Дней российской культуры в Литве полностью подтвердило это заключение. Схожие процессы последуют в будущем.

34. ЭКСКЛАВНОСТЬ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ОБЛАСТИ*

Эксклавность региона — не вполне оцененный фактор не только экономического, но и социального развития. Синдром эксклава, обусловленность региональной специфики формирующейся социально-территориальной общности эксклавным положением требует детального изучения. Не только население области не может не испытывать чувство отделенности, пространственной изолированности от основной части страны, но и жители других российских регионов (и, видимо, лица, принимающие управленческие решения на федеральном уровне) часто воспринимают область как особую (а иногда, возможно, и не вполне российскую). Статус области как Особой экономической зоны, призванный смягчить недостатки ее эксклавного положения, подтверждает и усиливает эту «особость» региона.

Не ведет ли эксклавное положение области к качественному обособлению ее жителей от всего российского населения?

Попытки доказать формирование на территории региона особой территориальной общности населения, качественно отличающейся от социально-территориальных общностей других российских областей, предпринимаются. Так, Н.В. Андрейчук и Л.М. Гаврилина утверждают, что современная социокультурная реальность Калининградской области такова, что, на наш взгляд, позволяет допустить в качестве гипотезы возможность формирования здесь особой этнической общности. Во всяком случае, мы полагаем уместным использовать в этом контексте термин «этнокультурный феномен».

В этнокультурном феномене в полном объеме реализуются два типа связей: *человек — культура и культура — человек:* «переселенец» сотворил и творит культуру Калининградского региона, она же, в свою очередь, «творит» личность жителя области»[1].

---

* *Клемешев А.П.* Калининградская область в российско-европейском диалоге // Космополис. 2005. № 3 (13). С. 57—72.

[1] См.: *Андрейчук Н.В., Гаврилина Л.М.* Инкультурация личности в условиях калининградского социума / Калининградский социум в европейском контексте. Калининград, 2002.

Имеют ли значение остатки материальной культуры, присущей досоветскому периоду развития этой территории? Конечно, если бы они не играли никакой роли, никто не занимался бы уничтожением Королевского замка в областном центре спустя четверть века после окончания войны, а разрушенные памятники истории были бы давно восстановлены. Но до начала 1990-х гг. навязывалось негативное восприятие немецкого прошлого территории и всего, что от него осталось в области в виде разрушающихся руин замков и соборов. Сейчас ситуация изменилась. А. Сунгуров, использующий (следуя введшему это понятие российскому физиологу и мыслителю А.А. Ухтомскому и развившему его М.М. Бахтину) понятие «хронотоп» как единство конкретного пространства и времени, попытался применить его при изучении Калининградской области. Он проводит аналогию происходящих в области процессов с феноменом, описанным Р. Брэдбери в «Марсианских хрониках», когда переселенцы с Земли постепенно стали воспринимать культуру давно погибших жителей Марса (уже не застав их, но обитая в их культурном ландшафте)[1].

Думается, это преувеличение. Население области прекрасно осознает, что речь идет о материальных остатках другой, чужой культуры. Тем не менее ее сохранение, формирующееся бережное отношение к замкам и кирхам, изучение истории края обогащают и культуру калининградского социума, остающегося, безусловно, качественно таким же, как социумы других областей России.

Результаты выполненного нами обследования (см. табл.) показывают незначительную долю идентификаций опрошенных с общностями «европеец» и «гражданин мира». Причем обследование 2004 г. по сравнению с предыдущими показывает особенно малую долю идентифицировавших себя с этими социально-территориальными общностями. Полученные данные дают основание утверждать, что самоидентификация жителей Калининградской области далека от того, чтобы считать калининградцев в большей мере «европейцами», чем жителей других российских регионов.

[1] См.: *Сунгуров А.* Хронотоп Калининградской области и сособенности развития политических процессов в регионе // Россия и Европейский союз. М., 2004. С. 246.

Динамика самоидентификации населения Калининградской области с социально-территориальными общностями, 2001—2004 гг., % опрошенных

Социально-территориальная общность	2001	2003	2004
Локальная общность (Я — калининградец, советчанин и т. д.)	32,2	27,5	40,0
Регион (Я — житель Калининградской области)	28,0	21,2	19,9
Страна как целое (Я — житель России)	24,6	31,5	32,5
Европа (Я — европеец)	2,6	7,6	2,4
Мир как целое (Я — гражданин мира)	6,6	6,7	4,1
Не знаю	5,5	6,7	1,0
Итого	100	100	100

Еще один вывод из приведенных в таблице данных показывает усиление роли локальных общностей (городов, поселков) по сравнению с региональной (областью). Можно констатировать меньшую значимость объединяющих регион социальных связей по сравнению со связями, присущими локальному уровню. Это, между прочим, подтверждает важность начавшейся в стране муниципальной реформы, предполагающей повышение значения местного самоуправления в системе управления территорией. Но в то же время следует предположить и ослабление региональной идеи, которая могла бы способствовать консолидации калининградского социума. Определенное время такую роль выполняла идея свободной (Особой) экономической зоны. Сейчас же в идеологическом обеспечении регионального развития ощущается явный дефицит.

Формируясь сегодня в условиях зарубежного окружения, калининградский социум не может не испытывать влияние соседей. Это дополняет воздействие неоднородности состава населения и эксклавности на формирование менталитета калининградцев и возникновение специфической этнографической общности, отличающейся от населения других областей России. Специфика калининградского социума выявлена пока не в полной мере, но его более глубокое изучение необходимо для проведения социально-культурной и образовательной политики в регионе, учитывающей его роль как цивилизационного форпоста России на Западе.

35. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ*

Социальные аспекты региональной стратегии имеют в Калининградской области особую значимость. Возможное усиление отставания в уровне и качестве жизни от регионов соседних стран после их вхождения в Европейский союз, оказывающий серьезную финансовую поддержку отстающим регионам, является одним из факторов, актуализирующих разработку эффективной стратегии развитии Калининградской области.

При отсутствии в регионе серьезной сырьевой базы решающим фактором регионального развития могли бы стать квалифицированные трудовые ресурсы. Многие концепции и сейчас рассматривают наличие квалифицированных кадров как серьезную предпосылку развития экономики Калининградской области. К сожалению, мнение о высоком качестве трудовых ресурсов региона сейчас не всегда соответствует действительности. И по степени подготовки, и по навыкам трудовой деятельности (включая дисциплинированность) население области, по-видимому, уступает уровню развитых европейских стран. И это неудивительно, поскольку экономическая система и отраслевая структура производства претерпели за 1990-е годы качественные изменения. А положение в социальной сфере, в системе образования, науке в целом ухудшилось, их несоответствие запросам экономики усилилось. В этом заключается один из факторов, определяющих особую важность социального компонента региональной стратегии.

Не менее важным является вопрос ее адресности. На какие основные социальные группы рассчитана нынешняя стратегия Особой экономической зоны, предлагаемые стратегии «пилотного региона» или «региона сотрудничества»? Практически только на предпринимательские круги (и прежде всего — на представителей

---

* *Клемешев А.П., Козлов С.Д., Федоров Г.М.* Остров сотрудничества: Монография. Калининград: Изд-во КГУ, 2002.

крупного и среднего бизнеса), которым предлагаются более благоприятные условия хозяйственной деятельности, а именно — льготы федерального и регионального законодательства, федеральные инвестиции, международная помощь. Однако предприниматели (даже если к таковым относить индивидуальных частных предпринимателей, использующих только собственный труд и капитал) отнюдь не составляют большую часть населения области. И нигде в развитых странах тоже не составляют. Основная часть работников в государствах, скажем, Европейского союза — лица наемного труда. Что гарантируют наемным работникам предлагаемые региональные стратегии? Предоставляют ли возможности какого-либо выбора?

Какие перспективы у фермеров? У рыбаков, машиностроителей, швей? У учителей и медиков? Что ожидает пенсионеров и «занятых в личном подсобном хозяйстве»? Студентов и учащихся? Безработных?

Правда, можно сказать, что решение проблем экономического роста приведет к созданию новых рабочих мест, увеличению заработной платы, доходов бюджета, а потому к повышению пенсий, социальных выплат и пособий. Но такой неконкретный подход вряд ли удовлетворит названные категории населения. Он и не удовлетворяет, о чем свидетельствуют крайне вялые отклики граждан на заявленные стратегии.

Конечно, можно сослаться на то, что кредит доверия исчерпан, и никакая стратегия не способна вызвать доверие населения. Но можно и попытаться найти дифференцированный подход к разным категориям людей, заинтересовав их ответом на их насущные вопросы, — ведь без поддержки населения, без позитивного настроения в обществе реализовывать любую стратегию крайне сложно.

Уменьшение социального неравенства. Социальная политика (которую еще предстоит обосновать) должна решать две взаимосвязанные задачи. Первая из них — улучшение положения наименее обеспеченных слоев (дифференцированная социальная поддержка). Не менее важна и вторая задача, на которую обращается пока значительно меньше внимания, — создание возможностей перехода все большей части населения из менее обеспеченных групп в более благополучные. То есть речь идет о стимулирова-

нии людей к получению более значительных доходов с учетом возможностей, которыми располагают представители различных слоев, и их поддержки со стороны государства.

Уровень доходов населения крайне низок, особенно в сравнении с соседними странами. Многими экспертами высказывается мнение (с которым мы согласны), что поддержка прибалтийских стран со стороны ЕС позволит им ускорить социально-экономическое развитие, и отставание Калининградской области от соседей может возрасти. В центре процветающей Европы возникнет кризисный регион, вносящий нежелательную нестабильность. Конечно, возможное отставание в темпах развития от соседних регионов крайне нежелательно и для властей Калининградской области, и для федерального Центра. Поэтому стратегия ускоренного роста экономики региона, каковой может стать стратегия «региона сотрудничества», могла бы стать выходом из сложившейся ситуации.

Если нынешние процессы усиления социального неравенства в регионе будут развиваться, то даже при росте количественных показателей производства продукции социальное положение основной части населения области будет ухудшаться. Здесь необходимо государственное вмешательство, направленное на повышение уровня жизни населения, улучшение ее качества и сглаживание социальных различий.

К числу наиболее важных относятся меры по поддержке семей с малолетними детьми, а также совершенствование системы социальной помощи престарелым. Специальные вопросы, особенно обострившиеся в последнее время, — создание эффективной системы воспитания и социализации детей-сирот и инвалидов.

Особую опасность представляет разрастание маргинального слоя — с нищетой, преступностью, социально обусловленными болезнями. В области уже осуществляется ряд мер по борьбе со СПИДом и наркоманией, в том числе с международной помощью. Однако речь идет о более широкой социальной политике ликвидации условий маргинализации и усилении воспитательного компонента всех звеньев образования.

Итак, необходим учет фактора дифференцированности регионального социума. Более того, нужно учитывать интересы и возможности различных социальных слоев (а не абстрактного социального фактора), а также существенно различающихся не только

по социальным, но и другим (возрастным, половым, профессиональным, национальным) параметрам групп населения. Стратегия регионального развития должна дать ориентиры, цели и способы их достижения для каждой группы. В идеале каждый человек должен найти свое место в этой стратегии, но, поскольку такой идеал недостижим (хотя бы из-за наличия асоциальных групп), нужно определить перспективы для всех основных групп. В противном случае неизбежное нарастание социальных противоречий может привести к крайне негативным последствиям — взрывам недовольства, примеры которых легко найти не только в мировой, но и в отечественной истории.

Полагаем, что «стратегия сотрудничества» может быть модифицирована таким образом, чтобы привлечь интересы большинства слоев населения региона. Однако для этого необходимо провести значительную исследовательскую работу, чтобы апробировать те здравые идеи, которые сейчас можно высказать на основе теоретического анализа и некоторого опыта, например, предвыборных мероприятий, позволивших выявить интересы многих групп населения. В основе предложений должно также лежать изучение социальной стратификации территориально-социальной общности, регионального социума и тех проблем, которые характерны для различных социальных групп.

36. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ КАЛИНИНГРАДСКОГО СОЦИУМА *

Важнейшую роль в оценке устойчивости формирующегося социума приобрела сейчас глубокая социальная дифференциация населения. Формируются слои общества, практически не имеющие общих интересов и вряд ли понимающие интересы друг друга. Их доходы и, соответственно, расходы качественно различаются.

В 1990-е гг. усилилась социальная дифференциация населения России. Официальные данные по Калининградской области о различиях в уровне доходов населения показывают меньшую, чем в среднем по стране, но растущую дифференциацию. Так, 10 % наиболее обеспеченного населения в 1999 г. получали доходов в 6,4 раза больше, чем 10 % наименее обеспеченных (против 13,9 раза в России). К третьему кварталу 2002 г. это соотношение увеличилось до 10,7 раза, но все равно остается намного меньшим, чем в среднем по Российской Федерации[1].

В результате выполненного Калининградским госуниверситетом летом 2003 г. исследования получены следующие данные о среднедушевых доходах населения (см. табл.).

Сравнивая полученные нами и официальные цифры, можно отметить, что, по данным Калининградского областного комитета государственной статистики, в 3-м квартале 2002 г. прожиточный минимум составлял 1889 руб. и 40,5 % населения имели доходы ниже этой величины. До 1000 руб. в месяц имели доходы 11,4 % населения, 1000—2000 руб. — 32,5 %. К сожалению, для более высоких доходов в справочнике приводятся только градации: 2000—3000 руб., 3000—4000 руб. и далее — свыше 4000 руб., что не позволяет провести какой-либо анализ для 18,4 % населения с более высокими, чем 4000 руб., доходами.

---

* *Клемешев А.П., Козлов С.Д., Федоров Г.М.* Особая территория России: Монография. Калининград: Изд-во КГУ, 2003.

[1] *Социально-экономическое* положение Калининградской области в 2002 году. Калининград: Калинингр. обл. комитет гос. статистики, 2003. С. 137.

Уровень дохода на одного члена семьи в месяц в населенных пунктах разного типа

Уровень дохода (руб.)	Кол-во человек (%)			
	Калининград	Малый город	Село	Вся выборка
До 1000	2,0	4,4	17,9	6,9
1000—2000 *	24,5	27,7	39,3	29,3
2000—5000	40,8	38,0	25,6	36,0
5000—10000	21,4	14,6	2,6	14,4
10000—15000	2,6	2,2	0,9	2,0
Более 15000	1,0	0,0	1,7	0,9
Затрудняюсь ответить	7,7	13,1	12,0	10,4

*2000 руб. — примерный размер официально установленного прожиточного минимума на момент обследования.

В целом можно заметить, что полученные нами данные о доходах выше официальных (это не может быть объяснено только ростом доходов за три квартала, прошедших между опубликованными и нашими данными; полагаем, что нам удалось более полно учесть доходы от неформальной экономики).

По нашим оценкам, около 3 % наиболее обеспеченного населения области (с доходами более 10 тыс. руб. на душу населения в месяц, что по паритету покупательной способности примерно соответствует более 1200 долларам[1]), не считая криминального сектора, не только ориентируется на уровень жизни среднеобеспеченных слоев развитых стран Европы, но и живет на этом (иногда и более высоком) уровне. Это крупные и средние предприниматели (в том числе занятые в «теневой» экономике), часть представителей творческих профессий, отдельные высококвалифицированные специалисты.

Пятнадцать процентов жителей (с доходами 5—10 тыс. руб. в месяц, 600—1200 долларов по паритету покупательной способности) можно отнести к так называемому среднему классу, хорошо обеспеченному (по российским меркам) и ориентирующемуся на средний класс Запада. Это основная часть индивидуальных пред-

[1] При паритете покупательной способности 1 доллар = 8 руб. (официальный курс: 1 доллар ≈ 30 руб.).

принимателей (большая часть доходов которых относится к неформальной экономике) и государственные служащие.

Тридцать пять-сорок процентов населения (доходы 2—5 тыс. руб. в месяц, 250—600 долларов) — бедные, удовлетворяющие лишь минимальные жизненные потребности. К ним принадлежат относительно (по сравнению с большинством) высокооплачиваемые лица наемного труда, а также часть мелких и индивидуальных предпринимателей. Эта группа за последние насколько лет, когда происходит экономический рост и повышаются доходы населения, увеличилась вдвое за счет перехода в нее населения из следующей группы.

И, наконец, 35—40 % населения относятся к категории живущих за чертой бедности, их доходы не достигают прожиточного минимума. Это практически все пенсионеры, так называемые «бюджетники» (за исключением имеющих отношение к неформальной экономике), значительная часть лиц наемного труда в негосударственном секторе. Столь высокая доля бедных объясняется не только экономическим кризисом, но и тем, что в условиях социальной незащищенности наемных работников работодатели расходуют на заработную плату лишь 10—15 % от себестоимости продукции, тогда как в развитых странах — не менее 30 %, чаще 40, а в некоторых государствах до 50 %.

Среди живущих за чертой бедности выделяется несколько подгрупп, отличающихся источниками существования и размерами доходов, в том числе категория не имеющих постоянного дохода и места жительства. Социальная политика по отношению к каждой из групп и подгрупп должна дифференцироваться, что требует детального их изучения.

Социальная политика (которую еще предстоит обосновать) должна решать две взаимосвязанные задачи. Первая из них — улучшение положения наименее обеспеченных слоев (дифференцированная социальная поддержка). Не менее важна и вторая задача, на которую обращается пока значительное меньше внимания, — создание возможностей перехода все большей части населения из менее обеспеченных групп в более благополучные. То есть речь идет о стимулировании к получению более значительных доходов с учетом возможностей, которыми располагают представители различных слоев, и их поддержки государством.

37. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОГО СОЦИУМА*

Проблема формирования территориально-социальных общностей-социумов — на мезоуровне изучена в нашей стране совершенно недостаточно. Это обусловлено и сравнительно недавним возникновением отечественной региональной социологии и социальной географии, которые получили некоторое развитие лишь в 1970-е гг., и недостаточным знакомством с зарубежными исследованиями, и длительным затушевыванием нараставших социальных и этнических противоречий в советском обществе.

В настоящее время глубокие исследования затруднены не только неудовлетворительным финансированием российской науки, в том числе и общественной, но и негласным сдерживанием анализа углубляющейся социальной дифференциации общества, нарастания многочисленных проблем, отражающих ухудшение качества жизни многих слоев населения.

Неудовлетворительно статистическое обеспечение исследований; до 2002 г. отложено проведение Всероссийской переписи населения, а текущий учет не отслеживает многочисленные новые явления и процессы, определяющие современное развитие общества. Вне учета остается огромный его пласт, скрываемый неформальной экономикой, размеры которой оцениваются различными источниками в пределах 30—50 % валового внутреннего продукта, а в ряде регионов, включая Калининградскую область, еще большими величинами.

В течение 1990-х гг. мы пытаемся отследить, насколько это возможно, развитие калининградского социума[1]. Соответствующие рекомендации направлялись областным органам власти. Од-

---

* *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Калининградский социум // Регион сотрудничества. Вып. 15. Калининград: Изд-во КГУ, 2001.

[1] См.: *Калининградская* область: Диагностика кризиса. Калининград; Гренобль; Москва, 1998; 2000; *Клемешев А., Люейер П., Федоров Г.* Управление региональным развитием. Калининград, 1999; *Бильчак В., Самсон И., Федоров Г.* Калининградский полюс интеграции. Гренобль; Калининград, 2000.

нако острота проблемы и законодательными, и исполнительными управленческими структурами осознана все еще недостаточно. Глубина социального кризиса затушевывается необъективными оценками прожиточного минимума, безработицы, темпов экономического роста. Пассивность населения, не имеющего опоры в виде таких присущих демократическому обществу структур, как партии, профсоюзы и общественные организации, и потому почти прекратившего забастовочную и иную борьбу за улучшение условий труда и жизни, не стимулирует развитие исследований социальной структуры общества.

Однако актуальность исследований калининградского социума возрастает. Помимо общих для страны факторов социальной и этнической дифференциации, этому способствует ряд факторов, которые и сами по себе изучены недостаточно или односторонне. Среди них — эксклавность региона, его соседство с зарубежными странами, интеграционные процессы в Европе, приток переселенцев из стран ближнего зарубежья, резкое изменение структуры экономики, особая развитость теневого сектора, обострение проблем наркомании и алкоголизма, СПИДа и других социально обусловленных болезней, преступности.

Предстоящее превращение Калининградской области в анклав внутри расширяющегося Европейского союза, каковым она станет после скорого вхождения в ЕС Польши (уже являющейся членом НАТО) и затем Литвы (которая также намерена войти и в НАТО), может иметь следствием увеличение разрыва в уровне жизни населения региона по сравнению с соседями. При определенных условиях это приведет и к усилению визового режима на границах области, восстановлению здесь (как и в целом на западных границах России) нового, «бархатного» занавеса, о котором уже говорят некоторые западные, а вслед за ними и отечественные политологи, социологи и геополитики.

Нужно, прежде всего, отметить, что само наличие сформировавшейся территориально-социальной общности — социума — в Калининградской области, требует доказательств. Население региона качественно отличается от социумов, существование которых не вызывает сомнения, — москвичей, петербуржцев, новгородцев, псковичей, смолян и всех других территориальных общ-

ностей, соответствующих областям Европейской части Российской Федерации. Но является ли внутреннее единство населения Калининградской области достаточно прочным для того, чтобы соответствующую территориально-социальную систему считать органической, устойчивой, каковой должен быть социум? Сумел ли за 56 лет, с момента прибытия сюда из других регионов страны первых жителей нынешней Калининградской области, сформироваться социум, или население региона представляет собой лишь конгломерат, хотя и непохожий на какую-либо другую российскую область, но не имеющий традиций, устойчивых социальных связей, элементов региональной культуры?

Если исходить из получившей за последние два десятилетия популярность теории этногенеза Л.Н. Гумилева, то население области вряд ли может претендовать на принадлежность к особой этнографической группе. Скорее для этого подходит термин «химера» — искусственное и неустойчивое образование, подверженное внешним воздействиям, не имеющее внутренних источников долговременного развития. Сформировавшись вне связи с вмещающим ландшафтом (а такая связь необходима для возникновения этносов), население области не может претендовать на принадлежность к особой этнографической группе. Должно смениться несколько поколений, чтобы связи населения и территории стали устойчивыми, повторяющимися, закономерными.

Этнос — обычно этно-территориальная общность, но территориальное единство необходимо при образовании этносов, тогда как в последующем иногда, хотя и редко (по крайней мере, редко в течение продолжительного времени, измеряемого столетиями), этносы способны сохраняться (и развиваться) и без единства территории. Наиболее характерные примеры — евреи, армяне, цыгане. Трудно обнаружить единый для таких этносов признак, составляющий основу сохранения ими этнического самосознания (что, по Л.Н. Гумилеву, и определяет наличие этноса) на территории, где господствуют другие этносы (такое состояние этносов носит название *рассеяние, диаспора*).

Социум — социально-территориальная (территориально-социальная) общность, объединяемая социальными связями и общностью территории. Обычно речь идет о социумах, соответствующих определенному населенному пункту. Реже — региону, об-

ласти, административному району (нескольким районам, части района). Хотя административное единство не обязательно, но чаще всего оно имеет место хотя бы из-за простоты статистического анализа территориальных общностей.

Являются ли калининградцы единым социумом? Можно ли их рассматривать как этнографическую группу (обособленную часть этноса, имеющую все его признаки, но в то же время недостаточно отличающуюся от этноса в целом — настолько, чтобы различия позволяли говорить об отдельном этносе).

Мы попытаемся доказать, что калининградский социум формируется, но находится на самой начальной стадии формирования. Он может в итоге и не сформироваться, хотя для этого, на наш взгляд, должны существовать совершенно экстремальные условия.

Что касается калининградского этноса, то для его гипотетического формирования, даже при самых благоприятных для этого условиях, видимо, требуется намного большее время, чем 56 лет, которые прожили на этой территории первые переселенцы. И даже для образования особой этнографической группы, объединяющей основную часть жителей Калининградской области, времени прошло еще недостаточно. Для доказательства этого мы рассмотрим исторические аналогии, хотя бы на примере той же самой территории.

Пруссаки за более чем 700 лет проживания здесь так и не стали отдельным от немцев этносом. Но этнографической группой они, несомненно, являлись, образовавшись, как и калининградцы, из переселенцев, прибывших из самых разных регионов и являвшихся представителями разных этнографических и даже этнических групп. В процессе становления этнографической группы в Восточной Пруссии происходили процессы ассимиляции автохтонного населения, тогда как практически все представители нерусского населения Калининградской области (22—23 %), как и русские, были переселенцами.

Конечно, всякие исторические аналогии относительны и иногда опасны для выявления истины, в особенности присущей совсем другому времени. Трудно сказать, как будут развиваться этнические процессы в будущем с его все более насыщенным информацией пространством. Тем не менее трудно устоять от искушения рассмотреть несколько исторических примеров.

Для превращения американцев США в самостоятельный этнос, образовавший независимое государство, потребовалось пол-

тора века. Примерно столько же времени прошло с того времени, когда восточнославянские племена, утратив древнерусское единство, стали тремя этносами — русским, украинским и белорусским. Хотя, при некоторых условиях (при общности исторической судьбы), из них мог бы сформироваться и единый этнос.

Говоря о балтийских племенах аукштайтов, жемайтийцев, латгалов, земгалов, куршей, пруссов, также можно отметить потенциальную возможность формирования из них единого этноса. Эта возможность была утрачена в первой половине XIII в. Пруссы и курши были частью уничтожены, частью ассимилированы немцами — будущими пруссаками. Латгалы и земгалы в условиях немецкого господства сумели сформировать латышский этнос. Аукштайты и жемайты в борьбе против немецкой экспансии создали литовский этнос.

Понятие социума не обязательно предполагает этническую общность и не совпадает с этнографической группой. Но и одного лишь проживания людей на определенной территории недостаточно для того, чтобы утверждать о наличии устойчивой территориально-социальной общности, то есть социума. В обыденном сознании различия проявляются, например, в идентификации субъекта с местом рождения («коренной москвич», «урожденный петербуржец»). Видимо, можно утверждать, что если большинство жителей являются коренными уроженцами данной территории, то социум сформирован. В Калининградской области более половины жителей не являются ее уроженцами, и данный признак не в пользу положительного ответа на вопрос о наличии социума калининградцев.

Социологами используется также метод самоидентификации населения, когда в ходе обследований респонденту предлагается ответить на вопрос, к какой территориально-социальной группе он себя относит. Подобное обследование было выполнено Всероссийским центром исследования общественного мнения в июне 1997 г., в ходе реализации проекта ТАСИС «Глобальный план развития Калининградской области до 2010 года»[1].

[1] В 1996 г. аналогичные обследования были проведены в Ленинградской, Воронежской областях и Красноярском крае, что позволило произвести сопоставления регионов (См.: *Калининградская* область: диагностика кризиса. Калининград, 1998. С. 296-297).

На вопрос о чувстве принадлежности к населенному пункту, району, области или всей России респонденты, как и в других регионах России, отмечали, что самое сильное чувство принадлежности испытывают по отношению к своему населенному пункту (37 %) и России (40 %). Чувство принадлежности к области оказалось выражено несколько сильнее среднего показателя: 16 % опрошенных заявили, что самым сильным у них является чувство принадлежности к области (по сравнению с 8 % в Красноярском крае, 11 % в Воронежской области и 4 % в Ленинградской). Чаще всего чувство принадлежности к области выражается людьми старше 50 лет и жителями малых городов и сельской местности. Большинство опрошенных не хотят покидать эти места и переезжать в другие регионы России или в другие страны; более 70 % вообще не хотят куда-либо переезжать.

Итак, если доверять результатам проведенного исследования, житель, скажем, Советска обычно считает себя прежде всего россиянином, затем советчанином, и лишь потом — калининградцем, жителем Калининградской области. Но аналогичные приоритеты расставляют и проживающие в других российских регионах. Это, между прочим, свидетельствует, во-первых, о незначительной роли этнографических факторов (принадлежности к этнографическим группам) в сравнении с принадлежностью к определенному этносу в целом и, во-вторых, о формировании территориально-социальной общности не столько в масштабах области, сколько в пределах населенного пункта. Вместе с тем, поскольку в Калининградской области принадлежность к ней выражена более сильно по сравнению с другими изученными регионами, то здесь наблюдается более четкая самоидентификация жителей именно в пределах области (хотя и меньшая по сравнению с конкретным населенным пунктом).

На основе данных упомянутого выше опроса можно сделать вывод о формировании территориально-социальных общностей в пределах населенных пунктов и, в меньшей мере, в масштабах Калининградской области. Это и неудивительно, поскольку в большинстве случаев социальные связи замыкаются прежде всего на населенный пункт. Но полагаем все же, что на вопрос о месте жительства, заданный жителю области в каком-либо другом регионе России, последует ответ: «Калининградская область, Кали-

нинград». Так что недооценивать степень сформированности территориально-социальной общности «калининградцы» также нельзя.

Следовательно, в пределах региона формируются территориально-социальные общности, по меньшей мере, двух уровней: в пределах населенных пунктов и в области в целом. Однако степень сформированности областного социума меньше, чем это имеет место в населенных пунктах (прежде всего в городах).

38. АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ*

В самом западном эксклавном российском регионе — Калининградской области — переплетаются процессы глобализации и регионализма, во многом определяющие специфику современных международных отношений и мировой экономики. Параллельно с этим происходит не менее важное для мирового развития взаимодействие процессов унификации и дифференциации социальных и этнических общностей. Социальные аспекты регионального развития и международного сотрудничества в регионе исключительно важны сейчас и со временем будут приобретать все большее, пока еще недооцененное, значение.

Социальные проблемы эксклавного российского региона значимы не только вследствие их существенной специфики в сравнении с большинством субъектов Российской Федерации, но и потому, что здесь активнее всего осуществляется взаимодействие российской и западной цивилизаций. Решение сложных проблем дает возможность приобрести опыт в исследовании не только настоящих, но и возможных будущих проблем, учитывая как особенности в региональной политике Федерации, так и взаимовыгодное международное сотрудничество в регионе.

Усилится ли противоборство цивилизаций на новой восточной границе ЕС? Станет ли Калининградская область, окруженная странами Евросоюза, эпицентром разрастающегося столкновения? Или во все большей мере будет преобладать взаимопроникновение цивилизаций, и Калининградская область превратится в регион сотрудничества России и Европейского союза как пример для других приграничных регионов обеих сторон? Ответ на эти вопросы крайне важен для определения будущего Европы. Для получения достоверных выводов необходима углубленная разработка социальной проблематики, которая предполагает комплекс-

---

* *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Перспективы формирования и развития калининградского социума // Калининградский социум в европейском измерении: Сб. науч. тр. / Под ред. А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во КГУ, 2002.

ное рассмотрение многоплановых, сложных и динамичных процессов, тесно связанных с региональным развитием и с процессами, протекающими в стране и мире.

А.И. Кузнецов, руководитель представительства МИДа РФ в Калининградской области, уже в середине 1990-х гг. обращал внимание на сложности развития культуры в Калининградской области как эксклавном регионе России, находящемся в окружении иных культур, привлекая к анализу известную концепцию борьбы цивилизаций С. Хантингтона. Согласно вытекающей из этой концепции парадигмы Калининградская область является цивилизационным анклавом и источником цивилизационной напряженности. Если бы это было не так, то не появилось бы того бесконечного потока научной и околонаучной литературы, издаваемой в многочисленных политических центрах Германии, Литвы, Польши и других стран, затрагивающей вопросы, относящиеся к существованию Калининградской области. Во всех этих работах доминирует один посыл — существование Калининградской области является вызовом (challenge) западноевропейской цивилизации.

В частности, А.И. Кузнецов пишет: «…Все мы плохо представляем себе, как в развитии культуры в Калининградской области найти удовлетворительный компромисс между двумя крайностями: между анклавом, но подверженным сильному влиянию соседей, развитием и культурным противопоставлением себя им же… Первый путь развития приведет к сильной вестернизации калининградских русских и почти неминуемому конфликту с Центром (обвинения в сепаратизме), а второй — к конфликту с соседями. Существование же Калининградской области немыслимо без хороших отношений и с Центром, и с соседями…»[1].

Приведенные доводы дают А.И. Кузнецову основание утверждать, что необходима специальная культурная программа для Калининградской области, которая ввиду большой важности могла бы быть отнесена к разряду президентских. Такая президентская программа имела бы три основные цели. *Во-первых,* она обеспечивала бы такое развитие культуры, которая не дала бы

[1] *Кузнецов А.И.* Калининградская область – культурный форпост России // Вестник Балтийского научного центра. 1996. №1.

оторвать калининградский «остров» от российского культурного «материка». *Во-вторых,* помогала бы самоутверждению и цивилизационному закреплению здесь россиян и, *в-третьих,* гармонизировала бы отношения с соседями.

Подобная программа не была принята и даже не разрабатывалась; не разрабатывается она и сейчас. Между тем актуальность высказанных пять лет назад утверждений не уменьшилась. На большинстве проходящих в последнее время международных конференций и семинаров, посвященных проблемам развития Калининградской области, отмечается недостаточное внимание к социальным особенностям региона при разработке региональных стратегий[1]. Действительно, проблемы региона в контексте расширения НАТО и ЕС на восток рассматриваются прежде всего с геополитических и геоэкономических позиций. Это связано с тем, что Калининградская область представляет собой узел переплетения многообразных политических и экономических интересов на Балтике, представляя вследствие этого, по мнению одних, потенциальную угрозу возникновения конфликта, а по мнению других, дает возможность интенсивной интеграции, сотрудничества.

Разрабатываемой сейчас стратегии регионального развития явно недостает социального компонента, социальной направленности. Акцентируя внимание на сложности политических и экономических проблем калининградского эксклава, разработчики стратегий упускают из вида сложность культурологической, демографической, то есть в широком смысле социальной, ситуации в регионе, которая во многом является индикатором разнообразных мировых интеграционных процессов, в которых все активнее участвует Россия. Потенциальные возможности области недооцениваются в этом плане и разработчиками федеральных стратегий.

При изучении отечественного и зарубежного опыта и современных проблем регионального развития мы уже обращали внимание на то, что усиление внимания к социальной сфере является непременным условием экономического роста и политической стабильности в регионе[2]. Но, вероятно, видимое отсутствие ост-

[1] См.: *Регион* сотрудничества. Вып. 13. Калининград, 2001. С. 37.

[2] См.: *Клемешев А., Люейер П., Федоров Г.* Управление региональным развитием. Калининград, 1999. С. 213.

рых социальных конфликтов в Калининградской области пока не сделало доводы о необходимости большей социальной ориентации региональной стратегии достаточно убедительными. Поэтому, развертывая исследования в рамках программы созданного в конце 2001 г. в КГУ Международного института общественных наук (МИОНа), мы предполагаем более детально обосновать необходимость указанного подхода.

Последовательная реализация комплексного, системного подхода в стратегическом планировании и прогнозировании предполагает не только всестороннее изучение регионального народнохозяйственного комплекса и его места в российской экономике, но и широкое использование наиболее полно отражающего весь комплекс социальных проблем понятия «социум».

39. ИЗУЧЕНИЕ КАЛИНИНГРАДСКОГО СОЦИУМА*

Социум — социально-территориальная общность населения, объединенная тесными социальными связями, обладающая идентичностью (самосознанием, противопоставлением себя другим социальным общностям). Социумы могут формироваться на макроуровне (Сибирь, Урал, Европейская часть России), на мезоуровне (республика, край, область) и на микроуровне (населенный пункт или несколько связанных между собой городов и поселков). Для формирования социума необходимо определенное время, чтобы возникшие благодаря территориальной общности социальные связи стали устойчивыми.

Калининградский социум относится к социально-территориальным общностям мезоуровня, формирующимся в пределах субъекта Российской Федерации. Его формирование началось в 1945 г., то есть лишь 56 лет назад. Это небольшой срок для того, чтобы сложился достаточно устойчивый социум, хотя пространственная изолированность области от Российской Федерации, безусловно, способствовала становлению идентичности калининградцев. В то же время формированию социума препятствовала высокая миграционная подвижность этого переселенческого региона, интенсивный обмен населением с другими регионами не только Российской Федерации, но и Советского Союза, а после его распада — стран ближнего зарубежья[1].

Формирование социумов — сложный и длительный процесс. Рассмотрим в самых общих чертах несколько примеров, которые могут помочь в определении перспектив развития социально-территориальной общности в Калининградской области.

Первые два примера касаются двух соседних социумов, в наличии и высокой степени сформированности которых нет оснований сомневаться, — социумов новгородцев и петербуржцев, кото-

---

* *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Перспективы формирования и развития калининградского социума // Калининградский социум в европейском измерении: Сб. науч. тр. / Под ред. А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во КГУ, 2002.

[1] См.: *Регион* сотрудничества. Вып. 15. Калининград. 2001.

рые, как и калининградцы, проживают на территории Северо-Запада России.

Нынешний новгородский социум берет начало от племенной группы ильменских словен, заселивших эту территорию в середине I тысячелетия, то есть имеет этнические корни. Социальная общность первоначально складывалась, таким образом, внутри этнической общности, занимая территорию расселения названной группы племен вокруг озера Ильмень. Согласно летописным источникам, сам Новгород ведет свое летоисчисление с 859 г., хотя реально город возник, конечно, раньше. Он консолидировал новгородскую социально-территориальную общность в составе Киевской Руси и после ее распада на феодальные княжества стал столицей Новгородской боярской республики.

Социум петербуржцев стал складываться, естественно, с момента основания Санкт-Петербурга в 1703 г. Социально-территориальная общность формировалась из жителей всех частей Российского государства, в том числе из проживавших по соседству новгородцев. И сам Санкт-Петербург отнял от Новгорода роль «окна в Европу», в результате чего экономическое значение Великого Новгорода резко снизилось, а пространство новгородского социума резко сократилось. Оно стало ограничиваться размерами Новгородской губернии, а в советское время — Новгородской области. Значительную часть территории бывших новгородских земель подчинил своему влиянию Санкт-Петербург (хотя их жители, кроме населения собственно столицы, не стали петербуржцами; они стали жителями соответствующей губернии, области). Еще раньше от новгородского социума отделились земли поморов, где даже сформировалась отдельная этнографическая группа русских, псковичей («скобари»), и ряд других территорий. Качество социума вследствие постоянного оттока наиболее мобильной части населения в Санкт-Петербург стало не столь высоким, каким могло бы быть, если бы приток наблюдался, наоборот, в Новгородский регион.

После переноса в 1712 г. российской столицы из Москвы в Санкт-Петербург новый социум стал складываться особенно быстро. Его формированию способствовали административная, экономическая и культурная роль города. На уровне социального самосознания большое значение имел престиж жизни в столице. В

отличие от большинства других губерний, у Санкт-Петербурга было мало корней в окружающей местности, и он настолько отличался от прилегающей территории, что ее жителей невозможно было назвать петербуржцами. Петербургский социум как устойчивая социально-территориальная система охватывает исключительно город Санкт-Петербург. Совершенно закономерно и сейчас Санкт-Петербург и Ленинградская область являются отдельными субъектами Федерации, и даже их названия различаются (не Санкт-Петербургская область). Хотя, конечно, значительная степень экономического единства этих двух субъектов имеется; можно также говорить об элементах одной социально-территориальной общности, объединяющей «петербуржцев» и «ленинградцев».

Петербургский социум складывался из столь большого числа российских социумов и столь интенсивно, что за исторически короткий срок здесь образовался собственный говор, диалект русского языка, ставший постепенно основой русского литературного языка. Этот говор очень сильно отличался и продолжает отличаться сейчас от говора соседних (сложившихся гораздо раньше) социально-территориальных общностей новгородцев и псковичей. Сформировались совершенно уникальные для России элементы культуры, включившие в себя компоненты различных российских регионов, а также много элементов культуры Запада. Понятия «питерский интеллигент», «коренной петербуржец» (а потом и ленинградец) долгое время отражали эталон культуры, нравственности.

Переживший блокаду Ленинград после Великой Отечественной войны практически полностью обновил население, и социум сильно изменился. Во многих отношениях послевоенный ленинградский социум сформировался заново, хотя и под влиянием особенностей социума довоенного. Новые качественные изменения происходят и в настоящее время.

Всеобщая унификация вследствие информационного взрыва и специфической деятельности электронных средств массовой информации вызвали понятие «городская культура», которая во многом стала общей не только для различных городов нашей страны, но и всего мира. Процессы урбанизации и глобализации, распространения американизированной масс-культуры стирают качественные различия между социумами, особенно городскими.

Конечно, существенные различия остаются — и благодаря особенностям процессов социализации личности (устойчивости социумов), и вследствие сохранения большого числа элементов материальной культуры. Сказывается и углубление экономической дифференциации стран и регионов мира. Более того, современные направления унификации далеко не всегда оцениваются положительно, и многие европейские культурологи озабочены необходимостью сохранения национальных культур. К сожалению, в нашей стране (не говоря уже о нашей области) надлежащие исследования проводятся в явно недостаточных масштабах и, как и прежде, социальный аспект развития финансируется по остаточному принципу.

В формировании калининградского социума есть много общего с формированием социума петербуржцев и очень мало сходных черт с социумом новгородцев (похожим по происхождению и развитию на другие социумы на территории первоначального расселения русских до середины XVI в.). Более того, на территории Ленинградской области имеется район, с точки зрения его заселения идентичный Калининградской области. Это северная часть Карельского перешейка с Выборгом, до 1940 г. принадлежавшая Финляндии. Здесь также от прежнего населения остались лишь памятники материальной культуры. Правда, в отличие от Калининградской области, эта территория не только не является эксклавом, но благодаря хорошей транспортной сети полностью интегрирована в хозяйственный комплекс Ленинградской области. К тому же размеры территории и численность населения здесь намного меньше.

В 1945 г. в состав нашей страны вошли Южный Сахалин и Курилы, где также было полностью заменено население и социально-территориальные общности насчитывают небольшой период существования. Однако оставшихся элементов японской культуры здесь гораздо меньше, чем немецкой в Калининградской области или финской на севере Карельского перешейка. Да и Японии эти территории принадлежали сравнительно недолго: Курилы с 1875 г., а Южный Сахалин с 1905 г., всего 40 лет. Численность проживавшего на этой территории японского населения была крайне незначительна, и наследие материальной культуры намного меньше по сравнению с Калининградской областью, где

немецкое заселение началось в первой половине XIII в. Зато по условиям сообщения с «материком» Сахалин и Курилы похожи на Калининградскую область, причем здесь нет не только непосредственной, но и вообще никакой сухопутной связи с основной частью страны.

В Калининградской области, как и на юге Сахалина и на Курилах, важное значение имеет рыбная промышленность. Рыбодобывающей промышленности с ее сложными условиями труда необходим постоянный приток молодых мужских кадров, которые привлекаются из различных регионов страны, но зачастую молодые люди, сделав несколько рейсов, возвращаются в места прежнего проживания. Точно так же высока подвижность военных, число которых, в связи с пограничным положением и Калининградской области, Сахалина и Курил, достаточно велико. И рыбаки, и военные большей частью являются временными жителями. Но из-за гораздо худших природных условий Сахалина и Курил приживаемость мигрантов там еще ниже, чем в Калининградской области.

По условиям формирования населения калининградский социум имеет определенное сходство и с районами нового освоения на Востоке и Севере страны, давно вошедшими в состав России. Это в основном города, возникшие в связи с освоением природных ресурсов, — Магнитогорск, Комсомольск-на-Амуре, Норильск, Мончегорск и др. — в 1930-е гг.; Мирный, Сургут, Уренгой, Ноябрьский, Костомукша — в послевоенный период. Для них также характерны недавнее заселение переселенцами из самых разных частей страны, высокая миграционная подвижность и низкая (по сравнению со староосвоенными регионами европейской России) приживаемость мигрантов, «мужской перевес» в молодых трудоспособных возрастах.

Отмеченные демографические особенности не только способствуют меньшей устойчивости социума, но и порождают ряд специфических социальных проблем, вызванных демографическими диспропорциями (повышенная острота проблем алкоголизма, наркомании, проституции, пониженная устойчивость семьи и пр.). Одновременно, в силу тех же демографических особенностей, для населения характерна повышенная мобильность (и в пространственном, и в социальном плане). То есть здесь быстрее

могут внедряться разного рода позитивные новации. В частности, применительно к 1990-м гг., по крайней мере в отношении Калининградской области, можно отметить повышенную восприимчивость населения к происходящим преобразованиям и, как следствие, более быстрое развитие рыночных отношений.

Для населения нашей страны вообще характерна низкая миграционная мобильность. В 1970—1980-е гг. она была в два раза ниже, чем, например, в Польше, и в три раза ниже, чем в большинстве стран Западной Европы. В 1990-е г. миграционная мобильность населения, особенно в перемещениях между российскими регионами, еще более снизилась. Объемы миграций с нынешними странами ближнего зарубежья не возросли, но их результативность намного увеличилась вследствие резкого снижения интенсивности миграций из России в другие бывшие республики СССР.

Сравнительно низкая миграционная мобильность населения является фактором формирования более устойчивых социумов. Поэтому можно было бы полагать, что социально-территориальные общности в России вообще более сформированы и более устойчивы по сравнению с западными странами. Однако на самом деле сравнения не вполне корректны, поскольку до начала 1990-х гг. слишком различны были социальные связи, определяющие формирование и функционирование социумов как органических общественных систем. В нашей стране рыночные отношения были развиты мало, значительно большую роль играли административные воздействия. То есть в экономической сфере меньшее значение имели горизонтальные связи между людьми (основанные на купле-продаже), тогда как отношения субординации, распределения преобладали.

Тем не менее на Западе, по крайней мере в тех сферах, где государство играет регулирующую роль, проводится политика поощрения миграционной подвижности тех слоев населения, которые наиболее активно воздействуют на социальную жизнь. Единый конкурс в высшие учебные заведения является элементом этой политики. Например, немецкая молодежь получает высшее образование, как правило, вовсе не там, где проживала и обучалась в школах. Престижные места работы, получаемые по общегосударственному конкурсу, также являются элементом этой политики. То есть в противовес стремлению каждого социума к обособлению проводится

политика налаживания социальных связей между ними, политика упрочения общегосударственной социальной общности.

В нашей же стране, к сожалению, не только не удалось сформировать наднациональной общности «советский народ» (к чему, как известно, прилагались значительные пропагандистские усилия), но и единый народнохозяйственный комплекс, построенный не на рыночных, а на административно-командных принципах, распался. Реальная разобщенность социально-территориальных общностей республик и регионов привела к попыткам внедрить «региональный хозрасчет», устанавливавший соответствие между изолированностью социумов и обособленностью экономик. Как только национальными элитами (опирающимися на этническую и социально-территориальную общность) был приведен в действие национальный фактор, процессы дезинтеграции одержали верх над попытками консолидировать экономическую, социальную и политическую общность, какой являлся Советский Союз. Итогом стало окончательное политическое разделение республиканских этносов, социумов, экономик.

Экономические, социальные, этнические и политические процессы, протекающие в Российской Федерации после распада СССР, к сожалению, пока не вызывают большого оптимизма. Отсутствие общенациональной идеи (если не считать таковой стремление построить «рыночную экономику») не способствует формированию социальной общности в пределах всей страны. Наоборот, углубляющаяся социальная дифференциация и между слоями населения, и между территориями ведет пока к определенному обособлению социумов. Снижение миграционной мобильности населения способствует этому.

Однако и на мезо- и микроуровнях условия формирования социально-территориальных общностей далеки от оптимальных, обеспечивающих устойчивость и пропорциональное развитие социумов. А государство, занятое политикой и экономикой, не предпринимает надлежащих мер социального регулирования (в том числе пространственного) и даже не стимулирует достаточную активность исследователей в этом направлении. Нынешняя социальная (и политическая) апатия большей части населения принимается за своего рода «вечный» социальный мир, без всяких признаков будущих бурь и потрясений. Такая позиция не имеет под

собой оснований, и гораздо более вероятными кажутся предстоящие социальные потрясения, чем продолжение нынешней «стабильности» — если не предпринять надлежащих мер, способствующих устойчивому развитию социально-территориальных общностей на всех пространственных уровнях.

Даже рассмотрев всю совокупность различных социальных индикаторов, можно вскрыть только достаточно формальную картину состояния социума, но не его развития. Необходимо, во-первых, более детально проанализировать внутреннюю его структуру, выделив различные слои населения, образ жизни которых качественно различается, то есть выявить социальную стратификацию социума. Во-вторых, требуется определить направления развития социума в целом и его слоев в частности, а для решения задач социально-территориального регулирования сформулировать цели развития — общие и для каждого слоя отдельные.

Для достижения устойчивого развития социумов необходимо решить две главные задачи — улучшение качественных характеристик социума в целом и каждой социальной группы в частности (рост благосостояния, уровня образования, снижение негативных социальных явлений и пр.) и уменьшение социальных различий, обеспечение возможностей продвижения населения из низших социальных слоев к высшим.

В настоящее время некоторые общие характеристики большинства российских социумов в целом улучшаются (например, увеличиваются средние доходы населения, растет уровень образования), но часть показателей улучшается медленно или, наоборот, ухудшается (включая такие негативные социальные явления, как алкоголизм, наркомания, проституция, заболеваемость социально обусловленными болезнями, преступность). Однако улучшение затрагивает не все социальные слои в равной мере, велики и нарастают пространственные социально-территориальные различия. Социальная дифференциация общества не снижается, а возможности перемещения между слоями с разным уровнем обеспеченности затруднены.

Практической задачей для целей пространственного социального регулирования является определение набора социальных приоритетов, служащих индикаторами качества социумов. В настоящее время при разработке разного рода программ преобла-

дают экономические приоритеты, а среди социальных — приоритеты, связанные с повышением доходов населения (зарплаты, пенсий, социальных пособий).

Недостаточно внимания социальной проблематике уделяется и на региональном уровне. Между тем достижение многих социальных целей не требует больших финансовых затрат. Но для этого необходимо пересмотреть систему ценностей (имея в виду не только экономические, но и экологические, демографические, культурные, национальные приоритеты) и в федеральной, и в региональной политике государства. Требуется пропаганда легкодостижимых приоритетов, изменение их субординации в общественном сознании. Необходим пересмотр приоритетов государственной политики в пользу социальной составляющей.

Формирование социумов на всех территориальных уровнях происходит в стране в достаточно сложных условиях. Более того, крайне затруднен и объективный анализ ситуации — и из-за недостаточного финансирования исследований, и вследствие трудности получения реальной информации и крайней политизированности сохранившихся научных структур, обслуживающих интересы заказчиков, способных финансировать те или иные разработки.

Социологами используется также метод самоидентификации населения, когда в ходе обследований респонденту предлагается ответить на вопрос, к какой территориально-социальной группе он себя относит. Подобное обследование было выполнено Всероссийским центром исследования общественного мнения в июне 1997 г., в ходе реализации проекта ТАСИС «Глобальный план развития Калининградской области до 2010 года»[1]. Аналогичное исследование проведено учеными Калининградского госуниверситета в июне 2001 г. При некотором сходстве полученных результатов выявились и существенные различия.

На вопрос о чувстве принадлежности к населенному пункту, району, области или всей России респонденты, как и в других регионах России, в 1997 г. отмечали, что самое сильное чувство принадлежности испытывают по отношению к своему населенному пункту (37 %) и России (40 %). Согласно обследованию 2001 года, соответствующие цифры составили 32 и 25 %.

[1] См.: *Калининградская* область: диагностика кризиса. Калининград, 1998. С. 296 – 297.

Итак, если доверять результатам проведенных исследований, житель, скажем, Советска считал себя в 1997 г. прежде всего россиянином, затем советчанином и лишь потом — калининградцем, жителем Калининградской области. Аналогичные приоритеты и у проживающих в других российских регионах. Выполненное нами летом 2001 г. обследование показывает, что у жителей малых городов появились иные приоритеты: калининградец, советчанин, россиянин. Подобные результаты дал опрос и сельских жителей. А вот в областном центре на первом месте — житель Калининграда, затем — россиянин, а потом, житель области.

Это свидетельствует об усилении действия факторов, способствующих осознанию населением региона своей социально-территориальной общности. В Калининградской области принадлежность к ней выражена более сильно по сравнению с другими изученными регионами, поскольку наблюдается более четкая самоидентификация жителей именно в пределах области и конкретного населенного пункта. Каковы же эти причины?

По нашему мнению, развернувшаяся в последнее время дискуссия о стратегии развития Калининградской области в связи с расширением НАТО и ЕС на восток играет очень важную роль в осмыслении жителями региона своей идентичности. На передний план выходит именно региональная специфика, озабоченность будущим касается конкретно Калининградской области и населенного пункта, в котором проживают респонденты.

На основе данных указанных выше опросов можно сделать вывод о формировании территориально-социальных общностей и в пределах населенных пунктов, и в масштабах Калининградской области. Но полагаем все же, что на вопрос о месте жительства, заданный жителю области в каком-либо другом регионе России, последует ответ: «Калининградская область, Калининград». Так что недооценивать степень сформированности территориально-социальной общности «калининградцы» не следует.

Следовательно, в пределах региона формируются территориально-социальные общности по меньшей мере двух уровней: в пределах населенных пунктов и в области в целом. Чувство принадлежности к областному социуму выше в малых городах и сельских поселениях, тогда как в областном центре большее значение имеет городская социально-территориальная общность.

40. УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ*

Показатели удовлетворенности жизнью различных групп населения по результатам двух обследований практически совпали. Как следует из результатов обследования 2003 г., полностью удовлетворены материальным положением в обоих случаях только 6 % опрошенных. Не удовлетворены материальным положением своей семьи 26 % (в 2001 г. — 29 %), еще 40 % респондентов, как и в 2001 г., скорее не удовлетворены, чем удовлетворены. То есть доля полностью или в большой мере неудовлетворенных составляет 2/3 опрошенных. Изменение этой доли с 69 до 66 % — в пределах погрешности исследования, но все же она чуть снизилась.

Помимо удовлетворенности материальным положением семьи, респонденты отвечали на вопросы об удовлетворенности работой, образованием, жизнью в целом.

Удовлетворенность жизнью достаточно сильно связана с уровнем дохода (чем выше доход, тем выше доля респондентов, в той или иной степени удовлетворенных жизнью). Но показатели удовлетворенности жизнью оказались лучше по сравнению с оценкой населением своего материального положения, и динамика удовлетворенности за два года — позитивная. В целом удовлетворены жизнью значительно более половины опрошенных: 11 % респондентов полностью удовлетворены и 50 % скорее удовлетворены (аналогичные данные 2001 г. были ниже: соответственно 10 и 41 %).

Доля полностью неудовлетворенных жизнью совпадает в обоих обследованиях — 6 %. Вариант ответа «скорее не удовлетворен» выбрали 24 % респондентов (в 2001 г. — 31 %).

Однако большую озабоченность вызывает тот факт, что на селе доля респондентов, полностью удовлетворенных жизнью, примерно в три раза меньше, чем в городах (4 % против более

---

* *Клемешев А.П., Федоров Г.М., Алимпиева А.В.* Калининградский социум: проблемы консолидации и стратификации // Регион сотрудничества. Вып. 2(20). Калининград: Изд-во КГУ, 2003.

13 %), и это существенное изменение по сравнению с исследованием 2001 г., когда сельчане продемонстрировали значительно более высокий уровень удовлетворенности жизнью по сравнению с горожанами.

Анализ по возрастным группам показывает, что, как и следовало ожидать, заметно выше доля респондентов, полностью не удовлетворенных жизнью, в возрастной группе старше 50 лет. Это одновременно и группа, имеющая уровень доходов значительно ниже среднего.

Дифференциация степени удовлетворенности жизнью по возрасту объясняется тремя основными причинами. Во-первых, низким уровнем доходов (особенно пенсий и пособий), обусловливающим гораздо более низкий уровень жизни лиц старших возрастов в сравнении с тем, который был у них раньше, до 1990-х гг. Во-вторых, неприятием ими политических и социальных изменений, перемен в образе жизни. В-третьих, меньшим социальным опытом, а также сравнительной приспособленностью молодежи к ставшими привычным для нее чертам образа жизни, вызывающим неприятие и протест у лиц старших возрастов.

Данные относительно удовлетворенности респондентов своей работой получены на основе подвыборки работающих жителей области: 15 % опрошенных удовлетворены работой полностью, 47 % скорее удовлетворены, 22 % скорее не удовлетворены, 7 % полностью не удовлетворены (данные опроса 2001 г., соответственно, составили 16, 36, 25 и 8 %). Таким образом, общая сумма двух первых (положительных) вариантов ответов от чуть более половины в 2001 г. приблизилась к 2/3 в 2003 г. По сравнению с исследованием 2001 г. снизился уровень удовлетворенности работой среди сельских жителей, но вырос среди горожан.

Удовлетворенность работой во многом связана с уровнем дохода, который она обеспечивает, и родом занятий. Естественной общей закономерностью является то, что с увеличением дохода растет и удовлетворенность респондентов своей работой. Кроме того, полученные данные также показывают, что наибольшее число тех, кто доволен работой полностью или в основном, — среди опрошенных с высшим образованием (73,5 %).

Наиболее высок уровень удовлетворенности работой у предпринимателей (35 % ответов «полностью удовлетворен» и 62 %

«скорее удовлетворен»). Благоприятные ответы дали руководители (соответственно 22 и 59 %), специалисты гуманитарного профиля (19 и 67 %). Ниже аналогичные показатели у специалистов-«технарей» (9 и 41 %), квалифицированных рабочих (17 и 45 %) и служащих (15 и 48 %). Заметно снизилась по сравнению с исследованием 2001 г. удовлетворенность работой у военнослужащих (доля полностью удовлетворенных работой сократилась с 28 до 5 %). Наибольшая доля в той или иной степени не удовлетворенных работой — среди неквалифицированных и сельскохозяйственных рабочих (80 и 54 %).

Обследование показало повышение престижности образования. Более других удовлетворены уровнем своего образования респонденты с высшим образованием: доля в той или иной степени удовлетворенных в этой группе достигает 78,4 %, что на треть выше средневыборочного показателя. Кроме того, важно, что в ближайшие годы около трети опрошенных намереваются получить образование более высокого уровня, повысить свою квалификацию или пройти профессиональную переподготовку. В подгруппах респондентов, в той или иной степени не удовлетворенных своим образованием, этот показатель достигает 40 %. А 4 % опрошенных уже предпринимают усилия по повышению уровня образования.

Общие выводы, вытекающие из результатов обследований, заключаются, во-первых, в дальнейшем осознании глубины социальной дифференциации и различий в запросах различных групп населения. Во-вторых, наметилась позитивная динамика в отношении социального оптимизма: обстановка в области явно улучшается. Тем не менее остается много нерешенных проблем, особенно касающихся жителей области с низкими доходами и невысоким уровнем образования, а также проживающих в сельской местности. На эти группы населения должно быть обращено дополнительное внимание при проведении социальной политики в регионе.

41. СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ*

В Калининградской области наблюдается значительная *социальная дифференциация* населения. Положение намного улучшилось по сравнению с тем, что было еще в 2001 г., когда доходы ниже прожиточного минимума были у 395 тыс. человек (41 % населения). Тем не менее в 2005 г. 187 тыс. жителей области, то есть 20 % ее населения, имели доходы ниже прожиточного минимума.

Дифференциация населения Калининградской области по уровню доходов меньше, чем в среднем по стране. Соотношение доходов 10 % наиболее и наименее обеспеченного населения составило в 2005 г. 8,8 против 15,1 по РФ. Менее полярное распределение населения по 20-процентным группам (в соответствии с уровнем дохода) в Калининградской области и в среднем в России отражает рисунок (см. с. 243).

Из рисунка видно, что на 20 % самого бедного населения (первая группа) в Калининградской области приходится 7,3 % доходов, а в Российской Федерации в среднем меньше — 5,4 %. И наоборот: 20 % самого обеспеченного населения области концентрирует 40,6 % доходов, а в РФ больше — 46,7 %.

Меньшие различия населения в уровне доходов во многом обусловлены широким распространением в Калининградской области малого и индивидуального предпринимательства. Здесь зарегистрировано около 7 тыс. малых предприятий, 5 тыс. фермерских хозяйств; после перерегистрации осталось около 50 тыс. предпринимателей без образования юридического лица. Таким образом, в настоящее время в регионе насчитывается около 62 тыс. субъектов малого предпринимательства с общим числом работающих не менее 148 тыс. человек (32 % занятых в экономике). Их доля в производстве валового регионального продукта достигает 20 %.

---

* *Клемешев А.П., Федоров Г.М., Зверев Ю.М.* История западной России. Калининградская область. История края. 1991—2006 годы: Политическое и социально-экономическое развитие региона: Учебное пособие для учителей общеобразовательных школ. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006.

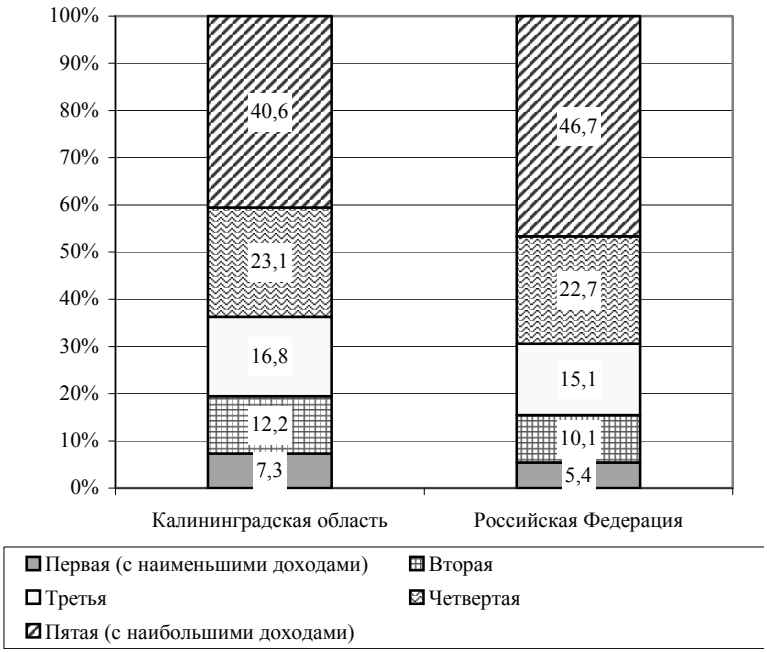

Рис. Распределение денежных доходов населения в Калининградской области и в среднем в Российской Федерации по 20-процентным группам, 2005 г.

Социологами среди всего населения выделяется несколько социальных групп, отличающихся уровнем доходов, источниками его получения, а потому и образом жизни.

Группа наиболее обеспеченного населения — это крупные и средние предприниматели (в том числе занятые в «теневой» экономике), часть представителей творческих профессий, некоторые высококвалифицированные специалисты, а также представители криминального сектора. Эта группа не только ориентируется на уровень жизни среднеобеспеченных слоев развитых стран Европы, но и живет на этом уровне (а иногда и более высоком).

Вторую по обеспеченности группу можно отнести к так называемому среднему классу, хорошо обеспеченному по россий-

ским меркам и ориентирующемуся на средний класс Запада. Это основная часть мелких и индивидуальных предпринимателей (большая часть доходов которых относится к неформальной экономике) и государственные служащие.

Третья группа — бедные, удовлетворяющие лишь минимальные жизненные потребности. Это относительно высокооплачиваемые лица наемного труда (по сравнению с большинством), а также часть мелких и индивидуальных предпринимателей.

И наконец, значительная часть населения относится к категории живущих за чертой бедности, чей уровень жизни не достигает прожиточного минимума. Это большинство пенсионеров, так называемых бюджетников (учителей, врачей и др.), значительная часть лиц наемного труда в негосударственном секторе. Высокая доля живущих за чертой бедности объясняется не только экономическим кризисом, но и тем, что в условиях социальной незащищенности наемных работников работодатели расходуют на заработную плату лишь 10—15 % от себестоимости продукции, тогда как в развитых странах — не менее 30, чаще 40, а в некоторых государствах до 50 %.

Среди живущих за чертой бедности выделяется несколько подгрупп, отличающихся источниками существования и размерами доходов, в том числе категория не имеющих постоянного дохода и места жительства.

Социальная политика по отношению к каждой из групп и подгрупп должна быть дифференцированной. Государство старается материально поддерживать социально незащищенные слои.

Для обеспеченных групп населения главным условием их благополучия является динамичное и пропорциональное развитие экономики, то есть решение социальных проблем зависит от реализации региональной экономической политики.

Несмотря на относительно меньшую дифференциацию населения области по уровню доходов по сравнению со средними по РФ показателями, сложившуюся в регионе ситуацию нельзя признать удовлетворительной. Нужно иметь в виду крайне низкий уровень доходов наименее обеспеченного населения. Значительно отличается оплата труда в разных отраслях и у работников разных категорий. Трудным остается материальное положение пенсионеров и лиц, живущих на пособия и стипендии.

Особенно сложная обстановка во многих сельских населенных пунктах и малых городах. Уровень заработной платы в Калининграде в 1,4—2,5 раза выше по сравнению с малыми городами и 3—4 раза выше, чем в сельской местности.

В областном центре меньше уровень безработицы и больше возможностей получить дополнительные к основной работе доходы. Здесь наиболее развиты все элементы социальной инфраструктуры. То есть по уровню и качеству жизни населения Калининград сильно отличается в лучшую сторону от остальной области.

В малых городах, а особенно на селе большую роль в получении доходов играет подсобное хозяйство, относительно развита деятельность «челноков». Вместе с тем во многих малых городах и на селе выше уровень безработицы. Распространенное на селе подсобное хозяйство, как правило, обеспечивает меньший уровень дохода по сравнению с работой на предприятиях. Поэтому среднедушевой уровень доходов населения Калининграда на 22 % выше этого показателя по области; в малых городах он на 6 % ниже, а на селе — на 31 %.

42. КАЛИНИНГРАДСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА И ПРОБЛЕМЫ СЕПАРАТИЗМА*

Представляется, что сепаратизм в собственно политическом смысле калининградскому социуму сегодня не угрожает. Ибо, как утверждает энциклопедический словарь по политологии, «сепаратизм (фр. *separatisme*, от лат. *separatus* — отдельный) — стремление к обособлению, проявляющееся, как правило, у национальных меньшинств в многонациональных государствах и направленное на создание самостоятельных государств или национально-государственных автономий»[1]. Но сегодня на калининградской политической арене отсутствует субъект — носитель сепаратистских ценностей и тенденций, достаточно сформировавшийся и «уверенно себя чувствующий» для попыток реализовать эти ценности и тенденции на практике. Переселенческий характер населения как в прошлом, так и (в значительной степени) в настоящем, к тому же в определенной степени сохранившаяся «гарнизонность» региона (и, возможно, в большей мере, частично оставшиеся традиции настоящей «гарнизонности» советского периода) не способствуют формированию автохтонного населения области.

Справедливости ради нужно отметить что С.И. Ожегов определяет сепаратизм как «просто» «стремление к отделению, обособлению»[2], то есть без жестких политических коннотаций. Применительно к нашему случаю речь может идти о *региональном* сепаратизме, связанном со становлением относительно самостоятельного региона-субъекта, заинтересованного в реализации соб-

---

* *Клемешев А.П., Абрамов В.Н., Алимпиева А.В., Андрейчук Н.В., Гаврилина Л.М., Зверев Ю.М., Федоров Г.М.* Проблема сепаратизма в условиях анклавных территорий // Регион сотрудничества. Вып. 3(46) / Под ред. А.Ю. Мельвиля, А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006.

[1] *Политология*: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М., 1993. С. 352.

[2] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд. М., 1984. С. 618.

ственных интересов, по меньшей мере часть которых отличается от федеральных интересов. Но и в этом смысле, как нам кажется, сепаратизм не является реальной угрозой, во всяком случае, пока в пространстве власти калининградского социума доминирует поколение, социализировавшееся в условиях СССР, независимо от национальности, профессиональной принадлежности, социального статуса или культурного уровня индивидов. Под пространством власти в данном контексте мы понимаем сферы принятия и реализации решений во всех подсистемах социума и на всех структурных уровнях организации социального бытия.

Следует подчеркнуть, что такие понятия, как «сепаратизм», при их актуализации для «широкой публики» требуют очень осторожного обращения. Не следует пренебрегать вековечной народной мудростью: «Не буди лихо, пока оно тихо»; к тому же «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется», а в социальной психологии достаточно хорошо известен феномен «самосбывающегося прогноза».

Тем не менее в условиях калининградской региональной субкультуры возникают такие тенденции социокультурной динамики, которые вряд ли можно назвать сепаратистскими, но которые тревожат возможностью объективного дрейфа в сторону от культурного материка — России. Попробуем прояснить нашу позицию.

Социокультурная реальность эксклавного российского региона может быть обозначена как калининградская региональная субкультура[1]. Под региональной субкультурой полагаем возможным понимать локализованный в пространстве и времени вариант национальной культуры, обладающий рядом особенностей, связанных с природно-климатическими и историческими условиями, хозяйственно-экономическим укладом, этнокультурной и соци-

[1] Подробнее см.: *Андрейчук Н.В., Гаврилина Л.М.* Социально-философское исследование развития региональной культуры (на примере Калининградской области) // Вестник КГУ. Вып. 2: Сер. Философия, история и образование стран Балтийского региона. Калининград, 2003. С. 27—37; *Они же.* Калининградская региональная субкультура, идентичность и ментальность // Идентичность в контексте глобализации: Европа, Россия, США / Под ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград, 2003. С. 155—168.

ально-демографической спецификой; отличающийся обычаями, нормами, комплексами ценностей и даже институтами. Региональная субкультура является составной частью культуры национальной и обладает всем комплексом ее базовых характеристик, но одновременно — и явно выявленной местной спецификой.

Главной особенностью калининградской региональной субкультуры является ее «пограничность». Термин «пограничная культура» сегодня широко используется в специальной литературе и, не имея строгой дефиниции, тем не менее обладает явно выраженным смыслом: это культура, непосредственно граничащая с другими культурными образованиями, активно с ними взаимодействующая, не замкнутая в себе. Разумеется, в условиях глобализации все культуры в той или иной мере взаимосвязаны, но в пограничной культуре интенсивность и плотность межкультурных взаимодействий заметно превышает их уровень, обусловленный глобализацией.

«Пограничность» калининградской региональной субкультуры имеет диахроническое и синхроническое измерения. Первое связано с исторической спецификой региона и определено межкультурным взаимодействием во времени немецкого, восточнопрусского и русского, советского культурных оснований. Синхроническое же измерение отражает необходимые и неизбежные плотные культурные взаимодействия с ближайшими европейскими соседями — Польшей и Литвой, а также гораздо более интенсивные, чем у других российских регионов, культурные взаимосвязи с европейскими странами, и прежде всего с Германией.

В этих условиях при вполне российском характере социализации инкультурация личности имеет явно выраженные особенности, обусловленные указанной «пограничностью» калининградской региональной субкультуры. В отличие от социализации, осуществляющейся в специализированных институтах, инкультурация представляет собой процесс научения без специального обучения. Она происходит в структурах повседневности и носит перманентный характер, начинаясь с момента рождения и осуществляясь всю жизнь человека. Это процесс вхождения индивида в конкретную культуру, освоение присущих ей форм и способов миропонимания и поведения, обретение когнитивного, эмоцио-

нального и поведенческого сходства с представителями данной культуры — в отличие от представителей других культур. Инкультурация как бы «дополняет» процесс социализации, включая и адаптацию индивида к новым культурным условиям, культурным изменениям, и механизмы, с помощью которых этническая группа транслирует свои культурные стереотипы, «передает себя по наследству».

Процессы инкультурации личности в условиях калининградской региональной субкультуры привели, по нашему мнению, к формированию калининградского этнокультурного феномена: «переселенец» сотворил и творит культуру калининградского региона, она же, в свою очередь, «творит» личность жителя области. Калининградский этнокультурный феномен — это население области (и прежде всего Калининграда) не только как субъект-носитель определенной культурной отличительности, но и как социальная общность, обладающая сходными представлениями о признаках этой отличительности. Осознание своей принадлежности к этой общности, самопозиционирование в качестве ее представителей сопровождаются частичной деперсонификацией самовосприятия и реализуются в появлении оценки — «Мы» (свои, похожие друг на друга) и «Они» (иные, другие, не похожие на нас). Субъективизм, пристрастность и эмоциональность подобных представлений очевидны, что отнюдь не препятствует самоидентификации членов этнической общности и эффективному опознаванию их представителями других общностей. В этом контексте стоит упомянуть описанную А.Н. Попадиным фигуру «условного калининградца» — УК, который любит подчеркивать свою непохожесть на других жителей России и с удовольствием слушает, как это же отмечают некалининградцы[1].

Качественной характеристикой этнокультурного феномена является ментальность. Понятие ментальности отражает глубинный уровень индивидуального и коллективного сознания, включающий и бессознательное, совокупность готовностей, предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир,

[1] См.: *Попадин А.Н.* Местное время: прогулки по Калининграду (Практическое пособие в 3 ч. с отступлениями). Калининград, 1998. С. 127.

чувствовать и действовать определенным образом. «Ментальность, менталитет (от лат. — *ум, мышление, образ мыслей, душевный склад*) — общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-либо сообщества... Восприятие мира формируется в глубинах подсознания. Следовательно, ментальность — то общее, что рождается из природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представление человека о жизненном мире. Навыки осознания окружающего, мыслительные схемы, образные комплексы находят в ментальности свое культурное обнаружение...

Ментальность как понятие позволяет соединить аналитическое мышление, развитые формы сознания с полуосознанными культурными шифрами»[1]. Ментальность как явление отличается намного более устойчивым характером, нежели общественное сознание или общественные настроения, она включает в себя ценностные ориентации, но не исчерпывается ими. Захватывая бессознательное, ментальность выражает жизненные установки людей, их эмоциональные предпочтения, устойчивые образы мира, свойственные данному сообществу и культурной традиции.

Конкретно-социологические исследования достаточно убедительно показывают, что для населения Калининградской области преобладающей является общероссийская ментальность, прежде всего в ее глубинном ценностном измерении[2]. И это естественно: Калининградская область, хотя и эксклав, но российский регион, и процессы социализации личности здесь типично российские. Но, как мы уже отмечали выше, разительно отличаются процессы инкультурации, в которых трансплантация иного, «не российского» культурного продукта осуществляется через структуры повседневности в условиях интенсивного межкультурного взаимодействия.

---

[1] *Гуревич П.С., Шульман О.И.* Ментальность, менталитет // Культурология. XX век: Энциклопедия. СПб., 1998. Т. 2. С. 25.

[2] См.: *Информация* Среднерусского консалтингового центра // Новости агентства Росбалт. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: 04/01/2003 (www/ rosbalt.ru).

Отсюда вытекает явно выраженная специфика культурной самоидентификации личности в условиях калининградской региональной субкультуры. Как известно, процесс любой идентификации предполагает два этапа: распознавание, опознавание чего-либо или кого-либо по определенным признакам и уподобление, отождествление чего-либо или кого-либо с чем-либо или кем-либо. Культурная самоидентификация — это процесс сопоставления человеком себя с социальной общностью по культурным признакам. Причем в инкультурационном контексте определяющую роль играют признаки, проявляющиеся в повседневных культурных практиках, прежде всего в быту, во взаимоотношениях с другими людьми и т. п. Процессы социокультурной самоидентификации актуализируются при непосредственном столкновении с носителями иной культуры, когда обнаруживаются некие противоречия в стереотипах поведения, оценках, понимании чего-либо. Особенности калининградских реалий таковы, что, с одной стороны, создается достаточно много стимулов для самоидентификации: «столкновений» с носителями других культур более чем достаточно. С другой стороны, в силу пограничного характера культуры и интенсивного диахроническо-синхронического межкультурного взаимодействия процессы самоидентификации заметно усложняются: провести четкую демаркацию между «своим» и «чужим» не всегда удается.

В условиях калининградской региональной субкультуры социокультурная самоидентификация личности осуществляется по маркерам: «калининградский — российский», «калининградский — европейский», «калининградский — немецкий (восточнопрусский, кёнигсбергский)» или «свой — иной — другой — чужой — свой». Происходит превращение культурно чужого и чуждого в культурно знакомое и свое через посредничество. Этот процесс способствует расширению толерантной составляющей ценностного пространства личности и формированию ее межкультурной компетенции. С одной стороны, это явление положительное, но, с другой — оно чревато и отрицательными последствиями: может возникнуть угроза определенного отрыва от культурной базовой матрицы.

Сегодня эта угроза представляется весьма незначительной: «европейскость» некоторой части калининградцев или подчерк-

нуто позиционируемая калининградская идентичность зачастую оказываются скорее декларируемыми, нежели реальными[1]. К тому же идентичность весьма ситуативна, подвижна; процессы самоидентификации явно реагируют на вызовы извне, и прежде всего на изменения политических реалий. Так, югославский кризис подтолкнул актуализацию славянской идентичности у множества россиян, процесс расширения ЕС, проблемы транзита в Калининградскую область и из нее резко усилили «российскость» калининградцев. Ментальная идентичность подавляющего большинства жителей области на сегодняшний день российская, но в перспективе может возникнуть «проблема третьего поколения». Третье поколение — это поколение не просто местных уроженцев, но их внуков, то есть поколение, у которого возможны подвижки на глубинном ментальном уровне.

Что позволяет сделать такое предположение, кроме теоретических выкладок о специфике инкультурации личности в условиях калининградской региональной субкультуры и результатов конкретно-социологических исследований, уже не вполне обнадеживающих: от 54 до 56 % опрошенных позиционируют себя в первую очередь как россиян, а в качестве европейцев — от 5 до 8,3 %[2]? Третье поколение пока численно минимально: в настоящее время местные уроженцы составляют лишь 43 % населения области, из которых 24 % относится к первому поколению и 19 % — ко второму[3]. Но во вполне обозримой перспективе оно, естественно, численно увеличится и объективно заменит старшие поколения в сфере принятия и реализации решений. Какими будут ценности третьего поколения?

Сегодня уже можно констатировать, что у молодых людей, родившихся в Калининградской области или переехавших сюда в

---

[1] *Андрейчук Н.В., Гаврилина Л.М.* Калининградская региональная субкультура, идентичность и ментальность. С. 164; *Они же.* Проблема самоидентификации в условиях интенсивного межкультурного взаимодействия // Вестник РГУ им. И. Канта. Вып. 3: Сер. Гуманитарные науки. 2005. С. 23.

[2] *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Калининградский социум: по результатам социолгических обследований 2001-2004 гг. // Регион сотрудничества. Вып. 6 (31). Калининград, 2004. С. 19.

[3] Там же. С. 4.

детстве, намечается девальвация ценности «российскости». Об этом свидетельствует глубинно-проективное письменное интервьюирование, неоднократно проводимое нами с учащимися 10—11-х классов калининградского лицея № 49 и студентами младших курсов РГУ им. И. Канта, то есть с теми, кому от 16—17 до 20 лет. Возможность анонимности давала определенную гарантию искренности ответов. Процедура глубинно-проективного интервьюирования, предваряемого созданием у респондентов позитивной установки на его значимость, способствует активизации процесса самосознания, в котором индивид делает себя объектом собственного восприятия. По сути, это диалог, обращенный к самому себе, в котором благодаря коммуникации с самим собой индивид «проблематизирует» себя, позиционируя свою идентичность.

По результатам этого исследования можно констатировать «размывание» российской ментальной идентичности у подавляющего большинства молодых людей, участвовавших в интервьюировании. Это выражается не только в том, что абсолютное большинство из них позиционирует себя в первую очередь как калининградцев, а значительная часть — как европейцев. Доминирующим настроением письменных интервью, выполненных в форме эссе, является неопределенность, культурная неукорененность, ярко выраженная эмоциональная амбивалентность и по отношению к России, и по отношению к Европе. Содержание и форма (система аргументации) ответов позволяют нам предполагать состояние ценностной «двунепринадлежности», если пользоваться образным выражением В.Л. Каганского[1]. Опыт таких исследований, проводящихся с 2000 г., позволяет отметить достаточно явную динамику этого состояния в сторону его усиления.

Несколько отличаются результаты аналогичного исследования, проведенного среди старшекурсников специальностей «Политология» и «Философия» исторического факультета РГУ им. И. Канта. В большинстве ответов (также преимущественно анонимных) фиксируется политическая и экономическая необходимость принадлежности Калининградской области к России;

[1] *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. М., 2001. С. 534.

четко и осмысленно, хотя зачастую и несколько аффектированно, позиционируются «российскость» и «русскость» при преобладающем утверждении своей калининградской идентичности. Но и в этих ответах большое внимание уделяется отличиям Калининградского региона (прежде всего Калининграда) как от России, так и от Европы; нередко звучит тема неопределенности будущего. Некоторое отчуждение от России фиксируется и семантически: часто используются выражения типа «большая земля», «культурный материк», «историческая Родина» и т. п. Примечательно, что практически ни в одном интервью мы не нашли темы восхищения Россией хоть в каком-нибудь контексте; а вот по отношению к Европе эта тема присутствует довольно часто. Встречаются и настроения культурной неопределенности и неукорененности; иными словами, по А. Вознесенскому, «не мы повинны в том, что половинны».

И еще одно обстоятельство: во многих интервью отражен тот факт, что на уровне бытового общения в других российских «городах и весях» Калининград зачастую не воспринимается как российский город, а обозначается как «Европа». Об этом же свидетельствует и собственный опыт авторов: нам не раз приходилось сталкиваться с особенным и не всегда здоровым интересом российского обывателя к жизни калининградцев как «жизни за границей».

Надо сказать, что процессы некоторого отчуждения от России очевидны и без специальных исследовательских процедур. Их можно констатировать и на уровне «включенного наблюдателя»: молодые люди, выросшие в Калининграде, не чувствуют себя жителями огромной по территории страны, в их картине мира иной образ социального времени и пространства, нежели у их сверстников из других российских регионов. Так, абсолютно распространенным в обыденной лексике стало выражение «был(а) в России», без указания конкретного населенного пункта или региона — Поволжье, Урал, Сибирь и т. п. При этом выражение «был(а) в Европе» встречается неизмеримо реже: как правило, указывается страна или город. От молодого калининградца (калининградки) чрезвычайно редко можно услышать выражение «у нас в России». То есть на бессознательном уровне Калининград как бы выводится из культурных шифров «российскости», что свидетельствует об определенных изменениях ментальной идентичности.

Символическая составляющая картины мира тоже иная: доминирующими образами являются вертикаль кирпичной готики, черепичные крыши, липы вдоль узких, мощеных булыжником дорог; поэтика православных храмов, крестьянских изб, русских берез явно чужда большинству молодых калининградцев. И хотя политические ценности остаются пока «чисто российскими», налицо весьма симптоматичные тенденции намечающихся трансформаций ментальности и тем самым ментальной идентичности. В этом контексте полагаем не лишним заметить, что процессы «размывания» национальной идентичности уже достаточно глубоко исследованы: знаменитый автор «Столкновения цивилизаций» Самюэль Хантингтон в своей последней книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» убедительно показывает, что в основе этого «размывания» лежит девальвация базовых ценностей[1].

Итак, подведем некоторые итоги: принципиально не признавая на сегодняшний день угрозу политического сепаратизма в Калининградском регионе, мы одновременно видим две возможности динамики в условиях калининградской региональной субкультуры. Первая: изменение массового сознания третьего поколения калининградцев, постепенное вымывание из него ценности «российскости», что с неизбежностью приведет к активизации отрыва от России; формы этого отрыва станут носить конкретно-исторический характер. Мы далеки от политического эсхатологизма и не говорим, что «так и будет»: мы только хотим сказать, что «так может быть». Очевидно, что конкретные политические, экономические, социальные решения федерального Центра сыграют в этом процессе не последнюю роль.

Но может осуществиться и другая возможность: при условии возрастания геополитической изоляции Калининградского эксклава, при увеличении, как некогда говорили, «международной напряженности» в массовом сознании калининградцев могут возобладать настроения «российского фундаментализма» вкупе с православным клерикализмом, что может привести к этноконфессиональным столкновениям в регионе. Как отмечает И.В. Кондаков, «пограничным культурам свойствен переменный модус от-

[1] См.: *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М., 2004.

крытости/закрытости и неустойчивый баланс центробежных и центростремительных процессов, в одних случаях стремящихся к преодолению смысловой определенности данной культуры, в других — к предельно жесткому ее обозначению и институциональному охранению»[1].

Обе указанные возможности социокультурной динамики в перспективе представляются равно «могущими быть» и равно нежелательными. Оптимальным полагаем развитие калининградской региональной субкультуры в сторону формирования «русского европейца» как субъекта-носителя ценностей толерантности, экуменизма, свободы и ответственности личности, то есть тех ценностей, которые, как отмечает В.К. Кантор, позволят «жить в Европе, не выезжая из России»[2].

Особая роль в формировании личности «русского европейца» в эксклавном регионе принадлежит классическому университету и возглавляемой им региональной системе образования в целом.

Реальностью является такая этнокультурная идентификация молодого поколения калининградцев, которую можно определить понятием «культурная маргинальность»[3]. Последняя может быть охарактеризована как «положение и особенности жизнедеятельности групп и отдельных индивидов, чьи установки, ценностные ориентации, модели поведения соотнесены (реально или в интенции) с различными культурными системами и проистекающими из них требованиями, но ни в одну из данных систем не интегрированы полностью»[4]. Думается, нет необходимости доказывать, как важно учитывать данное обстоятельство при осуществлении культурной, и прежде всего образовательной, политики в условиях калининградской региональной субкультуры, при разработке долгосрочных стратегий управления социокультурной динамикой в регионе.

---

[1] *Кондаков И.В.* Интерсубъективность культуры // Человек как субъект культуры. М., 2002. С. 167.

[2] *Кантор В.К.* Калининград, Россия, Европа: проблема понимания // На перекрёстке культур: Русские в Балтийском регионе. Вып. 7: В 2 ч. / Под общ. ред. А.П. Клемешева. Калининград, 2004. Ч. 1. С. 17.

[3] Отметим, что понятие «культурная маргинальность» не несет негативного оттенка, а предполагает открытость инновациям.

[4] *Культурология*: Учебник / Под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. М., 2005. С. 541—542.

43. АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ*

Формирование социума, то есть органической, саморегулирующейся системы, объединяемой устойчивыми социально-территориальными связями, происходит под воздействием совокупности внешних факторов, других территориальных систем — экономических, социальных, политических, природных. Особую роль среди них играет система образования, поскольку она во многом определяет социализацию личности, то есть способствует вхождению в систему социальных отношений, складывающихся в обществе, во многом задавая и сами эти отношения. Следовательно, специфика региональной системы образования влияет на специфику социума. Более того, в условиях эксклавной переселенческой Калининградской области образование является, возможно, решающим фактором, который может обеспечить формирование социума.

Однако система образования в нашей стране в целом и в Калининградской области в частности испытывает сейчас серьезные трудности, поскольку нуждается в реформировании. Реформирование системы образования в соответствии с изменившимися и продолжающими меняться экономическими и социальными условиями в нашей стране — одна из важнейших задач, стоящих перед российским государством и обществом. Задачи реформирования формулируются и обсуждаются в течение всего периода с начала 1990-х гг., принимаются определенные меры по изменению системы образования, однако полноценной реформы до сих пор не осуществлено. Сейчас на правительственном уровне предпринимается еще одна попытка внести качественные изменения в

---

* *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Образование как фактор формирования социума // Калининградский социум в европейском измерении: Сб. науч. тр. / Под ред. А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во КГУ, 2002.

российскую систему образования. Однако, на наш взгляд, предлагаемая реформа должна более полно учитывать возможные социальные следствия и те особенности, в том числе региональные, которые характерны для российского социума в процессе его современного развития.

При всех недостатках советской системы образования (прежде всего связанных с отставанием в развитии от темпов научно-технической революции, что было характерно для всей административно-командной системы, и недостаточной активизацией самостоятельности учащихся, опасной для «демократического централизма» господствовавшей в обществе коммунистической партии) она имела и ряд несомненных достоинств. В частности, обеспечивала сравнительно высокий общий уровень грамотности, значительный объем знаний (особенно в естественнонаучной сфере), необходимую социализацию личности. Недостатки, к сожалению, так и не устранены, а достоинства утеряны. В том числе и связанные не только с обучением, но и с воспитанием, подготовкой как к трудовой деятельности, так и к жизни в обществе.

Усилился разрыв между общим и профессиональным образованием, хотя с целью преодоления этого разрыва создано единое Министерство образования. Теперь, также во многом с целью упрочить связи между двумя частями системы, осуществляются попытки ввести единый государственный экзамен. Однако формального объединения явно недостаточно для реальной интеграции. Более того, есть опасения, что уровень школьного образования не повысится, а качество вузовской подготовки специалистов снизится.

Конечно, многие беды российского образования связаны с общим неудовлетворительным состоянием экономики. Однако нельзя не заметить и снижения за последнее десятилетие приоритетности образования среди социальных целей государства, как, собственно, и социальной сферы среди различных направлений государственной деятельности. Это легко можно подтвердить сравнением уровня оплаты труда в различных отраслях народного хозяйства. Работники сферы образования относятся к числу наименее оплачиваемых категорий.

В то же время в обществе после некоторого спада интереса к обучению стремление к получению высшего образования потеснило другие приоритеты. Это находит отражение в значительных расходах, которые несет население на получение платного образования. Можно предположить, что интересы государства и общества в отношении образования не вполне согласованы. В этом, на наш взгляд, и заключается одна из главных проблем совершенствования управления образованием, на что органами власти обращается слишком мало внимания.

Недостаточно изучены и современные проблемы социального развития, особенно проблемы социальной стратификации общества. В советский период в нашей стране, в отличие от развитых стран Запада, такие исследования почти не проводились, так что их теория и методика были разработаны слабо. В настоящее время исследования сдерживаются недостаточным финансированием. Поэтому взаимные связи социального развития и развития системы образования, в том числе на региональном уровне, изучены мало.

В Калининградском государственном университете развитие региональной системы образования во взаимодействии с социальным развитием активно изучается с конца 1980-х гг.[1] Накоплен значительный опыт разработки региональных программ развития системы образования; действует научно-методический центр «Регион и образование». Центром дополнительного и профессионального образования при КГУ осуществляется социологический мониторинг рынка образовательных услуг. Выполненные исследования и создали основу для оценки социальных, в том числе образовательных, процессов в регионе в их взаимной связи и взаимообусловленности.

Калининградская область в силу особых географических условий представляет собой уникальный полигон региональных исследований. Эксклавное, изолированное от основной части

[1] См., например: *Программа* развития системы образования Калининградской области. Калининград, 1994; *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Образование и региональное развитие. Калининград, 1999; *Клемешев А., Люейер П., Федоров Г.* Управление региональным развитием. Калининград, 1999 и др.

страны географическое положение делает все протекающие здесь процессы, в том числе и процессы в сфере образования, особенно ярко выраженными. Внешние связи региональной системы образования и ее взаимодействие с российской системой образования в целом, с одной стороны, и с зарубежными образовательными системами — с другой, проявляются особенно четко. Так же, как и взаимодействие системы образования с другими общественными системами в рамках всей социально-экономической системы региона.

Будут ли полученные на материалах изучения Калининградской области выводы характерны только для одного этого региона, или их также можно применить к остальным субъектам Российской Федерации? Полагаем, что яркое проявление разнообразных проблем в регионе, наоборот, обеспечит необходимый уровень абстракции, обобщения. Безусловно, для *любого* региона *все* выводы не станут объективной истиной. Но некоторые общие закономерности можно проследить, чтобы дать им оценку и наметить необходимые методы регулирования, а также определить важнейшие направления в совершенствовании региональной системы образования конкретно в Калининградской области с учетом особенностей формирующегося здесь социума, проблем и перспектив социального развития региона.

44. МНЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ О НЕОБХОДИМОСТИ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ *

Высокий конкурс в высшие и средние специальные учебные заведения в последние годы, готовность населения оплачивать достаточно высокую стоимость обучения престижным специальностям, профессиональную переподготовку и повышение квалификации — все это свидетельствует о том, что среди ценностных ориентаций образование занимает видное место.

Проведенное нами в 2001 г. социологическое обследование показало недостаточно высокую степень удовлетворенности населения области уровнем своего образования. Лишь 19 % опрошенных полностью удовлетворены уровнем своего образования и квалификации; 35 % скорее удовлетворены, чем не удовлетворены, 26 % скорее не удовлетворены и полностью не удовлетворены 8 %.

Более других удовлетворены имеющие высшее образование: доля в той или иной степени удовлетворенных в этой группе достигает 75 %, что в полтора раза выше среднего для всех групп показателя и, например, в два раза больше, чем в группе лиц с начальным профессиональным образованием.

Неудовлетворенность уровнем образования и квалификации заставляет респондентов предпринимать в этом отношении определенные шаги, но лишь 5 % опрошенных уже проходит обучение. Причем среди полностью удовлетворенных уровнем образования и квалификации эта доля выше, чем среди неудовлетворенных.

В целом в ближайшие годы примерно треть опрошенных намеревается получить образование более высокого уровня, повысить свою квалификацию или пройти профессиональную переподготовку. В подгруппах респондентов, наименее удовлетворенных своим образованием, этот показатель достигает 50 % (табл. 1), хотя данные намерения будут реализованы лишь частично, ведь сейчас проходят переподготовку лишь 4 % опрошенных из этой группы.

---

* *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Образование как фактор формирования социума // Калининградский социум в европейском измерении: Сб. науч. тр. / Под ред. А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во КГУ, 2002.

Таблица 1

Удовлетворенность уровнем образования и квалификации и намерение их повысить (% опрошенных)

Насколько Вы удовлетворены уровнем своего образования и квалификации?	Планируете ли Вы в ближайшие годы получить образование более высокого уровня, повысить свою квалификацию или пройти профессиональную переподготовку?					
	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Уже заняты этим	Затрудняюсь ответить
Полностью удовлетворен	16,9	8,5	11,3	56,3	4,2	2,8
Скорее удовлетворен	16,8	15,3	21,4	36,6	3,1	6,9
Скорее не удовлетворен	21,3	23,6	19,1	28,1	2,2	5,6
Полностью не удовлетворен	34,6	15,4	7,7	38,5	3,8	0,0
Затрудняюсь ответить	14,8	7,4	11,1	35,2	14,8	16,7
Вся выборка	18,9	14,8	16,4	38,3	4,9	6,7

Для улучшения качественных характеристик социума (включая рост социального оптимизма и др.) рост уровня образования имеет очень большое значение. Данные таблицы 2 показывают, что имеющие высшее образование и особенно незаконченное высшее (преимущественно студенты) в большей мере считают, что развитие региона предоставляет им шансы стать состоятельным человеком или человеком среднего достатка. Противоположную точку зрения относительно своих перспектив имеют лица с низким уровнем образования.

Таблица 2

Оценка отражения развития региона на личном благосостоянии в зависимости от уровня образования респондентов (% опрошенных)

Уровень образования	Выберите суждение, которое, по Вашему мнению, отражает то, как развитие региона может сказаться на Вашем благосостоянии			
	Шансы стать			Затрудняюсь ответить
	состоятельным человеком	человеком среднего достатка	бедным и очень бедным	
Начальное	0,0	28,6	42,0	28,6
Неполное среднее	9,1	18,2	63,7	9,1
Общее среднее	24,3	43,2	10,8	21,6
Начальное профессиональное	0,0	39,4	18,2	42,4
Среднее специальное	12,9	26,7	26,8	33,6
Неполное высшее	28,0	34,0	10,0	28,0
Высшее	19,8	36,5	20,6	23,0

Следует отметить, что пессимистические настроения в отношении перспектив роста образования, особенно у лиц с более низким уровнем образования, распространены достаточно широко. Очень большая доля калининградцев (в целом около трети респондентов) затруднилась ответить на этот вопрос.

Аналогичным образом удовлетворенность уровнем образования и квалификации (как уже отмечалось, более высокая у лиц со сравнительно высоким уровнем образования) положительно сказывается и на перспективах благосостояния населения в связи с развитием региона (табл. 3).

Таблица 3

Оценка влияния развития региона на личное благосостояние в связи с удовлетворенностью уровнем образования и квалификации (% опрошенных)

Насколько Вы удовлетворены уровнем своего образования и квалификации?	Выберите суждение, которое, по Вашему мнению, отражает то, как развитие региона может сказаться на Вашем благосостоянии			
	Шансы стать			Затрудняюсь ответить
	состоятельным человеком	человеком среднего достатка	бедным и очень бедным	
Полностью удовлетворен	37,1	37,1	8,6	17,1
Скорее удовлетворен	13,1	34,6	20,0	32,3
Скорее не удовлетворен	10,1	42,7	24,7	22,5
Полностью не удовлетворен	7,7	34,6	19,2	38,5
Затрудняюсь ответить	11,3	15,1	33,9	39,6

Региональная специфика развития системы образования

Модернизация страны в целом опирается на модернизацию образования, на его содержательное и структурное обновление. Задачами государственной политики в 2000—2010 гг., намеченными Правительством России, являются создание условий для максимально полной и эффективной реализации гражданами своих прав на получение образования, обеспечение соответствия его структуры и качества потребностям развития экономики, социальной сферы и гражданского общества.

Образование не только выполняет функции обучения и воспитания, социализации населения. Необходимо подчеркнуть его роль в обеспечении национальной безопасности России в целом и Калининградской области в частности.

Дело в том, что образование действует на всех уровнях безопасности: общества, государства, личности. Как ведущие политики, так и отечественные и зарубежные ученые утверждают, что игнорирование этого аспекта культуры выживания в образовательном процессе обречет нас на катастрофу.

Специалисты ЮНЕСКО и Всемирной организации здравоохранения, изучавшие в течение 1992—2000 гг. проблему жизнеспособности различных наций и государств, оценили жизнеспособность России в 1,4 балла из 5 возможных. Состояние ниже этого ведет к необратимой деградации. Тенденции развития ряда социальных сфер и сторон жизни российского общества, к сожалению, таковы, что этот показатель может снизиться.

В Калининградской области данный вопрос приобретает особую остроту, так как депопуляция касается еще недостаточно сформировавшегося социума. Прогноз на ближайшие десять лет, сделанный учеными Калининградского университета, говорит о дальнейшем неблагоприятном характере демографических процессов. Ситуация усугубляется тем, что изменение менталитета молодого населения области, репродуктивных установок подрастающего поколения происходит в отсутствие единой национальной идеологии и способно привести не только к дальнейшему вырождению, но и к усилению сепаратистских настроений, подобно тому, как это происходит в некоторых других регионах России.

Исходным противоречием, определяющим ситуацию, сложившуюся в сфере образования в России в целом и в Калининграде в частности, является противоречие между сформированной в советское время системой образования и динамично, хотя и недостаточно оптимально изменяющейся социальной средой. Пытаясь разрешить данное противоречие, федеральные и местные власти взяли курс на осуществление реформы системы образования, которая, несмотря на известные недостатки, привела к определенным положительным результатам. Однако резкое уменьшение государственных расходов на образование в условиях экономического спада, с одной стороны, и необходимость реформиро-

вания образования в соответствии с требованиями качественно изменившейся социально-экономической среды — с другой, предопределяют то сложное положение, в котором оказалась вся российская система образования.

В современных условиях сохранение, рост и качественное изменение образовательного уровня населения области являются одной из важнейших и наиболее трудных задач регионального развития. Эта задача, во-первых, определяется общими для страны условиями и, во-вторых, имеет местную специфику, обусловленную эксклавным положением области, ее историческими особенностями, соседством с зарубежными странами, уровнем развития и структурой народного хозяйства, состоянием социальной сферы в целом и культуры и образования в частности.

Общероссийские условия имеют два наиболее общих аспекта: *финансовый* и *содержательный*.

Финансовые проблемы вытекают из общего кризисного состояния российской экономики в 1990-е гг. и могут быть кардинально решены только с улучшением экономической ситуации. Однако и в условиях экономического кризиса следовало бы стремиться к приоритетному, по сравнению с другими отраслями, финансированию образования, чего большую часть периода не прослеживалось, наоборот: наблюдалась тенденция сокращения доли бюджетных расходов, направляемых на нужды образования. Лишь в самое последнее время, благодаря наметившемуся с 1999 г. росту экономических показателей, Правительство утверждает о предстоящем росте выделяемых на образовательные нужды средств.

Содержательные моменты связаны с утерей прежних идеологических ориентиров при отсутствии новых. Возникший вакуум заполняется зачастую худшими образцами западной (американизированной) масс-культуры. Общая духовная атмосфера в обществе ухудшается — растет аморальность, вседозволенность. Система образования, не получающая необходимого финансирования, не в состоянии надлежащим образом реализовать процесс воспитания (а отчасти и образования). Качество кадров в связи с низким уровнем оплаты труда, уступающим большинству отраслей экономики, ухудшается в связи с их оттоком в другие сферы хозяйства и отсутствия времени на повышение квалификации из-за высокой учебной нагрузкой, вызванной дополнительной работой для заработка. Распространена теневая деятельность при по-

ступлении на бюджетные места в вузы и средние специальные учебные заведения.

Региональный аспект развития образования также включает две названные выше группы проблем: *финансовую* и *содержательную*.

Финансовые проблемы в регионе стали более острыми, чем в среднем по стране, уже в 1980-е гг. Уровень развития социальной сферы, в том числе системы образования, в Калининградской области был средним или ниже среднего по сравнению с другими регионами Российской Федерации.

В середине 1980-х гг. число студентов вузов в расчете на 10000 жителей снизилось по сравнению с 1970 г. со 195 до 181, средних специальных учебных заведений — с 219 до 179. Этот показатель для вузов стал ниже среднего по России, к 1990 г. стал уступать среднероссийскому и соответствующий показатель для средних специальных учебных заведений.

Позиции области в РФ по показателям социальной сферы ухудшались, поскольку снижалась ее доля в капиталовложениях, направляемых на эти цели. За 1965—1985 гг. значительно меньше, чем в среднем по РФ, стало вводиться в строй школ и дошкольных учреждений, кинотеатров. Продолжение этой тенденции во второй половине 1980-х гг. вело к тому, что социальная сфера области в масштабах РФ превращалась из среднеразвитой в развитую ниже среднероссийского уровня, при этом и показатели в среднем по РФ стали ухудшаться.

Отставанию социальной сферы региона способствовала пассивная позиция областного руководства в получении дополнительного финансирования при недостаточном внимании к региону центральных властей и плановых органов. Научно-исследовательские институты Госплана России вели разработки крупных экономических районов, а Калининградская область не входила ни в один из таких районов РФ (она была отнесена к Прибалтике вместе с тремя республиками — Эстонией, Латвией и Литвой). Так, разработка республиканской программы «Подготовка кадров и образование» была начата и практически уже доведена до конца, когда разработчики «вспомнили» о Калининградской области, и в крайне недостаточные сроки пришлось обосновывать соответствующие предложения.

Провозглашенные в годы перестройки, во второй половине 1980-х гг., принципы приоритета социальной сферы в противовес прежним принципам ее остаточного финансирования реализовать не удалось. Нарастание социальной дифференциации потребовало относительного роста расходов прежде всего на поддержку малоимущих слоев населения, на содержание жилищно-коммунального и городского хозяйства. Рост показателей развития отраслей социальной сферы, в том числе образования, достигнутый в 1985—1990 гг., сменился в 1990-е гг. их быстрым снижением (табл. 4)[1].

Таблица 4

Динамика некоторых показателей системы образования, 1985—2000 гг.

Показатель	1985	1990	1995	1998	2000
Число постоянных дошкольных учреждений	510	519	434	335	286
Число детей в постоянных дошкольных учреждениях, тыс. чел.	51,0	48,4	32,4	24,8	23,9
Доля школ, ведущих занятия в одну смену, %	70	61	55	58	56
Доля детей, занимающихся во вторую и третью смены, %	19	22	30	30	27
Число студентов государственных вузов на 10 тыс. жителей	181	178	133	178	209

Источники: *Социально-экономическое* положение Калининградской области в 1998 году. Калининград, 1999. С. 188—189; *Калининградская* область в цифрах. Калининград, 2001. С. 64—65.

Резко сократился ввод в действие новых объектов социальной сферы. При общем уменьшении инвестиций удельный вес непроизводственной сферы крайне низок. Новое строительство почти не ведется. Для сравнения приведем следующие данные. В 1981—1985 гг. были построены школы на 8472 ученических места, дошкольные учреждения на 7050 мест, больницы на 150 коек,

[1] Это соответствовало общероссийским тенденциям. Доля затрат на образование в 1991 г. в РФ составила лишь 3,6 % ВВП против 4,8 % в 1989 г. Только за 1992 г. расходы государства на образование сократились на 20 %. Это сокращение продолжалось до 1997 г., когда впервые был обеспечен некоторый рост расходов, вновь сменившийся падением в 1998 г.

клубы и дома культуры на 2700 мест. А во второй половине 1990 годов введены в действие лишь следующие объекты социально-культурного назначения: школы на 1416 мест, больницы на 60 коек и поликлиники на 775 посещений в смену. Вовсе не вводились дошкольные образовательные учреждения и клубы. А бюджетное финансирование действующих учреждений стало включать лишь заработную плату (более низкую по сравнению с ее средним по стране уровнем), частично — коммунальные платежи.

Попытки развивать платные услуги оказались относительно успешными лишь у некоторых учреждений образования, в других отраслях успехи намного меньше (можно выделить, в частности, стоматологические службы в здравоохранении). За счет развития платного образования с 1996 г. увеличивается число студентов, превысившее дореформенные показатели. Но многие учреждения дошкольного воспитания были вынуждены прекратить свое существование. Огромные трудности испытывает начальное профессионально-техническое образование.

Отметим, что платные услуги, вопреки действующему законодательству, отнюдь не полностью возмещают затраты, необходимые на подготовку студентов. Калькуляция затрат не предполагает ни капитальных вложений, ни расходов на сложное оборудование, ни надлежащих закупок научной литературы, ни тем более расходов на бюджетную науку. Правда, и государство не обеспечивает учебные заведения нормативно необходимым финансированием. В частности, законом «Об образовании» предусмотрен уровень оплаты труда педагогов более высокий, чем в среднем по промышленности. В действительности он намного ниже.

Оплата труда учителей и воспитателей в нашей стране всегда была ниже средней по стране. Но никогда отставание не было столь большим. Так, в 1985 г. в сфере образования заработная плата составляла 76 % от среднего по народному хозяйству уровня. И никогда, как сейчас, бюджетные ставки работающих в высшей школе профессоров и доцентов не были ниже среднего уровня оплаты труда.

Усилившаяся социально-экономическая дифференциация регионов предопределяет и их различия в возможностях финансирования культуры и образования, поскольку федеральный Центр не

имеет возможности в полной мере сгладить региональные различия за счет централизованных ресурсов. В большинстве регионов бюджетное финансирование не позволяет полностью решать даже задачи сохранения культурного и образовательного потенциала, не говоря уже о проблемах его развития. В то же время регионы имеют сейчас больше самостоятельности в поиске дополнительных источников финансирования учреждений образования (региональные налоги и сборы, льготы, участие в международных программах и др.). Но поиск таких источников крайне труден: рост и так высоких налогов отрицательно сказывается на экономическом развитии, а международные проекты активно действуют лишь в ограниченном числе регионов (в частности, в Калининградской области).

Содержательная сторона образования в республиках и областях предполагает введение регионального компонента в образовательные программы, учет местной специфики в развитии культуры. Применительно к Калининградской области региональный аспект имеет весьма существенное значение. При этом имеют место как позитивные, так и негативные моменты, требующие учета при разработке программ развития культуры и образования.

Условия финансирования социальной сферы за счет региональных источников в Калининградской области не вполне благоприятны, поскольку доходы бюджета здесь формируются при большем уровне спада производства по сравнению со среднероссийским уровнем. Поступающие из федерального бюджета средства также недостаточны. В то же время область имеет больше возможностей по сравнению с другими регионами в получении международной помощи через различные программы и фонды.

Региональный компонент образования также оценивается неоднозначно. Многие сложности связаны со спецификой формирования калининградского социума, его недавним возникновением и развитием в пространственном отрыве от основной территории страны. Эта специфика позволяет ожидать большей гибкости социума, более быстрой его адаптации к изменившимся внешним социально-экономическим условиям. Положительную роль в этом может сыграть образовательная и культурная политика в регионе, нацеленная на построение желаемой модели (которую, однако, еще предстоит обосновать).

45. ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ*

Тенденции развития

Научно-методическим центром «Регион и образование» КГУ выполнена общая оценка региональной системы образования и проведены подробные исследования двух звеньев системы образования — общего среднего (прежде всего на материалах Калининграда) и высшего образования. Проведенный анализ состояния и проблем развития образовательных учреждений разного уровня позволяет сделать следующие общие выводы.

Калининградская область обладает развернутой сетью учреждений образования различного уровня, имеет достаточно подготовленные кадры и систему их подготовки и переподготовки, у населения большой спрос на образовательные услуги. Следовательно, имеются предпосылки для дальнейшего развития системы образования как основы всего регионального развития. Для этого необходимо:

— добиться приоритетности системы образования в финансировании государством и регионом;

— не допустить разрушения государственной системы образования путем недобросовестной конкуренции со стороны негосударственных учреждений;

— решать проблемы развития эволюционным путем, не допуская насильственной ломки сложившейся системы образования;

— стимулировать развитие образовательных учреждений изнутри, их саморазвитие, обеспечивая при этом государственные образовательные стандарты;

— обеспечить благоприятную внешнюю социальную среду развития образования, повышение его статуса среди социальных приоритетов населения.

---

* *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Образование как фактор формирования социума // Калининградский социум в европейском измерении: Сб. науч. тр. / Под ред. А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во КГУ, 2002.

Решение проблем развития системы образования играет во многом решающую роль в дальнейшем развитии Калининградской области. Становление новых (в том числе негосударственных) форм в системе образования, ориентация подготовки и переподготовки кадров на текущие, а в особенности на перспективные потребности региона, формирование в процессе обучения рыночного менталитета — именно это в наибольшей мере необходимо сейчас для создания настоящей рыночной среды.

При таких условиях можно решать стратегические проблемы развития региональной системы образования. К числу таких стратегических приоритетов, учитывающих общее для страны и конкретные региональные условия и задачи развития образования, следует отнести:

• Дальнейшее совершенствование и развитие многообразных форм образовательных учреждений, государственных и негосударственных (гимназий, лицеев, специализированных школ, колледжей, училищ, университетов, институтов, академий и т.д.).

• Развитие непрерывного образования, обеспечение взаимной связи звеньев системы образования при ведущей роли вузов региона, с одной стороны, и потребностей и возможностей для населения постоянного повышения своей квалификации — с другой.

• Разработку регионального компонента образовательных программ, специализацию учреждений образования в соответствии с перспективным хозяйственным профилем региона и его ролью как экономического и культурного моста между Востоком и Западом.

• Вхождение региональной системы образования как общегосударственной подсистемы в балтийское, европейское и мировое образовательное пространство.

• Создание условий для прогрессивных изменений в технологиях обучения:

а) техническое оснащение образовательных учреждений для обеспечения новых методик и возможностей самостоятельной работы обучающихся;

б) подготовка и переподготовка преподавательских кадров в соответствии с новыми направлениями развития системы образования.

• Сочетание самостоятельности образовательных учреждений с централизованным контролем за качеством обучения; совершенствование лицензирования, аккредитации и аттестации учреждений.

С учетом происходящей реструктуризации народного хозяйства области объективно требуются изменения и в профессиональной структуре подготовки специалистов. По мнению разработчиков программы Tacis «Поддержка программой Tacis глобального плана развития Калининградской области», сейчас в регионе появляется необходимость в создании при международном содействии нескольких небольших высокоспециализированных учебных заведений, готовящих кадры для развития приоритетных отраслей и предприятий — главных объектов развития. В частности, это требуется для бизнеса и торговли, обработки янтаря и дизайна изделий из него, транспорта и логистики, информации и коммуникации. При этом не предлагается отдельный вуз для каждого объекта. Разрабатываемая проектом стратегия развития основывается на обрабатывающих производствах по повышению добавленной стоимости продукта, где главным ресурсом является человеческий фактор. Следовательно, наибольший эффект может иметь организация нескольких стратегических вузов в сфере коммерции, логистики, переработки сельскохозяйственной продукции или в информационных технологиях.

Дальнейшее реформирование системы образования предполагает сохранение и развитие лучших отечественных традиций и одновременно — учет позитивного (и негативного!) зарубежного опыта. Такой подход позволяет наращивать преимущества в тех аспектах образования, где мы сейчас превосходим зарубежные образовательные системы, и укреплять слабые звенья — такие, как недостаточная самостоятельность обучающихся, слабая материально-техническая база учебных заведений, в ряде случаев шаблонный подход к процессу обучения и недостаток его активных форм.

Неопределенность направлений социально-экономического развития региона накладывает ограничения на реализацию стратегии развития системы профессионального образования. В условиях этой неопределенности наиболее адекватным и удовлетворительным является университетское образование. Самыми оптимальными можно считать следующие направления ведущих учреждений высшего профессионального образования в ходе создания трех университетских образовательных комплексов:

— фундаментальное образование — Калининградский государственный университет;

— политехническое образование — Калининградский государственный технический университет;

— специализированное транспортное направление — Балтийская государственная академия рыбопромыслового флота (в перспективе возможно преобразование ее в транспортную академию).

Каждый комплекс должен представлять собой систему непрерывного образования и включать в себя профильные классы в школах, базовые лицеи, гимназии, ПТУ, технические лицеи, колледжи, учреждения дополнительного образования, бакалавриат, магистратуру, аспирантуру, факультеты повышения квалификации, структуры, занимающиеся подготовкой и переподготовкой кадрового потенциала для каждого комплекса.

Существенными чертами образовательных комплексов должны стать преемственность и взаимное дополнение государственных стандартов на всех ступенях профессионального образования, преемственность учебных программ, методов и форм организации учебного процесса, постоянное изучение подготавливаемых кадров психологом и профориентатором. Принципиальной проблемой является разработка и реализация в деятельности образовательных комплексов регионального компонента содержания профессионального образования.

Учитывая вышеизложенное, к числу основных стратегических направлений развития системы образования Калининградской области можно отнести:

1. Дальнейшее совершенствование и развитие многообразных форм учреждений образования (государственных и негосударственных, гимназий, лицеев, специализированных школ, колледжей и т.д.).

2. Разработку образовательных программ и специализацию учреждений образования в соответствии с перспективным хозяйственным профилем региона и его ролью экономического и культурного моста между Востоком и Западом.

В КГУ, в частности, программы предусматривают уделять все большее внимание компьютерным курсам, иностранному языку, ряду гуманитарных (экономических, политических, социологических, философских) дисциплин. С 1995 г. началось открытие таких новых специальностей и специализаций, как польский язык и литература, литовский язык и литература, прикладная ма-

тематика, геоэкология, философия, изобразительная деятельность, валеология, социально-культурный сервис и туризм. Начата также подготовка врачей-лаборантов.

3. Развитие непрерывного образования, обеспечение взаимной связи звеньев системы образования при ведущей роли высших учебных заведений региона.

Известны успехи БГА в обеспечении связи в блоке морского образования. В КГУ устанавливаются аналогичные связи в педагогическом образовании (пока на договорной основе).

4. Вхождение региональной системы образования как общегосударственной подсистемы в европейское образовательное пространство. Международное сотрудничество играет особую роль для системы образования региона. И его значение будет возрастать, способствуя внедрению новых форм подготовки и переподготовки кадров, новых технологий обучения, более тесной связи учебных заведений с хозяйственной практикой.

Этому способствуют активные двусторонние связи многих учебных заведений региона с зарубежными, а также участие вузов области в международных программах. Проекты, финансируемые из различных международных источников, обращались к ряду основных направлений, среди которых:

— включенная подготовка преподавателей;

— изучение иностранных языков и преподавателями, и студентами;

— обеспечение академических визитов преподавателей и студентов калининградских вузов в рамках международных программ обмена;

— изучение русского языка и аспектов русской экономики и культуры иностранными преподавателями и студентами в рамках программ обмена;

— сравнительное изучение образования в области менеджмента в разных странах, включая Россию, Великобританию, Францию, Германию, Грецию;

— знакомство ведущих преподавателей с различными международными системами высшего образования в области менеджмента и экономики;

— поддержка разработки, адаптации и пробного осуществления соответствующих программ по менеджменту и экономике (включая методические материалы) и прикладные исследования;

— модернизация и развитие экологического образования в Калининградской области, включая подготовку преподавателей, пересмотр существующих учебных планов по экологическому образованию и разработку новых курсов;

— помощь в международном признании дипломов, включая сертифицирование калининградских выпускников зарубежными вузами и предоставление доступа к послевузовскому образованию на основе результатов по окончании вуза;

— поставка оборудования для поддержки преподавания, исследований и коммуникации (особенно Интернет).

В этих рамках основные калининградские вузы имеют возможности, которых у них не было в условиях закрытости региона для иностранцев. Однако еще важнее то, что местным попыткам планировать будущее выживание и развитие вузов в направлении соответствия международным стандартам был дан значительный импульс. Визиты зарубежных преподавателей и взаимные обмены способствовали началу процесса самостоятельной оценки вузов на организационном и образовательном уровнях. Конкретные проектные результаты состояли, в частности, в совместной разработке учебных курсов. При этом приходилось учитывать различия образовательных систем (табл. 1), заимствуя позитивный опыт каждой из них.

Таблица 1

Характеристика образовательных систем

Критерий	Российская образовательная система	Западные образовательные системы
1. Основная задача образования	Дать знания и научить ими пользоваться. Проверить эффективность усвоения определенного набора знаний	Предоставить возможность учиться. Контроль на выходе (по существу, только на экзамене)
2. Цель образования	Показать общие закономерности процессов и явлений, дать их теоретическое понимание, то есть обеспечить фундаментальную основу	Разработка конкретных алгоритмов возможных действий в определенных ситуациях
3. Соотношение аудиторных и внеаудиторных занятий	Объем аудиторных занятий в российских вузах в среднем в два раза больше, чем в любом зарубежном (разнообразие уникальных специальных курсов)	Самостоятельное штудирование пособий, сеть библиотек, оснащенных компьютерными системами поиска

Значительный опыт реализации программ ТЕМПУС и ТАСИС накоплен в Калининградском госуниверситете — на факультете романо-германской филологии (английская филология), экономическом, географическом факультетах и факультете педагогики и психологии. Общий объем финансирования этих программ за 1995—1998 гг. превысил 2 млн ЭКЮ.

5. Создание условий для прогрессивных изменений в технологиях обучения:

а) подготовка и переподготовка преподавательских кадров в соответствии с новыми направлениями развития системы образования;

б) техническое оснащение образовательных учреждений для обеспечения учебного процесса (пока отставание от западноевропейских стран в оснащении — как минимум на порядок);

в) совершенствование методик обучения (прежде всего внедрение активных методов).

6. Сочетание самостоятельности учреждений образования с централизованным контролем за качеством обучения; совершенствование аккредитации, аттестации и лицензирования.

Специфика региона должна найти отражение в региональном учебном плане, который необходимо внедрять в школах Калининградской области (табл. 2). Будет возникать потребность в учете и других региональных особенностей, помимо отмеченных в таблице. Уже сейчас, например, можно отметить следующую новую особенность (она учитывается в ряде школ): усиление языковой неоднородности населения. Возможно (но не обязательно), она будет возрастать, и тогда потребуется ее надлежащий учет.

Таблица 2

Учет особенностей области в региональном учебном плане

Особенность региона	Учет в региональном учебном плане
Наличие в регионе мигрантов с различным образовательным уровнем	Нивелирование недостатка в образовании путем усиления базовой подготовки
Безработица, миграция в Россию	Расширенное и углубленное базовое образование, позволяющее поступить в различные вузы или легко найти работу

Окончание табл. 2

Особенность региона	Учет в региональном учебном плане
Перспективы развития ОЭЗ в регионе, развитие частного предпринимательства	Введение курса «Основы экономики и предпринимательства»; формирование у учащихся самостоятельности, предприимчивости, ответственности
Внедрение новых технологий в связи с интенсивным развитием региона	Введение курсов «Информатика и вычислительная техника», «Использование электронно-вычислительной техники»
Повышенная конфликтность в обществе, проблемы социализации, общения	Введение курса «Основы психологии и социологии»
Наличие международных границ, перспективы развития области как транспортного узла	Углубленное изучение иностранных языков
Близость зарубежных образовательных центров	Усиление базовой и гуманитарной подготовки учащихся
Оторванность от корней российской культуры	Изучение истории России, истории края, русской и мировой художественной культуры
Недостаточно активное осуществление основных направлений программы развития региона	Усиленная подготовка по профессиональному самоопределению
Нестабильное экономическое развитие региона	Универсализация базового образования, позволяющая быстро адаптироваться к изменениям социально-экономической среды

Учет региональной специфики в учебных планах учреждений образования всех уровней является одним из проявлений их относительной самостоятельности. Но ее реализация протекает не столь уверенно. Так, после небольшого периода относительной самостоятельности вузов в первой половине и середине 1990-х гг. усилилось административное давление «сверху» — из Минобразования и в какой-то мере областных органов. Крайне важно, чтобы это давление, имеющее и определенные объективные основания (необходимость сохранения единого образовательного пространства, требования контроля за соблюдением законодательства, образовательных стандартов и т.д.), не превратилось в чрезмерное администрирование и отмену допускаемой законом автономии высших учебных заведений.

Условием успешного развития региональной системы образования является ее достаточное финансирование. Основным источником и впредь должно оставаться бюджетное финансирование — федеральное и региональное. Это не отрицает возможности привлечения негосударственных средств, которые для отдельных учреждений могут играть и преобладающую роль, особенно в сфере переподготовки и повышения квалификации кадров. Но нельзя допускать попыток приватизации и перехода на преимущественно негосударственные источники финансирования основной массы учреждений, в особенности вузов.

Крайне отрицательно следует оценить и попытки подчинить высшие учебные заведения областным органам управления, как и перевести их на финансирование через областные структуры (а не непосредственно из федерального бюджета через финансовые органы Минобразования России, как сейчас). Отдельные образовательные и научные проекты в интересах региона могут так финансироваться (а поэтому и контролироваться), но не весь процесс высшего образования, который из-за этого распадется на региональные компоненты и измельчает. Именно 750 российских вузов в единой системе высшего образования страны обеспечивают нынешний достаточно высокий уровень и авторитет высшей школы Российской Федерации. Эта система допускает одновременно и автономию вузов, и их координацию, поэтому не имеет смысла от нее отказываться.

Задачи управления региональной системой образования не могут догматически пониматься как создание специального контролирующего органа, осуществляющего финансирование учреждений и диктующего разнарядку на подготовку кадров. Это означало бы не только возврат к административно-командной схеме управления, но и ее реализацию в ухудшенном варианте — в масштабах региона. Такие попытки, к сожалению, усиливаются. Например, для лицензирования новых специальностей сейчас требуются не только необходимые кадры и иные предпосылки у учреждений образования, но и согласие областных органов управления (службы трудоустройства), даже если предполагается негосударственное финансирование специальности. Это противоречит задачам учреждений образования в удовлетворении спроса населения на образовательные услуги.

Система образования осталась одной из немногих сфер, поддающихся административному управлению. Однако из этого не следует, что нужно вновь возвращаться к прежним командным методам. Система образования способна к саморазвитию, и в этом одно из главных ее достоинств. Не следует ее обюрокрачивать и лишать нынешних элементов самостоятельности. Требуется искать такие формы управления, которые, наоборот, развивали бы самостоятельность и инициативу самих учреждений в соответствии с общей образовательной политикой в стране и регионе.

Формирование в регионе учебного округа

Переориентация образовательной системы Калининграда на возникающие потребности производства, особенно на перспективные внутренние инвестиционные проекты, требует разработки высшим образованием соответствующих программ подготовки. Это условие состоит из двух текущих элементов, где первый — предложение традиционных профессий и соответствующих знаний и изменения квалификации, а второй — поддержка специальных внутренних инвестиционных проектов, когда можно определить конкретные требования к знаниям и умениям.

Наиболее подходящей основой для необходимой поддержки вузов являются структуры средних специальных и профессионально-технических учебных заведений. Хотя условия части учреждений высшего образования второго уровня эффективны, сеть именно этих учебных заведений могла бы быть использована для создания интегрированного и сбалансированного диапазона профессиональных курсов, предназначенных как для выпускников школ, так и для рабочих, которым требуется переподготовка. Важное направление — обучение и переобучение взрослых. Следует обратить внимание на рационализацию различных видов подготовки кадров — от обучения основным навыкам до более передового знания, необходимого для возможных инвестиционных проектов. Наличие таких проектов является условием для заблаговременного развертывания системы подготовки в соответствии с будущими потребностями в кадрах различного уровня квалификации и профессиональной направленности.

В условиях Калининградской области особенно необходима консолидация усилий всех субъектов системы образования. В этом и заключается идея формирования в регионе экспериментального учебного округа, методически возглавляемого системой вузов Калининграда, действующих совместно с областной администрацией в определении регионального компонента образования.

Для реализации идеи учебного округа необходимо разработать совместный план действий Минобразования России, администрации области и калининградских вузов. Функции округа должны быть согласованы в рамках общей стратегии регионального развития, которой, на наш взгляд, должна стать стратегия, в полной мере учитывающая интересы региона, направленная на повышение его роли в экономике и культуре России, принимающая во внимание особенности геополитического и, если можно так выразиться, «геокультурного» положения области.

Итак, приоритетность образования, необходимость его опережающего развития объясняется его ролью не только в развитии экономики, но и в решении проблем социализации личности, формирования социума. Специфику Калининградской области необходимо учитывать в стратегии развития образования, и особенно следует обратить внимание на формирование гражданского сознания, на развитие образования как института культуры.

Нельзя дожидаться, пока социум в регионе сам заработает как саморегулирующаяся система, поскольку множество факторов действует в направлении его дестабилизации. И региональный образовательный стандарт, и содержание образования в целом, и работа всей региональной системы образования должны быть ориентированы на усиление целостности социума в пределах регионов, а также в городах и сельских районах.

В настоящее время в Калининградском государственном университете продолжаются комплексные исследования проблем региональной системы образования. Проводятся социологические исследования для того, чтобы получить необходимый эмпирический материал для последующих теоретических и практических выводов. Мы надеемся установить более тесные связи с администрацией области и Областной думой, с муниципальными структурами для того, чтобы обеспечить повышение роли образования в регионе.

Усиливаются связи с ведущими российскими образовательными и научными центрами, с зарубежными партнерами с тем, чтобы полнее учесть российский и зарубежный опыт научных исследований сферы образования и чтобы привлечь внимание исследователей к нашему своеобразному региону.

Полагаем, что Калининградская область обладает значительным образовательным и научным потенциалом, который используется и регионом, и Федерацией далеко не в полной мере. Значительны возможности региона в усилении интеграции российской и зарубежных образовательных систем. В направлении повышении образовательной и научной роли региона и в России, и за рубежом будет продолжаться деятельность Калининградского государственного университета, других вузов области.

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ЕС

46. КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ В РОССИЙСКО-ЕВРОПЕЙСКОМ ДИАЛОГЕ*

Калининградская область, российский эксклав на Балтике, в последние годы находится в центре внимания многих отечественных и зарубежных экспертов. Основной дискутируемый вопрос — обеспечение жизнедеятельности и экономического развития региона, пространственно отделенного от основной территории страны. Часто рассматриваются также политические проблемы, связанные с потенциальной конфликтогенностью области, коммуникации которой с остальной Россией зависят от зарубежных государств, и с угрозой сепаратизма, нередко возникающего в эксклавах. Социально-культурные аспекты — региональная идентичность, межкультурные взаимодействия в балтийском культурном пространстве, — хотя и затрагиваются исследователями, но им уделяется меньшее внимание. Между тем по мере увеличения продолжительности периода с того момента, когда в 1991 г. область превратилась в политический эксклав, становятся все более существенными не только экономические и политические аспекты, но и культурные проблемы эксклавности региона.

Эксклавная Калининградская область пространственно отделена от основной части России не просто зарубежными государствами, входящими в НАТО и ЕС. Формирующийся калининградский социум является анклавом внутри той части западной цивилизации, которую можно назвать Старым Светом (а может быть, и считать отдельной цивилизацией) и с которой ему приходится взаимодействовать особенно тесно и непосредственно. Важность этого взаимодействия для калининградцев более существенна по сравнению с жителями других регионов России. Поэтому крайне важно понять, каким является, а особенно каким станет в будущем характер, российско-европейского взаимодействия. От этого зависит, как будут складываться отношения с соседями у жителей

* *Клемешев А.П.* Калининградская область в российско-европейском диалоге // Космополис. 2005. № 3 (13). С. 57—72.

области, в каком направлении следует расширять культурные контакты.

Однако сейчас, говоря об отношениях между цивилизациями, речь нужно вести не только (и, может быть, не столько) о культурных взаимодействиях. Относящиеся к одной цивилизации страны формируют экономические и политические пространства. Цивилизации превращаются в культурно-экономико-политические общности (которые, по мнению некоторых, имеют тенденцию к превращению в государства нового типа). Поэтому, рассматривая место области в отношениях России и Старого Света, необходимо прогнозировать характер этих отношений и в зависимости от этого определять, какого рода экономические связи нужно развивать хозяйствующим субъектам и как относиться к иностранному капиталу на территории региона, а также обеспечивать политическое развитие и защиту российского эксклава в центре Европы.

Калининградская область как окраинная территория

Окраинные (приграничные) территории, к которым относится Калининградская область, как отмечает А. Макарычев, стали объектом новой концепции европейских авторов конструктивистского направления Ноэля Паркера (Великобритания), Кристофера Браунинга и Пертти Йоенниеми (Дания)[1], связанной с понятием «margin». «Margin» — окраина, которая не только не синонимична неполноценности, но и часто позволяет решающим образом влиять на ход международных процессов и позиции ведущих мировых акторов. А. Макарычев соглашается, что «с одной стороны, окраинные территории могут способствовать снижению значимости границ (de-bordering) и, соответственно, “постмодернизации” политического пространства. В частности, основы такого подхода содержатся в финской концепции “Северного измерения”, которая видит в окраинах “посредников”, “контактные пространства”,

[1] См.: *Parker N.* Integrated Europe and Its ‘Margins’: Action and reactions // Margins in European Integration. Edited by Noel Parker and Bill Armstrong. Macmillan Press and St. Martin’s Press, 2000. P. 3—8; *Browning Ch., Joenniemi P.* Contending Discourses of marginality: the Case of Kaliningrad. Copenhagen / Institute for International Relations and Human Rights, 2003.

сглаживающие жесткость оппозиции Восток — Запад. С другой стороны, окраинные территории могут содействовать укреплению границ (bordering) и в этом смысле — поддерживать те принципы национальной исключительности и суверенитета, которые заложены в Вестфальской системе»[1].

Так или иначе, Калининградская область во все большей мере является индикатором отношений Россия — ЕС. На нее то возлагаются надежды как на «пилотный» регион сотрудничества, то подчеркивается ее кажущаяся депрессивность и потенциальная конфликтогенность.

Применительно к Калининградской области возникает проблема ее «двойной периферийности». Эта проблема, как отмечает Н. Смородинская[2], впервые была поднята Пертти Йоенниеми (финский ученый, работающий в Копенгагенском институте исследований проблем мира)[3]. Речь идет о том, что Калининград оказывается в положении двойной экономической периферии «и по отношению к территориально удаленной России — как ее балтийский эксклав, — и по отношению к территориально приближенной Европе — как чужеродный ей анклав»[4]. Возможно ли разрешение этой проблемы? Для ответа на этот вопрос нужно рассмотреть роль эксклавности в развитии региона в контексте развития в мире экономических, социальных и политических процессов, находящихся под определяющим влиянием глобализации.

Калининградская область принципиально выделяется среди всех субъектов Российской Федерации. Правда, есть мнение, что она может быть поставлена в один ряд со многими окраинными территориями России (такими, как Сахалин, Камчатка и пр.), и предлагается подготовить специальный касающийся их доку-

---

[1] *Макарычев А.* Польша и Россия: противоречивые интересы «Восточного измерения» // Россия и Европейский союз. М., 2004. С. 92—93.

[2] *Смородинская Н.* Калининград в условиях объединения Европы: вызов и ответ // Вопросы экономики. 2001. №11. С. 107. Из отечественных авторов Н. Смородинская наиболее последовательно раскрывает угрозы, связанные с гипотетической «двойной периферийностью» Калининградской области.

[3] См.: *Joenniemi P., Fairlie L., Dewar S.* The Kaliningrad Puqzzle: a Russian terrirory within the European Union. Karlskrona, The Baltic Institute of Sweden. February 2000.

[4] *Смородинская Н.* Калининград в условиях объединения Европы: вызов и ответ // Вопросы экономики. 2001. №11. С. 107.

мент[1]. Но удаленность и эксклавность — разные категории. Жителям Камчатки не требуется разрешение зарубежных стран для того, чтобы отправиться на «материк». Здесь не возникнет международных конфликтов, связанных с транзитом пассажиров и грузов, хотя государству и приходится платить надбавки к зарплате жителям этих регионов.

Удаленность — категория экономическая, а эксклавность — политическая. Поэтому для Калининградской области и требуется не только особый экономический режим (его обеспечивает сейчас Закон об ОЭЗ), но и специальная организация управления регионом, федеральная политика по отношению к области, международное соглашение об условиях ее жизнедеятельности. То есть подход к решению проблем жизнеобеспечения и развития эксклавного российского региона должен быть более комплексным, учитывающим все многообразие переплетающихся здесь интересов — общероссийских, региональных, международных.

Эксклавность — это всегда конфликтная ситуация и очень часто конфликт, причем нередко возможно его перерастание в вооруженный конфликт. И разрешение конфликтов, обусловленных наличием эксклавов, крайне сложно. Более того, в отношении территории нынешней Калининградской области конфликт, возникший еще с завоеванием Тевтонским орденом прусских (а затем и части польских) земель, так и не разрешен до настоящего времени. И его разрешение возможно только тогда, когда будет достигнута общеевропейская политическая общность и на смену межгосударственным все в большей мере будут приходить межрегиональные отношения.

Калининградская область занимает определенное место в экономике России и Балтийском регионе. Обслуживая российские внешнеэкономические связи, область сейчас играет посредническую роль в отношениях между РФ и зарубежными странами, в особенности входящими в ЕС. Сухопутные коммуникации, связывающие область с основной территорией страны, также проходят через страны ЕС.

---

[1] *Ивченко В.В.* Программно-стратегическое развитие приморского региона России: теория, методология, практика. Калининград, 2003.

С началом в 1999 г. роста производства в Российской Федерации в Калининградской области темпы прироста валового регионального продукта (который в 1992—1998 гг. сокращался быстрее, чем в большинстве российских регионов) составляют 9,7 % в год и превышают средние по стране (6,8 %), при этом в РФ они выше, чем в других странах Балтийского региона. Однако этот рост является неустойчивым.

С учетом решений петербургского (2003 г.) саммита Россия — ЕС о стремлении создать четыре общеевропейских пространства (в сферах экономики, внутренней безопасности, внешней безопасности, а также науки, образования и культуры) Калининградской области можно (и нужно) найти место в реализации конкретных мер по сближению сторон применительно к каждому из пространств. Однако усилия в этом направлении должны быть двусторонними. В связи с этим имеется предложение о создании совместной программы развития, «в рамках которой предлагаемые Россией проекты совместно разрабатываются, финансируются и контролируются на предмет их эффективности»[1].

Российско-европейские взаимоотношения и перспективы Калининградской области

Перспективы российского эксклава на Балтике во многом определяются нынешним и вероятным будущим характером взаимоотношений России и Запада. Но в оценке российскими экспертами как состояния, так и (особенно) перспектив развития этих отношений нет единства. Более того, позиции порой различаются полярно. И если совсем недавно господствовала активно пропагандировавшаяся М.С. Горбачевым идея «общего европейского дома» и даже обосновывались возможности вхождения России в ЕС (приведшие к подписанию в 1994 г. Соглашения о партнерстве и сотрудничестве), то сейчас дело ограничивается декларацией о формировании «четырех общих пространств» и много говорится об охлаждении двусторонних отношений.

Недостаточно определены, в том числе в долгосрочном плане, и взаимоотношения с другими международными партнерами.

[1] *Тиммерманн Х.* От идей — к действиям. Будущее европейско-российских отношений // Policy Paper. Stiftung Entwicklung und Frieden. Oktober 2004. P. 6.

Существует точка зрения, что «просто окончания "холодной войны" для США, видимо, недостаточно, для них, похоже, нужна полная сдача Россией всех ее позиций, а то и ее окончательный развал»[1].

Поэтому, как подчеркивает А.О. Чубарьян, «одна из задач сегодня — ясное осознание национальных интересов России и целей мирового сообщества. Или они будут находиться в состоянии гармонии или конфронтации»[2].

Среди экспертов, прогнозирующих усиление конфронтации, определенную популярность приобретают идеи продолжающегося и усиливающегося цивилизационного противостояния. А цивилизационное единство далеко не всеми рассматривается как решающий фактор политической интеграции государств. А.В. Беликоев пишет: «Схожесть культурных ценностей, единая религия или происхождение не являются *основополагающими* факторами для политического объединения. Их наличие может ускорить или облегчить вступление политических субъектов в союз, но не может однозначно определить необходимость такого союза»[3].

Однако если прослеживать социальные, экономические и политические процессы сопряженно, то в пространственном плане выявляется их большое взаимное соответствие. Выделяемые учеными геоэкономические пространства в основном совпадают с пространствами выделенных еще С. Хантингтоном цивилизаций, и в них наблюдаются процессы политической консолидации государств, образования уже не только ассоциаций и политических блоков, но и, как это имеет место в Западной Европе, форм, приближающихся к конфедерации.

От ответа на вопрос, как будут складываться отношения между российской и западной цивилизациями, во многом зависит

---

[1] *Десять* лет внешней политики России: Материалы первого конвента Российской ассоциации международных исследований / Под ред. А.В. Торкунова. М., 2003. С. 53.

[2] *Основные* этапы внешней политики России: Выступление директора Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьяна // Десять лет внешней политики России … С. 30.

[3] *Беликоев А.В.* О сущности технологической дезинтеграции политических единств // Десять лет внешней политики России… С. 57.

будущее всего мира, а применительно к эксклавной Калининградской области зависимость ее развития от этих отношений является практически определяющей. На Западе есть много сторонников создания «бархатного» занавеса взамен железного, отделявшего Россию с ее союзниками от остального мира. Как относиться к этой идее: игнорировать ее, помогать строить «бархатный занавес» или пытаться не допустить его появления? Среди российских экспертов нет единого мнения по этому поводу, но, по мере выхода экономики страны из кризиса и проведения более активной внешней политики, все чаще можно встретить утверждения об «особости» российской цивилизации и невозможности заимствования многого из того, что распространено на Западе.

Однако такие стратегические цели, как модернизация страны и обеспечение ее долгосрочной конкурентоспособности, думается, не могут быть достигнуты через самоизоляцию, через неприятие опыта других государств и иных цивилизаций. Причем творческое, а не механическое использование чужого опыта отнюдь не ведет к утрате цивилизационной самостоятельности и идентичности (о чем свидетельствуют примеры Японии и Китая). Автаркия же приведет лишь к окончательному истощению ресурсов страны в ходе противоборств одновременно на внутреннем и внешнем фронтах.

Идеи противостояния падают на благодатную почву, подготовленную средствами массовой информации. Если в 1989 г. 60 % опрошенных оценивали западный образ жизни как образцовый. А в 2000 г. 67 % опрошенных указали, что западный вариант общественного устройства в той или иной мере не подходит для российских условий и противоречит укладу жизни российского народа[1].

Противопоставление российского общества западному вместо поиска того общего, что уже объединяет две цивилизации и может содействовать дальнейшему их сближению, вряд ли может принести пользу России (и государству, и населению, и бизнесу). Между тем у многих отечественных ученых нарастает неудовлетворенность современным положением в стране, а также местом Рос-

[1] См.: *Дубин Б.* Запад для внутреннего потребления // Космополис. 2003. №1 (3). С. 137, 150.

сии в мире — сложностью конкуренции в глобальной мировой экономике и трудностями диалога с Западом.

Здесь мы сталкиваемся с характерным для российских социологов и политологов жестким и бескомпромиссным противостоянием «западников» и «антизападников». Для этого противостояния весьма характерно безоговорочное утверждение А. Панарина: «Русская идея может быть только антилиберальной и антизападной»[1].

Но очевидно, что новое противостояние не может принести нашей стране и народу ничего, кроме вреда. Необходимо сотрудничать, и большинство граждан нашей страны это понимают. Сложнее обстоит дело с тем, как и в каких сферах сотрудничать. Как констатирует, например, Г. Ключарев, «в большинстве своем россияне хорошо осознают необходимость тесного сотрудничества с Западной Европой. Однако по его различным аспектам общественное мнение российского населения носит противоречивый характер. Так, не менее половины наших сограждан настроены в пользу вхождения России в Европейское сообщество, что позволило бы ей стать частью общеевропейского экономического пространства. Вместе с тем весьма представительна в российском обществе и доля “евроскептиков”. По крайней мере каждый третий россиянин полагает, что входить в ЕС совсем необязательно, а может быть, и не нужно»[2].

На Западе тоже преобладает и упрочивается односторонняя позиция по отношению к России. Как указывают В.А. Колосов и В.Ф. Туровский, НАТО утратил в результате победы в «холодной войне» не только естественного врага, но и естественных союзников. Западные СМИ стали активно создавать новый образ «империи зла» в лице России, «чужой» для запада и принципиально невосприимчивой к ценностям либеральной демократии, пораженной коррупцией и неспособной уважать права человека[3]. Э. Паин справедливо отмечает: «Европа защищает интересы одних меньшинств в России (например, этнических) и одновременно

[1] *Панарин А.* Искушение глобализмом. М., 2000. С. 56.
[2] См.: *Ключарев Г.* Европа и Россия глазами россиян // Россия и Европейский союз. М., 2004. С. 56.
[3] См.: *Колосов В.А., Туровский В.Ф.* Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы // Полис. 2000. №3. С. 40—60.

ухудшает положение других (например такого регионального меньшинства, как жители Калининградской области)». Можно согласиться, что в отношениях ЕС и РФ «необходимо разорвать порочный круг роста взаимного недоверия. И движение в сторону большего взаимопонимания должно быть двусторонним — навстречу друг другу»[1].

Это движение займет довольно длительный период. Его сторонники утверждают: «В видимой перспективе Россия вполне может рассчитывать (конечно, не через годы, а через десятилетия), что станет равноправным участником сначала общеевропейской зоны свободной торговли, а затем и общеевропейского экономического пространства, в пределах которого свободное передвижение через границы товаров, услуг, капитала и рабочей силы будет нормой для всех»[2].

Однако пока о двустороннем движении речь идет лишь в статьях отдельных российских экспертов. Западные партнеры считают, что именно Россия, если она готова занять место младшего партнера, должна двигаться навстречу Западу, то есть США и Европейскому союзу (как это происходит в тех странах Восточной Европы, которые вошли в ЕС или стремятся к этому). Готовность России к такому движению проявляется, прежде всего, в переговорах о ее вступлении во Всемирную торговую организацию. В отношениях с ЕС наблюдается слишком медленный прогресс. Это означает, что хотя стратегия России по отношению к ее месту в глобализирующемся мире еще не вполне определена, появляется все больше оснований к тому, чтобы стремиться к ее постепенному превращению в самостоятельную, и не только политическую, но и экономическую социально-культурную силу, равнозначную другими центрам силы, господствующим сейчас в мире. Речь может идти не о вхождении России в западную цивилизацию (как и в экономические и политические организации Запада), а максимум о том, чтобы создать двусторонние партнерские структуры. Такие структуры, хотя и медленно развиваю-

[1] *Паин Э.* Динамика отношения россиян к Западу в свете проблем развития политических связей России со странами Европейского союза // Россия и Европейский союз… С. 29.

[2] Десять лет внешней политики России… С. 52.

щиеся, уже имеются. Это, прежде всего, Совет Россия — НАТО и Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС.

Перспективы развития партнерского сотрудничества между Россией и Западом зависят от многих факторов, и немаловажную роль играет оценка сторонами достигаемых в ходе этого сотрудничества результатов. Историческая новизна таких отношений не исключает ошибок, недобросовестного использования научных концепций (например, игр с нулевой суммой, когда утверждается неминуемый проигрыш одного из партнеров при выигрыше другого), сомнительных трактовок результатов сотрудничества. Потому целесообразна апробация новых форм и методов взаимодействия сторон первоначально в одном «пилотном» регионе, каковым могла бы стать Калининградская область. Уже сейчас российско-европейское взаимодействие развивается здесь достаточно активно и позволяет давать оценку деятельности совместных предприятий, внедрения импортозамещения, создания инфраструктуры рынка, приграничного сотрудничества. Предварительные выводы подтверждают эффективность активизации взаимных связей и развития различных форм кооперации производства. Организация комплексного мониторинга российско-европейского взаимодействия в регионе могла бы принести большую пользу для дальнейшего развития международного сотрудничества в Балтийском регионе, сотрудничества России и ЕС в целом.

Институализация калининградской проблематики

Несмотря на явную «особость» Калининградской области, связанную с ее эксклавностью, и Россия в рамках своей внутренней политики, и Европейский союз (как и входящие в него страны, граничащие с Калининградской областью) в своей внешней политике не склонны рассматривать российский эксклав как особый случай. Россия предпочитает говорить об области как обычном субъекте Федерации. Европейский союз не желает существенно выделять Калининградскую область из общего контекста двусторонних отношений с Российской Федерацией. Проблема области как российского эксклава не институализирована, и это вызывает многочисленные трудности: вновь и вновь возникают новые проблемы обеспечения жизнедеятельности региона.

На федеральном уровне необходимо признание особого статуса области путем выделения ее среди других субъектов РФ как «эксклавной», принятие соответствующего закона «О Калининградской области» и определение Федеральной политики по отношению к ней. Последний документ разрабатывается уже несколько лет, но до сих пор так и не принят. Еще дольше, с начала 1990-х гг., выдвигаются идеи придания области особого статуса, но эта инициатива не находит поддержки в федеральных органах государственной власти.

Точно так же наиболее эффективный путь решения *внешних (международных) проблем* российского эксклава — законодательный, регулирующий отношения вокруг Калининградской области на международно-правовой договорной основе. Только таким путем, на наш взгляд, можно создать и закрепить в долгосрочной перспективе стабильную ситуацию вокруг эксклавного российского региона. В противном случае любые программы и проекты могут оказаться нереализуемыми.

Так, если говорить о формировании общего экономического пространства Россия — ЕС и нынешней ситуации в Калининградской области, то главным препятствием к росту экспорта произведенных в области товаров является не столько качество или цена, сколько запретительная таможенная политика стран — потенциальных импортеров продукции (прежде всего, стран ЕС). В качестве ограничений используются несоответствие стандартов, экологические требования к производству, квотирование импорта определенных товаров, антидемпинговые меры и пр. нетарифные ограничения.

Внешние условия (включая условия транзита грузов и пассажиров, отношение ЕС к режиму ОЭЗ при вступлении России в ВТО, особенности доступа произведенных в области товаров на рынок ЕС) настолько существенны для социально-экономического развития региона, что было бы желательно определить эти условия до принятия нового закона об ОЭЗ. Речь идет о том, что для стабилизации внешних условий регионального развития следует добиться подписания ***договора между РФ и ЕС об условиях жизнеобеспечения и развития Калининградской области как региона взаимного сотрудничества.*** Основаниями к заключению договора могли бы стать Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС и последующие договоренности о

развитии отношений между сторонами. Инициативу заключения такого договора поддерживает, в частности, Калининградская областная дума и областная администрация. Соответствующие предложения в адрес Евросоюза выдвигались и российским Правительством, но пока положительного ответа на них не получено (представители ЕС полагают достаточным развивать отношения в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве 1994 г.). Правда, принято решение о создании специальной комиссии по Калининградской области, но до настоящего времени (июнь 2005 г.) она пока не создана.

Помимо условий транзита пассажиров и грузов через территорию стран ЕС для жизнеобеспечения Калининградской области в договоре могут быть определены и многие другие аспекты, представляющие взаимный интерес. С учетом беспошлинного доступа товаров из-за рубежа (прежде всего, из стран ЕС) в Калининградскую область, следует добиваться предоставления рынка ЕС для калининградских товаров (хотя бы в размерах импорта из них на территорию области). Кроме того, с учетом эксклавного положения области и его изменений в результате расширения ЕС согласно международному праву страны Евросоюза должны возместить возможный экономический ущерб от своих действий, ухудшающих условия и стоимость транспортировки грузов и перевозок пассажиров между Калининградской областью и другими российскими регионами.

В договоре целесообразно учесть возможную «пилотность» области в отношениях Россия — ЕС. Если действительно будет формироваться Общее европейское экономическое пространство, означающее постепенное снятие экономических барьеров, то одним из факторов его формирования станет адаптация институтов ЕС применительно к российским условиям[1]. (Хотя речь ведется о «конвергенции» законодательства, понятно, что именно нормы Евросоюза как более развитого рыночного пространства будут служить образцом для реформирования российского законодательства в экономической сфере, а не наоборот.) Тогда Калининградская область как относительно продвинутый в рыночном

[1] См.: *Мау В., Новиков В.* Отношения России и ЕС: Пространство выбора или выбор пространства? // Вопросы экономики. 2002. №6. С. 135.

плане регион, соседствующий со странами ЕС и поддерживающий с ними тесные экономические отношения, действительно могла бы выполнять функции «пилотного» региона по апробации соответствующих механизмов для последующего их внедрения в других субъектах РФ.

Региональную стратегию нужно (по возможности) включить в ***общую стратегию стран Балтийского региона,*** стратегию еврорегиона «Балтика» (объединяющего расположенные в южной части Балтики регионы Швеции, Дании, Польши, Литвы, Латвии и Калининградскую область). Такая задача поставлена проектом «Seagull-IIRC», который сейчас реализуется в области при поддержке программы ТАСИС и над которым работают ученые Калининградского госуниверситета, Института океанологии РАН и шведские эксперты.

Развивая российско-европейские связи на юго-востоке Балтики с активным использованием географического положения Калининградской области, можно не только решить проблемы жизнеобеспечения и развития российского эксклава, но и переходить к качественно новым формам экономического сотрудничества России с ее западными партнерами, сотрудничества СНГ и ЕС. Усиление экономической кооперации неизбежно будет иметь следствием и дальнейшую активизацию сотрудничества в сфере культуры и образования, расширение диалога и нахождение все новых общих элементов и возможностей взаимодействия и сближения цивилизаций.

Для подтверждения перспективной роли области показательны события, произошедшие в Калининграде 2—3 июля 2005 г., в дни празднования 750-летия города: заседание Государственного совета (под председательством Президента России, с участием глав российских регионов) и трехсторонняя встреча лидеров России, Германии и Франции. Сам факт проведения этих мероприятий в Калининградской области подчеркивает особую важность региона как в целом для России, так и для отношений Российской Федерации со странами Европейского союза. Если конструктивное внимание к области федерального Центра и зарубежных партнеров не снизится, она действительно может стать быстро и устойчиво развивающимся регионом сотрудничества на Балтике.

47. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ*

Калининградская область как центр партнерства РФ — ЕС на Балтике

В начале XXI в. проблема Калининградской области стала одной из первоочередных в комплексе отношений между Россией и объединяющейся Европой, по-своему отражая процессы глобализации и представления различных международных субъектов о роли России в этих процессах. И в предстоящие годы ее актуальность, вероятно, будет нарастать. Ведь в ходе всех последних встреч на высшем уровне между Россией и Евросоюзом серьезного прорыва не произошло. Главные проблемы до сих пор не решены.

Речь идет о необходимости выработать единое понимание места Калининградской области в процессе интеграции России в общеевропейское пространство, что было заявлено в качестве важнейшей совместной цели и России, и Евросоюза.

Судя по интересу, который проявляют к Калининградской области зарубежные политики и политологи, представители делового мира, можно с уверенностью утверждать, что самый западный российский регион является узлом переплетения международных интересов, в особенности интересов стран бассейна Балтийского моря. Число документов по области, принятых за последние десять лет федеральными властями, говорит и о том, что здесь сконцентрированы жизненно важные интересы России. Если Балтийский регион вновь окажется сферой противоборства, ни о каком ускоренном развитии области не может быть и речи. Если здесь будет активно развиваться экономическое и культурное сотрудничество, Калининградская область может стать важнейшим его центром.

В настоящее время Калининград стал одним из важных центров международных контактов, объектом разработки многочис-

---

* *Клемешев А.П., Гутник В.П., Федоров Г.М., Зверев Ю.М.* Стратегии развития Калининградской области / Под ред. А.П. Клемешева, В.А. Мау. Калининград, 2007.

ленных проектов и программ с участием российских и западных экспертов. Расширение ЕС на восток и предстоящее превращение Калининградской области в анклав внутри Евросоюза обусловливает возникновение в регионе ряда экономических, социальных и политических проблем, способ решения которых будет отражать реальную степень развития международного сотрудничества России с ее западноевропейскими партнерами. Калининградский опыт — как позитивный, так и негативный — может оказаться весьма полезным для корректировки российской внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии.

В условиях публично декларированного партнерства между Россией и Евросоюзом урегулирование политических, правовых и экономических проблем Калининградской области, возникающих в связи с расширением ЕС, имеет особое значение. Это урегулирование приобретает функцию безошибочного и ясного индикатора готовности обеих сторон — и России, и ЕС — перевести совместные политические заявления о партнерстве в плоскость реальных практических шагов. При этом решение возникших острых международно-правовых вопросов (включая технические, например визовой) является не самоцелью, а лишь предпосылкой к формированию условий для ускоренного экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества России и ЕС в XXI в. По мнению Президента В.В. Путина, «от решения проблемы Калининградской области, затрагивающей жизненные интересы россиян, зависит то, как будут складываться отношения России с Евросоюзом в целом»[1]. Целью и России, и Евросоюза является превращение Калининградской области «в хороший образец сотрудничества России с расширяющейся Европой»[2].

Позиция Европейского союза по Калининградской области

Первоначально общая позиция ЕС в отношении региона формировалась в рамках финской инициативы «Северное измерение». Так, в Плане действий по «Северному измерению», принятом в

[1] *Официальное* интернет-представительство Президента России. 29 мая 2002 года. [Электрон. ресурс.] Режим доступа: http://www.kremlin.ru/text/news/ 2002/05/ 38203.shtml

[2] Там же.

2000 г., было уделено определенное внимание Калининградской области. В частности, отмечалось, что регион представляет собой вызов с точки зрения развития межрегионального сотрудничества, и для того, чтобы область «усвоила» преимущества расширения ЕС, необходимо проведение ускоренных реформ на ее территории.

В наиболее полном виде позиции Евросоюза по Калининграду сформулированы в докладах Европейской комиссии *«ЕС и Калининград»* (17 января 2001 г.), *«Сотрудничество между ЕС и Россией по Калининграду: 2002 г. и далее»* (23 мая 2002 г.), *«Партнерство России и ЕС по Калининградской области»* (12 июля 2002 г.), *«Калининград: транзит»* (18 сентября 2002 г.)[1].

Позиция ЕС по Калининградской области начинает оформляться более отчетливо в 2001 г. — с началом президентства Швеции в ЕС, причем первым институтом Евросоюза, вовлеченным в формировании этой позиции, стала Комиссия ЕС (КЕС). В январе 2001 г. КЕС опубликовала доклад по Калининграду с целью ускоренного решения наиболее неотложных проблем — транзита российских гражданских и военных грузов через территорию Литвы, визового режима, борьбы с организованной преступностью и нелегальной миграцией, формирования современной инфраструктуры на границах. КЕС полагала, что диалог ЕС — Россия по проблемам Калининградской области может быть успешно реализован через соответствующие комитеты и подкомитеты в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Россией и ЕС. В июне 2001 г. КЕС открыла информационный центр (Центр европейской документации) в Калининградском государственном университете (сейчас — Российский государственный университет имени Иммануила Канта).

Инициатива КЕС была подхвачена Европейским советом, который в ходе встречи в Люксембурге в июне 2001 г. подтвердил наибольшую приемлемость структур СПС для дальнейших дис-

[1] См.: *The EU* and Kaliningrad. Communication from the Commission to the Council. Brussels, 17.1.2001, COM (2001) 26 final; *Сотрудничество* между ЕС и Россией по Калининграду: 2002 год и далее. 23 мая 2002; *Партнерство* России и ЕС по Калининградской области. Москва, 12 июля 2002; *Kaliningrad: Transit.* Communication from the Commission to the Council. Brussels, 18.9.2002, COM (2002) 510 final.

куссий с Россией по Калининградской области (так называемая «двусторонняя платформа ЕС — Россия»). Была отмечена крайняя важность «калининградской проблемы» в связи с вхождением в ЕС десяти новых государств, в том числе Латвии, Литвы и Эстонии. Совет предложил Комиссии подготовить концептуальный доклад для Совета к сентябрю 2002 г.

В октябре 2001 г. на саммите Россия — ЕС вопрос о Калининградской области обсуждался в рамках реализации СПС. Подчеркивалась необходимость достижения соглашения по консульским и визовым вопросам между Россией, Евросоюзом и странами-членами ЕС. Все стороны договорились о специальных мерах против нелегальной миграции и заключении соглашений о реадмиссии — приеме и передаче лиц, незаконно пребывающих на территории соответствующих государств (эта позиция ЕС вызвала крайне противоречивую реакцию в России).

Весной 2002 г. к обсуждению проблемы Калининградской области подключился еще один институт ЕС — Европейский парламент: в конце апреля парламентский Комитет по международным отношениям, правам человека, общей внешней и оборонной политике опубликовал доклад по ситуации в регионе. В докладе было подчеркнуто, что область является неотъемлемой частью Российской Федерации. Однако такое положение предполагает, что и ответственность за регион лежит на России, а ЕС может лишь внести посильный вклад в формирование благоприятных условий для развития региона.

В докладе доминировал технический, а не политический подход к решению визовых и пограничных проблем, что расходилось с ожиданиями Российской Федерации. В частности, в документе отмечалось, что трудности, возникающие на литовско-польско-калининградских границах, во многом являются результатом недостаточно эффективного администрирования со стороны властей региона. По мнению авторов доклада, основными условиями успешного развития сотрудничества между Россией и ЕС в Калининграде являются:

1) хорошее управление (*good governance*) в смысле эффективной администрации и четко функционирующих законодательных институтов;

2) эффективная антикоррупционная политика;

3) способствование российской стороной, чтобы административные процедуры в отношении иностранных и внутренних инвесторов имели более последовательный и логичный характер;

4) федеральными и региональными властными структурами России создание правовых и политических рамок для развития в регионе гражданского общества (Комитет призвал Евросовет и КЕС предоставлять целевую финансовую помощь региону на данном направлении).

Следует отметить, что доклад Комитета представлял собой важный шаг в развитии диалога между ЕС и Россией по Калининградской области. В целом он имел более инновационный и открытый характер, нежели документ Комиссии, опубликованный в январе 2001 г. Однако статус этого документа был не вполне ясен: доклад не отражал официальную позицию ЕС, а скорее выступал как некая декларация, продукт аналитиков Европарламента. Этот вывод подтверждается, в частности, тем, что в ходе дальнейших переговоров с Россией КЕС последовательно придерживалась значительно более жесткой позиции, нежели Европарламент.

ЕС, как указывается в докладах Еврокомиссии, готов обсуждать и решать любые вопросы, связанные с Калининградом, в рамках организационно-правовых механизмов, предусмотренных Соглашением по партнерству и сотрудничеству. Тем самым ЕС фактически отвергает идею заключения отдельного соглашения (соглашений) по Калининградской области, которая высказывалась рядом представителей российской стороны.

Оценивая предложения об установлении для Калининграда особого режима в торговле с ЕС, Евросоюз указывает, что поскольку Калининградская область является неотъемлемой частью России, то предоставление ей какого-либо особого статуса (например, зоны свободной торговли или таможенного союза) будет сопряжено с определенными трудностями. Это может породить ряд политических и юридических проблем. К тому же Россия, как считает Еврокомиссия, вряд ли предоставит Калининграду необходимую степень автономии. Поэтому у ЕС нет уверенности в том, что региону потребуется какой-либо особый режим (то есть эта идея фактически отвергается, хотя и в достаточно мягкой форме).

ЕС признает, что его расширение имеет особые последствия для Калининградской области — главным образом с точки зрения движения товаров, людей и поставок энергии.

По мнению Евросоюза на саммите ЕС — Россия в ноябре 2002 г. в Брюсселе было найдено удовлетворяющее обе стороны решение о транзите людей, заключающееся во введении упрощенного транзитного документа (УТД) и упрощенного проездного документа по железной дороге (УПД-ЖД). Особо отмечалось, что в связи с этой уникальной договоренностью ЕС внес соответствующие дополнения в Шенгенское законодательство.

В то же время с точки зрения России не все обстоит так радужно. Например, упрощенный режим не распространяется на поездки калининградцев в Белоруссию и Украину, с которыми многие жители области связаны родственными узами. Кроме того, с 2005 г. при транзите через Литву требуется заграничный паспорт, из-за чего встал вопрос об обеспечении этим документом жителей региона, что потребовало от России дополнительных средств и усилий. Пока неясно, как сложится ситуация с транзитом после вступления Литвы в Шенгенское пространство, запланированного на 2007 г. По мнению губернатора Калининградской области Г.В. Бооса, у граждан РФ возникнут проблемы с пассажирским транзитом. «Есть позиция Литвы о готовности сохранить существующий сегодня режим пассажирского транзита и декларация ЕС о готовности содействовать упрощенному транзиту через Литву для граждан России, но пока не найдены технические решения этой проблемы», — отметил губернатор[1].

Что касается движения товаров, то этот вопрос пока окончательно не урегулирован и его обсуждение продолжается. В Совместном заявлении о расширении ЕС и отношениях Россия — ЕС (27 апреля 2004 г., Люксембург) стороны подтвердили, что на основе статьи 12 СПС и статьи V ГАТТ они будут применять на практике принцип свободы транзита товаров, включая энергетические, между Калининградской областью и остальной территорией России. Это, в частности, предполагает, что транзитные то-

[1] *Вступление* Литвы и Польши в Шенген добавит хлопот россиянам. Информационное агентство «Росбалт». [Электрон. ресурс]. Режим доступа: 03/02/2006 http://www. rosbalt. ru/2006/2/3/242607.html

вары не станут подвергаться излишним задержкам или ограничениям и будут освобождаться от таможенных пошлин и транзитных сборов и других сборов, связанных с транзитом[1]. Товарам, следующим транзитом в (из) Калининградскую область будет предоставлен режим, не менее благоприятный, чем тот, который был бы предоставлен таким товарам, если бы они перевозились без транзита через территорию ЕС. Запреты и ограничения в отношении товаров, следующих транзитом, могут вводиться только по причинам, связанным, в частности, с общественной безопасностью или охраной здоровья и жизни людей или защитой интеллектуальной, промышленной или коммерческой собственности.

Россия и ЕС приветствовали договоренность по таможенным вопросам от 17—18 декабря 2003 г. о применении упрощенных и необременительных таможенных процедур в отношении товаров, следующих транзитом в (из) Калининградскую область автомобильным и железнодорожным транспортом через территорию ЕС. В Заявлении отмечается, что с 1 мая 2004 г. в результате упрощения административных процедур административные расходы, связанные с таможенным транзитом, будут ниже, чем до расширения ЕС.

Обе стороны далее подтвердили обязательство (как только будут готовы к этому) заключить в дальнейшем соглашение о координации режимов таможенного транзита России и ЕС, применимого также к транзиту товаров в (из) Калининград.

В своих документах ЕС также отмечал, что в контексте расширения необходимо проанализировать договоренности между Россией и Литвой о транзите военных грузов и военнослужащих. В дальнейшем глава представительства Европейской комиссии в России Р. Райт уточнил, что этот вопрос, в принципе, относится к вопросам правопорядка и общественной безопасности, которые регулируются на национальном уровне и двусторонними соглашениями (например, Соглашением между Литвой и Россией о военном транзите). Что касается ведения ЕС в данном вопросе, то применяются обычные правила транзита товаров. По мнению

[1] За исключением сборов за транспортировку или таких сборов, которые покрывают административные расходы, связанные с транзитом или со стоимостью предоставленных услуг.

нового губернатора Калининградской области Г.В. Бооса, проблема российского военного транзита в Калининградскую область должна решаться по аналогии с существующими договоренностями России о транзите военных грузов НАТО через российскую территорию[1].

В связи с намерением Литвы подключиться к центральноевропейской энергосистеме Евросоюз полагает, что в этих условиях существует три варианта решения проблемы энергообеспечения Калининградской области: сохранение связи с энергосистемой России; подключение к центральноевропейской сети, связанной с основной энергосистемой ЕС; наращивание мощностей по производству электроэнергии в области. Хотя говорится, что эти варианты требуют детального совместного исследования, по некоторым деталям можно понять, что последний вариант (рост местного производства) Евросоюзу не очень нравится. По крайней мере, указывается, что мощность строящейся ТЭЦ-2 в 900 МВт вдвое превышает рекомендацию, сделанную в рамках исследования ТАСИС.

По мнению Еврокомиссии, нет особой необходимости и в строительстве нового газопровода в Калининградскую область. ЕС не ожидал, что в связи с его расширением возникнут какие-либо трудности с поставками в Калининградскую область газа по действующему газопроводу, который, однако, нуждается в обновлении, а также с другими транзитными поставками традиционных источников энергии. Исключение составляет сжиженный попутный газ, перевозки которого по железнодорожным и автомобильным магистралям должны соответствовать стандартам ЕС по транспортировке таких потенциально опасных грузов.

Россия, однако, не согласилась с доводами Евросоюза. В октябре 2005 г. был запущен первый энергоблок ТЭЦ-2. А в декабре 2005 г. Газпром завершил строительство газопровода-дублера Каунас — Шакяй (Литва). Это позволит увеличить ежегодные объемы транспортировки газа по газопроводу «Минск — Вильнюс — Каунас — Калининград».

Важное место в документах ЕС по Калининграду отводится помощи по таким направлениям, как охрана окружающей среды,

[1] *Интерфакс*. 3 февраля 2006. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. interfax. ru/r/B/pcreport/15.html?id_issue=11459307

здравоохранение (прежде всего борьба со СПИДом и туберкулезом), борьба с незаконными видами деятельности (незаконная миграция, нелегальная перевозка людей, нелегальная перевозка наркотиков, контрабанда и кража автомобилей и др.). Соответствующие разделы документов изложены, в отличие от многих публикаций в европейской прессе, в достаточно корректной форме.

Отметим, что в официальных документах ЕС прямо не связывал введение визового режима для Калининградской области с распространением в регионе преступности, наркомании и инфекционных заболеваний (упор делается на борьбу с нелегальной иммиграцией). Тем не менее создается впечатление, что главным для ЕС в отношении Калининградской области все же является минимизация так называемых «мягких рисков». Евросоюз судя по публикациям и выступлениям официальных лиц, пока не готов к подписанию соглашения (или соглашений) с Россией по Калининградской области, предпочитая работать в устоявшемся формате СПС и технической помощи в рамках программы ТАСИС. Показательно, что ЕС на официальном уровне никак не прореагировал на российское предложение превратить Калининградскую область в «пилотный регион» сотрудничества России и ЕС в XXI в. и принятую «Стратегию социально-экономического развития Калининградской области как региона сотрудничества на период до 2010 года». Не то что бы эти идеи были отвергнуты — их попросту «не заметили». Справедливости ради надо сказать, что и российский федеральный Центр, похоже, устраивает существующий формат сотрудничества. В результате и Россия и ЕС вместо того, чтобы решать проблемы Калининградской области в комплексе, рассматривают их «по мере поступления», часто запаздывая и порождая ненужную цепочку кризисных ситуаций.

ЕС оказывает техническое (преимущественное консультационное) содействие развитию региона. Он предоставил более 40 млн евро на различные проекты программы ТАСИС в Калининградской области[1]. Поддержка Евросоюзом Калининградской

[1] *Калининград* // Представительство Европейской комиссии [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.delrus.cec.eu.int/ru/cis_2.htm

области через эту программу сосредоточена на следующих ключевых направлениях[1]:

- ***Частный сектор*** (реструктуризация предприятий, развитие людских ресурсов, содействие инновационным малым и средним предприятиям и поддержка энергетического сектора).
- ***Приграничное сотрудничество*** (развитие инфраструктуры, включая портовое хозяйство; совершенствование пограничных процедур и обучение сотрудников правоохранительных органов, приоритетное финансирование Евросоюзом различных пунктов пересечения границы между Калининградской областью РФ, Польшей и Литвой).
- ***Окружающая среда*** (мониторинг состояния окружающей среды на границах с Литвой и Польшей).
- ***Здравоохранение и образование*** (содействие реформе здравоохранения и лечению и профилактике ВИЧ-инфекции, поддержка неправительственных организаций в социальной сфере с акцентом на социальную реинтеграцию бывших военнослужащих и их семей, сотрудничество между высшими учебными заведениями Калининграда и ЕС в рамках программы ТЕМПУС).

Евросоюз продолжит уделять особое внимание Калининградской области как в контексте своих инициатив в Балтийском регионе, так и в контексте расширения. ЕС выражает готовность способствовать экономическому развитию Калининграда, прежде всего через поддержку малого и среднего предпринимательства. В марте 2003 г. Европейская комиссия совместно с другими донорами начала Специальную программу с бюджетом в 25 млн евро по поддержке Федеральной целевой программы России по Калининграду, рассчитанную на 2004—2006 гг.

Приоритеты Специальной программы:

- развитие административного потенциала региона;
- улучшение системы общего и профилактического здравоохранения;
- содействие развитию интеллектуального потенциала региона и целевого обучения в соответствии с потребностями рынка труда;

[1] *Калининград* и расширение ЕС: граница, но не барьер. Представительство Европейской Комиссии в России. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. eur. ru/ru/cis_2.htm

• поощрение приграничного сотрудничества через поддержку совместных проектов между Калининградом, Польшей и Литвой в рамках инициативы «Нового добрососедства», которая включает конкретную программу для Калининграда. Это программа приграничного сотрудничества Польши, Литвы и Калининградской области «Соседство» начинает реализовываться в 2006 г. (первые конкурсы проектов были объявлены осенью 2005 г.). Ее примерная стоимость составит 10 млн евро. Финансирование для Польши и Литвы обеспечивает программа *Интеррег* III *а*, а для Калининградской области — программа ТАСИС.

Краткое рассмотрение позиции Европейского союза по калининградской области позволяет сформулировать ряд выводов.

Во-первых, интерес Евросоюза к «калининградской проблеме» естественным образом связан с расширением ЕС в 2004 г. Поэтому неудивительно, что «пик» обсуждения проблемы приходился как раз на период, непосредственно предшествовавший расширению, — 2001—2002 гг. В целом ЕС видит в само́м существовании Калининградского анклава внутри своей территории серьезную проблему, затрудняющую расширение, которое и без того происходит достаточно болезненно. В этом и заключается концептуальное расхождение позиций между Россией и Евросоюза: если Россия видит регион как потенциальную «точку входа» в ЕС и выигрышную «карту» на переговорах с Евросоюзом, то позиция ЕС носит более прагматический характер: он рассматривает область с точки зрения собственной безопасности как источник «мягких рисков» (организованная преступность, нелегальная миграция, наркотрафик, загрязнение окружающей среды, распространение СПИДа и др.). При этом масштабы указанных рисков зачастую преувеличиваются.

Во-вторых, с этим концептуальным расхождением связан и разный подход к проблеме. Россия стремится сделать из Калининграда политическую проблему, максимально расширяя ее контекст: РФ беспокоит то, как сможет существовать российский регион, ставший анклавом внутри политического, правового, экономического пространства с другими «правилами игры». Возникают закономерные опасения, что это приведет к ослаблению связей области с основной частью России и ее «дрейфу на Запад». Поэтому в принятых федеральных документах по Калининградской

области основной акцент делается на то, что необходимо обеспечить благоприятные внешние условия жизнедеятельности и развития региона как неотъемлемой части Российской Федерации. Средством создания этих условий видится превращение области в активного участника трансграничного и регионального сотрудничества, в российский регион сотрудничества с Европейским союзом в XXI в. [1] Напротив, для ЕС переговоры носят практически ориентированный, технический характер.

В-третьих, к обсуждению проблемы Калининградской области были подключены почти все институты ЕС «первого порядка» — Европейский совет, КЕС, Европарламент. Очевидно несовпадение позиций по данной проблеме различных органов ЕС: более мягкая позиция Европарламента против более жесткой позиции КЕС, которая в конечном счете и была принята на переговорах с Россией. Такое положение отражает, в частности, недостаточную роль Европарламента в институциональной системе ЕС.

В-четвертых, жесткость позиции Евросоюза проявляется при ее сравнении с позициями других международных акторов. Например, доклад Парламентской ассамблеи НАТО носил значительно более либеральный характер в отношении визового режима, нежели позиция КЕС. Более того, доклад призывал ЕС смягчить позицию в отношении Калининградской области, отмечая, что подход Евросоюза, который можно охарактеризовать как «все или ничего» в отношении расширения, лишь усложняет задачу достижения успеха на переговорах с Россией.

Наконец, следует отметить, что «градус» интереса к Калининградской области определяется, помимо прочего, и внутренним развитием самого Евросоюза, в частности тем, какая страна на данном этапе осуществляет президентство в ЕС. Так, подъем интереса к этой территории был не в последнюю очередь связан с президентством Швеции, которая была вовлечена в проблему в силу географической близости и реализации концепции «Северное измерение».

---

[1] См.: *Стратегия* развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000—2010 годы) // Иванов И.С. Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны. М., 2002. С. 293—294.

Отношения с непосредственными соседями — Польшей и Литвой

Несмотря на то что ЕС является важнейшим актором в общеевропейских международных отношениях, сохраняется и значение межгосударственных связей. Применительно к Калининградской области речь идет, прежде всего, об отношениях с непосредственными соседями — Польшей и Литвой.

Политика Польши и Литвы по отношению к Калининградской области Российской Федерации после их вступления в ЕС 1 мая 2004 г. в значительной степени определяется общей политикой Евросоюза по отношению к российскому эксклаву на Балтике. Тем не менее обе страны, разумеется, имеют и собственные интересы в Калининградской области РФ.

Как представляется, интересы Польши по отношению к Калининграду лежат больше в плоскости *политики* и *безопасности.* Так, в начале 1990-х гг. польские политические круги были обеспокоены появлением (на неофициальном уровне) проектов, связывающих будущее Калининградской области с переселением туда российских немцев и масштабными немецкими инвестициями[1]. Это вполне естественно, так как значительная часть современной территории Польши перешла ей от Германии в соответствии с решениями Потсдамской конференции 1945 г. (как и Калининградская область РСФСР). И гипотетическая «регерманизация» Калининграда могла бы стать катализатором развития аналогичных процессов и на бывших немецких территориях в Польше.

Исходя из сегодняшней ситуации в Калининградской области, опасения ее «регерманизации», существовавшие и в России, представляются преувеличенными. Тем не менее в 2003 г. польский президент Александр Квасьневский, говоря о том, что у России нет бóльших союзников по калининградской проблеме, чем Польша, напрямую связал это с тем, что и Калининградская об-

[1] См.: *Lachowski Z.* Kaliningrad as a Security Issue: An Expert View from Poland // Kaliningrad: The European Amber Region / Ed. by Pertti Joenniemi, Jan Prawitz. Aldershot, 1998. P. 133.

ласть, и Польша имеют границы, возникшие в результате Второй мировой войны. Поэтому малейшая нестабильность в российском прибалтийском регионе отзовется и в Польше[1].

Другим важным сюжетом российско-польских отношений по Калининградской области было стремление польской стороны ограничить российское военное присутствие в регионе. В 1990-е гг. Польша неоднократно выражала беспокойство по поводу «чрезмерной», по ее мнению, милитаризации Калининградской области. Поскольку в дальнейшем военная группировка здесь была Россией сокращена в одностороннем порядке, этот вопрос практически исчез с повестки дня российско-польских отношений. Одним из последних «рецидивов» стало требование правительства Польши, высказанное 4 января 2001 г. организовать международную инспекцию военных объектов в Калининградской области, чтобы выяснить, не разместила ли там Россия тайно ядерное оружие[2]. Комментируя это требование, тогдашний польский министр обороны Бронислав Коморовский сообщил польскому телевидению, что «Польша должна контролировать ситуацию в Калининграде на ежедневной основе, и она это делает»[3].

Польша восприняла с точки зрения угрозы своей безопасности и предложения России организовать транзит между основной частью России и Калининградской областью через Белоруссию и Польшу, впервые высказанные в 1993 г., хотя в официальных заявлениях указывались чисто экономические причины отказа от поддержки этой инициативы России. В действительности же польская сторона считала, что автострада в Калининградскую область и идущие параллельно ей линия электропередач и газопровод могут стать, по существу, экстерриториальными и сильно укрепят позиции Калининградской области (и России в целом) в регионе[4].

---

[1] См.: Администрация Калининградской области. Лента новостей. 25.02.2003. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. government. kaliningrad. ru/news. php3?uid=1093

[2] Как известно, сообщения в западных СМИ о размещении российского ядерного оружия на территории Калининградской области не подтвердились.

[3] *Герц Б.* Польша требует инспекции Калининградской области // Washington Times. 2001.5.01. // Иносми. ru. 05.01.2001. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. inosmi. ru/full/140825.html

[4] *Лабэнда М.* С кем споришь, того и любишь // Деловая неделя. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. dn. kz/arch/1999/05_99/peace03.htm

Неадекватно, по нашему мнению, восприняла польская сторона и российские предложения о безвизовом транзите в Калининградскую область, сделанные в 2002 г. (которые, кстати, касались прежде всего Литвы, а не Польши). В очередной раз дело было представлено так, что Россия требует экстерриториальный коридор для транзита людей и грузов из Калининградской области и обратно, хотя в такой плоскости вопрос никогда не ставился. В связи с этим министру иностранных дел РФ И.С. Иванову на пресс-конференции в Варшаве 20 июня 2002 г. пришлось еще раз специально разъяснять, что «ни о каких коридорах речь не идет. Мы говорим о свободном транзите между Калининградской областью и остальной частью Российской Федерации»[1].

В дальнейшем отношения между Россией и Польшей складывались весьма непросто. Налицо факт некоторого охлаждения в двусторонних отношениях, которое началось, как указывают польские СМИ, с реакции России на вмешательство Польши в процессы на Украине (поддержка кандидата в президенты В. Ющенко). Кроме того, Польша болезненно отреагировала на строительство газопровода из России в Германию по дну Балтийского моря[2]. Анализ польских СМИ на данную тему показывает, что страна опасается не только потерять экономические выгоды от транзита российского газа на рынки Западной Европы, но и рычаги влияния на Россию[3].

---

[1] *Стенограмма* выступления министра иностранных дел РФ И.С. Иванова на совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Польши В. Чимошевичем в Варшаве 20.06.2002. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.ln.mid.ru/website/Bl.nsf/arh/358FBADDA36E576C43256BE2002CCA84?OpenDocument.

[2] В ходе рабочего визита в ФРГ 8 сентября 2005 г. Президент РФ В.В. Путин и канцлер Германии Г. Шредер приняли заявление по сотрудничеству в энергетике и присутствовали при подписании руководством ОАО «Газпром» и германских концернов «Е. ОН АГ» и «БАСФ» соглашения по Северо-Европейскому газопроводу (СЕГ). Его строительство планируется начать осенью 2005 г. и завершить в 2010 г. Пропускная способность СЕГ, проложенного по дну Балтийского моря, составит 55 млрд м^3 газа в год, а стоимость сооружения — около 2 млрд евро. Кроме основного направления — Германии — планируются отводы в Калининградскую область, а также Швецию и Финляндию (в перспективе газ будет поступать и в Великобританию, Данию и Голландию).

[3] См.: *Над головой* Польши // Polonia. 9.09.2005. Иносми. ру. 9.09.2005. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://inosmi. ru/translation/222123.html.

Не менее болезненной была реакция Польши на приглашение на празднование 750-летия Калининграда в начале июля 2005 г. канцлера Германии Г. Шредера и президента Франции Ж. Ширака и неприглашение президентов Польши и Литвы А. Квасьневского и В. Адамкуса. Официальные представители Польши и Литвы, а также аналитики и журналисты из других стран увидели в этом подтверждение того, что между Россией и наиболее сильными членами ЕС сложились настолько тесные отношения, что они наносят ущерб отношениям и России, и Германии с «новой Европой» (то есть новыми членами ЕС), хотя именно из Польши и Литвы в Калининградскую область «идет основной поток инвестиций»[1].

Что касается *экономического сотрудничества*, то пик интереса Польши к Калининградской области пришелся на середину 1990-х гг. Тогда польские предприниматели надеялись, что область послужит для их товаров и услуг своеобразным «мостом» на обширный российский рынок. Но нестабильность режима СЭЗ/ОЭЗ в Калининградской области и дефолт 1998 г. резко ослабили интерес к региону. К тому же Польша, ставшая ассоциированным членом ЕС и начавшая в 1998 г. переговоры о полноправном членстве в Евросоюзе, все в большей степени начала ориентироваться на рынок ЕС. Сыграло свою негативную роль и общее охлаждение российско-польских отношений со второй половины 1990-х гг. В результате сейчас польский бизнес в основном рассматривает Калининградскую область как рынок сбыта и не спешит создавать здесь совместные производства, ориентированные на общероссийский рынок.

Большинство из примерно 550 зарегистрированных в области предприятий с участием польского капитала ныне занимаются торгово-закупочной деятельностью. Это не очень перспективно, поскольку емкость местного рынка невелика. Но область исполь-

[1] См., например: *Dempsey J.* Russian enclave lands in diplomatic donnybrook // The International Herald Tribune. 1.07.2005. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. iht. com/articles/2005/06/30/news/enclave. php; *Де Шикофф И.* Владимир Путин держит «новую Европу» в стороне от калининградских торжеств // Le Figaro. 3.07.2005. Иносми. ру. 4.07.2005. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://inosmi. ru/translation/220723.html; *Прибалтийское* брожение // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 3.07.2005. Иносми. ру. 04.07.2005. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://inosmi. ru/ translation/220705.html.

зуется Польшей и Россией как связующее звено между двумя рынками (польским и общероссийским). По некоторым данным, через Калининградскую область проходит примерно 15 % польского экспорта в Россию и примерно такое же количество ввозимых в Польшу российских товаров.

Кроме того, существенную заинтересованность в экономических связях с Калининградской областью проявляют северо-восточные воеводства Польши, остро нуждающиеся в создании дополнительных рабочих мест[1]. Двадцать второго мая 1992 г. правительства Российской Федерации и Республики Польша заключили Соглашение о сотрудничестве Калининградской области Российской Федерации и северо-восточных воеводств Республики Польша. В 2001—2002 гг. были заключены двусторонние соглашения о сотрудничестве между Калининградской областью и Варминьско-Мазурским и Поморским воеводствами. Однако многие совместные проекты, к сожалению, так и осталась на бумаге (за исключением, пожалуй, обустройства приграничной инфраструктуры). Приграничная торговля все еще в значительной степени носит характер нецивилизованного «челночного бизнеса»[2] или сводится к поставкам в Калининградскую область потребительских товаров и продуктов питания, произведенных в северо-восточных воеводствах. А Калининградская область поставляет в Польшу преимущественно сырье и полуфабрикаты. Калининградский экспорт в Польшу в январе-сентябре 2005 г. был почти в 9 раз ниже, чем импорт из Польши. То есть торговля не является сбалансированной ни по объемам, ни по структуре.

В отношениях Литовской Республики и Калининградской области РФ на первом плане находятся вопросы *экономики* и *транзита*.

Литва, в отличие от Польши, заинтересована в строительстве в Калининградской области предприятий, производящих для продажи на общероссийском рынке продукцию, замещающую более

[1] Официальный уровень безработицы в граничащем с Калининградской областью Варминьско-Мазурском воеводстве составляет около 29%.

[2] Включающего, помимо прочего, контрабанду подакцизных товаров (спиртного, сигарет, бензина), а также янтаря. Правда, после вступления Польши в ЕС его масштабы начали снижаться.

дорогой западноевропейский импорт. В Калининградской области зарегистрировано более 570 предприятий с полным или частичным участием литовского капитала.

Кроме того, Литовская Республика, как и Польша, заинтересована в Калининградской области как в рынке сбыта для своих товаров и услуг. Но в силу меньших масштабов литовской экономики роль Калининградской области во внешнеэкономических связях Литвы существенно выше, чем у Польши (до 30 % всего литовского экспорта в Российскую Федерацию).

Отношения регионов Литвы с Калининградской областью основаны на Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Литовской Республики о долгосрочном сотрудничестве Калининградской области Российской Федерации и регионов Литовской Республики, подписанном 29 июня 1999 г. Кроме того, в 1991—1997 гг. были заключены двусторонние соглашения о сотрудничестве Калининградской области с пятью литовскими уездами (Клайпедским, Паневежским, Каунасским, Мариямапльским и Таурагским). Как и в случае с Польшей, они охватывают широкий круг вопросов — от агропромышленного комплекса до культуры — но реализация этих договоров, к сожалению, далека от идеала. На российско-литовской границе в Калининградской области, как и на российско-польской, распространена мелкая «челночная» торговля со всеми сопутствующими ей проблемами (контрабанда, неуплата налогов и т. д.). Импорт из Литвы в Калининградскую область по некоторым годам (например, 1997 г.) превышал экспорт из области в эту страну примерно в 5,5 раза (сейчас меньше — в 3,5 раза). Диспропорции в структуре торговли те же, что и в торговле с Польшей: в экспорте Калининградской области преобладает сырье и полуфабрикаты, в импорте — потребительские товары и продукты питания.

Литва заинтересована в том, чтобы ее вступление в Евросоюз не ограничило грузовые потоки из России (как в направлении Клайпедского порта, так и в направлении калининградских портов). Поскольку Россия пошла на предоставление льготных железнодорожных тарифов по своей территории для литовских грузов, Литва способна стать крупной транспортной развязкой, соединяющей Западную Европу через Россию с бурно растущими рынками Востока. В реальности же транзит после присоединения

Литвы к ЕС стал сложнее и дороже. Но решить существующие проблемы можно только в рамках отношений Россия — ЕС. Оптимальным было бы заключение по этому вопросу специального договора, для чего важна благоприятная позиция Литвы.

В то же время, судя по резолюции Сейма Литовской Республики «О сотрудничестве с Калининградской областью Российской Федерации» (10 сентября 2004 г.), существенного упрощения нынешнего порядка транзита ожидать не приходится. В резолюции указано, что Сейм категорически отклоняет любые усилия по созданию коридора для транзита лиц и товаров между Калининградской областью и остальной частью России через территорию Европейского союза[1]. Литовские парламентарии также не согласны с озвученными Россией в июне 2004 г. предложениями относительно безвизового проезда.

В Литве шире, чем в Польше, представлены организации, группы и отдельные лица, выступающие за изменение статуса Калининградской области, вплоть до превращения ее в отдельное государство или включение в состав Литвы[2]. Малая, или Прусская, Литва рассматривается ими как часть всей Литвы, которая была только временно отдана под управление бывшего СССР[3].

Справедливости ради надо признать, что и в России отдельные политики (например, бывший кандидат в губернаторы Калининградской области В. Сыроватко, депутат Государственной думы РФ В. Алкснис и др.) несколько лет назад оспаривали литовскую принадлежность Клайпедского и Вильнюсского краев, предлагали Российской Федерации предъявить юридические претензии на эти территории. Однако после ратификации 21 мая

[1] Подробнее см.: *Комментарий* Департамента информации и печати МИД России в связи с вопросом российских СМИ относительно резолюции Сейма Литовской Республики о сотрудничестве с Калининградской областью Российской Федерации. 1965-15-09-2004. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.ln. mid. ru/ns-reuro. nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/432569d80022027ec3256f1000390eca?OpenDocument

[2] См., например: *Литва* хочет Калининградскую область // Росбалт. 9.04.2003. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. rosbalt. ru/2003/04/09/93015.html.

[3] На официальном уровне Литовская Республика, как и Польша, неизменно признавали и признают принадлежность Калининградской области Российской Федерации.

2003 г. Государственной думой Федерального собрания РФ Договоров между Российской Федерацией и Литовской Республикой о российско-литовской государственной границе и о разграничении исключительной экономической зоны и континентального шельфа в Балтийском море подобные высказывания с российской стороны практически сошли на нет.

В вопросах безопасности главным остается вопрос о военном транзите из Калининградской области в основную часть России и обратно. Долгосрочное соглашение по нему так и не заключено, и транзит осуществляется на основе ежегодно возобновляемых соглашений.

Отношения между Россией и Литвой ухудшились в середине 2005 г. Как уже отмечалось, Литва, как и Польша, крайне болезненно восприняла то, что на торжества по случаю 750-летнего юбилея Калининграда не были приглашены первые лица этих государств. Президент Литвы В. Адамкус объявил выговор министру сельского хозяйства К. Прунскене, которая все-таки приехала в Калининград по личному приглашению губернатора Калининградской области В.Г. Егорова (хотя эта поездка состоялась с письменного согласия премьер-министра А. Бразаускаса). Глава МИДа Литвы А. Валенис назвал участие министра Прунскене в торжествах по случаю 750-летия со дня основания Калининграда «оскорблением чести государства»[1].

Еще больше осложнились двусторонние отношения после того, как 15 сентября 2005 г. на территории Литвы (в 50 км от Каунаса) вследствие отказа системы навигации и выработки горючего потерпел катастрофу летевший в Калининградскую область российский истребитель Су-27. Катапультировавшийся пилот майор В. Троянов был задержан полицейскими (до окончания расследования). Официальные лица Литвы первоначально обвинили российскую сторону в сознательном нарушении воздушного пространства республики, ставили вопросы о нахождении на борту самолета радиоактивных веществ, отказывались допускать российских экспертов к месту катастрофы и возвращать пилота и

[1] *Президент* Литвы «разнес» министра Прунскене за поездку на торжества в Калининград // Известия. ru [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://news.izvestia. ru/politic/news96757

обломки самолета России. В данной связи министр обороны Литвы Г. Киркилас заявил 22 сентября на встрече с журналистами в Сейме (после участия в правительственном часе), что Калининградская область должна быть демилитаризована, и это нужно самой России: «Даже сами русские говорят, что все могло случиться из-за того, что для полета в Калининград — очень маленький коридор. У меня возникает вопрос: зачем этот маленький коридор? Калининград окружен дружественными государствами, которые входят в состав НАТО и ЕС, вражеских государств вокруг него нет… Демилитаризация Калининградской области, в первую очередь, в интересах калининградцев»[1].

Ситуация, сложившаяся после падения российского истребителя на территории Литвы, заставила Литву и Россию принять меры к недопущению нарастания напряженности. Министры иностранных дел Литвы объяснений, почему над Балтийским морем российские военные самолеты летают с вооружением[2].

Тон последующих заявлений руководителей Литвы был более спокойным (больше Россию не обвиняли в злонамеренности). Кроме того, 23 сентября 2005 г. министры иностранных дел Литвы и России А. Валенис и России С.В. Лавров 23 сентября 2005 г. обсудили сложившуюся ситуацию. Была достигнута договоренность о проведении в ближайшее время заседания Межправительственной комиссии Литвы и России (она в итоге состоялась в Паланге 10—12 ноября 2005 г.). Кроме того, министр Валенис отметил важность работ по подготовке договора между Россией и ЕС о визовом режиме (он, в частности, признал, что отмена бесплатных виз для жителей Литвы и Калининградской области может иметь негативные последствия для развития отношений двух стран)[3]. В итоге инцидент с истребителем был урегулирован; 6 ок-

[1] *Министр* обороны Литвы: Калининградская область должна быть демилитаризована. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. regnum. ru/news/516990.html.

[2] *Гедиминас Киркилас:* России придется объяснить, почему над Балтийским морем летают самолеты с оружием. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. regnum. ru/news/517065.html.

[3] *МИД* Литвы и МИД России обсудили двусторонние отношения после падения российского истребителя. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www. regnum. ru/news/517831.html.

тября 2005 г. летчик майор В. Троянов был возвращен в Россию, а к 15 ноября Россия получила и все обломки Су-27. Россия, в свою очередь, 10 ноября возместила Литве ущерб, сумма которого составила 19 тыс. евро.

Приведенный выше краткий анализ показывает важность для Калининградской области международных договоренностей на различных уровнях: Россия — ЕС, Россия — конкретные государства, прежде всего непосредственные соседи области — Польша и Литва, а также другие страны Балтийского бассейна. Следующий уровень — отношения между регионами, являющимися частями этих государств, и Калининградской областью. Наконец, определенное значение имеют и контакты между городами и районами области, с одной стороны, и муниципалитетами соседних стран — с другой. На каждом из уровней решаются свои проблемы, осуществляются взаимовыгодные проекты, способствующие реализации стратегий развития каждого из партнеров.

Международное измерение проблем Калининградской области

Сотрудничество России и ЕС в Калининградской области начинается не на пустом месте. Режим сначала свободной, затем Особой экономической зоны, по сути, уже превратил область в экспериментальную площадку международного сотрудничества, где отрабатываются новые интеграционные механизмы. Такую же роль играет развитие различных пространственных форм приграничного сотрудничества. В области создано более 3 тыс. предприятий с участием иностранного капитала, что способствует развитию внешнеэкономической деятельности. Реализуются многочисленные международные проекты, содействующие развитию производственной и социальной инфраструктуры, необходимой для привлечения инвестиций. В последние годы расширилось приграничное сотрудничество с Польшей и Литвой, недавно вступившими в ЕС, в том числе через еврорегионы «Балтика», «Неман», «Сауле», «Шешупе», «Лына-Лава». Вновь активизировались контакты с Германией; область стала участвовать в проектах межрегиональной балтийской кооперации, в т. ч. в рамках «Северного измерения» ЕС.

В вопросах экономического сотрудничества по Калининграду подходы России и ЕС совпадают в двух главных позициях: нельзя допустить экономической изоляции области; потенциал региона создает многообещающие возможности для сотрудничества между Россией и ЕС. В дополнение к этому Россия рассматривает Калининградскую область как свою Особую экономическую зону, в условиях которой упрощены многие общероссийские правовые (таможенные, налоговые, регистрационные и проч.) процедуры, что объективно сделает область более привлекательной для иностранных и отечественных инвесторов. Здесь могут апробироваться новейшие экономические идеи и технологии или хорошо забытые старые (типа иностранных концессий). В частности, именно в Калининградской области могут, например, быть отработаны правила ВТО, в которую через некоторое время вступит Россия.

Конечно, емкость внутреннего калининградского рынка не дает оснований говорить о нем как о существенном факторе для экономики всей России. Калининградская область развивается сейчас как транзитный узел и место для сборочных предприятий, работающих на импортозамещение в России. Определенное значение имеет и экспортное производство, у которого также благоприятные перспективы.

Для иностранных инвесторов (прежде всего, из ЕС) Калининградская область может представлять интерес не столько в плане организации экспортно-ориентированных производств, сколько как удобно расположенный регион, позволяющий получить доступ на обширный российский рынок. При этом речь может идти и об организации совместных предприятий на базе уже действующих, и о сооружении новых. С учетом высвобождения рабочей силы в ходе реструктуризации хозяйства и достаточно высокой ее квалификации при относительной дешевизне новые предприятия могут быть вполне обеспечены местными кадрами.

Тем не менее достигнутый уровень кооперации не исчерпывает того огромного потенциала для международного сотрудничества, который предоставляет Калининградская область. Необходимо комплексное урегулирование проблем региона в связи с расширением ЕС, которое не может носить одностороннего характера, быть исключительно «российским» или «европейским».

Оно предполагает гармонизацию трех групп интересов: российских внутренних (федеральных и региональных) и внешних (интересов ЕС и особенно стран Балтийского моря). Это, в свою очередь, означает, что развитие области, ее региональные интересы должны быть органически встроены в федеральную (российскую) экономическую стратегию развития, а через нее увязаны со стратегией Евросоюза. Причем обе эти стратегии (и российская, и ЕС) должны быть внятно изложены и скоординированы между собой.

Основные причины сохраняющейся конфликтности ситуации, сложившейся вокруг Калининградской области РФ, на наш взгляд, кроются прежде всего в том, что обе стороны (Россию и ЕС) беспокоят *разные* проблемы, связанные с будущим области в условиях расширения Евросоюза на восток.

Российскую Федерацию тревожит то, как сможет существовать российский регион, ставший анклавом внутри политического, правового, экономического пространства с другими «правилами игры». Возникают закономерные опасения, что это приведет к ослаблению связей области с основной частью России и ее более или менее быстрому «дрейфу на Запад». Именно поэтому в принятых федеральных документах по Калининградской области основной акцент делается на то, что нужно «обеспечить необходимые внешние условия ее (Калининградской области) жизнедеятельности и развития ее как неотъемлемой части Российской Федерации…»[1]. Средством создания этих условий видится превращение области в активного участника трансграничного и регионального сотрудничества, в российский регион сотрудничества с Европейским союзом в XXI в.[2]

Позиция России выглядит вполне логичной, хотя и не лишенной недостатков. Таких главных недостатков, как представляется, два.

Во-первых, проблема жизнеобеспечения Калининградской области и ее возможного ослабления связи с Россией иногда ста-

[1] *Стратегия* развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000—2010 годы) … С. 293.

[2] См.: *Там же*. С. 293—294; *Концепция* Федеральной социально-экономической политики в отношении Калининградской области// Кузнецова О.В., Мау В.В. Калининградская область: от «непотопляемого» авианосца к «непотопляемому сборочному цеху». — М., 2002.

вится в таком ключе, как если бы мы подозревали ЕС и соседей области в сознательных действиях в этом направлении. Но на самом деле главная опасность заключается в том, что связи области с Россией могут ослабнуть *независимо* от действительных намерений ЕС, просто как побочный результат последствий процесса расширения, осуществляемого без учета жизненных интересов России. И на это надо четко указать нашим партнерам.

Во-вторых, к сожалению, на федеральном уровне до сих пор все еще не наполнена конкретным содержанием идея «региона сотрудничества», которая выглядит пока больше как пропагандистский лозунг. Наработки калининградских ученых и политиков, сделанные в этом направлении, похоже, все еще недостаточно учитываются в Москве. В связи с этим представляется необходимым разработать (с учетом уже сделанного) новую федеральную концепцию развития Калининградской области как региона сотрудничества России и ЕС и положить эту концепцию в основу будущего соглашения РФ и ЕС по поводу российской Калининградской области.

Что касается *Европейского союза*, то, как уже указывалось, он решает по отношению к Калининградской области прежде всего локальные задачи минимизации так называемых «мягких рисков» безопасности (подлинных или мнимых). Это организованная преступность, нелегальная иммиграция, наркомания, болезни (СПИД и др.), загрязнение окружающей среды. При этом нельзя не отметить, что масштабы реально существующих проблем зачастую непомерно и бездоказательно преувеличиваются.

Руководство ЕС неоднократно заявляло, что ответственность за развитие Калининграда лежит на России и на самом регионе[1]. Это действительно так. Но Евросоюз, в результате своего расширения на восток меняющий внешние условия развития области, должен взять и свою долю ответственности. Причем эта ответственность не должна сводиться к только к выделению денежных средств, значительная (если не бóльшая) часть которых затем возвращается в Европу через зарплаты зарубежным экспертам и

[1] См., например, документ Европейской комиссии «Сотрудничество ЕС и России по Калининграду: 2002 год и далее (23 мая 2002 г.)».

консультантам, поставки оборудования и т. д. Вопрос носит *политический* характер, и он не должен увязнуть в *технических* деталях и сводиться к ним, как подчас делают наши партнеры (взять хотя бы их позицию по пресловутой транзитно-визовой проблеме). Россия должна еще раз максимально конкретно изложить свое видение обеспечения будущего области в конкретном обязывающем документе (соглашении России и ЕС) и предложить нашим партнерам высказаться по каждому из пунктов этого соглашения. В случае отказа от такого обсуждения России, очевидно, придется вносить коррективы в свою европейскую политику.

Тем не менее мы исходим из того, что нынешние политические трудности временны, и все существующие пока проблемы будут решены в комплексе и к обоюдной выгоде. Это станет знаком того, что ЕС действительно считает Россию равноправным партнером и нацелен на дальнейшее развитие более тесного ***со***трудничества. Окончательным признаком такой стратегии Евросоюза могло бы стать согласие на подписание специального договора, касающегося жизнеобеспечения Калининградской области и ее развития как региона взаимного сотрудничества. На наш взгляд не исключено, что аналогичную роль Калининградская область могла бы играть и в отношениях России и Североатлантического альянса (вспомним уже состоявшиеся летом 2004 г. в Калининградской области совместные учения Россия — НАТО «Калининград-2004»).

Калининградская область может играть важную роль и в апробации взаимодействия Россия и ЕС в самых разных сферах деятельности: в разработке концепции «общего европейского экономического пространства», энергодиалоге и диалоге в сфере транспорта, взаимодействии в сфере телекоммуникаций и инженерных технологий.

48. СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК РЕГИОНА КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА*

Для организации эффективного сотрудничества между Россией и Европейского союза в области культуры необходимо исходить из того, что развитие местной культуры может стать эффективным только при том условии, что она будет основываться на прочной российской традиции и включать в себя навыки взаимодействия с окружающей средой, выработанные в ходе многовековой истории народов, живших на этой земле. Это значит, что оптимальной стратегией развития сферы культуры региона становится разумное сочетание, синтез разных культур. Первый компонент этой стратегии — развитие российской культуры, то есть овладение полноценным русским языком, литературой, традиционными российскими способами общения; другой компонент — тщательное изучение европейского культурного наследия, включение региона и страны в целом в современные общеевропейские культурные процессы, а в некоторых случаях инициирование этих процессов. Должны быть сбалансированы обе стратегии — открытие региона европейским тенденциям и в то же время эффективная защита национальной идентичности.

Реализация региональной культурной политики не может не учитывать также тенденции в культурной политике стран Европейского союза. Они состоят в развитии *сетевого сотрудничества* (закреплено в Манифесте европейских культурных сетей, 1991 г.) и активном *использовании* средств *наднациональных* (в том числе европейских) *программ* для обогащения культурной среды в отдельных странах. Вышесказанное предполагает изучение принципов и опыта реструктуризации сферы культуры в переживающих переходный период соседних государствах, поощрение непосредственного культурного сотрудничества между организациями Калининградской области РФ и партнерскими организациями из европейских стран, содействие распространению

* *Клемешев А.П., Кортунов С.В., Брюшинкин В.Н.* и др. Калининградская область России и расширение Европейского союза. Проблемы общеевропейской интеграции: Аналитический доклад. Калининград, 2003.

достижений российской культуры за рубежом, адекватную современным потребностям подготовку кадров, в том числе управленцев сферы культуры.

Таким образом, программа развития Калининградской области как региона культурного сотрудничества между Россией и ЕС должна включать комплекс действий по следующим направлениям.

Совместная исследовательская деятельность:

— проведение совместных исследований, в том числе в области изучения культурных последствий расширения ЕС. Разработка критериев оценки процессов в культурной деятельности региона. Поддержка публикаций, посвященных тематике международного культурного сотрудничества и культурной политики. Основной линией культурной политики региона должна стать ориентация прежде всего *на анализ связей русской и мировой культуры*. Необходимо, чтобы *русская культура изучалась и трактовалась как часть европейской и мировой.* Такое изучение позволило бы сделать русскую культуру близкой жителям иных государств;

— развитие программ изучения русского языка и культуры для жителей стран Балтийского моря;

— развитие программ изучения языков и культур стран Балтийского моря для российских граждан.

Развитие инфраструктуры культурной сферы:

— развитие инфраструктуры в Калининграде и других городах области: создание и развитие современных конференц-центров, выставочных пространств, концертных залов, соответствующих международным техническим стандартам;

— вовлечение культурного сообщества области в сетевое сотрудничество с российскими и зарубежными партнерами как через вступление в уже существующие и хорошо развитые сети, так и путем создания новых сетевых проектов с использованием новых интернет-технологий. В связи с этим необходимы дополнительные усилия по развитию человеческого ресурса, в том числе обновление содержания образования в образовательных учреждениях, занимающихся подготовкой и повышением квалификации работников культуры (владение иностранными языками, современными интернет-технологиями, понимание принципов сетевого сотрудничества);

— создание при участии России и ЕС фондов и специальных программ для поддержки международного культурного сотрудничества на территории региона;

— развитие образовательных, научных и культурных ресурсных центров, обеспечивающих поддержку информационного обмена, обмена опытом в сфере культурного сотрудничества между Россией и ЕС, предоставляющих помощь в поиске партнеров, разработке и реализации совместных инициатив на территории Калининградской области, осуществляющих мониторинг ситуации и разработку рекомендаций органам государственной и местной власти, институтам ЕС. При этом «точками роста» должны стать учреждения, обладающие хорошей материально-технической базой, интенсивными связями с российскими и зарубежными партнерами и, главное, кадрами, имеющими опыт организации международных проектов (такие, например, как Калининградский государственный университет, Калининградская художественная галерея и Музей Мирового океана в Калининграде, Тильзит-театр в Советске, Музей Г. Брахерта в Светлогорске и т. д.).

Активизация культурной жизни:

— выявление программных областей для взаимодействия российских и европейских организаций культуры разных форм собственности. Проведение совместных международных фестивалей, выставок и акций, посвященных европейскому, и в том числе русскому, наследию, современному искусству, общественной жизни, культурным взаимосвязям между Россией и ЕС;

— обеспечение доступа Калининградской области к программам ЕС в сфере образования, науки и культуры. Причем здесь важны не только программы поддержки обменов и совместных проектов, но и программы сохранения культурного наследия, стимулирования местного развития за счет проектов, учитывающих культурную составляющую (например, восстановление и развитие памятников истории в инфраструктуре туризма, развитие культурного туризма, производства, основанного на использовании нематериального культурного наследия);

— развитие специализированных и популярных библиотечных и современных информационных ресурсов, создание телевизионных программ, посвященных различным аспектам общественной (политической, деловой, культурной) жизни в России и ЕС.

49. СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ОТНОШЕНИЙ С СОСЕДЯМИ ПО БАЛТИЙСКОМУ РЕГИОНУ*

В силу геополитического положения Калининградской области особое значение имеют для нее отношения с соседними государствами. В то же время регион как неотъемлемая часть России не является субъектом международного права и строит свои внешние связи в рамках Конституции РФ и российского законодательства. Деятельность областных органов власти в отношениях с зарубежными партнерами координируется федеральным Центром. Область, например, готовит предложения о заключении двусторонних договоров, однако окончательные решения принимаются Федерацией. Так, договоры о сотрудничестве Калининградской области с регионами Польши и Литвы, с регионами и ведомствами Белоруссии подписаны на межправительственном уровне.

Органы государственной власти и муниципальные образования Калининградской области способствуют развитию экономических и культурных связей с зарубежными странами, особенно со странами СНГ и государствами Балтийского региона. В области проводятся Дни культуры Республики Беларусь, Дни литовской культуры, Дни культуры Республики Казахстан, недели многих стран дальнего зарубежья и их регионов. Это помогает жителям и властям разных стран лучше понимать друг друга, решать интересующие их вопросы на принципах взаимопонимания.

Экономические отношения Калининградской области с ***Литовской Республикой*** после распада СССР оказались фактически разорванными. Причиной во многом стало то, что в экономику вмешалась политика. Конфронтационная линия правых политиков прибалтийских стран по отношению к России нередко носила вызывающий характер и не учитывала экономические интересы собственных государств. Они старались подчеркнуть, что перед лицом «российской угрозы» страны Прибалтики нуждаются в срочной интеграции в ЕС и НАТО.

---

* *Клемешев А.П., Костяшов Ю.В., Федоров Г.М.* История западной России: Калининградская область. Учеб. пособие для школьников 10—11 классы. М., 2007.

Хотя официальный Вильнюс никогда не предъявлял территориальных притязаний на Калининградскую область, литовская оппозиция настойчиво поднимала вопрос о ее демилитаризации и «деколонизации». В первой половине 1990-х гг. часть литовских политиков стала пропагандировать идею создания из региона четвертой «Балтийской республики». А так называемые «радикальные правые» заявили, что Калининград — это исконно литовский Каралявичюс, Калининградская область — Малая Литва, колыбель литовской культуры и необходимо присоединить ее к Литве. Такие действия вызывали резкую ответную реакцию со стороны российского Министерства иностранных дел, органов власти области и общественности.

Тем не менее постепенно отношения стали налаживаться. Были открыты пограничные переходы. В 1994 г. в Калининграде начало работать литовское консульство, а в Вильнюсе — представительство Калининградской области. Стали расширяться контакты и проводиться переговоры по экономическим и политическим вопросам.

Развивается деловое сотрудничество между калининградскими и литовскими предпринимателями. В 1995 г. Литва стала для Калининградской области наиболее крупным зарубежным поставщиком товаров, опередив Польшу. На регион сейчас приходится более четверти всего литовского экспорта в Российскую Федерацию. На территории области стали активно создаваться предприятия с литовским капиталом, особенно в сфере строительства, торговли и туризма. Сейчас Литва занимает первое место по числу совместных и иностранных предприятий, созданных в Калининградской области (почти 700).

Большое значение для Калининградской области имеет развитие конструктивных отношений с ***Польшей***. В советский период регион фактически оставался в стороне от экономического взаимодействия между СССР и Польшей. Отношения с польскими соседями сводились к символическим мероприятиям (обмен делегациями, встречи на границе, Дни дружбы), что не могло заменить полноценных экономических и культурных связей.

В начале 1990-х гг. ситуация изменилась. При этом отношения между областью и Польшей стали развиваться даже более динамично, чем российско-польские отношения в целом.

Правовую базу отношений Калининградской области с регионами Республики Польша образуют российско-польский Договор о дружественном и добрососедском сотрудничестве, а также Договор о пограничных переходах и Соглашение о сотрудничестве Калининградской области РФ и северо-восточных воеводств Республики Польша (подписаны в Москве 22 мая 1992 г.). В соответствии с этими документами Правительство Российской Федерации назначило главу администрации Калининградской области уполномоченным по развитию отношений с северо-восточными воеводствами Польши. Аналогичная должность введена в Совете министров Республики Польша.

Открытие во второй половине 1992 г. польского Генерального консульства, первого консульства зарубежной страны в Калининграде, стало выражением взаимной заинтересованности в сотрудничестве.

Хотя в Польше и есть политические круги, не способствующие развитию добрососедства и ставящие под сомнение нынешний статус Калининградской области, они не имеют серьезного политического веса. Значительно более распространено представление о регионе как об «окне» на емкий общероссийский рынок. По числу совместных предприятий (более 600), созданных в области, Польша уступает только Литве. Но большинство предприятий с участием польского капитала занимается торгово-закупочной, а не производственной деятельностью. Калининградская область используется Польшей и Россией как связующее звено между двумя рынками (польским и общероссийским). Через область проходит приблизительно 12 % польского экспорта в Россию и примерно такое же количество ввозимых в Польшу российских товаров.

Германия непосредственно не граничит с Калининградской областью, но российско-германские отношения очень важны для нашего региона. Во-первых, потому что Калининградская область — бывшая немецкая земля, она продолжает оставаться частью немецкой истории, многие немцы родились и жили здесь до войны и испытывают вполне понятную ностальгию по родным местам. Но в то же время нужно четко понимать, что с 1945 г. это — российская территория и останется таковой в будущем. Дискутируемые иногда в средствах массовой информации проблемы

«германизации» Калининградской области не имеют под собой реальных оснований.

Официальный Берлин однозначно считает Калининградскую область частью Российской Федерации. Постоянно отмечается, что границы двух стран окончательно закреплены в договоре «2+4», подписанном 12 сентября 1990 г., и это отвечает собственным интересам Германии. Ведь договор затрагивает и многие другие территории стран Европы, в том числе соседних с областью Польши и Литвы, а также Франции и других государств.

Во-вторых, Германия является одним из важнейших экономических партнеров области (как и Российской Федерации в целом). В регионе работает ряд совместных предприятий с участием немецкого капитала, включая такие известные, как целлюлозно-бумажный завод «Цепрусс» и дорожно-строительная фирма «Россбан». А внешнеторговый оборот области с Германией превосходит суммарный товарооборот с Польшей и Литвой.

После открытия области для иностранцев сюда стали прибывать из Германии так называемые «ностальгические туристы», уроженцы Восточной Пруссии и их потомки. Туризм способствовал контактам между людьми и стал одним из факторов возрождения интереса к истории края и немецкому культурному наследию. Несомненным результатом совместных усилий немецкой и калининградской интеллигенции стало открытие Немецко-Русского дома, установка памятника великому философу И. Канту, открытие мемориальной доски немецкой поэтессы А. Мигель, выход в свет сборника переводов стихов кенигсбергских поэтов, празднование в 1994 г. 450-летия со дня основания Кенигсбергского университета — Альбертины. В тот же период была начата реставрация разрушенного в годы войны Кафедрального собора. Немецкая культура и немецкая история края вышли из-под запрета, становясь частью культурной жизни российской Калининградской области.

Не столь активно развивались отношения с ***Белоруссией***. В 1990-е гг. уменьшились перевозки белорусских грузов через калининградские порты, которым белорусы были вынуждены предпочесть более дешевые услуги портов Клайпеды и Гданьска. Тем не менее контакты предпринимателей и предприятий развивались

(так, АО «Цепрусс» продолжало поставлять целлюлозу на Слонимскую фабрику в Гродненской области, белорусские специалисты строили дорогу в районе пограничного перехода Гусев — Голдап и т. д.). Из Белоруссии в Калининградскую область поступают различные продовольственные и промышленные товары. Создан ряд совместных предприятий с белорусским участием. В Калининграде в 1999 г. открыто отделение посольства Республики Беларусь в Российской Федерации, а в Минске — представительство Калининградской области (в 1997 г.). В октябре 1999 г. подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о долгосрочном сотрудничестве Калининградской области с областями, министерствами, органами государственного управления Республики Беларусь. Действует российско-белорусский Совет по долгосрочному сотрудничеству Калининградской области с областями, министерствами, органами государственного управления Белоруссии. Подписаны соглашения о сотрудничестве региона с Гродненской и Минской областями и рядом министерств Белоруссии.

Но возможности сотрудничества реализуются далеко не в полной мере. Белоруссия могла бы активнее использовать калининградское портовое хозяйство (включая создание своего порта), построить в Калининградской области белорусские заводы и санаторно-курортный комплекс, базировать в регионе белорусский рыболовный флот.

Для развития транспортного сообщения с Белоруссией представляет интерес проект реконструкции автодороги «Калининград — Гусев — Сувалки — Гродно». Но возражает Польша, ссылаясь на экологическую опасность этого маршрута, проходящего через заповедные лесные территории.

В силу географической близости область давно вызывает повышенный интерес ***Северных стран*** (к которым относятся Скандинавские государства — Швеция, Дания, Норвегия, Исландия, а также Финляндия). В регионе работают совместные предприятия со шведским, датским и финским участием. С помощью Дании построен самый крупный в России парк из 21 ветроэнергетической установки вблизи поселка Куликово, а Норвегия поставила оборудование для оснащения малых гидроэлектростанций на реке Лава. Северные страны профинансировали ряд исследова-

тельских и образовательных проектов. Большое значение для будущего стран бассейна Балтийского моря, в том числе Северо-Запада России, является инициированный в 1992 г. шведской стороной долгосрочный проект «Видение и стратегия развития Балтийского региона — 2010» (VASAB-2010), в работе над которым принимают участие эксперты десяти стран (все государства, выходящие на Балтику, и Норвегия).

Все восемь зарубежных стран Балтийского региона сейчас входят в ***Европейский союз (ЕС)***. Поэтому для Калининградской области стало важно развивать отношения не только с соседними, но и с другими государствами Евросоюза, поскольку теперь он определяет многие правила их политического и экономического развития.

Отношения с ЕС важны для всей России. Более половины российского внешнеторгового оборота и свыше трех четвертей накопленных иностранных инвестиций в РФ приходятся на Евросоюз. В результате расширения ЕС на восток в мае 2004 г. помимо Финляндии Россия получила еще четырех соседей-членов ЕС: три государства Прибалтики и Польшу. Это создает больше шансов на успешное экономическое сотрудничество России и Евросоюза. Это и новый шанс для Калининградской области, так как именно она соседствует с двумя новыми членами ЕС — Польшей и Литвой.

На петербургском саммите «Россия — ЕС» в мае 2003 г. было сделано заявление о создании четырех «общих пространств» (в сферах экономики, внутренней безопасности, внешней безопасности, а также науки, образования и культуры). В мае 2005 г. они получили воплощение в виде четырех «дорожных карт», которые представляют собой повестки дня диалогов и практические разработки договоренностей по конкретным направлениям.

В 1994 г. между Российской Федерацией и ЕС было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве сроком на 10 лет, вступившее в силу в 1997 г. Его действие заканчивается 30 ноября 2007 г. Соглашение может быть продлено, либо будет разработан новый документ о стратегическом партнерстве. Для Калининградской области крайне важно, чтобы отношения сотрудничества России с ЕС упрочивались, способствуя решению актуальных проблем ее развития в окружении Евросоюза.

50. КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ В БАЛТИЙСКОЙ КООПЕРАЦИИ*

В 1990-е гг. стала активно развиваться ***кооперация стран Балтийского региона*** в самых разных сферах. Для координации расширяющейся кооперации сформирован ряд межправительственных и межгосударственных организаций и разработаны соответствующие программы. Важнейшей такой организацией является основанный в 1992 г. *Совет государств Балтийского моря* (СГБМ), где на уровне министров иностранных дел представлены все девять государств, омываемых Балтийским морем, а также Норвегия и (с 1995 г.) Исландия. СГБМ раз в два года (до 2003 г. ежегодно) проводит сессии на уровне министров иностранных дел. Юбилейная сессия, приуроченная к десятилетию создания Совета, состоялась в Светлогорске (Калининградская область) в 2002 г.

Под эгидой СГБМ функционирует около 60 различных структур. Среди них можно выделить Экономический форум Балтийского моря («Mare Balticum»), Хельсинскую комиссию по охране морской среды, Конференцию по субрегиональному сотрудничеству, Балтийскую кооперацию по туризму, Союз балтийских городов, Ассоциацию торговых палат, Консультативный совет деловых кругов и др. Советом реализуется программа «Еврофакультет» (подготовка специалистов в области экономики, управления и права). Эта программа с сентября 2000 г. была распространена на Калининградский государственный университет (сейчас — Российский государственный университет им. Иммануила Канта).

Во второй половине 1990-х гг. в Балтийском регионе активизировалась деятельность ЕС в связи со вступлением в него в 1995 г. Швеции и Финляндии, а также подачей официальных зая-

---

* *Клемешев А.П., Федоров Г.М. Зверев Ю.М.* История западной России: Калининградская область: История края1991—2006 годы:Политическое и социально-экономическое развитие региона: Учеб. пособие для учителей общеобразовательных школ. Калининград, 2006.

вок на вступление в эту организацию Польши и Прибалтийских стран. В 1997 г. Финляндия выдвинула инициативу принятия так называемого *Северного измерения* во внешней и приграничной политике ЕС. Эта инициатива охватывает регион Балтийского моря, Арктику и Северо-Запад России (включая Калининградскую область) и нацелена на укрепление международного сотрудничества. В 2000 г. был принят План действий по «Северному измерению» во внешней и приграничной политике Европейского союза на 2000—2003 гг., а в 2003 г. одобрен новый план на 2004—2006 гг.

Важным финансовым инструментам политики ЕС в регионе Балтийского моря является *программа Интеррег* (Interreg). Она полностью или частично охватывает территории 11 государств, включая Россию (действие программы распространяется на ряд регионов Северо-Запада, включая Калининградскую область). В рамках программы реализуется более 100 проектов, и в половине из них принимает участие Российская Федерация. Разработка этих проектов направлена на обоснование рекомендаций по различным направлениям социально-экономического развития и охраны природы в Балтийском регионе и его частях. Например, проект SEB-Trans-Link обосновывает развитие транспортных коридоров в Юго-Восточной Балтике. В проекте COASTMAN речь идет об управлении береговой зоной. Проект RECO посвящен созданию региональных центров по сбору и утилизации отходов. В проекте «Seagull» («Чайка») разрабатывается общая транснациональная программа развития еврорегиона «Балтика».

Еврорегионы относятся к новым пространственным формам международной экономической интеграции. Это территории, на которых на основе договоренности региональных и муниципальных органов власти разных стран осуществляется приграничное сотрудничество. Первый еврорегион был образован в 1958 г. на немецко-голландской границе, а сейчас в Европе насчитывается около 120 еврорегионов. В семи из них участвуют российские регионы, в том числе в пяти — Калининградская область (еврорегионы «Балтика», «Неман», «Лына-Лава», «Шешупе», «Сауле»). Создание еврорегионов помогает налаживанию контактов с соседями и способствует развитию приграничного сотрудничества российских регионов с регионами других стран.

50 ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПРОФЕССОРА А.П. КЛЕМЕШЕВА

1. *Клемешев А., Самсон И., Слободской А.* Население и социальнгые группы Калнинградской области в условиях кризиса // Калининградская область: Диагностика кризиса / Под ред. И. Самсона / Изд-во Калинингр. ун-та. — Калининград, 1998. — С. 293—314.

2. *Клемешев А., Люейер П., Федоров Г.* Управление региональным развитием. — Калининград: ГП «КГТ», 1999. — 244 с.

3. *Клемешев А.* и др. Образовательные и культурные требования к долгосрочному развитию // Калининградский регион 2010: потенциал, концепции и перспективы / Под ред. И. Самсона. — Гренобль: Университет Пьера Мендеса Франса, 2000. — С. 287—343.

4. *Клемешев А.П.* О необходимости теоретического обоснования стратегии регионального развития // Регион сотрудничества. Вып. 7: К разработке теории региона сотрудничества. — Калининград: Изд-во КГУ, 2001. — С. 4—7.

5. *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Янтарное производство: первичный, вторичный или третичный сектор экономики?// Регион сотрудничества. Вып. 8. Янтарь / Калининград: Изд-во КГУ, 2001. — С. 28—33.

6. *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Калининградский социум // Регион сотрудничества. — Вып. 15. — 2001. — 37 с.

7. *Клемешев А.П.* Образование как фактор формирования социума // Калининградский социум в европейском измерении: Сб. науч. тр. / Под ред. А.П. Клемешева. — Калининград: Изд-во КГУ, 2002. — С. 163—191.

8. *Клемешев А.П., Зверев Ю.М.* Об использовании зарубежного опыта в решении проблем развития Калининградского эксклава // Регион сотрудничества. Вып. 3 (21). — Калининград: Изд-во КГУ, 2003. — С. 23—35.

9. *Клемешев А.П., Козлов С.Д., Федоров Г.М.* Остров сотрудничества: Монография. — Калининград: Изд-во КГУ, 2002. — 326 с.

10. *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Перспективы формирования и развития калининградского социума // Калининградский социум в европейском измерении: Сб. науч. тр. / Под ред. А.П. Клемешева. — Калининград: Изд-во КГУ, 2002. — С. 4—40.

11. *Клемешев А.П., Козлов С.Д., Федоров Г.М.* Особая территория России. Монография. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. — 360 с.

12. *Клемешев А.П.* и др. Калининградская область России и расширение Европейского союза. Проблемы общеевропейской интеграции». Аналитический доклад. — Калининград: Изд-во КГУ, 2003. — 60 с.

13. *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Возможные пути трансформации статуса Калининградской области // Регион сотрудничества. Вып. 3 (21). — Калининград: Изд-во КГУ, 2003. — С. 11—16.

14. *Клемешев А.П.* и др. Калининградский социум: проблемы консолидации и стратификации // Регион сотрудничества. Вып. 2 (20) / Под общ. ред. А.П. Клемешева. — Калининград: Изд-во КГУ, 2003. — 33 с.

15. *Клемешев А.П.* Возможные пути решения принципиальных проблем жизнеобеспечения и развития Калининградской области // Регион сотрудничества. Вып. 3 (28): Согласование интересов в стратегии развития Калининградской области как региона сотрудничества / Под общ. ред. А.П. Клемешева. — Калининград: Изд-во КГУ, 2004. — С. 5—17.

16. *Клемешев А.П.* Высшее образование Калининградской области в условиях эксклавности // Регион сотрудничества. Вып. 13 (38): Сфера образования в России и Европе в контексте глобализации / Под ред. А.П. Клемешева. — Калининград: Изд-во КГУ, 2004. — С. 5—15.

17. *Клемешев А.П.* Конфликтогенность эксклава на Балтике: историко-политические аспекты // Регион сотрудничества. Вып. 14 (39): Глобализация и регионализация: теория и проблемы калининградского эксклава / Под общ. ред. А.П. Клемешева. — Калининград: Изд-во КГУ, 2004. — С. 5—16.

18. *Клемешев А.П.* Регион, регионализм и регионализация // Регион сотрудничества. Вып. 17 (42): Регион в условиях глобализации / Под ред. А.П. Клемешева. — Калининград: Изд-во КГУ, 2004. — С. 5—15.

19. *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* От изолированного эксклава — к «коридору развития». Альтернативы российского эксклава на Балтике. Монография. — Калининград: Изд-во КГУ, 2004. — 253 с.

20. *Клемешев А.П.* и др. Концепции развития Калининградской области в условиях российско-европейского взаимодействия на Балтике: Аналитический доклад // Регион сотрудничества. Вып. 8 (33) / Под ред. А.П. Клемешева. — Калининград: Изд-во КГУ, 2004. — 95 с.

21. *Клемешев А.П.* Регион в условиях глобализации: Монография. — Калининград: Изд-во КГУ, 2004. — 290 с.

22. *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* О путях обеспечения устойчивого развития Калининградской области // Регион сотрудничества. Вып. 1 (26) / Под общ. ред. А.П. Клемешева. — Калининград: Изд-во КГУ, 2004. — С. 5—21.

23. *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* О совершенствовании управления экономическим развитием Калининградской области // Вестник Калининградского государственного университета. Сер. Регионоведение. Вып. 6. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. — С. 6—16.

24. *Гареев Т.Р., Зверев Ю.М., Клемешев А.П.* Глобализация и (не)однородность мирового пространства // Регион сотрудничества. Вып. 14 (39): Глобализация и регионализация: теория и проблемы калининградского эксклава / Под общ. ред. А.П. Клемешева. — Калининград: Изд-во КГУ, 2004. — С. 33—44.

25. *Зверев Ю.М., Клемешев А.П.* Проблемы анклавных территорий // Регион сотрудничества. Вып. 14 (39): Глобализация и регионализация: теория и проблемы калининградского эксклава / Под общ. ред. А.П. Клемешева. — Калининград: Изд-во КГУ, 2004. — С. 25—32.

26. *Клемешев А.П.* Глобализация, регионализация и проблемы эксклавов: Учебное пособие. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. — 138 с.

27. *Клемешев А.П.* Калининградская область в российско-европейском диалоге // Космополис. — 2005. — № 3 (13). — С. 57—72.

28. *Клемешев А.П.* Об институциализации калининградской проблематики // Регион сотрудничества. Вып. 2 (45) / Под общ. ред. А.П. Клемешева. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. — С. 5—16.

29. *Клемешев А.П.* Проблема эксклавности в условиях глобализации (на примере Калининградской области): Дис. … д-ра полит. наук. — М., 2005. — 330 с.

30. *Клемешев А.П.* Проблема эксклавности в условиях глобализации. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. — 145 с.

31. *Клемешев А.П.* Регион в условиях глобализации // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. — 2005. — № 2. — С. 22—38.

32. *Клемешев А.П.* Российский эксклав: преодоление конфликтогенности. — СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. — 264 с.

33. *Клемешев А.П.* Российский эксклав в условиях глобализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Вып. 3. Сер. 7. География, геология. 2005. — С. 142—145.

34. *Клемешев А.П.* Трансформация эксклавности в условиях политической глобализации // Полис: Полит. исслед. — 2005. — № 4. — С. 143—158.

35. *Клемешев А.П.* Эксклавность как фактор развития Калининградской области // Вестник Российского государственного университета имени Иммануила Канта. Вып. 3. Сер. Гуманитарные науки. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. — С. 34—41.

36. *Клемешев А.П.* и др. Проблема сепаратизма в условиях анклавных территорий / Под ред. А.Ю. Мельвиля, А.П. Клемешева // Регион сотрудничества. Вып. 3 (46). — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. — 95 с.

37. *Клемешев А.П.* и др. Стратегия развития Калининградской области: взгляд экспертов // Космополис. — 2005. — № 3 (13).— С.182—187.

38. *Клемешев А.* и др. Стратегия развития Калининградской области в условиях расширения ЕС // Расширение Европейского союза и Россия / Под ред. О.В. Буториной, Ю.А. Борко. — М.: Издательский дом «Деловая литература», 2005. — С. 340—364.

39. *Клемешев А.П., Зверев Ю.М.* Международное сотрудничество российских регионов и место в нем Калининградской области // Регион сотрудничества. Вып. 1 (48) / Под общ. ред. А.П. Клемешева. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. — С. 5—16.

40. *Клемешев А.П., Федоров Г.М.* Роль Калининградской области в российско-европейском экономическом сотрудничестве на Балтике // Россия и Европейский союз: прошлое, настоящее, будущее. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. — С. 71—90.

41. *Клемешев А.П., Федоров Г.М., Зверев Ю.М.* История западной России. Калининградская область: История края. 1991—2006 годы: Политическое и социально-экономическое развитие

региона: Учеб. пособие для учителей общеобразовательных школ. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. — 120 с.

42. *Клемешев А.П.* и др. Россия и Европейский союз: прошлое, настоящее, будущее: Учебное пособие. — Калининград: РГУ им. И. Канта, 2006. — 168 с.

43. *Клемешев А.П.* и др. Российский эксклав в балтийском экономическом пространстве // Балтийский регион как полюс экономической интеграции Российской Федерации и Европейского союза / Под ред. В.П. Гутника, А.П. Клемешева. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. — 392 с.

44. *Клемешев А.П.* и др. Стратегии развития Калининградской области. Под ред. А.П. Клемешева, В.А. Мау. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007.

45. *Клемешев А.П., Костяшов Ю.В., Федоров Г.М.* История западной России: Калининградская область: Учебное пособие для школьников. 10—11 классы / Под ред. А.П. Клемешева. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. — 352 с.

46. *Kaliningrad* region of Russia and the EU enlargement. Issues of the PAN European integration. Analytic report / Ed. by A.P. Klemeshev and A.V. Kortunov. Kaliningrad: Kaliningrad State University Publishing House, 2003. — 48 p.

47. *Klemeshev A.P., Fedorov G.M.* From an isolated exclave to a "development corridor": Alternative development strategies of the Russian exclave on the Baltic Sea. — Kaliningrad: Immanuel Kant State University Press, 2005. — 194 p.

48. *Klemeshev A., Fedorov G.* Regional Strategy for Kaliningrad // Russia and the European Union: Prospects for a New Relationship / Ed.: O. Antonenko, K. Pinnick. — London and New York: Routledge, 2005. — P. 243—252.

49. *Klemeshev A., Kozlov S., Fedorov G.* The special region of Russia. Kaliningrad: Kaliningrad State University Publishing House, 2004. — 285 p.

50. *Klemeshev A.* and others. European Union and Russia: past, present and future. — Kaliningrad: I. Kant State University of Russia Press, 2006. — 144 p.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Эксклав в условиях глобализации

1. Актуальность исследований эксклавности в контексте глобализации 13
2. Эксклавы и современная международная система 14
3. Роль глобализации и регионализации в развитии эксклавов 16
4. Типология эксклавов 22
5. Российский эксклав в условиях глобализации 30
6. Проблемы эксклавности 34
7. Свободные (особые) зоны и анклавность территории 39
8. Эксклавность и глобализация 43
9. Эксклавность в условиях глобализации 46
10. Глобализация и регионализация 52
11. Понятие региона 67
12. Регионализм и регионализация 76
13. Регион в контексте глобализации 79
14. Конфликт и конфликтогенность 83
15. Конфликтогенность анклавов (эксклавов) 91
16. Анклавные территории как объекты конфликтов 93
17. Особая экономическая зона в Калининградской области в категориях конфликтологии 113
18. Мировой опыт функционирования эксклавов 122
19. Глобализация и регионализм как факторы преодоления конфликтогенности эксклавов 127

Региональная стратегия

20. О необходимости теоретического обоснования стратегии регионального развития 133
21. Влияние эксклавного положения на стратегию развития области 137
22. О совершенствовании управления экономическим развитием Калининградской области 141
23. Оценка ситуации в регионе различными исследовательскими группами 149
24. Некоторые аспекты развития Калининградской области 156
25. Региональная политика и региональное развитие 160
26. Социальные приоритеты региональной стратегии 162

27. Дифференциация социально-экономической политики в интересах различных социальных слоев населения 166
28. Калининградская область - эксклавный «коридор развития» 176
29. Оценка ситуации в регионе 185
30. Янтарное производство: первичный, вторичный или третичный сектор экономики? 190

Формирование социума

31. Некоторые социоповеденческие особенности населения Калининградской области 199
32. Социальные группы и факторы 209
33. Образовательные и культурные требования к долгосрочному развитию 215
34. Эксклавность и самоидентификация населения области 221
35. Социальные приоритеты региональной стратегии 224
36. Социальная стратификация калининградского социума 228
37. Актуальные проблемы формирования калининградского социума 231
38. Актуальность изучения социальной проблематики в Калининградской области 238
39. Изучение калининградского социума 242
40. Социальная дифференциация и удовлетворенность жизнью 252
41. Социальная дифференциация 255
42. Калининградская региональная субкультура и проблемы сепаратизма 259
43. Актуальность исследований региональной системы образования 270
44. Мнения населения о необходимости повышения уровня образования и профессиональной квалификации 274
45. Пути совершенствования региональной системы образования 283

Калининградская область в отношениях России и ЕС

46. Калининградская область в российско-европейском диалоге 297
47. Международные отношения и региональная стратегия 310
48. Стратегия развития Калининградской области как региона культурного сотрудничества 336
49. Становление новых отношений с соседями по Балтийскому региону 339
50. Калининградская область в балтийской кооперации 345
50 избранных публикаций профессора А.П. Клемешева 347

Научное издание

Андрей Павлович Клемешев

ЭКСКЛАВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Избранные публикации

Редакторы Н.Н. Мартынюк, Л.Г. Ванцева
Корректоры Н.Н. Генина, Е.В. Владимирова
Оригинал-макет подготовлен Л.В. Семеновой

Подписано в печать 18.06.2007 г.
Бумага для множительных аппаратов. Формат 60 × 90 1/16.
Гарнитура «Таймс». Ризограф. Усл. печ. л. 22,1. Уч.-изд. л. 17,6.
Тираж 500 экз. Заказ 9036.

Отпечатано ОКО «Калининградская городская типография»
236000, г. Калининград, пр. Мира, 5